

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ (1918 г. – НАЧАЛО XXI в.)

ВИТЕБСК
2019

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»
Государственное научное учреждение
«Институт истории Национальной академии наук Беларуси»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт всеобщей истории Российской академии наук»
Центр по изучению войн и геополитики

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ (1918 г. – начало XXI в.)

*Материалы IV Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 23–24 мая 2019 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2019*

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73
А43

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 27.02.2019 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Косов (гл. ред.),
В.В. Данилович, А.Н. Дулов, В.А. Космач,
И.В. Николаева, А.П. Соловьянов, Д.В. Суржик

Рецензенты:

заведующий кафедрой истории нового и новейшего времени БГУ,
доктор исторических наук, профессор *В.С. Кошелев*; ведущий научный
сотрудник Научно-исследовательского Центра (фундаментальных
военно-исторических проблем) Военного университета МО РФ, доктор
политических наук, профессор *С.Я. Лавренов*; доцент кафедры социально-
правовых и гуманитарных дисциплин Государственного университета
по землеустройству, доктор исторических наук, доцент *Ф.Л. Синицын*

Актуальные проблемы международных отношений и дипло-
А43 мации (1918 г. – начало XXI в.) : материалы IV Международной на-
учно-практической конференции, Витебск, 23–24 мая 2019 г. / Витеб.
гос. ун-т ; редкол.: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ име-
ни П.М. Машерова, 2019. – 282 с.
ISBN 978-985-517-705-1.

В научном издании содержатся материалы докладов, посвященные актуальным проблемам международных отношений и дипломатии новейшего периода всемирной истории. Сборник может быть полезен исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам, а также всем, кто интересуется историей и современным состоянием международных отношений и дипломатии.

УДК 327(075.8)
ББК 66.4я73

ISBN 978-985-517-705-1

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
-------------------	---

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Циватый В. Г.</i> Ментальные и смысловые интерпретации концептов «война» и «мир» в теории дипломатии и практике международных отношений Раннего Нового и Нового времени: ретроспективный и институциональный дискурсы	9
<i>Иволина О. И.</i> Назад к Канту, или какой правопорядок нужен миру? Предварительные итоги дискуссий о природе нормативной системы международных отношений	13
<i>Синдеев А. А.</i> Системообразующие процессы европейской безопасности	17
<i>Семёнова Л. Н.</i> Крым в геополитическом противостоянии западной и русской систем	21
<i>Бобина О. В.</i> Революционные конфликты и кризисы в XX – начале XXI в. и их влияние на систему международных отношений: случай Украины	25
<i>Погорская И. И.</i> Концептуальное измерение стратегической культуры: взаимосвязь теории и практики	29
<i>Суржик Д. В.</i> Термины «информационные войны» и «информационные операции» в современной американской военной парадигме	34
<i>Кудрявцева Р.-Е. А.</i> Образ Великого княжества Литовского в трудах сигнатаров Акта независимости Литвы	37
<i>Трубчык А. Г.</i> Усходні напрамак знешняй палітыкі Польшчы ў палітычных канцэпцыях 1918–1921 гг.: гістарыяграфія праблемы ...	41
<i>Жилинская И. В.</i> «Техника гостеприимства»: документы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей о работе с «гостями СССР» из числа западной интеллигенции в 30-е гг. XX в.	45
<i>Ковяко И. И.</i> Концепция «искусственной революции» в англо-американской историографии германского вопроса	51
<i>Крывічаніна К. А.</i> Замежныя архіўныя фонды па гісторыі міжнароднага чарнобыльскага супрацоўніцтва 1986–1991 гг.	55
<i>Косов А. П.</i> Белорусско-российские отношения в постсоветский период: обзор отечественной историографии	60

РАЗДЕЛ 2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЕРСАЛЬСКО- ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.). ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.)

<i>Космач В. А.</i> Перемирие в Компьене 11 ноября 1918 г.: капитуляция Германии и завершение Первой мировой войны	67
<i>Довгялло М. С.</i> Некоторые особенности политики правительства БЗНС по отношению к военной российской эмиграции (1919–1923 гг.)	76
<i>Казак О. Г.</i> Деятельность лидера русинской диаспоры в США Михаила Югаса в контексте борьбы венгерских и чехословацких дипломатических структур (1929–1930 гг.)	81
<i>Родин Д. В. Э.</i> Бенеш в борьбе за реализацию «принципов Локарно» в Центральной Европе	85
<i>Корунова Е. В.</i> Проект создания Северного оборонительного союза: скандинавский ответ на кризис Версальско-Вашингтонской системы международных отношений	90
<i>Ермакович Л. І.</i> Савецкая ваенна-палітычная экспансія напачатку Другой сусветнай вайны (верасень 1939 – чэрвень 1941 г.)	95
<i>Никитенкова Л. П.</i> Польский вектор в дипломатии европейских государств накануне Второй мировой войны	98
<i>Жиров А. А.</i> Западная граница Польши в общественно-политической мысли и польской дипломатии 1939–1945 годов	103
<i>Пищулина С. Ю.</i> Побратимство городов как инструмент «народной дипломатии» в 1943–1945 гг. (на примере городов Сталинграда и Ковентри)	108
<i>Руссу О. Д.</i> Социальный аспект формирования института «побратимства» (на примере городов Сталинграда и Льежа)	112

РАЗДЕЛ 3. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЯЛТИНСКО- ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1945–1991 гг.)

<i>Величко Н. В.</i> Особенности германской политики французских оккупационных властей в 1945–1949 гг.	117
<i>Самохин А. В.</i> Советско-китайские отношения в начале 1949 года	121
<i>Гарелик М. В.</i> Информационная политика британских властей в Австрии	130
<i>Шенин С. Ю.</i> Дж. Кеннеди и проблема экономической помощи в период президентской кампании 1960 г.	134
<i>Гавриловец Л. В.</i> Активизация торгово-экономических связей Польши с ФРГ в 1960-е гг.	139

<i>Лосева Е. А.</i> Сотрудничество Франции и ФРГ в области технических наук	144
<i>Пик С. М.</i> Тайная дипломатия в аргентино-британском споре из-за Фолклендских островов	148
<i>Востриков С. В.</i> Далекое эхо афганских гор (к завершению миссии в ДРА 1979–1989 гг.)	152

РАЗДЕЛ 4. СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

<i>Сурма А. А.</i> Политика британских консерваторов в отношении социальной политики ЕС (1979–2016 гг.)	159
<i>Хришкевич Т. Г.</i> Миграционный кризис 2014 г. в Европе: вызов или угроза для малых государств?	163
<i>Ларионов Д. Г.</i> Трансформация внешней политики Ватикана после II Ватиканского собора	167
<i>Курс И. Л.</i> Вопрос потенциального членства Шотландии в Европейском союзе в преддверии референдума о независимости Шотландии 2014 г.	171
<i>Свентецкая Т. В.</i> Позиция Чешской Республики по интервенции в Ираке в 2003 году	175
<i>Красильщикова Т. В.</i> Взгляды Роберта Гейтса на Иракскую войну 2003–2011 гг.	179
<i>Тищенко А. В.</i> Итоги промежуточных выборов 2018 г. в США	182
<i>Белащенко Д. А., Сюзева Ю. С.</i> Некоторые особенности геополитической ситуации в Закавказье в конце XX – начале XXI в.	187
<i>Кравчук О. Ю.</i> Украинский вопрос в системе международных отношений	191
<i>Белащенко Д. А., Егорушина Н. С.</i> «Дилемма интеграций» как основополагающий фактор украинского кризиса	194
<i>Горуна Т. А.</i> Общие экономические политики в ЕАЭС: понятие, виды, юридическая сущность	198
<i>Сальников В. И.</i> Непризнанные государства как фактор интеграции/дезинтеграции постсоветского пространства	203
<i>Можейкин А. Д., Мясникова Н. В.</i> Перспективы урегулирования молдо-приднестровского конфликта в контексте парламентских выборов 2019 года в Молдове	207
<i>Петухов Ю. С.</i> Дипломатический процесс по афганскому урегулированию в 2018–2019 годах	211

РАЗДЕЛ 5. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ (1918–2019 гг.)

<i>Агееў А. Р., Пушкін І. А.</i> Дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў у сферы міжнародных адносін у 1917–1918 гг. (па матэрыялах Магілёўскага Беларускага Камітэта)	216
<i>Щавлинский Н. Б.</i> На пути к сотрудничеству: 1918 год в белорусско-украинских отношениях	220
<i>Багалеўша С. В.</i> Палітычныя адносіны паміж урадам БНР і Літоўскай Тарыбай у 1918–1923 гг.	225
<i>Бараноўскі А. В.</i> Выдзяленне латгальскіх павеатаў са складу Віцебскай губерні	229
<i>Давидович А. В., Киселева С. А.</i> Участие БССР в основании и деятельности ООН. Первые послевоенные годы	233
<i>Тугай В. В., Поповская Т. А.</i> Реализация европейской политики соседства в Беларуси: программы трансграничного сотрудничества	237
<i>Юрчак Д. В.</i> Проблема Чернобыля в белорусско-украинских отношениях	242
<i>Крывашэй Д. А.</i> Дні культуры ў сферы двухбаковых сувязей Беларусі ў найноўшы час	247
<i>Слемнёв М. А.</i> Молодежный вектор строительства Союзного государства Беларуси и России	252
<i>Александрович Е. А.</i> Белорусско-казахстанское культурное сотрудничество в 1991–2018 гг.	256
<i>Сунь Инцзе.</i> Взаимодействие КНР с Республикой Беларусь в области СМИ в 1992–2018 гг.	261
<i>Кручковский Т. Т., Герасимчик В. В.</i> Польское национальное меньшинство Беларуси в контексте белорусско-польских отношений в конце XX – начале XXI века: политико-юридический аспект	265
<i>Мисуно П. И.</i> Совершенствование правового регулирования и практики взаимоотношений белорусского государства и его диаспоры ...	269
<i>Філазановіч Т. У.</i> Развіццё міжнароднага супрацоўніцтва моладзі на этапе станаўлення дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі Рэспублікі Беларусь	274
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня изучению международных отношений и дипломатии уделяется большое внимание во всем мире. Не является исключением и Республика Беларусь. Ежегодно в стране проводятся научные мероприятия, посвященные актуальным проблемам мировой политики.

На протяжении последних семи лет подобные форумы проходят и в Витебске. Настоящий сборник является результатом работы уже IV Международной научно-практической конференции, посвященной исследованию международных отношений и дипломатии. Первая конференция состоялась в стенах Витебского государственного университета имени П. М. Машерова 25–26 апреля 2013 г. и была посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии второй половины XX – начала XXI в. Вторая конференция прошла 23–24 апреля 2015 г. В ходе ее работы рассматривались вопросы внешней политики, дипломатии и международных отношений в период новейшей истории (1918 г. – начало XXI в.). Третья конференция (17–18 мая 2018 г.) охватила временной период с 1918 по 2018 гг. Ее участники обратились к проблемам теории международных отношений, ключевым аспектам развития международных отношений и внешней политики ведущих государств мира в рассматриваемый период, а также актуальным вопросам внешней политики и дипломатии Беларуси.

Четвертая конференция, состоявшаяся 23–24 мая 2019 г., также посвящена актуальным проблемам международных отношений и дипломатии за столетний период развития человеческой цивилизации – с 1918 по 2019 гг. Традиционно она прошла в ВГУ имени П. М. Машерова, ставшим к настоящему моменту одним из центров изучения международных отношений и внешней политики в Республики Беларусь, и собрала, как молодых, так и уже достаточно известных, исследователей из различных научных и учебных учреждений и организаций Беларуси, России, Украины и других стран. Отрадно, что многие из них стали уже постоянными участниками витебских конференций.

Хронологический и тематический диапазон проблем, рассмотренных на данной конференции, в первую очередь, определен научными интересами ее участников. Обратим внимание на то, что представленные материалы основаны либо на введенных впервые в оборот источниках, либо на новом оригинальном и весьма убедительном прочтении уже известных материалов. Так, с позиций современных достижений науки и состояния источниковой базы участниками научно-практической конференции были рассмотрены теоретические аспекты международных отношений и дипломатии, а также историография международных отношений и внешней политики. Многие исследователи остановились на проблемах становления и развития Версальско-Вашингтонской системы международных отношений и дипломатии периода Второй мировой войны. Неменьший интерес у участников научного форума вызвали вопросы, связанные с функционированием Ялтинско-Потсдамской

системы международных отношений и развития современной системы международных отношений. Разумеется, многих ученых, особенно отечественных, привлекает изучение внешней политики и дипломатии нашей страны в 1918 г. – начале XXI в., что также нашло свое подтверждение в рамках работы конференции.

Не секрет, что у каждого исследователя актуальных вопросов международных отношений и дипломатии свои собственные интерпретации, подкрепленные фактами и аргументами. Кроме того, свою роль играет национальная специфика: порой у представителей той или иной страны своя «правда» имевших место быть или происходящих на наших глазах международных событий. Поэтому неудивительно, что внешнеполитический дискурс по накалу существенно превосходит ряд других обсуждаемых проблем мировой истории, подтверждением чему являются не только «горячие» дискуссии представителей академического мира на научных форумах, страницах книг и журналов, а также разнообразных политических ток-шоу с участием политиков, экспертов и ученых.

Каждый из участников конференции высказал свою точку зрения на ту или иную проблему. Разумеется, оценки отдельных авторов, изложенные в материалах конференции, а также озвученные в ходе выступлений, не всегда совпадают с мнением редколлегии сборника и членов оргкомитета конференции. Однако организаторам научного форума было важно выявить как можно более широкий спектр мнений и оценок по наиболее дискуссионным вопросам международных отношений и внешней политики в рамках заявленных направлений конференции. Главное, постараться максимально абстрагироваться от политизации обсуждаемых проблем и сосредоточиться на их научной составляющей. И, на наш взгляд, это удалось. Ведь только в совместных обсуждениях можно попытаться отыскать истину, а иногда и предложить решение проблемы.

Подготовка представленного сборника конференции является результатом плодотворного научного сотрудничества Витебского государственного университета имени П. М. Машерова и Института истории Национальной академии наук Беларуси в рамках выполнения ГПНИ на 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя) подпрограммы № 1 «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович) задания 1.1.04, а также Центра по изучению войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук. Думается, его издание станет значимым вкладом в историографию международных отношений и дипломатии XX – начала XXI в.

От редколлегии

РАЗДЕЛ 1

ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ДИПЛОМАТИИ. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

МЕНТАЛЬНЫЕ И СМЫСЛОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТОВ «ВОЙНА» И «МИР» В ТЕОРИИ ДИПЛОМАТИИ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАННЕГО НОВОГО И НОВОГО ВРЕМЕНИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРСЫ

В. Г. Циватый (Киев)

Концепт в философии, истории и лингвистике – содержание понятия, смысловое значение имени (знака). Отличается от самого знака и от его предметного значения (денотата, объёма, понятия). В юриспруденции концепту соответствует правовой институт.

В процессе исторического и политико-правового развития такие тандемные понятия, как «война» – «мир», «свой» – «чужой», «враг» – «союзник», претерпевали качественные смысловые изменения в зависимости от характера эпохи, особенностей международных отношений, идеологии и религиозного мировоззрения государств, а в последнее время, в XXI веке – и в связи с новыми геополитическими, политико-дипломатическими и экономическими факторами [7].

Место оформления таких категорий как «война» – «мир» ограничено рамками политико-правового поля, в котором чётко прослеживаются отношения, связывающие эти понятия в тандемы (тандемы концептов).

Существует несколько общеизвестных интерпретаций понятия «война». Согласно первой любая война должна заканчиваться миром. Такая война носит название регулярной. Немецкий юрист и философ Карл Шмитт пишет, что война, в которой воюющие стороны «... и в войне уважают друг друга как противников и не подвергают друг друга дискриминации как преступников, в результате чего заключение мира возможно, более того, оказывается нормальным, само собой разумеющимся окончанием войны» [3, с. 271–285; 8]. Кроме того, для регулярной войны характерен межгосударственный характер и уважение прав нейтральных стран.

Вторая интерпретация понятия «война» напрямую связана с восприятием врага через морально-религиозный концепт «зло». Подчинение понятия «война» законам политической теологии придаёт ему (понятию/концепту) религиозный характер. Религиозная война (в отличие от ре-

гулярной и справедливой) длится бесконечно и мира не знает, ибо «мир» (как перемирие) со злом невозможен в принципе. В яркой международно-политической палитре времён раннего Нового и Нового времени концепты «война» и «мир» – особо актуализируются.

В истории политической мысли и институционального развития органов внешних сношений государств, дипломатия и её институты всегда рассматривались как часть социополитической культуры общества, как одно из самых главных средств защиты интересов государства в процессе государственного строительства как в мирных условиях, так и в периоды войн Средневековья и раннего Нового времени [1; 2; 9].

Исследуя институциональные процессы в европейской внешней политике и дипломатии раннего Нового и Нового времени, автор исследования стремится показать не только историю развития внешней политики и дипломатии Европы в общеевропейском и институционально-цивилизационном контексте, которая уже была предметом исследования ученых, а выделить ее функциональный аспект именно в контексте влияния общественно-политической мысли на процесс формирования внешне-политической стратегии и межгосударственных отношений по линии Запад – Восток.

Особое внимание уделяется развитию и институционализации дипломатических служб во временно-пространственном измерении, и формированию ментальных установок, внешнеполитических и дипломатических идеологем в политико-психологической конструкции идей относительно формирования и трансформации европейской системы государств в XVI–XVIII и XIX веков [7, р. 196–199].

В яркой палитре политико-дипломатической и конфессиональной истории Европы видное место занимает дипломатия ведущих государств Европы (Франции, Испании, Италии, Англии, Германии и т.д.), с деятельностью которой связывают блестящие внешнеполитические успехи и опасные концепции, которые позволяли большинству европейских государств последовательно отстаивать свои национальные интересы даже в самые трудные моменты ее истории и цивилизационного развития [6].

В течение многих столетий Франция, Испания, Италия, Англия играли ведущую роль в европейской и мировой политике. Их история насыщена важными по своей значимости внутренними и внешними событиями, многие из которых вышли за национальные рамки этих государств и оказали огромное влияние на дальнейшее политическое, социальное, научное и культурное развитие Европы и мира в целом, а также отразились на эволюции и институциональном развитии систем безопасности, политико-дипломатических систем и систем международных отношений всех государств Западной и Центрально-Восточной Европы.

Понятие «институционализация» активно используется в научном инструментарии исследователей. Но именно исторический аспект исследо-

вания институционализации внешней политики предполагает выявление способов достижения тех или иных общественных результатов, воспроизводит процесс самой трансформации, формирования политической идеологии, внешнеполитической стратегии и дипломатического инструментария, а не сосредотачивает внимание исследователя лишь на простой фактологической констатации.

Международно-политическая или политико-дипломатическая конгруэнтность – это совпадение между «реальным я» (real self) и «идеальным я» (ideal self) в межгосударственных отношениях. Поэтому наличие взаимных и обратных связей по диагонали Запад – Восток или в системах международных отношений, политическое влияние государств-акторов на эти институциональные связи в целом присущи любым моделям межгосударственных отношений. По сути, взаимные и обратные связи служат в государственных, политико-дипломатических и общественно-политических системах механизмом адаптации целевой деятельности политико-дипломатических институтов и институтов власти к целям, интересам и потребностям социума в эпоху раннего Нового времени, позволяя сделать сам управленческий процесс конгруэнтным общему запросу расстановки политических сил в изменяющейся системе международных отношений [4, с. 229–246; 5].

Среди войн раннего Нового и Нового времени особое место занимают – Итальянские войны (1494–1559 гг.), Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) и Наполеоновские войны.

В ходе этих войн в теории и практике дипломатии формировались концепты «война» и «мир», усовершенствовались формы, методы и принципы переговорного процесса и формировался образ дипломата раннего Нового времени и Нового времени. Институциональная память многих поколений и пристальное внимание исследователей к войнам раннего Нового времени во многом объясняется тем влиянием, которое они оказали на политико-дипломатическую жизнь Европы XVI–XIX веков [3, с. 271–285].

С одной стороны, политические итоги этих войн изменили европейское общество, способствовали его трансформации, а с другой стороны – их масштабы способствовали ментальным сдвигам, т. е. во время войн постепенно начинает меняться мировоззрение, появилось новое поколение и новое светское мировоззрение, в т.ч. – и в сфере дипломатии. Формируется образ дипломата раннего Нового времени [7].

События Итальянских войн стали своеобразной экспериментальной площадкой, на которой происходила апробация всех форм и методов дипломатии раннего Нового времени, в ходе Тридцатилетней войны, Ливонской войны и Наполеоновских войн [4, с. 229–246; 9].

Дипломаты раннего Нового и Нового времени неукоснительно соизмеряли каждый внешнеполитический шаг своего государства с позицией своего государства в системе международных отношений и концептов

«война» – «мир», научились учитывать позиционное размещение внешне-политических сил и определять необходимый дипломатический инструментарий для реализации внешнеполитических задач.

Таким образом, можно констатировать, что в период раннего Нового и Нового времени в дипломатических практиках всегда присутствовала эмоциональная дилемма, главным образом влияющая на образ дипломата Нового времени – дилемма социального и индивидуального. В эпоху раннего Нового и Нового времени в Европе уже сформировался традиционно европейский образ дипломата (личность дипломата). Интеллектуальная Европа создала институциональную модель и новый образ дипломата, с дипломатическим иммунитетом, моральными качествами и формальным статусом.

Фактор территориальной децентрализации в период войн предъявляет специфические требования к разрыву институциональных межгосударственных связей. В идеале, чтобы процесс выработки и реализации таких политик был эффективным, пространство акторов-государств и институциональное пространство региона (регионов) должны быть конгруэнтными, в частности по линии Запад – Восток.

Именно в период раннего Нового и Нового времени, в условиях противоборства концептов «война» – «мир» и военных перипетий, и происходит становление государств нового типа и нового миропорядка (Новая Европа). Опыт институционального становления и развития политико-дипломатических систем государств не утратил своей актуальности и сегодня.

Изменяющийся мир (общество, государство, личность, политика, дипломатия, международные отношения), несомненно, влияет и на изменение политико-дипломатической системы государства, дипломатического социума и дипломатических образов, интерпретаций концептов «война» и «мир» в исторической ретроспективе.

1. Кальер, Ф. де. Каким образом договариваться с государями: Рус. пер. 1757 г. Репр. воспроизведение изд., выпущ. в Санкт-Петербурге в 1772 г., с прил. / Ф. де Кальер. – М. : МИА, 2001. – 290 с.
2. Мабли, Г. Б. де. Принципы переговоров: пер. с фр., примеч. и указ. Л. А. Сифуровой / Г. Б. де Мабли. – М. : Научная книга (НК), 2014. – 295 с.
3. Циватый, В. Г. Дипломатический инструментарий Никколо Макиавелли и институты европейской дипломатии раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.) / В. Г. Циватый // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны: сборник научных статей / под ред. М. А. Юсима ; Институт всеобщей истории РАН. – М., 2013. – С. 271–185.
4. Циватий, В. Г. Віденський конгрес 1814–1815 рр.: інституціональний вердикт європейського політико-дипломатичного та суспільно-історичного розвитку / В. Г. Циватий // Міжнародні зв'язки України: наукові пошуки і знахідки. – Вип. 25. – К. : Ін-т історії України НАН України, 2016. – С. 229–246.
5. Alcalá-Zamora, J. España, Flandes y el mar del Norte (1618–1639): La última ofensiva europea de los Austrias madrileños / J. Alcalá-Zamora. – Barcelona, 1975. – 400 p.

6. Barbiche, B. Les institutions de la monarchie française à l'époque moderne. XVI-e – XVIII-e siècle / B. Barbiche. – Paris : Presses Universitaires de France, 2012. – 369 p.
7. Black, J. A History of Diplomacy / J. Black. – Chicago : Reaktion Books, 2010. – 312 p.
8. Jarrett, M. The Congress of Vienna and its Legacy. War and Great Power Diplomacy After Napoleon / M. Jarrett. – London/New York : I. B. Tauris, 2013. – 522 p.
9. Lentz, T. Le congrès de Vienne. Une refondation de l'Europe, 1814–1815 / T. Lentz. – Paris : Perrin, 2013. – 400 p.

НАЗАД К КАНТУ, ИЛИ КАКОЙ ПРАВОПОРЯДОК НУЖЕН МИРУ? ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ ДИСКУССИЙ О ПРИРОДЕ НОРМАТИВНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. И. Ивонина (Новосибирск)

Обсуждение проблем нового миропорядка и природы современных международных отношений, инициированное объективными процессами глобализации, получило новый импульс после окончания Холодной войны. Доктринальное обоснование приоритетности международно-правового регулирования прав и свобод человека, способов ведения войн и разрешения конфликтов, обеспечения национальной и коллективной безопасности было отражением различных и противоречивых тенденций развития международных отношений на рубеже XX–XXI вв.

Кодификация норм гуманитарного права, в особенности концепции Responsibility to Protect (PR2P), свидетельствовала о признании всем мировым сообществом ценности человеческой жизни в качестве высшей цели развития общества и государства. Ссылки на право мирового сообщества вмешиваться во внутренние дела для «защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности» стали обоснованием доктрины ограниченного суверенитета государства в условиях формирующегося демократического мирового сообщества [1].

Антропоцентризм либерального правосознания допускал наличие международной правосубъектности отдельных индивидов, юридических лиц, общественных движений, т.е. не обладающих суверенитетом *per se* участников транснационального взаимодействия.

Акцент на единстве общечеловеческих ценностей в постбиполярном мире, где значение идейных и политических барьеров сведено к минимуму, а различие статусных параметров нивелируется глобальной взаимозависимостью, был призван легализовать политику гуманитарных интервенций и операций по поддержанию мира, проводившуюся странами НАТО и США под лозунгом распространения демократии. Противоречие подобного курса нормам Устава ООН не смущало политологов, требовавших создания принципиально новой нормативной и институциональной базы международных отношений, устранения пробелов в действующем международном праве с

целью разрешения дилеммы между «принципом Зорро» и «принципом Мюнхена» [2, с. 23–24].

Размышления Канта о соотношении свободы и равенства, государственного суверенитета и «всемирного гражданского состояния», правового универсализма и партикуляризма в трактате «К вечному миру» 1795 г. оказались неожиданно созвучными современным дискуссиям о справедливости и эффективности международного права в условиях распада биполярной системы международных отношений и хаоса «эпохи турбулентности».

Отталкиваясь от кантовского понимания морального закона как универсально значимой нормы, применимой ко всем субъектам международных отношений и в любых ситуациях, современные последователи немецкого философа считали реальным воплощением категорического императива основополагающие принципы международного права. Зафиксированные в Статуте Лиги Наций, пакте Бриана-Келлога, Уставе ООН и других международных организаций, они воспринимались как «относящиеся к разряду *строгих* законов, имеющих силу при любых обстоятельствах и требующих *немедленного* осуществления» [3, с. 365; 6, р. 89]. Дж. Ролз отмечал универсализм категорий свободы, равенства и справедливости, которые не могут быть предметом торга или калькуляции национальных и государственных интересов [4, с. 38].

Х. Булл подчеркивал конвенциональный характер как самого международного права, так и институциональной природы современного миропорядка, концептуальной основой которых стал кантовский проект «всемирного гражданского состояния» и «мирного союза народов». Для Линклэйтера и Слотер была важна интуиция И. Канта относительно способности мирового сообщества достичь желанного равновесия между свободой и силой отдельных государств, создав «всемирно-гражданское состояние публичной безопасности» посредством вовлечения в процесс выработки «закона объединенной воли» всех субъектов мирового процесса, независимо от их статусной и политической природы [10, р. 170].

Кантовский проект «международного права, основанного на публичных и опирающихся на силу законах, которым должно подчиниться каждое государство», исходил из традиционного допущения правового натурализма о том, что «в человеческой природе всегда живо уважение к праву и долгу». Критики естественно-правовой доктрины справедливо указывали на то, что трактат «К вечному миру» представляет собой типичный пример идеального права, «указывающего на то, каким *должно быть* отношение между людьми и государствами» [3, с. 350–351].

Смещение ракурса дискуссий о судьбе либерального проекта в сферу размышлений над природой международного права, способного дать адекватный ответ на вызовы современности, способствовало актуализации идей Канта в споре о путях и формах общественного прогресса, пределах и перспективах транзита западных политических и правовых институтов в

другие культуры. Апологеты «либерального триумфализма» считали неизбежным переход подавляющего числа участников международных отношений к универсальным ценностям свободы, демократии, уважения прав и свобод человека, открытой и гласной политике.

Отмеченная И. Кантом неразрывная связь договорной природы правового государства с миролюбивым характером его внешней политики стала аксиомой как для неореалистов, так и для неолибералов, утверждающих вслед за немецким философом, что в рамках «формально установленного мирного союза» демократии друг с другом не воюют. Не случайно, по мнению М. Дойла, расширение «зоны мира» усилиями либеральных сообществ сопровождалось распространением демократии, способствуя исполнению мечты В. Вильсона сделать мир более безопасным для демократии, а ценности демократии – приемлемыми во всем мире [7, p. 1151–1152].

Проект «международного права, основанного на федерализме свободных народов, в котором каждому из них гарантировано его право» [3, с. 385] представлялся Канту компромиссом между свободой и суверенитетом. Философ сознательно противопоставлял свое видение международного правопорядка идеалу всемирного государства А. Сен-Пьера и Ж.-Ж. Руссо, считая главными атрибутами «союза народов» принципы кооперации и субсидиарности. По мнению современных авторов, в условиях глобальной взаимозависимости международное сотрудничество принимает *de jure* и *de facto* различные формы федеративной организации, в рамках которой привилегии и неприкосновенность государственного суверенитета ограничивается во имя безопасности и прав человека, солидарной защиты общих интересов и ценностей. Федерализм, тем самым, выступает институциональной основой международного гуманитарного права, демонстрируя совместимость свободы и порядка, суверенности и интеграции [9, p. 917–918].

Создание Лиги Наций, ООН, СБСЕ, ЕС современные последователи Канта считают эмпирическим воплощением собственно либерального проекта «вечного мира». В природе этих международных институтов проявилась, по их мнению, политическая культура и моральные стандарты либерально-демократических режимов: плюрализм, уважение прав и свобод человека, способность к достижению консенсуса по общезначимым проблемам, неукоснительное следование законам и принятым обязательствам. Как иронично заметил Х. Альварес, либеральные государства «всегда ведут себя хорошо и правильно», подчиняя категорическому императиву свои действия внутри и за пределами национальных границ [5, p. 183–184].

Таким образом, усилиями либерально-демократических режимов создается не только институциональная основа современного миропорядка – «федерация миролюбивых», – но и его правовое поле. Неолиберальная доктрина современного международного правопорядка, созданная современными последователями И. Канта, неуловимо сближается с цивилизационной дихотомией С. Хантингтона, в рамках которой понятия равенства,

справедливости, законности, свободы, международного сотрудничества выступают не просто маркерами западной цивилизации, но и нормативным обоснованием его особой роли в процессе международного правотворчества и правоприменения. В новой мировой иерархии и международном праве легитимируются и легализуются превентивные войны, ведущиеся от имени либерального мирового сообщества против «преступных» тоталитарных режимов, гуманитарные интервенции, прецеденты регионального юнилатерализма (подобно операциям НАТО в Югославии, США и Великобритании в Ираке, Ливии, Афганистане).

Соответствие акторов международного права критериям либеральной демократии должно учитываться, по мнению А.-М. Слотер, в процессе международного признания государств и принятия их в состав международных организаций (прежде всего, в ООН), в ходе реализации программ экономической и гуманитарной помощи, проектов международного сотрудничества [11, р. 509].

Итогом и уроком конфликта интерпретаций кантовского трактата 1795 г. в современной науке международных отношений стало новое понимание природы международного права. Толерантность, плюрализм, готовность к признанию прав и свобод «Другого» (несмотря на противоположный характер отстаиваемых им интересов и ценностей), стремление к сотрудничеству на равных во имя решения глобальных проблем, — таков далеко не полный перечень характеристик идеальной системы нормативного регулирования международных отношений, истоки которого восходят к кантовскому идеалу «вечного мира» между народами.

1. Ивонина, О. И. Новый Рим в новом мире / О. И. Ивонина // Сравнительная политика. — 2016. — Т. 7, № 3(24). — С. 17–24.
2. Итоговый документ Всемирного саммита ООН 2005 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.un.org/womenwatch/ods/A-RES-60-1-E.pdf>. — Дата доступа: 28.03.2019.
3. Кант, И. Сочинения в 4-х тт. на нем. и рус. яз. / И. Кант. — М.-Марбург, 1993. — Т. 1. Трактаты и статьи (1784–1796). — 936 с.
4. Ролз, Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — Новосибирск : Наука, 1995. — 532 с.
5. Alvarez, J. E. Do Liberal States Behave Better? [Electronic resource] / J. E. Alvarez // European Journal of International Law. — 2001. — Vol. 12, № 2. — P. 183–246. — Mode of access: <http://www.ejil.org/pdfs/12/2/1516.pdf>. — Date of access: 28.03.2019.
6. Doyle, M. W. Liberalism and World Politics Revisited / M. W. Doyle // Controversies in International Relations Theory: Realism and neoliberal Challenge / Ed. by C. W. Kegley. — N. Y. : St.Martin's Press, 1993. — P. 83–105.
7. Doyle, M. W. Liberalism and World Politics [Electronic resource] / M. W. Doyle // American Political Science Review. — 1986. — December. — Vol. 80, № 4. — P. 1151–1169. — Mode of access: <http://www.ir.rochelleterman.com/sites/default/files/doyle%201986.pdf>. — Date of access: 28.03.2019.
8. Doyle, M. W. On Democratic Peace / M. W. Doyle // International Security. — 1995. — Vol. 19, № 4. — P. 164–168.

9. Finnemore, M. International Norm Dynamics and Political Change / M. Finnemore, K. Sikkink // International Organization. – 1998. – October. – P. 887–918.
10. Linklater, A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations / A. Linklater. – L. : MacMillan Press, 1990. – 216 p.
11. Slaughter, A. M. International Law in a World of Liberal States [Electronic resource] / A. M. Slaughter // European Journal of International Law. – 1995. – Vol. 6, № 1. – P. 503–538. – Mode of access: <http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf>. – Date of access: 28.03.2019.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Синдеев (Москва)

История не имеет законов, но характеризуется закономерностями, поддержание которых обуславливается выработанными ранее подходами, повторяющимися жизненными циклами поколений, предпочтительной трансляцией известного, ограниченным желанием большинства подвергать себя риску испытать радикальные изменения. Закономерности реализуются в процессах, создающих разные уровни и разные системы. Одной из таких систем должна была бы стать система европейской безопасности, но три взаимосвязанных процесса (установление баланса, разделение и вытеснение нежелательных акторов) не позволили ей сформироваться.

Несмотря на то, что политики готовы заявлять о возможности длительное время обеспечивать некий баланс, в реальности достигнуть этого чрезвычайно затруднительно, если речь идет об истинном равноправии и о максимально приемлемом учете национальных интересов. Временное установление баланса, как правило, быстро сменяется стремлением разделить, или упростить сложившуюся систему, вытеснить конкурентов, отказаться от ответственности за большие пространства, использовать образ врага и угрозы [3]. 4 января 1909 г. министр-резидент Российской империи в Карлсруэ В. Эйхлер писал министру иностранных дел А. П. Извольскому о дихотомии подобной политики в тогдашней Германской империи: «Малейший упадок обаяния чреват грозными для народного богатства последствиями. Вред политики, основанной на угрозах, не раз, конечно, мелькал в сознании народа, но вера в превосходство своей военной мощи всегда усыпляла опасения» [1].

Процесс разделения предполагает появление и закрепление в общественном сознании антагонистичных идей и веры в несогласующиеся интересы. Кстати, именно с этим, на мой взгляд, и связан известный историографический спор о дате начала холодной войны, в котором подчас забывалось, что неприятие большевистской России не означало одновременного неприятия России вообще. Поэтому эмигрантские круги, репрезентовавшие иную Россию, некоторое время получали помощь. Когда же в «объективной» несовместимости идей не возникает сомнений, запускаются меха-

низмы вытеснения, благодаря чему единственной целью участников становится победа над реальным или мнимым противником. Вытеснение провоцирует интеграцию близких друг другу стран, которая, хотя и остается вторичным процессом, со временем способна приобрести для ее участников особую ценность и значимость. Проблема, однако, заключена в том, что интеграция, будучи априори средством вытеснения, не меняет логику протекания системообразующих процессов.

Вопрос о хронометраже самостоятельного или параллельного существования разделения и вытеснения в данном контексте не играет особой роли. Более важно то, что эти процессы трудно остановить, а также то, что балансом в историографии международных отношений принято называть статус-кво, полученный в результате разделения и вытеснения. С одной стороны, это подтверждает верность вывода о непродолжительности любого рода балансов с равноправным участием, с другой – приходится констатировать, что в Европе XX – начале XXI в. отсутствует традиция успешного развития в рамках реальных балансов между крупными, средними и малыми странами.

Процессы разделения и вытеснения всегда имеют большую силу, существенно препятствуя решению главных задач. В этой связи любопытна ситуация, сложившаяся в Европе после смерти Сталина. Советская дипломатия хотела поставить на повестку дня приоритетное обсуждение «вопрос[а] о сокращении вооружений и о прекращении гонки вооружений» [2, л. 30], но у западных союзников отсутствовало желание искать любой компромисс.

25 января 1954 г. на Берлинском совещании министров иностранных дел союзных держав [см. подробнее: 4] Ж. Бидо убеждал В. М. Молотова в том, что сначала нужно приняться за германский и австрийский вопросы, а применительно к первому «...имеется только две формы решения...: 1) принудительный бессрочный контроль над Германией (в соответствии с Потсдамскими решениями) или 2) включение Германии в оборонительное сообщество, чтобы Германия не могла противопоставлять Восток Западу и, наоборот. Высказываясь за вторую форму решения... Бидо заявил, что, по его мнению, “судьба демократии в Германии зависит от объединения Германии с Западом”» [2, л. 6–7]. А. Иден же относительно «необходимости обеспечения безопасности европейских стран, в том числе и Советского Союза... сослался на то, что требованию безопасности как Советского Союза, так и Англии отвечает их членство в ООН» [2, л. 8].

26 января 1954 г. Д.-Ф. Даллес в свою очередь высказывал удивление, что «...Советский Союз, критикуя планы создания “европейского оборонительного сообщества” не предложил какой-либо альтернативы и требует возврата к обанкротившемуся Версальскому договору. Даллес распространялся также на тему о том, – сообщал в шифртелеграмме в Москву

В. М. Молотов, – что Ялтинское и Потсдамское соглашения изжили себя...» [2, л. 14].

28 января 1954 г. «Даллес, – писал В. М. Молотов, – демагогически утверждал, будто бы советская делегация предлагает передать совещанию пяти все важнейшие функции Объединенных Наций и “заменить эту организацию Советом пяти великих держав”» [2, л. 36].

Даже самый простой анализ приведенных выше цитат позволяет констатировать, что США, Франция и Великобритания в условиях формирования западного лагеря, запущенного процесса вытеснения СССР и стран социализма предпочли привычные рассуждения о демократии и настаивали на широких форматах, в которых добиться общего знаменателя было практически невозможно, но допускалось переложение ответственности на других.

Наряду с признанием того, что без согласованных действий ведущих игроков баланс невозможен, следует обратить внимание на роль средних и малых стран Европы, для которых их самостоятельность всегда была существенно выше, когда активно работали процессы разделения и вытеснения. Причем это одинаково касалось стран социалистического и капиталистического лагеря.

В преддверии подготовки европейской конференции по безопасности интересна, к примеру, позиция финской стороны. 25 марта 1970 г. финский посол по особым поручениям уверял швейцарских представителей, что «[р]ечь, в принципе, идет не о конференции по безопасности, а о конференции о безопасности...» [7]. Это означало лишь готовность приступить к обсуждению некоторых вопросов «на пути к лучшей безопасности в Европе». Выдвигать собственные предложения Финляндия не собиралась. Швейцарцы соглашались с финскими коллегами. Получалось, что тогдашний уровень конфронтации вполне устраивал средние нейтральные государства.

В ситуации экономической конкуренции систем СССР был неизменно больше заинтересован в нормализации отношений с Западом, о чем свидетельствует призыв заместителя министра иностранных дел В. М. Виноградова к большей активности именно малых и средних стран: «Крупные государства не могут решить все проблемы» [8]. Тем более мотивы Советского Союза, отмечал он, постоянно искажают.

Получается, что Европа никогда не знала единой системы безопасности. В лучшем случае, если рассматривать период с конца 1940-х гг., существовали две отдельные системы. Из этого следует, что страны Европы не имеют опыта совместного (раз)решения значимых и сложных вопросов в сфере безопасности. По сути, их опыт ограничивается преодолением текущих сложностей и несовершенными компромиссами. Доказать этот на первый взгляд спорный тезис довольно легко указанием на то, что привычные системообразующие процессы не были приспособлены к чему-то иному. Да и эффективно работающей инфраструктуры так и не появилось.

Создание единой европейской системы безопасности могло бы проходить только в условиях приостановки процессов разделения и вытеснения, переосмысления сделанного ранее, формулирования сути новых балансов, диалога между крупными государствами. Пока ожидать подобного хода событий, к сожалению, не приходится. 22 января 2019 г. госсекретарь США М. Помпео по видео-связи из Вашингтона убеждал собравшихся на экономическом форуме в Давосе: «Нации важны. Ни один международный орган не сможет защищать интересы граждан лучше, чем собственное правительство. Сильные границы – ключ к сильным нациям... Способные к сопротивлению союзы, построенные на принципах, – ключ к нашей совместной безопасности» [9]. Не имеет особого смысла детально разбирать все противоречия, содержащиеся в подобных заявлениях. Достаточно указать на то, что цепочка «ценности – союзы» способна эффективно работать только при известных процессах – разделии и вытеснении, где установка баланса будет использоваться исключительно внутри переформатированных «ценностных лагерей».

На закономерный вопрос «Что делать?», адресованный, в первую очередь, представителям гуманитарных научных специальностей, ответ может состоять в следующем: приняться среди прочего за осмысление системообразующих процессов, высказать рекомендации по развитию или формированию тех или иных систем [см., к примеру, о сетевом суверенитете: 5], а также по (мета)идеям и принципам, которые должны помочь определению политических подходов к созданию системы европейской безопасности [см. другие предложения: 6, с. 364–365]. Если подобная эталонная система не появится в Европе, то опасность военных конфликтов и столкновений в мире существенно возрастет.

1. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 24. Л. 13 (о).
2. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 059. Оп. 32. П. 3. Д. 15.
3. Космач, В. А. Первая мировая война: итоги, уроки и геополитические последствия / В. А. Космач // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международной отношений : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг., Витебск, 18–20 октября 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 94–99.
4. Новик, Ф. И. В ловушке «холодной войны» (Советская политика в отношении Германии, 1953–1958 гг.) / Ф. И. Новик. – М. : ИРИ РАН, 2014. – 367 с.
5. Синдеев, А. А. Дифференцированное сотрудничество: современные американо-швейцарские отношения / А. А. Синдеев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – № 3. – С. 51–67.
6. Шапиро, И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / И. Шапиро. – М.: Изд. дом «ВШЭ», 2011. – 368 с.
7. Besuch des finnischen Sonderbotschafters, Ralph Enckell, in Bern vom 24. bis 25. März 1970 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dodis.ch/34489>. – Date of access: 17.03.2019.

8. Höflichkeitsbesuch Vizeausenministers Winogradow beim Departementschef, am 14. April 1969 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dodis.ch/33604>. – Date of access: 17.03.2019.
9. Remarks to the World Economic Forum [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2019/01/288524.htm>. – Date of access: 18.03.2019.

КРЫМ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ СИСТЕМ

Л. Н. Семёнова (Минск)

В геополитическом раскладе сил на международной арене значительную роль играют малые, но расположенные в стратегически важных местах территории. Они выступают своего рода точками опоры, действуя на которые можно поменять расстановку сил. С точки зрения синергетики, это те крохотные бабочки, легкое прикосновение которых в условиях нестабильности определяет внушительный перевес сил. Несомненно, что полуостров Крым, словно звездой во лбу воссиявший на севере Черного моря и создавший его причудливую изломанную и удобную для мореходства северную береговую линию, именно такая территория.

Американский политолог Зб. Бжезинский верно определил, что основные международные события, влияющие на ход развития всего человечества, разворачиваются на евразийской шахматной доске. С началом библейского проекта главной осью напряжения является противостояние Западной и Русской больших социальных и управленческих систем. На протяжении истории два огромных пространства всегда стремились к системному единству, которое в разные периоды скреплялось разными скрепами и проявлялось в различных политических формах.

В эпоху нового времени с развитием капитализма система Запад скрепляется не только едиными культурными кодами, идеократией католической церкви, но и капиталом, политически оставаясь раздробленной на множество государств, взаимодействие между которыми фиксируется в европоцентристской теории международных отношений в терминах международных систем. Экспансионистская природа капитализма обуславливает формирование иерархической мировой капиталистической системы в виде центра, полупериферии и периферии. Именно центр мировой капиталистической системы признается теорией международных отношений в качестве международной системы. Русская система к новому времени тоже пережила значительные метаморфозы. В библейский проект была включена ее западная часть в лице Древнерусского государства, сразу ставшего объектом пристального интереса Запада. Затем наступило время беспрецедентно огромной Монгольской империи, в которой сформировалась особая

властная структура, впоследствии воспринятая Великим княжеством Московским, потом Русским государством. В XVII в. Вестфальская система международных отношений Запада имела своим визави на Востоке Русское централизованное государство.

Географически Запад располагается на Европейском полуострове Евразийского материка с севера омываемого Балтийским и Северным морями, на западе – Атлантикой, а на юге – Средиземным и Черным морями. Со стороны Западной системы Балтийское и Черное моря, как бы прищипывали Русскую систему, закрывая ее на обширных сухопутных просторах Евразии, отсекая от нее пограничье Центральной и Юго-Восточной Европы, протянувшееся между морями с севера на юг. Для Русской же системы эти моря становились путями выхода в Атлантический океан, возможностью отодвинуть свои рубежи на запад, дающими основание для более равноправного диалога с Западом. В контексте геополитики Балтийское и Черное моря с их стратегически определяющими территориями в виде будь то полуострова Ханко, побережья Финского залива, Калининградской области или полуострова Крым являются точками опоры в глубинном противостоянии морского талассократического Запада и сухопутной теллурократической России. Хотя был еще один значительный геополитический игрок, давивший на обе системы с юга, в XVII в. владевший всем Черным морем и дерзнувший в 1683 г. атаковать даже Вену, – Османская империя.

Точно в соответствии с принципом международного взаимодействия как игры с ненулевой суммой (если один актер международного взаимодействия усиливается, то другой ослабевает), или движущегося из стороны в сторону маятника, с XVIII в. Русская система стала укреплять свои позиции, неизбежным образом отесняя Запад. Создатель Российской империи Петр I после победы в Северной войне (1700–1721) укрепился на юго-восточном побережье Балтики. Как афористично заметил Ф. И. Тютчев: «С появлением России (петровской) Карл Великий стал уже невозможен». К концу XVIII в. по итогам русско-турецкой войны (1769–1774) к России отошли Северное Причерноморье и впоследствии Крым (1783). При этом Россия получила значительные территории Беларуси и Украины после разделов Речи Посполитой (1772, 1793, 1795). По словам А. И. Фурсова, «с появлением такого евразийского гиганта, за плечами и на плечах которого лежал континент, континентально-имперская интеграция Европы стала невозможной. Действительно после Петра Великого Фридрих, Наполеон, Вильгельм, Адольф могли быть великими только на относительно короткие исторические промежутки времени, халифами на час» [2, с. 155]. Вестфальская система Запада, получив еще один удар уже изнутри в виде Великой Французской буржуазной революции, разрушилась.

Европа вступила в череду войн с наполеоновской Францией, по завершении которых была сформирована Венская международная система, в ядро которой – пентархию – включили и Россию. Однако, такой конструкт,

состоящий из весьма разнородных элементов, не мог быть долговечным. Тем более Россия, отставая в индустриализации, играла по отношению к Европе очень важную роль поставщика сельскохозяйственной продукции и сырья, т.е. стала «фабрикой зерна» в отличие от Англии – лидера капиталистической системы, «фабрики мира». И это, прежде всего, благодаря черноморским портам, в наибольшей степени Одессе, ставших «южными воротами» в Европу.

Запад пошел в наступление против России. Симптоматично, что, не отважившись на полномасштабную войну против России, Запад решил продемонстрировать континентальной империи свою морскую мощь в стратегически важных опорных точках. Главными театрами военных действий стали Дунайский и Кавказский фронты на первом этапе войны (1853–1854), Крым и оборона Севастополя на втором этапе (1854–1855). Боевые десанты англо-французского флота на Аландском архипелаге, под Архангельском и Петропавловском-Камчатском закончились неудачно. Вполне закономерно, что война вошла в историю как Крымская война (1853–1856). В ней Российская империя потерпела поражение от коллективного Запада, а в терминах геополитики чаша весов от традиционной аграрной Русской Евразии склонилась в пользу капиталистической, финансово-торговой, индустриальной англосаксонской Северной Атлантики. По условиям Парижского мирного трактата 1856 г. Крым остался в составе России, но Черное море объявлялось нейтральным, и Россия была лишена права иметь на Черном море свой военно-морской флот. Война нанесла сильнейший удар по самодержавию и социально-экономическим основам Российской империи. Благодаря последовавшим буржуазным реформам, Запад по сути «открыл» Россию, вводя ее в мировую капиталистическую систему в качестве подчиненной аграрно-сырьевой полупериферии. Во второй половине XIX – начале XX в. в системе международных отношений, получившей красноречивое название Крымской, под главенством Англии Россия стала всего лишь объектом капиталистической экспансии. После Первой мировой войны капиталистические державы Запада вообще планировали разделить ее на сферы влияния, как Китай.

Вырваться из этого капкана Россия смогла только пройдя горнило мировой войны, трагических революций, разрушительной кровопролитной гражданской войны. Именно в Крыму протекал один из последних ее актов, когда в ноябре 1920 г. Красная Армия после легендарного штурма укреплений Перекопа и Сиваша разгромила Белую Армию под командованием барона П. Н. Врангеля, остатки которой эвакуировались в Константинополь. Восстановленная советская власть в 1921–1923 гг. развязала в Крыму невиданный красный террор, в ходе которого погибло более 120 тыс. человек. В революционном романе Д. М. Хайта «Полуостров» об этом кратко сказано: «Приказ товарища Фрунзе выполнен: белых больше нет» [1, с. 211, 213]. В 1921 г. провозглашена Автономная Крымская Советская

Социалистическая Республика (АКССР), которая вошла в состав Советской России и была превращена во всесоюзную здравницу.

Советский Крым играл важную роль в планах Еврейского колониционного общества и Всемирной сионистской организации как подходящее место для компактного проживания евреев с последующим оформлением государственности. Массовое переселение евреев в Крым было остановлено лишь в 1938 г. И только после Великой Отечественной войны и создания государства Израиль был заморожен проект «Крымская Калифорния» [1, с. 266].

Особое место занимал Крым и в планах нацистской Германии. Гитлер считал, что полуостров в качестве имперской области Готенланд должен был стать местом отдыха «истинных арийцев», «освобожден от всех чужаков и заселен немцами». После захвата немцами Крыма, после второй обороны Севастополя на одном из совещаний в 1942 г. Г. Гиммлер вообще заявил, что война не имела бы смысла, если бы после нее Крым не был в течение 20 лет колонизован немцами, притом только по расовому принципу [3, с. 138].

В Крыму в Ялте 4–11 февраля 1945 г. прошла вторая встреча «большой тройки» – руководителей СССР И. Сталина, США Ф. Д. Рузвельта и Великобритании У. Черчилля по вопросам послевоенного устройства мира. Послевоенная международная система получила название Ялтинско-Потсдамской. В двухполюсной, двухблоковой международной системе противостояния капитализма и антикапитализма / социализма, США-Запада и СССР значение Крыма и Севастополя как военно-морской базы возросло еще более. Подчеркивая неотъемлемую принадлежность Крыма к России, Крымская АССР в 1945 г. была преобразована в Крымскую область в составе РСФСР. Это дало формальный повод отказаться от проектов превращения его в еврейскую республику.

Первая сдача позиций социализма произошла при Н. С. Хрущеве. Симптоматично, что и здесь оказался задействованным Крым. В 1954 г. Крымская область была передана из состава РСФСР в состав УССР. Мина замедленного действия разорвалась уже после распада СССР в 1991 г., когда Крым при попустительстве российского руководства и лично Президента РФ Б. Н. Ельцина оказался в составе теперь уже суверенной Украины. Тяжелое геополитическое поражение русской Евразии – СССР в холодной войне, победа геополитического противника США и установление однополярного нового мирового порядка под управлением США сопровождалась потерей Россией Крыма. С 1991 по 2014 гг., по мнению местных русских жителей, длилась третья оборона Севастополя и Крыма.

На пике противостояния Западной и Русской систем, вылившихся в антигосударственный переворот в Киеве в 2014 г., состоялось возвращение Крыма домой, в Россию. Скрупулезное соблюдение международно-правовых норм при проведении общенародного референдума в Крыму, всех необходимых процедур юридического оформления, решительные и филигранно точные действия российских вооруженных сил и специальных

частей, метко названных «вежливыми людьми», небывалый духовный подъем крымчан свидетельствовали о глубинной правоте происходящего и реальном усилении позиций России на международной арене. «Крымская весна» ясно продемонстрировала окончание однополярного мира. Крым как «микрокосмос Евразии», «благословенный край», «непотопляемый авианосец» вновь, в которой раз уверенно качнул чашу весов геополитического противостояния в пользу Русской системы.

1. Тулаев, П. В. Судьба Русской Тавриды. История освоения Крыма от древности до нашего времени / П. В. Тулаев. – М. : Вече, 2017. – 432 с.
2. Фурсов, А. И. Русский интерес / А. И. Фурсов. Изд. 2-е, испр. – М. : Тов-во научных изданий КМК, 2015. – 501 с.
3. Широкопад, А. Б. Утерянные земли России. Отколовшиеся республики / А. Б. Широкопад. – М. : Вече, 2007. – 496 с.

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ В XX – НАЧАЛЕ XXI в. И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СИСТЕМУ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ: СЛУЧАЙ УКРАИНЫ

О. В. Бобина (Николаев)

В социологической и политической науке, среди всего разнообразия методологических подходов, наиболее популярны два подхода в оценке функционирования социальной и политической системы. В соответствии с первым система имеет структуру элементов, которые выполняют возложенные на них функции, и отвечают за взаимодействие с другими элементами. Любой сбой (нарушение) в функционировании и взаимодействии элементов приводит к разрушению и краху системы. Суть второго подхода в том, что система и ее элементы функционируют и взаимодействуют в том числе в результате определённых столкновений, конфликтов, противоречий. В этом смысле система не может быть идеальной, а конфликты естественная характеристика системы. Социальная практика, по нашему мнению, более отвечает второй точке зрения. Мы считаем конфликты и кризисы неотъемлемой частью функционирования социальной системы. Наивысшим проявлением социального конфликта есть войны и революции. Войны и революции результат череды кризисов. Суть кризиса в невозможности элементов системы выполнять свои функции. XIX и XX века подтвердили связь революции и войны. Революция может привести к войне, а война к революции. Войны могут стать как гражданскими, так и выйти за границы государства. А революции могут быть перенесены на другие территории. И если европейские интеллектуалы и политическая верхушка шли к этому пониманию с XVIII в. (Нидерландская революция и Восемидесятилетняя война, 1566–1648 гг.), то Восточная Европа получала и получает свои уроки в XIX–XXI вв. К Польше, кото-

рая дважды поднимала восстания в XIX веке, в XX и XXI веках присоединилась Украина. Кроме того, в XX в. все центрально-европейские страны пережили несколько волн революций и контрреволюций. Они существенно меняли политический ландшафт.

История украинской государственности в начале XX в., и в начале XXI в. зависела и зависит от многих факторов: внутренних, внешних. Это и кризисы в больших системах, окружающих Украину, и кризисы в самой Украине. Провозглашение независимости украинского государства в 1917–1922 гг. было связано с революцией в Российской империи, внезапным появлением не «малорусской», но украинской революции (март 1917 г. – ноябрь 1921 г.), Первой мировой войны (1914–1918), агрессивно-оккупационными войнами России и Польши против Украины в 1918–1920 гг., гражданской войной в Украине. Украина и Кавказ в 1917–1922 гг. были самыми запутанными «вопросами» для европейской политики. Европейцы решили эти «вопросы» просто и незатейливо. Не захотев решать эти «вопросы» в начале XX в., евроатлантическая дипломатия пытается это сделать в конце XX – начале XXI веков.

Украинское независимое государство было провозглашено в 1918 г. как ответ на агрессию большевистской России и необходимостью поиска союзников. Украинские социалисты, возглавляющие первый украинский парламент – Центральную Раду, придерживались идеи федеративного демократического российского государства. У истоков этой теории для украинцев стоял М. Драгоманов (1841–1895). Идея независимого украинского государства была на маргинесе в сознании всех украинских политиков. До войны 1914–1918 гг., ни одна украинская партия не выдвигала задачу провозглашения независимого украинского государства. А западные украинцы, которые с 1848, 1873 гг. выбирали своих депутатов в Рейхсрат (Reichsrat), «мечтали» об автономии Галичины и Буковины в составе Австро-Венгрии. Провозглашение независимого украинского государства – Украинской народной республики (январь, 1918 г.), было неожиданностью не только для окружающей политической системы, но и для самих украинских политиков. Германия и Австро-Венгрия признали эту независимость. Так называемая евроатлантическая демократия выступила против, назвав независимую Украину «германским проектом», «обидевшись и возмущившись» украинским продовольствием, которое направлялось новым украинским союзникам. От Британии и Франции Украина услышала обвинение в пособничестве и в продолжении войны. Большевистская Россия с 1917 г. провозгласила курс на раскол Украины и войну против УНР. Но большевистская Россия, столкнувшись с украинской «крестьянской стихией», которая убивала продовольственные отряды из Москвы и Петрограда вынуждена была скоординировать свои планы. И уже в 1919 г. формально, московские большевики признали возможность существования украинцев. Но только советско-большевистских. Польша просто считала, что земли до

Днепра – это всё её, или как минимум Галичина по р. Збруч и дальше на север с выходом на земли Белоруссии. До 1921–1922 гг. формально существовали два украинских государства: одно национальное в форме гетманата Скоропадского и УНР под руководством Директории и С. Петлюры, и большевистско-советское – УССР. Первое прекратило свое существование в результате сговора Польши и Советской России (1921 г., Рижский мир), а второе просуществовало до декабря 1922 г. (Договор об образовании СССР). А в 1923 г. евроатлантические демократии впервые обманули украинцев. По решению Совета послов от 1923 г. на территориях с украинцами Польша должна была установить автономию и гарантировать равные права с поляками. Польша игнорировала это решение и в итоге получила ужасную трагедию на Волыни в 1943 г. Сен-Жерменский мир 1919 г. «отдал» Буковину Румынскому королевству, а Закарпатье – новому государству, Чехословакии.

Таким образом, в первой четверти XX в., подталкиваемое революцией, мировой, гражданской и освободительной войнами украинское общество поднялось на новый уровень. Во-первых, было создано хоть и квази, но «очередное» украинское государство с некими формальными признаками. Во-вторых, советско-коммунистическая партийно-государственная верхушка вынуждена была хотя бы формально, на словах, учитывать то, что называется «украинскость». А внутренние события вызывали даже борьбу с этим феноменом. В-третьих, создав национальную украинскую автономию коммунисты, а она была важным фактором в противостоянии времен большевистской оккупации 1917–1921 гг. и гражданской войны, признали «украинский вопрос» и вынуждены были его решать. Это было важно, ведь российское имперское, либеральное и революционное сознание признавало наличие «польского вопроса», «финского вопроса», «кавказского вопроса», но никак не «украинского». Войной и революцией украинцев заявили о себе, как об отдельном народе и начале его пути к политической нации. На «украинском вопросе» споткнулась современная официальная российская доктрина «новороссии» и «русского мира». Вторая мировая война имела свое влияние на решение украинского вопроса.

Логическая взаимосвязь революции – войны и решение вопроса о государственности выявилась в конце XX в. Для большинства стран социалистического блока новый этап истории начался и разрешился «бархатными» революциями. Для СФРЮ революция продолжилась войной с внешним вмешательством. Украина мирным путём пришла к независимости, если не считать первой молодежной «революции» – «революция на границе» (осень 1990 г.). Стоит признать, что коррупция и «бюджетные потоки» спасали Украину от революций. Но к началу нового тысячелетия коррупция стала неотъемлемой и важной чертой национальной политической системы. Если мыслить категориями классической теории революции, первая антикоррупционная революция в Украине произошла в 2004 г. («Оранжевая революция»). Но уже к 2007 г. революция «выдыхается». Ни

Ю. Тимошенко, ни тем более В. Янукович, как премьер-министры, не решили вопросы поставленные революцией. Хотя вторая революция давала инструмент проведения реформ – доверие к т. н. «оранжевой команде». Маскируясь Чемпионатом Европы по футболу «Евро-2012», пропагандой евроинтеграции в 2010–2013 гг. в Украине победила контрреволюция. Заявив в ноябре 2013 г. о «приостановке-паузе» евроинтеграции В. Янукович создал ситуацию когнитивного диссонанса, особенно в молодежной среде. Начиная с 2004 г. (с президентства В. Ющенко) в украинском общественном дискурсе постоянно присутствовала «идея евроинтеграции». К так называемой евроинтеграции украинское общество подталкивали события вокруг о. Тузла (2003), торговые войны России против Украины, обострившиеся именно к 2013 г., отказ России от сотрудничества с Украиной в авиастроении и кораблестроении, вытеснение Украины с международного военного рынка, создание производств-дублеров на своей территории, газовый шантаж и блокада. В 2010–2013 гг. президент В. Янукович проводил широкую и активную евроинтеграционную кампанию. В России даже выказывали опасение по этому поводу. Именно поэтому резкое изменение курса приобрело характер ценностного, мировоззренческого конфликта. Столкновение ценностей в теории конфликта рассматривается как самый сложный и трудноразрешимый конфликт. И если 40–60-летняя часть населения Украины, имеющая опыт советского приспособленчества в «соответствии с колебанием линии партии», восприняла это столкновение с грустно-саркастичной улыбкой, то молодёжь вышла на протесты.

Молодежь Украины с 1991 г. перестала ощущать любой идеологический прессинг. Молодежь Украины с 1991 г. росла в условиях свободы, с элементами анархия и охлократии. Для молодёжи Украины, ситуация «выйти с плакатами и протестами» нормальная, стандартная, обычная. Безусловно, это использовалось и используется политиками в своих целях. Но стоит признать, что некие либерально-европейские идеи и стандарты пустили корни в молодежной среде. Это одна из ряда причин, которые привели к противостоянию в конце 2013 г. – начале 2014 г., и к «антикриминальной революции». Используя внутренний конфликт, которые мог перерасти в гражданскую войну, внешние северо-восточные силы попытались реализовать свой план, одной из целью которого была так называемая декомпозиция Украины. Автор – А. Дугин, заявил об этом в книге «Основы геополитики» (1997). Попытка внешних сил развязать «гражданскую войну» в планируемом виде не получилась. Внутренний конфликт с элементами революции и потенциалом гражданской войны перерос в межгосударственный конфликт с характеристиками прокси-войны и гибридной войны. Со стороны Украины это война за свою субъективность, суверенитет. Этот конфликт будет определять будущее значительной части Европы ближайшие десятилетия.

Естественно, любой кризис, а война и революция особенно, преподают важные уроки, и для политической верхушки и для общества. Мы считаем, что причины всех кризисов – это внутренние причины вызревают в системе. Внешние силы могут лишь использовать их по своему усмотрению. Особенно это касается революции, феноменом которой легко манипулировать. Вместе с тем революции выносят на повестку дня вопрос ценностей: мировоззренческих, политических, культурных. Решение этих ценностных вопросов и в начале XX в. и в начале XXI в. в Украине, привели к появлению феномена, который Э. Вильсон назвал «неожиданная нация» («Несподівана нація», 2004 г.). «Неожиданная нация» выступает контраргументом тем «братьям», которые считают, что «Украина не страна, и даже не государство». Украина как система не развалилась, но испытывает то, что в финансовом мире называют стресс тест. Украинское государство под давлением украинского общества и внешнего управления «вынуждено» выполняет свои функции. Постепенно, в ходе этого взаимодействия, украинское общество, достаточно активная его часть, становится политической нацией. Конфликты в обществе создают особые социальные традиции. Именно традиции и социальная память предостерегают и помогают решать конфликты. Хотя европейцам понадобилось две мировые войны, чтобы каким-то образом сдерживать себя. Современный мир стал глобальным, открытым. Поэтому любые внутренние кризисы и конфликты могут выйти за пределы политической системы. Особенно если к этому «прикладывают руку» внешние факторы. Революции и войны, которые вела и ведёт Украина (как политическая система и нация) отвергают идеи братства и единства. Случай Украины (Case of Ukraine) подтверждает старую истину о том, что в основе международных отношений лежит «Realpolitik», т.е. вечные государственные и национальные интересы. Но в условиях кризисов, рано или поздно, встаёт вопрос ценностей и мировоззрения.

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВЗАИМОСВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

И. И. Погорская (Киев)

Стратегическая культура относится к ключевым макро-понятиям современного международно-политического развития, поэтому основное содержание стратегического поведения общества определяется государственными лицами, принимающими решения, и, соответственно, устанавливают долгосрочные государственные стратегические ориентации. Базовое понимание, к которому приводит стратегическо-культурный анализ, является то, что традиционные рационалистические теоретические модели стратегического принятия решений покрывали культурные различия меж-

ду государствами. Сторонники концепта, как правило, утверждают, что традиционные, универсально применимые теории международных отношений является аналитически неточными, поскольку в их стремлении к материально-рациональной ограниченности они опускают важную переменную – межгосударственные культурные различия, которые также обязательно должны быть учтены. Тем не менее, в концептуальном измерении, стратегическая культура до сих пор не выглядит совершенно, усложняя задачу объяснения отдельных случаев стратегического поведения актеров. Кроме того, многие модели, предлагают слишком много рефлексии на фактор стратегически культурной преемственности, что затрудняет прогнозирование вариативности действий актеров на международной арене.

Понятие стратегической культуры включает в себя два составляющих элемента: культуру и стратегию, определяет время его целостный смысл и вариативность толкований. Идея влияния культуры на национальную стратегию присутствует во многих исследованиях со времен Фукидида, что видели в ведении войны соревнования не только физических, но и моральных сил, а целью стратегии считали моральное уничтожение противника. Постепенно культура, кроме описательной, начала выполнять также эпистемологическую функцию, позволяя выявить наиболее важные черты в познании коллективности. Несмотря на то, что общепринятого определения культуры еще не существовало, под влиянием дискуссии в академической научной среде сформировались такие субдисциплины, как интеллектуальная история и этнокультурные исследования. Впоследствии, благодаря идеям известного специалиста по данной проблематике К. Гирца, опубликовавшему в 1973 г. книгу «Интерпретация культур». Он определил культуру как исторически транслируемую модель смыслов, воплощенных в символах, системе унаследованных концепций, выраженных в символической форме средствами, которые используются людьми для коммуникации, увековечивают и развивают знания и отношение к жизни [1]. Под влиянием его разработок культура стала рассматриваться как социально установленные структуры смысла человеческой деятельности, система символов, с помощью которых социальная группа транслирует знания через время и пространство, или, иначе, семиотическое измерение социальных практик [7]. Тем самым, был предложен интерпретативный подход к изучению культуры, предусматривающий включение элементов структурализма, герменевтики, социологии, философии. Этот подход обозначается как часть более широких тенденций развития современной эпистемологии.

Другая составляющая концепта «стратегической культуры» предполагает не столько теоретические рассуждения, сколько рациональную связь между целями и средствами. В частности, Дж. Л. Гэддис, понимает стратегию как процесс, посредством которого цели связываются со средствами, намерения со способностями, задачи с ресурсами [2]. Действовать стратегически здесь означает выстроить корреляцию между целями и ре-

сурсами. Трактующее в переводе с древнегреческого языка как «искусство полководца», понятие «стратегия» потерпело содержательного расширения, но сохранило ключевое представление, что связано с анализом, оценкой, планированием, моделированием и обеспечением деятельности государства или сообщества. Обычно стратегия разрабатывается на длительный период времени, отсюда и особый тип мышления – стратегический, предусматривающий концептуальное, системно-ориентированное направление. По оценке Э. Голдмана, процесс стратегического мышления предполагает четыре вида постоянной деятельности: сканирование действительности, вопрошание, концептуализацию и тестирование [3]. Особое значение придается стратегическому планированию, потому что в условиях турбулентности и быстрых дискретных изменений, значение стратегии для оценки угроз и возможностей и разработки «ответов» на «вызовы», допускающих дальнейшее движение, будет только расти. Таким образом, два концепта – «стратегия» и «культура» сформировали новое единое понятие.

В западном академическом мире автором самого термина «стратегическая культура» считается американский международник Дж. Снайдер, впервые употребил это понятие в конце 1970-х гг., анализируя американскую и советскую ядерные доктрины [8]. По мнению исследователя, элиты артикулируют уникальную стратегическую культуру, что представляет собой более широкий срез общественного мнения, социализированной в определенном типе стратегического мышления. Другой основатель данного исследовательского подхода К. Грей определил стратегическую культуру как таковую, что «относится к типу мышления и действий, вытекающих из перцепции национального исторического опыта, ответственного поведения в национальном стиле, а также с гражданской культуры и образа бытия» [4]. Существенным образом, в данном аналитическом русле стратегическая культура может быть трактована как набор практик и образа мышления, которые в обществах, определенных определенными географическими ареалами, регулирующих организацию и применения военной силы в политических целях. В данном смысле, стратегическая культура существенным образом определяет стратегический выбор государственных лидеров и управленцев.

Современные подходы касаются признания того факта, что внутри каждой стратегической культуры есть ряд «субкультур», которые могут конкурировать за влияние на принятие большинства стратегических решений. Теоретически, можно определить два типа стратегической культуры: стратегическая культура конфликтного типа и стратегическая культура типа сотрудничества. Эксперты утверждают, что более четко можно различить эти типы стратегической культуры через три вида признания: признание целесообразности войны, конфликта, признание эффективности использования силы. В работе «Культурный реализм» А. Джонстон определил стратегическую культуру как «приоритетные преимущества большой стратегии, вытекающие из парадигмальных предположений относительно

природы конфликта и противника, и коллективных решений» [5]. Специалист открыл очень перспективное направление в изучении стратегической культуры, где констатировано наличие доминирующей стратегической культуры, сторонники которой заинтересованы в сохранении статус-кво.

Таким образом, стратегическая культура может быть описана как весьма полезная цель-концепция как для комплексного анализа, так и узко прикладных исследований в сфере безопасности и внешней политики, которая может быть рассмотрена в двух измерениях: как познавательная парадигма и как контекст принятия стратегических решений. В частности, признанный специалист по дискурс-анализу Т. ван Дейк утверждает, что контекст может быть определен как структура систематически релевантных дискурсов свойств социальной ситуации [9]. В основе рассмотрения стратегической культуры как контекста лежат два гипотетические предположения: 1) исследователи исходят из того, что поведение государств в предыдущие периоды оказывает сильное влияние на их будущие возможности и варианты их поведения на международной арене; 2) исследователи опираются на идентичность или национальный характер, что предполагает склонность к определенному типу политики. В обоих вариантах имеется интегрированный подход, предусматривающий включение ее структуры в широкий социальный и культурно-исторический контекст. Еще одним важным феноменом в процессе изучения стратегической культуры как контекста является теория «зависимости от ранее пройденного пути». Если интеллектуальные предшественники теории исследовали, как становятся возможными институциональные инновации, то сторонники «зависимости от ранее пройденного пути», наоборот, поставили вопрос о том, почему институциональные инновации далеко не всегда возможны. Это позволило более точно акцентировать на том, что выбор, сделанный в прошлом, продолжает ограничивать возможности государства в будущем. С точки зрения формирования стратегической культуры как контекста наибольшее значение здесь имеют два параметра: временная обусловленность и вероятность или случайность того или иного события. Теория не предполагает зависимости от исходных условий, она фиксирует точки разрыва, существенно изменяющие сформированное будущее. По утверждению известного специалиста Дж. Махони, это и есть те случаи, запускают новые инерционные механизмы, которые означают или сотрудничество, или воспроизведение конфликта [6]. Таким образом, исследовательская парадигма представляет определенный путь познания, имеет четкую дефиницию зависимых и независимых переменных.

Вопрос о том, как выявить политические различия между странами остается крайне актуальным. Речь идет о специфике решений в сфере стратегической политики, которая открывает новый потенциал для развития концепции стратегической культуры, и, предусматривая формирование коалиций и достижения консенсуса, где участвуют конкретные политиче-

ские акторы, предполагает наличие отношений взаимозависимости. Стоит согласиться, что комплексный подход, который позволяет привлекать к анализу различные факторы из арсенала отдельных отраслей научных знаний, содержит значительный риск деконкретизации контекста стратегической культуры и методологическую сложность ее прикладной импликации. В то же время, несомненно, что стратегическая культура может быть трактована как контекст, который сопровождает понимания направлений поведения элементов в международной системе, но делает необходимым тонкое конструктивное сочетание партикулярности и универсальности. Понятно и то, что культурный базис стратегических построений не позволяет слишком легко разъединить идейное содержание стратегического поведения от процесса реализации.

Таким образом, по нашему мнению, более оправданной видится позиция, согласно которой стратегическое измерение международной политики определяется при учете объективного и субъективного элемента в стратегии, учете базовых культурных предпочтений в выработке и реализации политического решения. Поэтому эволюция научной мысли все чаще выбирает модель, которая предполагает особую стратегическую культуру, содержит несколько сосуществующих стратегических субкультур, интерпретацию международного социального/культурного контекста страны, интерпретирует материальные переменные и отношение к принятию различных стратегических решений, где различные парадигмы могут конкурировать за влияние в общественном дискурсе.

1. Гирц, К. Интерпретация культур / К. Гирц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 560 с.
2. Gaddis, J. L. *Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy* / J. L. Gaddis. – Oxford : Oxford University Press. – 512 p.
3. Goldman, E. F. *Building a Culture That Encourages Strategic Thinking* / E. F. Goldman // *Journal of Leadership & Organizational Studies*. – 2010. – May. – Vol. 17, № 2. – P. 119–128.
4. Gray, C. *National Style in Strategy: The American Example* / C. Gray // *International Security*. – 1981. – Fall. – Vol. 6, № 2. – P. 21–47.
5. Johnston, A. *Cultural Realism: Strategic Culture and Grand Strategy in Chinese* / A. Johnston. – Princeton : Princeton University Press, 1998. – 322 p.
6. Mahoney, J. *Path Dependence in Historical Sociology* / J. Mahoney // *Theory and Society*. – 2000. – № 29. – P. 507–548.
7. Sewell, W. *The Concept(s) of Culture* / W. Sewell // *Beyond the Cultural Turn: New Directions in the Study of Society and Culture*. – Berkeley : University of California Press, 1999. – P. 36–61.
8. Snyder, J. L. *A Project AIR FORCE report prepared for the RAND* [Electronic resource] / J. L. Snyder. – Mode of access: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2005/R2154.pdf>. – Date of access: 08.04.2019.
9. Van Dijk, T. A. *Text and Context of Parliamentary Debates* / T. A. Van Dijk // *Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse*. – Amsterdam : Benjamins, 2004. – P. 339–372.

ТЕРМИНЫ «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ» И «ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОПЕРАЦИИ» В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ ПАРАДИГМЕ

Д. В. Суржик (Москва)

С конца 1940-х гг. в зарубежной и отечественной публицистике, а затем и специальных монографиях появляется термин «информационная война». Попробуем определить его содержание, исходя из доктринальных документов Комитета начальников штабов США (КНШ) [1; 2; 4]. Отметим сразу, что мы не будем проводить гипотетически возможный анализ освещения разнообразных узлов теории и практики информационных операций в современных выпускных квалификационных работах военных учебных заведений США.

Важность такого анализа объясняется тем, что рассмотрение информационно-идеологического воздействия, проводимое невоенными организациями (публичная дипломатия, стратегическая коммуникация и их составные элементы) построено на сравнении позиций российских и американских политологов, социологов и иных экспертов. Изучение концепций информационного противоборства, предлагаемых современными российскими авторами проведено нами в заключительную очередь, поскольку, как показали результаты, большое влияние на современных российских авторов оказала американская терминология, нередко наполняемая лишь эмпирическими примерами без должного теоретического осмысления или использует для последнего советские шаблоны. Данная методика изучения теоретико-методологического аппарата различных форм информационного взаимодействия власти и общества, а также нескольких государств на территории одного из них, позволила определить основной терминологический инструментарий и его содержание, уточнить субординацию в вопросах создания и распространения подобного рода материалов, существующую ныне.

К настоящему моменту термин «информационные войны» в доктринальных документах Комитета начальников штабов США (КНШ) заменен на более нейтрально звучащие *информационные операции (ИО)**. «Словарь военных терминов Министерства обороны США» (в редакции от 12 апреля 2001 г. с правками от 17 октября 2007 г.) определяет ИО как взаимодействие (в ходе военных операций) информационных средств с другими с целью оказать воздействие, прерывать, разрушить или же усложнить процесс принятия решений командованием противников или вероятных противников и защитить свое командование. Информационные операции включают в себя сетевые операции (computer network operations), радиоэлектронную борьбу

---

*Поэтому вплоть до последнего времени в исследователях встречается аббревиатура «ИВ/ИО» (IW/IO), которая означает «информационные войны/информационные операции» (Information Warfare/Information Operations).

(electronic warfare, EW), военную хитрость (military deception), оперативную безопасность (operations security) и психологические операции (psychological operations) [5, р. 261]. Это определение почти полностью повторяется в следующей (ныне действующей) редакции этого словаря (от 8 ноября 2010 г. с правками 15 февраля 2016 г.). Исключение составляют лишь «психологические операции» (ПСИОП), которые заменены более нейтральным «операции в поддержку военной информации» (ОПВИ, *military information support operations, MISO*) [6, р. 110]. Данная замена была произведена в соответствии с меморандумом министра обороны США (ранее – руководителя Центрального Разведывательного Управления) Роберта Майкла Гейтса от 3 декабря 2010 г., где последний термин назван «более точно отражающим и передающим природу деятельности, планируемой как в мирное, так и в военное время»^{***}.

Сравнивая определения информационных операций и информационных войн Комитета начальников штабов, можно сделать ряд выводов. Во-первых, на уровне высшего командования вооруженных сил США до сих пор ведется терминологический поиск, цель которого – в условиях открытости своих доктринальных документов найти более нейтральные, менее шокирующие публику термины («операции» вместо «война» и замена «психологических операций» на весьма аморфно звучащие «операции в поддержку военной информации») при сохранении, однако, их содержания. Во-вторых, указанная выше причина, по которой произведена замена ключевого (для данного исследования) термина, говорит о том, что подготовка и разработка психологических операций (или операций поддержки военной информации) ведется до начала вооруженной фазы международных конфликтов. В-третьих, эти «рамочные» определения не могут быть признаны удовлетворительными. Требуется дополнительно изучить устав Комитета начальников штабов США (КНШ) под названием «Единая доктрина информационных операций».

Здесь несколько расширено определение информационных операций и включает в себя физическое нарушение линий связи, специальные информационные операции^{*} и даже могут включать атаки на компьютерные сети, которые в своей совокупности являются операциями с целью воздействовать на информацию и информационные системы противника с целью изменить используемые ими (в автоматическом или ручном режиме) сведения. Там же информационные операции подразделяются на наступа-

---

^{***} Показательно, что далее [6, р. В-3] психологические операции названы некорректным и «ошибочно используемым» термином вместо операций поддержки военной информации. Сравнение определений двух данных терминов будет проведено нами далее.

^{*} Определение термина присутствует только в редакции «Словаря военных терминов Министерства обороны США» от 12 апреля 2001 г. (с правками от 17 октября 2007 г.). Там специальные информационные операции определены как «информационные операции, которые в силу критического характера и вследствие их потенциального влияния, требований безопасности или риска для национальной безопасности Соединенных Штатов требуют особого рассмотрения и соответствующих мер» [5, р. 502]. В действующей редакции этого словаря нет даже упоминания о специальных информационных операциях (см. [6]).

тельные, направленные на командование противника, и оборонительные. *Наступательные ИО (offensive IO)* проводятся в отношении «информационных систем противника или потенциального противника с тем, чтобы во время кризиса и конфликта вооруженные силы США обладали бы колоссальным преимуществом». *Оборонительные информационные операции (defensive IO)* призваны «гарантировать безопасность и оборону информации и информационных систем, от которых зависит проведение межвидовых операций и достижение целей» и состоят из четырех взаимосвязанных процессов: защита информационной среды, выявление атак, восстановление работоспособности и контратака. Действующая ныне редакция содержит ряд важных изменений. Она нацелена не столько на объяснение этого феномена, сколько на его практическое применение как в ходе многонациональных операций, так и используя различные формы государственного и частного партнерства, а также на изучение реакции аудитории и работы с этими замечаниями [2, р. vii, viii, II-1].

Таким образом, можно говорить о том, что внешняя оболочка (названия терминов, имеющих отношение к проблеме информационной борьбы) смягчились, однако их содержание стало более четким и более агрессивным. Видя, как детально прорабатываются вопросы информационных войн (информационных операций), как детально прописываются их составные элементы, можно сделать вывод о том, как теоретически развиваются эти проблемы. Также, по некоторым опубликованным в открытых источниках документам, можно судить о планировании и реализации отдельных информационных операций [см., напр., 7].

1. JP 3-13: Joint Doctrine for Information Operations. 9 October 1998. – Washington (D.C.) : GPO, 1998.
2. JP 3-13: Information Operations. 27 November 2012, Incorporating Change 1 (20 November 2014). – Washington (D.C.) : GPO, 2014.
3. JP 3-13.2: Military Information Support Operations. 07 January 2010, Incorporating Change 1 (20 December 2011). – Washington (D.C.) : GPO, 2011.
4. JP 3-53: Doctrine for Joint Psychological Operations. 5 September 2003. – Washington (D.C.) : GPO, 1996.
5. JP 1-02 Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms (As Amended Through 17 October 2007). – Washington (D.C.) : GPO, 2007.
6. JP 1-02 Department of Defense Dictionary of Military and Associated Terms (As Amended Through 15 February 2016). – Washington (D.C.): GPO, 2016.
7. Суржик, Д. В. Нереализованный проект информационной операции против Исламской республики Иран / Д. В. Суржик // Информационные войны как борьба геополитических противников, цивилизаций и различных этосов: Сборник трудов Всероссийской научной конференции (г. Новосибирск, 26–27 апреля 2018 г.) / под науч. ред. проф. В. Ш. Сабинова ; СибГУТИ. – Новосибирск : СибГУТИ, 2018. – С. 678–685.

ОБРАЗ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В ТРУДАХ СИГНАТАРОВ АКТА НЕЗАВИСИМОСТИ ЛИТВЫ

Р.-Е. А. Кудрявцева (Санкт-Петербург)

В 2018 г. отмечали юбилейную дату – столетие принятия Акта независимости Литвы, в память о котором прошли мероприятия, как в самой Литве, так и в Санкт-Петербурге, где в Санкт-Петербургском университете обучались многие подписавшие документ. 16 февраля 2018 г. Литовская республика отпраздновала столетний юбилей восстановления государственной независимости, обретенной после подписания Акта о независимости Литвы.

Литва, входившая в состав Речи Посполитой, утратила государственную независимость в XVIII в., когда, после третьего раздела часть ее территорий вошла в состав Российской Империи. С этого времени Литва, бывшее Великое княжество Литовское, хоть и исчезла с карты Европы как государство, но не исчезло стремление к свободе, бывшее основополагающим постулатом права Великого княжества Литовского.

В ходе Первой мировой войны территория Литвы была оккупирована Германией. 18–22 сентября 1917 г. в Вильнюсе начала работу конференция, созванная с разрешения оккупационных немецких властей, которая и положила начало созданию нового литовского государства. Организационный комитет конференции включал в себя пять человек: Миколаса Биржишку, Пятраса Климаса, Антанаса Сметону, Йонаса Станкавичюса и Юргиса Шаулиса, которые также рассылали приглашения делегатам конференции.

В работе конференции в здании Театра на Погулянке, приняло участие более двухсот делегатов со всех концов Литвы, по шесть человек из каждого уезда, представителей разных социальных слоев, с различными политическими взглядами. Председательствовал Йонас Басанавичюс.

В принципах подготовки и организации конференции нашли отражения параллели с историческими традициями старинного литовского самоуправления, выражавшимися в заседаниях сеймиков Великого княжества Литовского, на которых выбирались представители от каждого повета, от наиболее образованных, талантливых и значимых шляхтичей, для отражения интересов своей земли на общем собрании – Вальном Сейме, который решал важнейшие государственные вопросы и являлся важнейшим органом власти в государстве.

В ходе конференции был избран Lietuvos Taryba – Совет Литвы, в состав которого вошли двадцать человек. В июле 1918 г. этот орган стал Государственным советом Литвы – Lietuvos Valstybės Taryba. Председателем Совета Литвы был избран Антанас Сметона.

Именно Совет Литвы составил и подписал Акт о независимости Литвы, который 16 февраля 1918 г. провозгласил восстановление независимого Литовского государства. Составители документа писали, что Совет Литвы на заседании 16 февраля 1918 г. единогласно решил обратиться к

правительствам таких стран как Германия и Россия с декларацией «*Lietuvos Taryba, kaip vienintelė lietuvių tautos atstovybė skelbia atstatanti nepriklausomą demokratiniiais pamatais sutvarkytą Lietuvos valstybę su sostine Vilniuje*» [4] (Совет Литвы, как единственное представительство литовского народа, объявляет о восстановлении независимого государства Литвы, организованного на демократической основе, со столицей в Вильнюсе – прим. Автора).

Акт 16 февраля стал важным этапом в процессе становления независимости Литвы, учитывая сложное положение Совета, находившегося между двух огней, вынужденных искать пути компромисса между германскими интересами, чьи войска оккупировали ее территорию, и интересами своего народа. Однако, несмотря на то, что Акт был подписан, это была еще не окончательная победа, ведь, как известно, власти Германии запретили его публикацию и текст декларации распространялся подпольно.

Ситуация изменилась в ноябре 1918 г., когда Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, а литовский кабинет министров получил наконец контроль над территорией страны, хотя впереди будет еще несколько войн за окончательное подтверждение независимости.

Этот Акт в 1990 г. сыграл свою роль в провозглашении восстановления независимости Литовской ССР от Советского Союза, а сам Акт по документу «О восстановлении Литовского государства» вместе с резолюцией учредительного сейма 1920 г. стал конституционной основой современного Литовского государства. Тогда же, 11 марта 1990 г., вернулся и герб государства, Витис, связавший современное государство с его древними корнями – Погоней Великого княжества Литовского.

До 1940 г. Акт хранился в Каунасе в президентском дворце, однако затем исчез и был найден в только 2017 г. в политическом архиве министерства иностранных дел профессором Университета Витаутаса Великого Людасом Мажилисом.

Среди подписавших Акт о независимости Литвы было несколько историков, в том числе Йонас Басанавичюс, Миколас Биржишка и Пятрас Климас. Несмотря на то, что они учились не в Санкт-Петербургском, а Московском университете, я бы хотела сказать несколько слов именно об этих исследователях.

Йонас Басанавичюс, учившийся на историко-филологическом, а затем, на медицинском факультете Московского государственного университета, являлся живым образом и символом независимости Литвы, он умер в день принятия акта о независимости, 16 февраля 1927 г. В основном труды его были посвящены вопросам этнологии, языкознания и литовскому фольклору, по его инициативе было учреждено Литовское научное общество в 1907 г. Йонас Басанавичюс писал в своих работах, что истинные литовцы должны любить свой язык, говорить на нем, следовать примеру своих предков [1].

Миколас Бржишка – литовский литератор и историк, закончил юридический факультет Московского государственного университета, был заместителем Литовского научного общества, занимался изучением истории литовского университета, переводом художественных произведений, является автором книги по истории литовской словесности [2].

Пятрас Климас – литовский историк, один из сигнаторов Акта о независимости большое внимание уделял истории Литвы [5]. Он также изучал право в Московском государственном университете. В частности, Пятрас Климас является автором таких книг «Русская Литва», «История развития Литовского государства», «История землевладения в Литве» [3].

В непростое время борьбы за независимость в Литве, ее политические и общественные деятели обращались к своей истории, к примеру, Великого княжества Литовского, древней Литвы, бывшей символом силы, храбрости, независимости и чести.

Стремление последовать примеру героического прошлого выражалось в интересе к политической истории государства, ставшего к XVI в. одним из сильнейших в Европе, занимавшего территории, сравнимые с землями Священной Римской империи. Основой сильной власти в Великом княжестве была шляхта, воины и землевладельцы, наделенные политическими правами, защищавшие государство и стоявшие наряду с великим князем на страже его независимости, что объясняет стремление к изучению истории землевладения.

В работах Йонаса Басанавичюса интерес к истории Великого княжества отразился в исследовании литовских замков, бывших образом силы предков, побеждавших крестоносцев и немцев, необходимом для продолжения борьбы за независимость. Образом сильной власти для историка был пример Ольгерда, Кейстута и Витовта. Печальную картину тяжелой потери памяти об истории рисует Йонас Басанавичюс, однако, даже в этой печали остается сильным мотив гордости за свою Родину и образ сильного прошлого: *«замки Литвы исчезли, разрушена вера литовцев, сама Литва постепенно исчезает... что остается нам? Нам остались курганы, как напоминание о силе предков! У других народов остались памятники славы и остатков древней истории... мы же можем похвастаться холмами, сложенными руками наших предков... Здесь наши предки защищались, здесь охраняли людей и проливали кровь. Может ли кто похвастаться такими же холмами?! Пожалуй, только Литва»* [1].

Историческая память о принятии Акта о независимости Литвы не потеряна, продолжают работы по увековечиванию памяти о сигнаторах акта независимости, так в 2007 г. была установлена мемориальная плита в здании бывшего театра на Погулянке.

Президент Литовской Республики Валдас Адамкус в 2007 г., когда отмечалось 90-летие Акта, отметил в одном из интервью, что делегаты, принимавшие участия в Вильнюсской конференции, видели целью своей работы создание свободного и независимого Литовского государства, ос-

новываясь на принципах и идеях, которые сохраняются в Литве и по сей день. Президент 10 лет назад призвал литовцев сохранять память о том событии, сохранять идеал свободы, который был пронесен через долгий период, когда Литва стремилась к обретению своей независимости, идеал светлого будущего государства.

Йонас Басанавичюс писал, что в его время многими забыта история, история, написанная в самой земле. Историк обращал внимание на то, что несмотря на то, что в названии многих селений можно увидеть сам слово «замок» – «пилес», многие не знают, что это, не помнят, о зачастую похороненных там героях далеких войн XVI–XVII вв.

Великое княжество Литовское, оставило в наследство не только свои замки, как напоминание о силе, но и свое право и традиции, как источник идеала свободы, принципов существования государства. Конституция Великого княжества Литовского, Статут, составленная еще в 1529 г., отражает именно те принципы и идеалы, к которым должно стремиться общество: любовь к родине, святой долг по ее защите, сила закона, с которой должно считаться власти, гражданские права и политические права населения, участие в управлении государством через органы местного самоуправления, защита чести и достоинства.

Изучение истории Великого княжества Литовского, поликонфессионального, многонационального государства позволяет нам видеть современную ситуацию в свете богатых традиций политических и культурных связей народов наших государств, способствует взаимопроникновению и углублению сотрудничества.

Опыт построения и функционирования политической системы и развития гражданского общества в Великом княжестве Литовском, по праву являющийся предметом национальной гордости литовского народа, является важным элементом развития политико-правовой мысли современных европейских государств.

1. Basanavičius, J. Apie senovės Lietuvos pylis [Elektroniniai ištekliai] / J. Basanavičius. – Tilžė, 1891. – Prieigos režimas: http://www.saltiniai.info/files/literatura/LG00/Jonas_Basanavičius._Apie_senovės_Lietuvos_pilis.LG1501.pdf. – Prieigos data: 01.02.2019.
2. Biržiška, M. Mūsų raštų istorija 1547–1904 / M. Biržiška. – Kaunas : Švyturys, 1920. – 112 p.
3. Klimas, P. Lietuvių senybės bruožai / P. Klimas. – Vilnius : Lietuvių mokslo draugijos leidinys, 1919. – 169 p.
4. Lietuvos nepriklausomybės aktas [Elektroniniai ištekliai]. – Prieigos režimas: <http://viduramziu.istorija.net/etno/vasario16.htm>. – Prieigos data: 01.02.2019.
5. Sauka, L. MYKOLAS BIRŽIŠKA IR LIETUVIŲ DAINOS 125-ąsias gimimo metines paminint [Elektroniniai ištekliai] / L. Sauka // Tautosakos darbai XXXIV. – 2007. – Prieigos režimas: <http://www.lti.lt/failai/25%20Sukaktys%20Birziska.pdf>. – Prieigos data: 01.02.2019.

УСХОДНІ НАПРАМАК ЗНЕШНЯЙ ПАЛІТЫКІ ПОЛЬШЧЫ Ў ПАЛІТЫЧНЫХ КАНЦЭПЦЫЯХ 1918–1921 гг.: ГІСТАРЫЯГРАФІЯ ПРАБЛЕМЫ

А. Г. Трубчык (Мінск)

Усходняя палітыка незалежнай Польскай дзяржавы фарміравалася пад уплывам розных палітычных канцэпцый, якія знайшлі сваё адлюстраванне ў польскім друку і асобных брашурах праграмнага характару. У 1920-я гг. вывучэнне этнаканфесійных і дэмаграфічных характарыстык “усходніх крэсаў” становіцца прыярытэтным накірункам польскай гістарычнай навукі. У гэты перыяд з’яўляюцца статыстычныя працы Э. Малішэўскага [6], У. Студніцкага [10], Л. Васілеўскага [11], С. Кучэбы [4], К. Саракоўскага [9], якія зыходзілі з даных перапісу насельніцтва, праведзенага ў Польшчы ў канцы верасня 1921 г.

У 1923 г. па загаду тагачаснага прэм’ер-міністра Уладзіслава Сікорскага была падрыхтавана навуковая праца польскага даследчыка Канстанты Саракоўскага “Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich” (“Нацыянальная справа на ўсходніх крэсах”). Галоўнай мэтай аўтара было вызначыць этнаканфесійныя асаблівасці краю і ахарактарызаваць узровень яго эканамічнага і культурнага развіцця. Не адмаўляўся той факт, што на гэтых землях яшчэ да пачатку польскага наступлення мела месца беларуская адукацыя, арганізаваная пры падтрымцы нямецкіх акупацыйных улад.

Аўтар зрабіў выснову аб тым, што ў заняпадзе беларускай асветы ў час польска-савецкай вайны вінавата не мясцовае насельніцтва з яго слабай нацыянальнай інтэлігенцыяй, а перш за ўсё, непаслядоўнасць палітыкі кіраўніцтва Генеральнага камісарыята Грамадзянскага ўпраўлення Усходніх зямель (далей – ГУУЗ). Так, у пачатку польскага наступлення на беларускія землі ваенныя ўлады знішчылі амаль усе беларускія школы, якіх толькі на Гродзеншчыне было каля 153. Калі ўсе беларускія школы былі зачынены, кіраўніцтва ГУУЗ пачало падрыхтоўку беларускіх настаўнікаў. На педагагічных курсах у Вільні і Слуцку навучалася паўтары тысячы беларускіх настаўнікаў, якія так і не былі прызначаны на пасады. Застаўшыся без працы, яны пачалі займацца беларускай або камуністычнай прапагандай. Такім чынам, польскія ўлады самі падрыхтавалі сабе ворагаў. На думку К. Саракоўскага, дазвол бескантрольнай дзейнасці мясцовай адміністрацыі ГУУЗ быў галоўнай памылкай польскай палітыкі.

У 1928 г. выйшла адна з найбольш значных прац, якую можна аднесці як да польскай гістарыяграфіі міжваеннага перыяду, так і да крыніц па вывучэнню польскай палітыкі на акупаваных землях – “Кароткі нарыс беларускага пытання”, падрыхтаваная ў II аддзеле Генеральнага штаба польскага войска (аўтарства невядома) і прызначаная “толькі для службовага карыстання” [1].

У працы дадзена ацэнка польскай палітыкі на беларускіх землях, акрэслены адносіны насельніцтва да польскіх ўлад, а так сама вызначаны асаблівасці беларуска-польскіх дачыненняў. “Кароткі нарыс...” змяшчае інфармацыю аб тым, што Віленская адозва выклікала паланафільскія настроі ў часткі беларускага грамадства. Сярод беларускіх нацыянальных дзеячаў з’явіліся прыхільнікі вырашэння палітычнага лёсу Беларусі ў федэрацыі з Польшчай. Аднак хутка польскае кіраванне стала непапулярным. Прычыну аўтар бачыў у тым, што польскія ўлады дзейнічалі на беларускіх землях як ў акупаваным краі, не лічыліся з настроямі і інтарэсамі насельніцтва, не мелі рашучай і паслядоўнай нацыянальнай палітыкі.

З пачатку 1930-х гг., у сувязі з уздымам нацыянальна-вызваленчага руху, выкліканага глыбокім эканамічным крызісам, у польскую гістарыяграфію зноў вярнуліся антыбеларускія тэндэнцыі. З’явіліся працы, якія замацоўвалі лінію погляду на беларускі народ, як на адсталы ў нацыянальным развіцці і няздольны да самастойнай дзяржаватворчасці.

У 1970-я гг. ў польскай гістарыяграфіі ў першыню прагучала думка аб тым, што ў адносінах да беларускіх зямель на практыцы польскія ўлады не кіраваліся адзінай палітычнай праграмай [2; 5]. Палітыка, якая ў тэорыі павінна была быць федэрацыйнай, рэалізоўвалася згодна з інкарпарацыйнай мадэллю. У публікацыях Ю. Левандоўскага і А. Дзяругі ўпершыню ў польскай гістарыяграфіі прагучала думка аб тым, што ў адносінах да беларускіх зямель на практыцы польскія ўлады не кіраваліся адзінай палітычнай праграмай. Палітыка, якая ў тэорыі павінна была быць федэрацыйнай, рэалізоўвалася згодна з інкарпарацыйнай мадэллю. Ю. Левандоўскі ў працы “Федэралізм. Літва і Беларусь у палітыцы бэльведэрскага лагера (1918–1920 гг.)” пісаў: “Абедзьве [польскія] праграмы прадугледжвалі экспансію на ўсход... Увод войскаў адбываўся для ўключэння ўсходніх тэрыторый у склад Польшчы ў інтарэсах польскай меншасці, сярод якіх вядучую ролю адыгрывалі землеўласнікі, звязаныя з адміністрацыяй ГУУЗ” [5]. На думку аўтара, агульныя палітычныя дырэктывы федэралістаў і эндэкаў найбольш збліжаліся ў вырашэнні беларускіх пытанняў.

На думку польскага даследчыка П. Урубеля, беларускі нацыянальны рух не меў уплыву на мясцовае насельніцтва, таму няўпэўненыя ў сваім палітычным становішчы беларускія лідары “фармулявалі да палякаў вельмі абмежаваныя патрабаванні гаспадарчага і культурнага плану [12]. Характарызуючы польска-беларускія адносіны, аўтар падкрэслівае, што польскія ўлады, назіраючы раз’яднанасць і слабасць маладога беларускага нацыянальнага руху, не маглі ставіцца да яго сур’ёзна. Разам з тым, даследчык не ідэалізуе польскую палітыку, робячы выснову аб тым, што палякі паводзілі сябе ў Беларусі як у акупаваным краі. На распаўсюджванне антыпольскіх настрояў сярод беларускай інтэлігенцыі значна паўплывала недальнабачная палітыка мясцовай адміністрацыі,

накіраваная на паступовае закрыццё ўсіх беларускіх школ, якія пакінулі пасля сябе немцы (дадзена лічба 350 беларускіх пачатковых школ).

З пачатку 1990-х гг. у польскай гістарычнай навуцы наступленне польскіх войскаў на беларускія тэрыторыі пачало вызначаецца як “вызваленне ўсходніх зямель ад бальшавізму”. У большасці сучасных навуковых прац і падручнікаў па гісторыі Польшчы для характарыстыкі дзейнасці польскіх ваенных улад на занятых тэрыторыях не ўжываецца тэрмін “акупацыя”.

Працы Г. Лукомскага, В. Бальцэрака, А. Новака, М. Вайніцкай, Е. Тапольскага, М. Лечыка і інш., прысвечаных “усходняй праблематыцы” і беларуска-польскім адносінам у 1919–1921 гг. аб’ядноўвае зварот да падтрымкі федэрацыйнай канцэпцыі Ю. Пілсудскага, згодна з якой вынікала, што толькі дзякуючы польскаму ваеннаму наступленню беларусы атрымалі рэальную магчымасць стварыць уласную дзяржаўнасць у федэрацыі з Польшчай.

У апошнія дзесяцігоддзе ў польскай гістарыяграфіі акрэсліўся навуковы кірунак, прадстаўнікі якога, на наш погляд, перабольшваюць ролю федэраліскай ідэі ў польскай палітыцы на акупаваных землях. Разам з ідэалізацыяй федэраліскай канцэпцыі Ю. Пілсудскага назіраюцца спробы абгрунтаваць прычыны яе правалу [8]. Вядомы спецыяліст па вывучэнню польскай палітыкі на тэрыторыі ГУУЗ прафесар Ю. Героўская-Калаўр прыйшла да высновы аб тым, што Ю. Пілсудскі не здолеў ажыццявіць свой палітычны праект на тэрыторыі ГУУЗ, бо не меў там адзінадумцаў, здольных да зладжанай працы. Мясцовая адміністрацыя ГУУЗ была слаба арганізаваная, а большасць з яе прадстаўнікоў мелі інкарпарацыйныя погляды на будучае ўладкаванне краю.

Адной з прычын зрыву федэраліскіх планаў Ю. Пілсудскага Ю. Героўска-Калаўр лічыць дзейнасць Таварыства Стражы Крэсвай (далей – ТСК). На думку даследчыцы, дадзеная арганізацыя павінна была стаць апорай федэралістаў, аднак дзейнасць яе арганізатараў і асобных функцыянераў пайшла ўразрэз з дэклараванай палітыкай Ю. Пілсудскага. У артыкуле “Стража Крэсова адносна беларускага пытання” даследчыца адзначае, што ТСК не падтрымлівала дзейнасць беларускага нацыянальнага руху. Пры гэтым вельмі спрэчнай падаецца аўтарская заўвага аб тым, што “нікога з гэтага асяродка нельга было назваць беларусафобам” [3]. Ю. Героўска-Калаўр абмінула ўвагай факты супрацьдзеяння адкрыццю беларускіх школ з боку інструктараў ТСК, асабліва на Віленшчыне і Гродзеншчыне. Аўтар выказала думку аб тым, што ТСК чэрпала сродкі з фінансавага фонду ГУУЗ, а значыць павінна была працаваць пад лозунгамі Віленскай адозвы.

Дадзеную пазіцыю не падтрымлівае Ніна Зелінска, аўтар манаграфіі “Таварыства Стражы Крэсвай, 1918–1927.” Даследчыца сцвярджае, што з самага пачатку ТСК не мела адзінага палітычнага кірунку, аднак дзейнасць яе прадстаўнікоў заўсёды была “гарантыяй польскага характару ўсходніх

земель” [13]. Н. Зелінска падкрэслівае, што ТСК была важнейшай грамадска-палітычнай арганізацыяй, дзякуючы якой удалося схіліць на бок Польскай дзяржавы большую частку насельніцтва шматнацыянальных ўсходніх земель. Таму галоўнай крыніцай грашовых сродкаў для ТСК было не ГУУЗ, а ахвяраванні з боку мясцовага насельніцтва. Высновы аўтара грунтуюцца на матэрыяле архіўнага фонду ТСК, пры гэтым даследчыца не выкарыстоўвае дакументы ГУУЗ. У сувязі з гэтым назіраецца перабольшванне значэння ТСК у грамадска-палітычным жыцці акупаваных тэрыторый, адсутнічае інфармацыя аб дачыненнях з адміністрацыяй ГУУЗ, не акрэслена пазіцыя ТСК адносна культурна-асветніцкай дзейнасці беларускіх арганізацый і інш.

У апошнія гады палітыка польскіх улад у 1919–1921 гг. разглядаецца праз прызму вывучэння беларуска-польскіх адносін. Найбольш значнай сярод сучасных напрацовак неабходна адзначыць манаграфію польскай даследчыцы Дароты Міхалюк “Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці”. У 2015 г. праца была перакладзена на беларускую мову [7].

Аўтар дэталёва прааналізавала прычыны расколу беларускага нацыянальнага руху, вызначыла пазіцыі розных яго плыняў. У даследаванні адзначана, што польскія ўлады не падтрымлівалі незалежніцкія памкненні беларусаў, а іх надзеі на ўтварэнне дзяржавы выкарыстоўвалі ва ўласных мэтах. Аднак палякі не хацелі давесці справу да сітуацыі, калі беларускія палітыкі будуць шукаць падтрымкі ў Савецкай Расіі, тым больш, што не было вырашана пытанне польскай усходняй мяжы.

На думку даследчыцы, праблема беларуска-польскіх адносін заключалася ў узаемным недаверы і няшчырасці дыскусій. З беларускага і польскага бакоў па-рознаму разумелася ідэя беларускага П’емонта пад апекай Польшчы. А. Луцкевіч настойваў на ідэі непадзельнасці Беларусі і разумеў яе як згоду Ю. Пілсудскага на стварэнне беларускай тэрытарыяльнай і палітычнай аўтаноміі. У сваю чаргу, Ю. Пілсудскі абяцаў перадаць беларусам тэрыторыі, якія, акрамя Міншчыны, знаходзіліся пад савецкай уладай. Уваходжанне ў склад беларускай дзяржавы Віленшчыны і Гродзеншчыны не абмяркоўвалася, бо Ю. Пілсудскі лічыў іх часткай Польшчы. Гэта пазіцыя выразна праявілася ў лаяльнасці да беларускай мовы і адукацыі на Міншчыне. Разам з тым, на Віленшчыне і Гродзеншчыне са 150 беларускіх школ, якія дзейнічалі падчас нямецкай акупацыі, засталася толькі 20. Польскія ўлады зачынілі гімназіі ў Будславе, Гродна, а ў Слуцку і Вільні абмежавалі іх дзейнасць [7].

Падагульняючы свае высновы, Д. Міхалюк сцвярджае, што калі б беларускі нацыянальны рух не раскалоўся, ён меў бы большую прабіўную сілу і магчымасць дасягнуць сваіх мэт, калі і не ў справе дзяржаўнай незалежнасці, то абавязкова сферы асветы.

Такім чынам, праблемы, звязаныя з дзяржаватворчымі працэсамі, застаюцца актуальнымі, патрабуюць аб'ектыўнага навуковага падыходу і далейшай распрацоўкі з боку як польскіх, так і беларускіх гісторыкаў.

1. Кароткі нарыс беларускага пытання. – Мінск : І. П. Логвінаў, 2009. – 396 с.
2. Deruga, A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919) / A. Deruga. – Warszawa : Książka i Wiedza, 1969. – 330 s.
3. Gierowska-Kałuża, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego – 9 września 1920) / J. Gierowska-Kałuża. – Warszawa : Wydawnictwo Neriton Instytut Historii PAN, 2003. – 447 s.;
4. Kutrzeba, S. Polska odrodzona, 1914–1922 / S. Kutrzeba. – Krakow : Gebethner i Wolff, 1922. – 20 s.
5. Lewandowski, J. Federalizm. Litwa a Białoruś w polityce obozu belwederskiego (XI-1918–IV-1920) / J. Lewandowski. – Warszawa : PWN, 1962. – 79.
6. Maliszewski, E. Białoruś w cyfrach i faktach / E. Maliszewski. – Piotryków : Wiadomości Polski, 1918. – 39 s.; Maliszewski, E. Stosunki narodowościowe w Rzeczypospolitej Polskiej / E. Maliszewski. – Warszawa : Instytut badań spraw narodowościowych w Polsce, 1923. – 20 s.
7. Michaluk, D. Białoruska Republika Ludowa 1918–1919. U podstaw Białoruskiej państwowości. – Toruń : Wyd-wo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. – 597 s.
8. Sleszyński, W. Wychować lojalnych obywateli. Polityka oświatowa władz polskich na ziemiach północno – wschodnich II Rzeczypospolitej (1919–1939) / W. Sleszyński // Rola oświaty i szkolnictwa w procesie kształtowania się świadomości narodowej na pograniczu polsko-litewskim-białoruskim / Prymat; red. W. Sleszyński. – Białystok, 2007. – S. 151–158.
9. Srokowski, K. Sprawa narodowościowa na kresach wschodnich / K. Srokowski. – Kraków : Gebethner i Wolff, 1924. – 56 s.
10. Studnicki W. Zarys statystyczno-ekonomiczny ziem północno-wschodnich / W. Studnicki. – Wilna, 1922. – 165 s.; Studnicki, W. Północno- wschodnie ziemie dawnej Rzeczypospolitej Polskiej / W. Studnicki. – Warszawa, 1919. – 27 s.
11. Wasilewski, L. W sprawie przyłączenia kresów wschodnich / L. Wasilewski. – Warszawa : Znak, 1919. – 26 s.
12. Wróbel, P. Kształtowanie się białoruskiej świadomości a Polska / P. Wróbel. – Warszawa : Wydawnictwa Uniwersytetu warszawskiego, 1990. – 86 s.
13. Zelińska, N. Towarzystwo Straży Kresowej, 1918–1927 / N. Zelińska. – Lublin : VERBA, 2006. – 243 s.

**«ТЕХНИКА ГОСТЕПРИИМСТВА»:
ДОКУМЕНТЫ ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА КУЛЬТУРНОЙ СВЯЗИ
С ЗАГРАНИЦЕЙ О РАБОТЕ С «ГОСТЯМИ СССР»
ИЗ ЧИСЛА ЗАПАДНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 30-е гг. XX в.**

И. В. Жилинская (Минск)

В 1981 г. в Нью-Йорке вышла книга П. Холландера «Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе (1928–1978)», в которой автор, анализируя визиты представителей западной интеллигенции в указанные страны, вводит понятие «техника

гостеприимства», составными элементами которой называет обеспечение высокого уровня обслуживания иностранцев, стремление подчеркнуть их значимость, изоляцию от повседневной жизни и общения с простыми гражданами посещаемой страны, а также выборочную демонстрацию действительности [14, с. 74–75]. Однако, фактического материала, раскрывающего суть данной техники, автором не приводится. Вместе с тем, документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, позволяют более детально раскрыть вырабатываемую в 30-е гг. XX в. советскую технологию приема иностранных интеллектуалов с целью формирования у них определенного отношения к СССР и советской действительности.

Приемом иностранцев в Советском Союзе занимались различные организации: ГАО «Интурист», ВЦСПС, приезжали и по приглашениям различных творческих союзов. Но в 30-е гг. XX в. большая часть интеллигенции, приезжавшая в СССР, обслуживалась именно Всесоюзным обществом культурной связи с заграницей (ВОКС). Документы данного общества, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде 5283, содержат обширный материал по данной проблематике.

ВОКС было создано 5 апреля 1925 г. Возникновение такой организации явилось поворотным пунктом в деле налаживания культурных связей Советского Союза с зарубежным миром и началом формирования целенаправленной культурной политики по отношению к иностранным государствам. Согласно уставу, цель деятельности Общества определялась как «содействие установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы» [2, л. 1]. Причем основным средством осуществления цели виделось распространение информации о достижениях советской науки и культуры за рубежом [2, л. 1]. Это должно было способствовать увеличению интереса к СССР и социалистическому строю в капиталистическом обществе.

Основной целевой аудиторией являлась зарубежная интеллигенция, которая в большей степени была способна оказывать влияние на формирование общественного мнения об СССР. В 1936–1937 гг. в документах ВОКС указывалось, что центр тяжести должен быть перенесен именно «в верхние слои средней буржуазии и, особенно, на интеллектуальную элиту...» [7, л. 32а].

Основным вектором внешней культурной политики данного периода являлись страны Запада. В ВОКС были созданы территориальные отделы: Англо-Американский (Англия и страны Британского Содружества, США, Канада, Австралия, страны Латинской Америки), 1-й Западный (Германия, Голландия, Дания, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Финляндия, Швеция, Эстония), 2-й Западный (Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Румыния, Швейцария, Чехословакия, Югославия) 3-й Западный (Бельгия, Испания, Италия, Португалия, Франция) отделы. Наибольшее количество

материалов по внешней культурной политике СССР приходится на описи, хранящие документы именно по этим отделам. Так, опись 5 (1-й Западный отдел) по периоду 30-х гг. XX в. содержит 876 единиц хранения, опись 6 (2-й Западный отдел) – 1026, опись 7 (3-й Западный отдел) – 1003. Большое количество единиц хранения содержит опись 3 (Англо-Американский отдел) – 1049, при этом около 90% материала – по Англии, США, Канаде, Австралии. В то время как опись 4 (Восточный отдел) содержит только чуть более 200 единиц хранения.

Подобная тенденция сохраняется и в отношении работы с приезжающими интеллектуалами. В данном отношении следует заметить, что материалы, отражающие эту проблематику, в основном сконцентрированы в описях 1 (Секретариат), 3, 5–7 (уже указанные выше территориальные отделы) и 8 (Отдел по приему иностранцев).

В целом обслуживание иностранных гостей из числа интеллигенции являлось одним из приоритетных направлений работы ВОКС. Об этом свидетельствует достаточно большое количество материала, хранящегося в описи 1. Наибольшую ценность представляют протоколы совещаний ответственных работников ВОКС по вопросу о работе Отдела по приему иностранцев (ОПИ), соглашение между ВОКС и «Интуристом» по вопросу обслуживания иностранцев, докладные записки о состоянии работы по приему и обслуживанию иностранцев, практические предложения по этому вопросу, имеются также дневники, программы приема, отчеты о пребывании и стенограммы бесед с иностранными гостями. Данный материал позволяет проследить эволюцию формирования целей, а также технологии работы с иностранными гостями из числа западной интеллигенции.

В 1925 г. было образовано сначала Бюро, а затем и Отдел по приему иностранцев. В отчете ОПИ за 1932 г. подчеркивалась, что целью отдела является: «рассказать и показать всеми имеющимися у него способами те действительно громадные достижения во всех областях нашего строительства» [8, л. 4]. Названному отделу были поставлены 2 основные задачи. Во-первых, «политическая обработка иностранной интеллигенции, через посредство популяризации всех отраслей социалистического строительства с точки зрения социалистической культуры», во-вторых, «превратить представителей иностранной интеллигенции в активно действующих друзей приверженцев страны советов» [8, л. 46].

Наиболее обширный материал по приездам западной интеллигенции в СССР содержат материалы описи 8 (ОПИ): отчеты, планы и докладные записки, списки объектов показа иностранцам, программы пребывания иностранцев, переписки с НКВД, «Интуристом» и другими учреждениями по поводу приезда и приема иностранцев и др.

Наиболее информативны годовые отчеты работы отдела, которые содержат статистические данные приездов по странам и по профессиям, а также отдельно по персонам или группам. Здесь указываются и объекты

показа, которые в наибольшей степени заинтересовали иностранцев и другая информация. Наибольшее значение имеют докладные и пояснительные записки, прилагаемые к отчетам, раскрывающие проблемы, а также дающие оценку проделанной работе. Например, достаточно информативен Годовой отчет отдела за 1932 г., который содержит достаточно подробную пояснительную записку с анализом тех проблем, которые существуют в отделе, и пути их преодоления. Кроме того, в деле имеется и докладная записка ОПИ, содержащая цели отдела, а также основные элементы технологии принятия и обслуживания иностранной интеллигенции [8, л. 46–46 об].

Сведения об экскурсиях иностранных поданных в СССР являлась важнейшей частью и отчетов территориальных отделов. Так, например, Отчет работы Англо-Американского отдела за 1936 г. содержит достаточно объемный раздел о приездах иностранных гостей из стран Британского Содружества: сколько человек посетило СССР (по странам), какие группы приезжали в СССР. Судя по документам, группы формировались по признаку профессиональной принадлежности и профессиональных интересов [5, л. 1].

Следует отметить некоторые технологические моменты, связанные с работой с западными интеллектуалами, и их отражение в документах ВОКС. Так, при подготовке визита в СССР довольно тщательно изучались кандидатуры «гостей». Свидетельством этому являются, содержащиеся в фонде 5283 (ВОКС) многочисленные справки о приездах (данные справки имеются как в делах Секретариата, так и ОПИ и территориальных отделов). Это довольно краткие справки, в которых указывается имя приезжающего, его социальный статус, профессия, является ли он членом какого-либо общества, дружественного СССР (например, общества культурного сближения с СССР), а также его профессиональные интересы и пожелания по поводу того, что бы он хотел увидеть в СССР. В качестве примера можно привести одну из таких справок: «22 августа в Москву приезжает директор крупной рекламной фирмы в Лондоне Спиклер Вуд. Интересуется «педагогической пропагандой» в Советском Союзе. Хотел бы встретиться с работниками ОГИЗа, НКПросса и т.д.» [11, л. 2].

Подобные справки имеются и в отношении групп, приезжающих в СССР, кроме кратких сведений о составе группы, в них содержатся профессиональные интересы членов группы. Так, например, в деле под названием «Справки о приездах иностранцев в СССР за 1937 год по Англо-Американскому отделу» на 60 листах содержатся подобные справки о лицах и группах, которые посетили СССР в 1936 г. по указанному отделу [6].

Информацию по приездам в СССР и программы обслуживания содержат дневники ОПИ и территориальных отделов. Здесь в хронологическом порядке излагается программа работы с иностранным гостем, причем без какой-либо аналитики [9]. К дневникам примыкают и материалы со статистическими данными по приездам по странам (Оп. 8. Д. 278, 329 и

др.). Следует отметить, что нередко статистические данные территориальных отделов не совпадают с таковыми по отделу приема иностранцев.

В отношении формирования программы пребывания иностранного гостя большое значение имел отбор объектов показа. В этом отношении достаточно много материала содержится в делах описи 8 (ОПИ). Здесь имеются не только сами списки объектов, но и сведения об обследовании отдельных учреждений и предприятий, для внесения их в данный список, а также анкеты объектов показа по СССР (Оп. 8 Д. 83, 106, 115, 118, 258, 307 и др.). Это позволяет выделить основные критерии, по которым тот или иной объект мог быть отнесен к объектам показа иностранцам.

В данном отношении важным является также решения совещания руководителей объектов показа для иностранцев по совершенствованию данной работы, содержащиеся в деле 106 [10].

Важной группой документов являются отдельные отчеты о вечерах и приемах ВОКС, содержащие описание того, как проходил прием, кто присутствовал и о чем беседовали. В качестве примера можно привести «Отчет о приеме группы английских врачей, состоявшийся 11 июня 1935 г.», который отражает мотивы приезда того или иного врача, впечатление о пребывании в СССР, содержание бесед с представителями ВОКС [3].

Большое значение в ВОКС придавалась отчетам, которые составлялись гидами-переводчиками, а также сопровождавшими иностранных гостей. Так, на собрании актива ВОКС 14 мая 1937 г. А. Я. Аросев (председатель ВОКС) подчеркивал: «...с точки зрения политической бдительности товарищи переводчики... очень тщательно должны вести беседы с иностранцами... Я предлагаю вести ваши записки как можно подробнее, что кроме беседы вы выявили от общей обстановки, в которой проходила беседа...» [1, с. 349–350]. Подобные отчеты составлялись в течение суток и хранились в ВОКС под грифом «секретно». Среди материалов фонда 5283 данные отчеты встречаются довольно часто: как в описи 8 (ОПИ), так и в описях, хранящих документы территориальных отделов. Они достаточно информативны. Здесь в краткой форме излагается материал о том, что посещал иностранец, что говорил об увиденном, о чем говорил с сопровождающими и с тем, с кем встречался. Так, например, подобные отчеты по Англо-Американскому отделу за 1935 г. содержит дело 601. Кроме того, ряд подобных отчетов ВОКС был опубликован. В основном это публикации А. В. Голубева [1; 12; 13].

С 1932 г. ВОКС начинает тщательно следить за высказываниями гостей СССР у себя на родине. В отчетах ОПИ появляются разделы, в которых анализируются выступления и отзывы об СССР, сделанные посетителями советской России у себя в стране. Так, например, в отчете за 1932 г. содержится информация о высказываниях об СССР невролога П. Стюарта, бывшего министра труда Англии А. С. Мейтлида, председателя английско-го общества культурной связи с СССР М. Муллена и других [8, л. 23–24].

Кроме того, опись 8 (ОПИ) содержит дела «Отзывы иностранцев об СССР», «Отзывы иностранцев о ВОКС», «Отзывы иностранцев по поводу обслуживания ВОКС» и др.

В отчетах территориальных отделов довольно большое место занимает раздел «Выступления иностранцев, побывавших в СССР и связанных с ВОКС. Здесь дается краткая информация о выступлении «гостей СССР» с материалами о Советском Союзе в средствах массовой информации, или устными докладами на специально организованных собраниях «Мы посетили СССР» или торжественных приемах «Мы были в России» [5, л. 6.]. Чаще всего даются довольно краткие сведения о подобных выступлениях, прочитанных лекциях, написанных книгах или статьях (нередко просто указывается, что написано ряд статей об СССР. «Оценка – положительная») [5, л. 2–5, 65].

Но в некоторых делах встречаются большие разделы, дающие информацию по высказываниям тех или иных «иностранных визитеров в СССР», где не только указываются публикации, но и подробно расписываются сами высказывания, приводятся отрывки из этих публикаций, переведенных на русский язык [4, л. 79–60].

Таким образом, документы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, фонде 5283 (ВОКС) дают возможность достаточно детально проанализировать основные направления работы и формирующейся технологии принятия зарубежных гостей из числа западной интеллигенции, с целью формирования у них определенного мнения о советской стране.

1. ВОКС в 30-е – 40-е гг. / Публикация А. В. Голубева и В. А. Небезина // Минувшее: исторический альманах. – М., Санкт Петербург : Athenem : Феникс, 1993. – Т. 14. – С. 313–364.
2. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 1. Д. 1.
3. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 175.
4. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 274.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 725.
6. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 887.
7. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 3. Д. 932.
8. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 137.
9. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 174.
10. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 106.
11. Государственный архив Российской Федерации. – Ф. Р-5283. Оп. 8. Д. 255.
12. «Основная цель его приезда...» Отчеты сотрудников ВОКС о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934–1936 гг. / Публикация А. В. Голубева // Исторический архив. – 1996. – № 3. – С. 134–150.
13. Отчеты переводчиков ВОКС о работе с иностранцами (1934–1936 гг.) // Голубев, А. В. «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии 1920-х – 1930-х гг. : монография. – М. : ИРИ РАН, 2004. – С. 226–257.
14. Холландер, П. Политические пилигримы (путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978) / П. Холландер. – СПб. : Изд-во «Лань», 2001. – 592 с.

КОНЦЕПЦИЯ «ИСКУССТВЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ» В АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ГЕРМАНСКОГО ВОПРОСА

И. И. Ковяко (Минск)

Концепция «искусственной революции» широко использовалась британскими и американскими историками во второй половине XX – начале XXI вв. при анализе результатов и последствий политики денацификации в Германии. Начало формирования концепции относится к концу 1940-х – началу 1950-х гг. Комплексное обоснование она получила в монографии американского историка Джона Монтгомери «Освобожденные поневоле: Искусственная революция в Германии и Японии», которая была издана в 1957 г.

Первые шаги на пути формирования концепции «искусственной революции» были сделаны в 1947 г. сотрудником Университета Джона Гопкинса Элвином Джонсоном. В статье «Денацификация» автор отмечал, что большим несчастьем для Германии стало отсутствие в стране буржуазно-демократической революции. Подобные революции XVII – начала XX вв. покончили с автократией и феодализмом в Англии, Франции, США, России. На их фоне Германия оставалась государством, застывшим в общественно-политическом развитии со времен Фридриха Великого. Мероприятия, которые союзники пытались осуществить в Германии в ходе денацификации, можно было сравнить с революцией, необходимой для перерождения общества и его выхода на новую ступень развития. Вместе с тем, по мнению Э. Джонсона, оккупационная армия не могла осуществить демократическую революцию. Ее задачей на практике стало достижение революционных результатов бюрократическими методами [7, р. 59–60].

В 1948 г. после самоустранения западных оккупационных сил от программы денацификации стали очевидны свидетельства ее масштабного провала. В публикациях исследователей появился новый термин для обозначения неудовлетворительных результатов денацификации – «ренацификация». Сотрудник Говардского университета Джон Херц в своей публикации «Фиаско денацификации» (1948) отмечал, что в итоге реализации программы денацифицированным оказалось не все общество, а лишь его часть – бывшие члены НСДАП. Немецкое же общество вступило в стадию «ренацификации», которая сопровождалась возвращением «денацифицированных» нацистов на высокие должности в политических, экономических и иных структурах [6, р. 589–590]. Дж. Херц пришел к выводу, что денацификация в Германии свелась лишь к временному отстранению нацистов от занятия важных постов, однако не обеспечила их долгосрочного отстранения от рычагов власти. Одной из главных причин такого результата он назвал формирование биполярного мира и нарастание соперничества

между США и СССР, в том числе в Германии. В такой ситуации вчерашние объекты политики денацификации постепенно превращались в инструменты политики двух центров силы. Как и большинство исследователей первого послевоенного десятилетия, Дж. Херц высказывал опасения в связи с возможным укреплением неонацизма в Германии и ее возвращением к внешнеполитической тактике «маятника» [6, р. 594].

Тезис о «ренацификации» немецкого общества как результате неудачной «искусственной революции» нашел отражение в работе профессора Уильяма Гриффита (Кембриджский университет, Массачусетс, США). Констатируя подъем волны неонацизма в Западной Германии, автор отметил, что все усилия США по борьбе с этими тенденциями оказались «более голословными, чем эффективными» [5, р. 74]. Он указал на тот факт, что свертывание активной денацификации произошло во многом под влиянием общественного мнения в США. В 1947 г. ненависть к побежденному рейху уступила место страху перед советской империей. В результате наиболее серьезные преступники остались безнаказанными или обошлись незначительными наказаниями. Таким образом, попытка США провести «революционные преобразования бюрократическими методами» окончилась катастрофическим провалом [5, р. 76].

Фундаментальное обоснование концепция «искусственной революции» получила в 1957 г. с выходом в свет публикации профессора Гарвардского университета Джона Монтгомери «Освобожденные поневоле: Искусственная революция в Германии и Японии». В своей работе автор, развивая идеи Э. Джонсона и У. Гриффита, пришел к выводу, что в период денацификации в Германии была предпринята попытка «искусственной революции» под руководством внешних сил [10, р. 191–199]. Однако в результате к власти вернулась пред-тоталитарная элита, что больше напоминало задержавшуюся контрреволюцию по отношению к нацизму, чем демократическую революцию с ориентацией на построение новой модели общества. Профессор Монтгомери пришел к выводу, что данный эксперимент достиг лишь ограниченного успеха, а политика денацификации фактически укрепила позиции неонацистов в послевоенные годы [10, р. 150].

В начале 1960-х гг. концепция «искусственной революции» получила дальнейшее развитие в работах американских исследователей Льюиса Эдингера (Мичиганский государственный университет) и Джона Гимбела (Государственный колледж Гумбольта). Л. Эдвингер отмечал, что подобная революция может считаться успешной, если в ее результате большинство руководящих работников будут составлять бывшие оппоненты тоталитарного режима. Однако не более 11% элиты ФРГ начала 1960-х можно было отнести к числу противников нацизма в 1930–1940-х гг. Основной причиной неудачи революции автор назвал изначально ошибочное предположение об автоматическом возникновении контр-элиты в процессе смещения прежней тоталитарной элиты. В случае с ФРГ это предположение оказалось мифом [3, р. 76].

По замечанию Дж. Гимбела, военная администрация западных держав при проведении денацификации встретила наибольшую поддержку со стороны коммунистов и политических оппортунистов, однако не считала их политически надежными в условиях противостояния с СССР. Ликвидация нацистских институтов управления и отстранение членов НСДАП от власти не привело к усилению анти-нацистов, которые соглашались с американской программой во всем до мелочей. Усилия американской стороны не только не смогли привлечь к управлению новые демократические силы, но также разочаровали и лишили поддержки тех, кто мог сформировать новое демократическое руководство. Нарастание социально-экономических проблем и расширение военного присутствия в Германии оказались той высокой ценой, которую западные державы не желали или не смогли заплатить за полную денацификацию германской элиты. В итоге у власти оказался консервативный средний класс, для которого было гораздо важнее сохранить политическую, социально-экономическую и культурную систему, которая существовала в Германии до прихода к власти нацистов, чем проводить революционную трансформацию общества и политической системы. С точки зрения Дж. Гимбела, ограниченный успех «искусственной революции» в Германии был обусловлен не только методологическими трудностями (как утверждал Дж. Монтгомери), но также изначально ложным теоретическим посылом, что образ американской демократии является универсальным. США оказались незаинтересованными принять «немецкую демократию», основанную на компромиссе влиятельных сил (в том числе социалистов и националистов), у которых было свое видение исторического развития Германии [4, р. 88–93].

Интересным представляется механизм использования концепции «искусственной революции» в работах британских германистов. В 1970-е – 1980-е гг. признанными экспертами в области британской оккупационной политики стали Иан Тернер, Барбара Маршал, Джордж Мюррей, Роберт Бирли. Отличительной особенностью работ британских историков данного периода является солидарность с идеей «немецкой ментальности», согласно которой нацизм не был исторической случайностью. Он стал проявлением черт немецкого характера, к числу которых британские исследователи относили воинственность и низкий уровень политической ответственности. Учитывая это обстоятельство, Великобритания никогда не стремилась к проведению «искусственной революции» в Германии, поскольку не верила в ее успех, не верила в саму возможность «перевоспитания» немцев. Гораздо более важной задачей англичане считали поиск баланса между потребностями экономики и приоритетами безопасности [2; 9; 12].

Идеи Дж. Монтгомери, дополненные Дж. Гимбелом и Л. Эдингером, получили дальнейшее развитие и стали основой теории «консервативного восстановления» в Германии. Особую популярность эта концепция получила после объединения Германии и окончания холодной войны. В тече-

ние 1990-х – 2000-х гг. в объединенной Германии произошла окончательная смена поколений на всех уровнях общественно-политической структуры. Концепция «ренификации» утратила прежнюю актуальность. В работах британских и американских историков стала преобладать иная оценка результатов денацификации, которая была следствием набирающей популярность концепции «консервативного восстановления». С точки зрения ее последователей, в результате неудачной денацификации западных зон к власти в ФРГ пришла старая консервативная элита, которая существовала в Германии еще во времена Второго рейха и Веймарской республики. В 1930-е гг. многие ее представители по экономическим соображениям пошли на сотрудничество с нацистами. После краха Третьего Рейха они стали опорой восстановления политических и экономических основ Западной Германии. Таким образом, рожденная после денацификации ФРГ представляла не «ренифицированную» Германию, а государство, вернувшееся к традиционным консервативным ценностям [1; 8; 11].

Таким образом, концепция «искусственной революции» регулярно применялась британскими и американскими историками-германистами при анализе проблемы денацификации в Германии. Можно говорить о том, что она выполнила функцию методологического моста при качественной смене оценок результатов программы: от тезиса «ренификации» к идее «консервативного восстановления».

1. Boehling, R. U.S. military occupation, grass roots democracy and local German government // *American policy and the reconstruction of West Germany, 1945–1955* / Ed. by J.F. Diefendorf, A. Frohn, H.J. Rupieper. – Washington, D.C. : German Historical Institute, 1993. – P. 281–306.
2. Birley, R. British policy in retrospect / R. Birley // *The British in Germany. Educational reconstruction after 1945* / Ed. by A. Hearnden. – L. : Hamish Hamilton, 1978. – P. 46–63.
3. Edinger, L. Post-totalitarian leadership: Elites in the German Federal Republic [Electronic resource] / L. Edinger // *The American Political Science Review*. – 1960. – Vol. 54, № 1. – P. 58–82. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/1952408>. – Date of access: 29.01.2019.
4. Gimbel, J. The artificial revolution in Germany: A case study [Electronic resource] / J. Gimbel // *Political Science Quarterly*. – 1961. – Vol. 76, № 1. – P. 88–104. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2145972>. – Date of access: 29.01.2019.
5. Griffith, W. Denazification in the United States zone of Germany [Electronic resource] / W. Griffith // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. – 1950. – Vol. 267. – P. 68–76. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/1026728>. – Date of access: 29.01.2019.
6. Herz, J. H. The fiasco of denazification in Germany [Electronic resource] / J. Herz // *Political Science Quarterly*. – 1948. – Vol. 63, № 4. – P. 569–594. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/2144399>. – Date of access: 15.03.2019.
7. Johnson, A. Denazification [Electronic resource] / A. Johnson // *Social Research*. – 1947. – Vol. 14, № 1. – P. 59–74. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/40969177>. – Date of access: 29.01.2019.

8. Levy, A. F. Promoting democracy and denazification: American policymaking and German public opinion / A. F. Levy // *Diplomacy and Statecraft*. – 2015. – № 26. – P. 614–635.
9. Marshall, B. German attitudes to British military government 1945–47 [Electronic resource] / B. Marshall // *Journal of Contemporary History*. – 1980. – Vol. 15, № 4. – P. 655–684. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/260503>. – Date of access: 29.01.2019.
10. Montgomery, J. D. Forced to be free: The artificial revolution in Germany and Japan / J. D. Montgomery. – Chicago : Chicago University, 1957. – 209 p.
11. Taylor, F. Exorcising Hitler: The occupation and denazification of Germany / F. Taylor. – L. : Bloomsbury, 2011. – 390 p.
12. Turner, I. Denazification in the British zone / I. Turner // *Reconstruction in postwar Germany: British occupation policies and the Western zones, 1945–1955* / Ed. by I. Turner. – Oxford : Berg, 1989. – P. 239–267.

ЗАМЕЖНЫЯ АРХІЎНЫЯ ФОНДЫ ПА ГІСТОРЫІ МІЖНАРОДНАГА ЧАРНОБЫЛЬСКАГА СУПРАЦОЎНІЦТВА 1986–1991 гг.

К. А. Крывічаніна (Мінск)

Гісторыя міжнароднага чарнобыльскага супрацоўніцтва бярэ свой пачатак, калі не з першых пасляаварыйных дзён, то дакладна з першых пасляаварыйных тыдняў. Шырокавядома, што кіраўніцтва Савецкага Саюза і сам факт аварыі, і яе наступствы не спяшалася даводзіць да ведама як сваёй грамадскасці, так і замежнай супольнасці. Фіксацыя замежнымі, найперш скандынаўскімі, метэаралагічнымі і іншымі службаю павышаных узроўняў радыёактыўнасці, аналіз яе складу і магчымых шляхоў паходжання дазволілі прыйсці да высновы, што “сляды” надзвычай сур’ёзнай ядзернай аварыі вядуць у СССР.

Занепакоеныя замежныя ўрады пачалі звяртацца па каментары да МАГАТЭ (Міжнароднае агенцтва па атамнай энергіі), як міжнароднай аўтарытэтай арганізацыі, курыруючай пытанні ядзернай бяспекі на глабальным узроўні. МАГАТЭ, у сваю чаргу, звярнулася па тлумачэнні да Савецкага Саюза. І ўжо 5 мая 1986 г. кіраўніцтва Міжнароднага атамнага агенцтва ў складзе Генеральнага дырэктара Х. Блікса, яго намесніка Л. Канстанцінава і кіраўніка дэпартаменту ядзернай бяспекі М. Разэна ажыццяўляе свой першы чарнобыльскі візіт у Маскву [28]. Выкажам меркаванне, што менавіта з гэтага часу і бярэ свой пачатак міжнароднае чарнобыльскае супрацоўніцтва, якое ў першыя пасляаварыйныя гады вызначалася пераважным ўзаемадзеяннем па лініі СССР – МАГАТЭ.

На першапачатковым этапе беларускі ўдзел у міжнародным чарнобыльскім супрацоўніцтве быў больш, чым мінімальным, пра што сведчаць беларускія архівы. Толькі з 1989 г. у беларускіх дзяржаўных і ведамас-

ных архівах (Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь, Цэнтральны навуковы архіў НАН Беларусі, Беларускі дзяржаўны архіў навукова-тэхнічнай дакументацыі, Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці, Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці і інш.) з’яўляюцца дакументальныя сведчанні ўключэння кіраўніцтва і грамадскіх супольнасцей БССР у міжнародны чарнобыльскі дыялог. Асобна ў корпусе беларускіх крыніц варта адзначыць шырокую дакументальную базу ведамаснага архіва Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь – спадкаемцы дакументальнай спадчыны МЗС БССР. На жаль, па незалежных ад аўтара прычынах, выявіць наяўнасць або адсутнасць дакументаў 1986–1989 гг. (за выключэннем асобных дакументаў за 1989 г.) не ўявілася магчымым. Па-першае, гэта звязана са спецыфікай працы архіўнай службы ведамства, што з пэўнага часу закрыла непасрэдны доступ да вопісаў фондаў знешнім даследчыкам, а па-другое, правяла адбор і прадаставіла да вывучэння матэрыялы толькі з 1990 г. уключна. Таму выкарыстанне крыніцавай базы архіваў Расійскай Федэрацыі (як спадкаемцы дакументальнай спадчыны СССР) і міжнародных арганізацый, у прыватнасці МАГАТЭ, разглядаем свайго кшталту непазбежнай умовай адэкватнага навуковага даследавання пытання міжнароднага чарнобыльскага супрацоўніцтва ўцэлым, і ўдзелу ў ім Беларусі ў прыватнасці.

Фонды расійскіх архіваў прадстаўляюць дакументальную спадчыну вышэйшых органаў дзяржаўнай улады і кіравання Савецкага Саюза, у кампетэнцыю якіх уваходзілі функцыі фармуліравання і рэалізацыі канцэптуальных палажэнняў знешняй палітыкі СССР, вызначэння асноўных кропак судакраўнення для міжнароднага супрацоўніцтва па тых ці іншых напрамках, ажыццяўлення практычных мерапрыемстваў узаемадзення.

Асобнае месца ў справе вывучэння праблем міжнароднага чарнобыльскага супрацоўніцтва займаюць дакументы Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі пры Міністэрстве замежных спраў (МЗС) Расійскай Федэрацыі. Спецыфіка працы з фондамі архіва расійскага знешнепалітычнага ведамства (спадкаемцы МЗС СССР) абумоўлена тым фактарам, што даследчык не працуе самастойна з вопісамі дакументаў, не мае магчымасці ўласна праводзіць вышук і адбор патэнцыйна інфарматыўных спраў сярод наяўнага корпусу крыніц. Такую працу за яго выконваюць супрацоўнікі ведамаснай архіўнай установы. Гэта, на наш погляд, можа звузіць кола крыніц, прадастаўленых да прагляду даследчыку, як па прычыне аб’ектыўнай некампетэнтнасці адказнага за адбор дакументаў супрацоўніка ў вузкай даследчыцкай тэме, так і механічнага адбору спраў па ключавых словах (слове) заяўленага даследавання. Як вынік, глыбіня прапрацоўкі і вывучэння корпусу наяўных першакрыніц можа быць недастатковай. Непасрэдна сам даследчык не ведае, якія дакументы засталіся па-за яго ўвагай і ці маюцца такія ўвогуле.

Сярод прадастаўленых да працы спраў Архіва знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі – матэрыялы Пастаяннага Прадстаўніцтва СССР пры

міжнародных арганізацыях у Вене (фонд 635), якое, між іншага, было пасярэднікам у кантактах СССР з МАГАТЭ. Асноўны масіў дакументаў складаюць матэрыялы рознаскіраванага пераліставання: 1) паміж прадстаўніцтвам СССР у Вене, саюзных міністэрстваў і ведамстваў (Дзяржаўны камітэт па выкарыстанні атамнай энергіі (ДКАЭ), Дзяржгідрамет, Нацыянальная камісія па радыяцыйнай ахове (НКРА), Міністэрства аховы здароўя (МАЗ), Акадэмія медыцынскіх навук (АМН)) і МАГАТЭ (Сакратарыят і Дэпартамент ядзернай бяспекі); 2) першага Каардынатора ААН па Чарнобылю М. Дж. Энсці з прадстаўніцтвам СССР у Вене і першым намеснікам Прэм’ер-міністра СССР В. Дагужыевым. Больш “сціплы” блок дакументаў складаюць інфармацыйна-аналітычныя матэрыялы, падрыхтаваныя савецкімі супрацоўнікамі МАГАТЭ і супрацоўнікамі прадстаўніцтва адносна спецыяльных мерапрыемстваў арганізацый сістэмы ААН, прысвечаных праблемам Чарнобыльскай аварыі і яе наступстваў. Асобныя дакументы – справаздачы, даведкі, разліковыя лісты, копіі публікацый у замежных газетах і часопісах [1; 2; 3; 4; 5; 6]. Прадастаўленыя справы маюць грыф “НЕСАКРЭТНА”. Выкажам меркаванне, што значная доля архіўных матэрыялаў былога знешнепалітычнага ведамства СССР пакуль не даступна даследчыкам пад грыфамі “ДСП”, “САКРЭТНА” і “ЦАЛКАМ САКРЭТНА”.

Важная роля ў рэалізацыі ліквідацыйных мерапрыемстваў, выпрацоўкі нарматываў жыцця і працы на забруджаных тэрыторыях, вывучэнні і выпрацоўцы ацэнак уплыву наступстваў Чарнобыльскай аварыі на здароўе чалавека належыла Міністэрству аховы здароўя СССР і шчыльна звязаным з яго дзейнасцю арганізацыям і навукова-даследчым інстытутам. Таму надзвычай важнымі для даследавання ўяўляюцца дакументы фонда Міністэрства аховы здароўя СССР (Р8009), што захоўваецца Дзяржаўным архівам Расійскай Федэрацыі (ДАРФ). Ва ўмовах, калі для міжнародных навукова-тэхнічных сувязей была характэрна высокая цэнтралізацыя, і асноўныя кантакты з замежнымі навуковымі цэнтрамі і арганізацыямі ажыццяўляліся Масквой і яе інстытутамі, справаздачы аб замежных камандзіроўках і прыёме замежных дэлегацый часам з’яўляюцца адзінай крыніцай інфармацыі па міжнародных чарнобыльскіх кантактах у 1986–1991 гг., з якіх выпадалі, напрыклад, беларускія вучоныя. Акрамя таго, справы фонда Р8009 утрымліваюць матэрыялы ўнутранага і міжведамаснага пераліставання Міністэрства аховы здароўя СССР з НКРА, АМН СССР, Інстытутам біяфізікі МАЗ СССР, ДКАЭ, Дзяржгідраметам СССР, Вярхоўным Саветам і Саветам Міністраў СССР, пераліставання з МАГАТЭ і іншымі саюзнымі і міжнароднымі арганізацыямі адносна магчымых медыцынскіх наступстваў Чарнобыльскай аварыі для насельніцтва СССР і Еўропы; закранаюць гісторыю правядзення міжнароднай экспертызы распрацаванай у СССР канцэпцыі бяспекчнага пражывання насельніцтва на забруджаных тэрыторыях і інш. [9;

10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23]. Шэраг матэрыялаў выяўлены ў фондзе Савета Міністраў СССР (Р5446): рашэнні Урадавай камісіі па ліквідацыі наступстваў аварыі на ЧАЭС, у тым ліку па супрацоўніцтву з МАГАТЭ; матэрыялы па падрыхтоўцы Пагаднення аб правядзенні міжнародных даследаванняў наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС на базе НВА “Прыпяць” і інш. [7; 8]. Асобныя дакументы па праблемах міжнароднага чарнобыльскага супрацоўніцтва выяўлены ў персанальных фондах ДАРФ: вядомага дзяржаўнага дзеяча СССР А. М. Якаўлева (фонд 10063), гісторыка-архівіста А. П. Елпацьеўскага (фонд 10089) [24; 25].

Другі блок замежных крыніц па тэме даследавання складаюць архіўныя фонды арганізацый сістэмы ААН, што прынялі актыўны ўдзел у вывучэнні і ацэнцы наступстваў аварыі на Чарнобыльскай АЭС, падтрымалі праекты міжнароднай дапамогі пацярпелым. Багатую дакументальную спадчыну ўтрымліваюць фонды Архіва МАГАТЭ, размешчанага ў штаб-кватэры ААН у г. Вена (Венскі міжнародны цэнтр, Аўстрыя), дзе месціцца непасрэдна і штаб-кватэра агенцтва. Дакументы дадзенай міжнароднай арганізацыі, у прыватнасці справы Савета Упраўляючых і Офіса Генеральнага дырэктара МАГАТЭ, дазваляюць паглядзець на праблему вачыма міжнароднай арганізацыі, агенда якой з 1986 г. была шчыльна звязана з Чарнобыльскай аварыяй. Прычым інтарэс МАГАТЭ тычыўся не толькі пытанняў ядзернай баспекі, але і ацэнак наступстваў аварыі для навакольнага асяроддзя, і здароўя чалавека.

Сярод дакументаў, выяўленых у архіве МАГАТЭ, інтарэс найперш прадстаўляюць наступныя: запісы пасяджэнняў Савета Упраўляючых і матэрыялы да іх, дзе разглядаліся чарнобыльскія пытанні; нарады экспертаў МАГАТЭ і іншых міжнародных арганізацый з удзелам прадстаўнікоў СССР і зацікаўленых краін-удзельніц; пераліставанне Харчовай і сельскагаспадарчай арганізацыі ААН (ФАО) і МАГАТЭ ў межах сумеснага дэпартаментна адносна наступстваў Чарнобыльскай аварыі ў галіне сельскай гаспадаркі і харчавання; гадавыя справаздачы і бюджэты агенцтва; справаздачы аб выніках камандзіровак міжнародных экспертаў у СССР для азнаямлення з наступствамі Чарнобыльскай аварыі і г.д. [26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33; 34; 35; 36; 37; 38].

Адзначым, што інфармацыйны патэнцыял вышэйпералічаных замежных фондаў патрабуе далейшага вывучэння і навуковага асэнсавання.

На наш погляд, даследаванне беларускіх і замежных архіўных крыніц павінна адбывацца раўналежна, з улікам той вядучай ролі, якую ў міжнародным чарнобыльскім ўзаемадзеянні 1986–1991 гг. адыгрывалі саюзныя органы ўлады і кіравання і міжнародныя арганізацыі, у першую чаргу МАГАТЭ. Менавіта гістарычны адрэзак часу 1986–1991 гг. пакінуў пасля сябе “след” канкрэтных гістарычных асобаў, фактаў і фактараў, засведчаных на старонках архіўных дакументаў, што дазваляюць зразумець

вытокі міжнароднага чарнобыльскага супрацоўніцтва, разгарнуўшагася ў 1990-я гг., выявіць яго тэндэнцыі і заканамернасці.

1. Архіў знешняй палітыкі Расійскай Федэрацыі (АЗПРФ). – Ф. 635. Воп. 30. П. 157. Спр. 32.
2. АЗПРФ. – Ф. 635. Воп. 31. П. 170. Спр. 28.
3. АЗПРФ. – Ф. 635. Воп. 32. П. 183. Спр. 28.
4. АЗПРФ. – Ф. 635. Воп. 34. П. 197. Спр. 9.
5. АЗПРФ. – Ф. 635. Воп. 35. П. 199. Спр. 6.
6. АЗПРФ. – Ф. 635. Воп. 35. П. 200. Спр. 11.
7. Дзяржаўны архіў Расійскай Федэрацыі (ДАРФ). – Ф. Р5446. Воп. 150. Спр. 1617.
8. ДАРФ. – Ф. Р5446. Воп. 162. Спр. 2262.
9. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2179.
10. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2295.
11. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2614.
12. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2645.
13. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2658.
14. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2662.
15. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 2664.
16. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4012.
17. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4013.
18. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4014.
19. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4337.
20. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4338.
21. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4486.
22. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 4880.
23. ДАРФ. – Ф. Р8009. Воп. 51. Спр. 5326.
24. ДАРФ. – Ф. 10063. Воп. 1. Спр. 382.
25. ДАРФ. – Ф. 10089. Воп. 1. Спр. 145.
26. The IAEA Archive. Division of Conference and Document Services. Office of the Director General (DCDS/ODG). – Box 03682.
27. The IAEA Archive. (DCDS/ODG). – Box 03706.
28. IAEA Archive. Division of Conference and Document Services. Board of Governors (DCDS/BOG). – Box 15717.
29. IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 15718.
30. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33006.
31. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33007.
32. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33043.
33. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33045.
34. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33046.
35. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33047.
36. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33048.
37. The IAEA Archive. DCDS/BOG. – Box 33049.

БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

А. П. Косов (Витебск)

За почти тридцатилетнюю историю развития белорусско-российских отношений отечественная историография данной проблемы пополнилась значительным количеством работ, посвященных широкому кругу вопросов взаимодействия Республики Беларусь и Российской Федерации. В стране появились центры исследований двусторонних отношений – БГУ, НАНБ, Академия управления при Президенте Республики Беларусь, БГЭУ, ВГУ имени П. М. Машерова, ГрГУ имени Я. Купалы, МГУ имени А. А. Кулешова и т.д. К вопросам их развития обратились историки, политологи, экономисты, правоведы, философы, социологи. В 1990-е – 2010-е гг. стали появляться мемуары, монографии, сборники научных трудов и материалов конференций, многочисленные научные статьи и другая литература, в которой содержатся авторские оценки развития отношений между Минском и Москвой в постсоветский период.

В первую очередь, можно отметить исследования, в которых рассматривается история взаимоотношений двух стран в последние три десятилетия. Так, эволюции белорусско-российских отношений в постсоветский период посвящены работы сотрудников кафедры международных отношений БГУ – профессора В. Е. Снапковского [36–39] и доцента А. В. Тихомирова [40; 42; 43; 46].

В центре внимания отечественных авторов находятся актуальные вопросы интеграции двух стран. Уже в конце 1990-х – начале 2000-х гг. появились публикации профессора А. В. Шарапы, в которых проанализирован процесс сближения двух стран [48–51]. Исследование путей и методов формирования и функционирования интеграционных механизмов Беларуси и России осуществлялось и другими белорусскими учеными, дипломатами и экспертами [23; 45]. При этом уже в конце 1990-х гг. отдельные авторы отмечали противоречивость развития белорусско-российской интеграции. Так, известный международник профессор кафедры международных отношений БГУ А. А. Розанов в 1998 г. писал о том, что ее «необходимо освобождать от элементов декларативности и политиканства, переводить на реалистические рельсы постепенного, размеренного, просчитанного взаимодействия в тех областях, где оно действительно продуктивно» [32, с. 73].

---

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент А. П. Косов).

В 2000-е – 2010-е гг. появилось множество публикаций белорусских авторов, в которых рассматривается деятельность Союзного государства [3; 6; 8; 9; 11; 14; 15; 19; 22; 25; 44; 47; 52]. В целом мнение большинства исследователей созвучно точке зрения известного белорусского государственного деятеля М. В. Мясникова, который, характеризуя Союзное государство, в одной из своих последних публикаций отметил: «Формат “двойки” доказал свою состоятельность и стал примером для интеграционных структур на постсоветском пространстве. Наши страны далеко продвинулись в военном-техническом и международном сотрудничестве, в области культуры, образования, здравоохранения, социального обеспечения, равных прав граждан» [24, с. 5]. При этом он констатирует, что в Союзном государстве по-прежнему существуют проблемы, связанные с обеспечением равного доступа субъектов хозяйствования двух стран на рынки друг друга. Это проявляется как на уровне законодательного регулирования, так и в плоскости правоприменительной практики – надлежащего исполнения того, о чем Беларусь и Россия условились, в том числе в рамках ЕАЭС [24, с. 5]. О неизменном следовании Беларуси взятому двадцать лет назад курсу на создание Союзного государства постоянно говорит и Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко [30]. В этом плане характерными являются и взгляды экс-министров иностранных дел Беларуси. Так, на прошедшем 30 апреля 2019 г. в Москве экспертном семинаре «Россия и Беларусь: в поисках эффективной формулы союзничества» И. И. Антонович считает двадцатилетнюю историю Союзного государства «колоссальным геополитическим успехом». Вместе с тем, дипломат уверен, что достаточно часто звучащие взаимные обвинения сторон наносят вред репутации белорусско-российских отношений в общественном мнении двух стран. По словам И. И. Антоновича, задача «русско-белорусского государства – сохранить русский мир», поскольку «панатлантизм старается его расколоть, и во многом ему это удалось» [53]. Другой бывший глава МИД Беларуси В. Л. Сенько заявил о том, что как бы Минск и Москва ни обсуждали тему интеграции, существует одна проблема: «Возможно ли в принципе построение союзного государства столь несопоставимых величин – огромная Россия, в экономическом, военном и политическом плане, и гораздо меньшее государство Республика Беларусь?». Дипломат несколько не удивлен, что РФ при принятии каких-то стратегических решений не хочет допускать мысли о равном участии в решении каких-то ключевых проблем. И в то же время в Договоре о создании Союзного государства прописано, что все решения принимаются на основе равенства. Поэтому сторонам «нужно выйти из этого юридического клинча» путем внесения изменений в договор о Союзном государстве, чтобы двигаться дальше [53].

Ряд авторов (В. А. Бобков, В. Н. Конобеев, А. П. Косов, А. А. Розанов и др.) обратились к освещению геополитической составляющей белорусско-российской интеграции [4; 5; 16–18; 20; 21; 28; 33], а также военно-политические аспекты сотрудничества Беларуси и России [10; 27; 29; 31; 35].

Как показывает представленный корпус литературы, отечественные исследователи акцентируют внимание на успехах и сложностях двусторонних отношений, подходах белорусского и российского руководства к участию в интеграционных проектах на постсоветском пространстве – СНГ, Союзном государстве, ЕврАзЭС, Таможенном союзе, ОДКБ, ЕАЭС и т.д. Следует отметить, что в подавляющем большинстве работ развитие белорусско-российских отношений оценивается отечественными авторами весьма позитивно, как по отдельно взятым направлениям, так и в целом. Для многих исследователей превалирующей является точка зрения о необходимости для Беларуси придерживаться пророссийского курса, что на протяжении последних двух десятилетий последовательно реализуется в рамках Союзного государства, ЕАЭС и ОДКБ. Показательным является мнение А. В. Тихомирова о том, что с середины 1990-х гг. внешнеполитическим приоритетом Беларуси стало сотрудничество с Россией. Несмотря на то, что во второй половине 2000-х – первой половине 2010-х гг. между Минском и Москвой обозначились разногласия по ряду проблем мировой политики. Например, в 2008 г. белорусское руководство отказалось вслед за РФ признать независимость Абхазии и Южной Осетии, а после событий 2014–2015 гг. в полном объеме не поддержала российскую политику относительно Украины и Турции. Однако независимая позиция Минска не привела к существенному ухудшению белорусско-российских отношений. Ведь, к середине 2010-х гг. Беларусь и Россия создали обширную договорно-правовую базу сотрудничества, позволившую реализовать на практике ряд социально-экономических аспектов жизнедеятельности населения обеих стран [41, с. 110, 115].

Лишь в незначительном количестве публикаций белорусских авторов постулируется мысль об агрессивном и имперско-экспансионистском характере политики РФ в отношении Беларуси. В первую очередь, подобные взгляды характерны для прозападных экспертов (Л. Ф. Заико, В. В. Ровдо, В. И. Карбалевич, А. Ф. Федоров и др.), мечтающих о «европейском» пути Беларуси, хотя, очевидно, что это иллюзии. Тем не менее эти исследователи неоднократно пытались доказать ошибочность внешнеполитического курса официального Минска, который настроен на тесное сотрудничество с Москвой [1; 2; 12; 13]. Надуманные опасения относительно российской «угрозы» в белорусских публикациях усилились после начала украинского кризиса. Например, директор минского Центра стратегических и внешнеполитических исследований А. В. Сивицкий усмотрел потенциальную угрозу для Беларуси со стороны России, исходя из якобы имеющихся планов «оккупации» белорусской территории в случае острой необходимости российскими войсками. Подобной точку зрения высказал и политолог В. И. Карбалевич, утверждавший, что Москва не допустит «потери» Беларуси [7].

Со своей стороны, в последние годы развитие белорусско-российских отношений раскритиковали сторонники западнорусизма – Л. Е.

Криштапович, Г. Ю. Волков, Н. М. Сергеев, Ю. В. Баранчик и другие российские авторы. Они обвиняют Минск в торможении интеграционного процесса [26; 34]. По их мнению, попытки белорусского руководства сблизиться с Европой в рамках реализации внешнеполитического принципа многовекторности не отвечают интересам народа. Данные исследователи предлагают «замкнуться» на РФ, что в корне не верно. На наш взгляд, наличие добрососедских отношений Беларуси, как с Россией, так и с Западом, при безусловном приоритете первой, необходимо для успешного развития суверенного белорусского государства, геополитически расположенного между двумя центрами силы. Беларусь может и должна быть межкультурным мостом, а не преградой, между Европой и Азией. Нельзя не отметить, что подобного мнения придерживается большинство отечественных специалистов, объективно рассматривающих внешнюю политику страны.

Таким образом, эволюция белорусско-российских отношений в постсоветский период получила свое отражение на страницах публикаций многих отечественных исследователей. Характерной особенностью большинства имеющихся работ является рассмотрение взаимоотношений Минска и Москвы в 1990-е – 2010-е гг. с позиций соблюдения национальных интересов Беларуси, что, учитывая национальную принадлежность авторов и специфику исследований, вполне объяснимо и оправдано. При этом эксперты не обходят стороной проблемные моменты, касающиеся торгово-экономических, энергетических, а иногда и политических разногласий во взаимоотношениях двух стран. Исходя из объективного процесса постсоветской интеграции, данная проблема продолжает оставаться актуальной для отечественных исследователей, что обогащает историографию белорусско-российских отношений.

1. Беларусь: ни Европа, ни Россия. Мнения белорусских элит / под ред. В. Булгакова. – Варшава : изд-во «ARCHE», 2006. – 268 с.
2. Беларусь – Россия: векторы перемен / Л. Заико [и др.]. – Минск : Несси, 2002. – 152 с.
3. Беларусь и Россия: организационно-правовые основы интеграции (1996–2001 гг.) / Л. П. Козик [и др.]. – Минск : Полымя, 2001. – 355 с.
4. Бобков, В. Безопасность не продается: роль социально-политических факторов в сотрудничестве Беларуси и России / В. Бобков // Белорусская думка. – 2008. – № 10. – С. 82–89.
5. Бобков, В. Стратегические интересы: поиск баланса: взгляд из Минска на среднесрочные перспективы белорусско-российских отношений / В. Бобков // Белорусская думка. – 2009. – № 4. – С. 56–63.
6. Бровка, Ю. П. Беларусь и Россия: перспективы развития межгосударственных отношений / Ю. П. Бровка // Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов. Вып. 2. – Минск : БГУ, 2010. – С. 5–19.
7. Бугай, М. Карбалевич: Россия никогда не признает нейтралитет Беларуси. Если Беларусь начнет выход из интеграционных структур, Москва применит силу [Электронный ресурс] / М. Бугай // Наша ніва. – 29.06.2016. – Режим доступа: <https://nn.by/?c=ar&i=172842&lang=ru>. – Дата доступа: 19.03.2018.

8. Ватыль, В. Н. Белорусско-российские союзные отношения: история и современное состояние (политико-правовой анализ) / В. Н. Ватыль // *Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1. Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* – 2011. – № 1. – С. 134–138.
9. Волчок, Г. И. Строительство Союзного государства: итоги, проблемы, перспективы / Г. И. Волчок // *Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова.* – 2003. – № 1. – С. 12–22.
10. Дунец, Н. А. Развитие сотрудничества Беларуси и России в сфере обороны / Н. А. Дунец // *Журнал международного права и международных отношений.* – 2015. – № 3. – С. 27–33.
11. Забельникова, О. В. Беларусь и Россия: путь к интеграции / О. В. Забельникова // *Гісторыя: праблемы выкладання.* – 2007. – № 5. – С. 14–18.
12. Заико, Л. Система и структура национально-государственных интересов / Л. Заико // *Национально-государственные интересы Республики Беларусь / О. М. Абрамова [и др.] ; под ред. Л. Ф. Заико.* – Минск : Изд. В. М. Скаун, 1999. – С. 31–49.
13. Карбалевиц, В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь: эволюция представлений в исторической ретроспективе / В. Карбалевиц // *Национально-государственные интересы Республики Беларусь / О. М. Абрамова [и др.] ; под ред. Л. Ф. Заико.* – Минск : Изд. В. М. Скаун, 1999. – С. 55–87.
14. Кизима, С. А. Белорусский менталитет в российско-белорусских отношениях / С. А. Кизима // *Свободная мысль.* – 2009. – № 2. – С. 47–60.
15. Кизима, С. А. Союзное государство в контексте Таможенного союза и ЕЭП / С. А. Кизима // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* – 2011. – № 9. – С. 178–182.
16. Конобеев, В. Союз Беларусь – Россия: новый этап взаимодействия во внешней политике / В. Конобеев // *Беларусь в мире.* – 1997. – № 2. – С. 3–5.
17. Косов, А. П. Белорусско-российские отношения и фактор Запада (1990-е – 2010-е гг.) / А. П. Косов // *Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сборник научных трудов.* – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – Т. 26. – С. 34–41.
18. Косов, А. П. Геополитическая составляющая интеграционной политики Российской Федерации в отношении Республики Беларусь / А. П. Косов // *Інтеграцыйныя працы ў гісторыі краін усходняй Еўропы : Матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 ліст. 2008 г. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі ; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), М. К. Кошалеў і інш.* – Мінск, 2008. – С. 197–204.
19. Косов, А. П. Состояние и перспективы приграничного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации / А. П. Косов // *Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности : материалы международной научно-практической конференции, Витебск, 26 ноября 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: И. М. Прищепа [и др.].* – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2013. – С. 70–72.
20. Косов, А. П. Союзное государство Беларуси и России в 1999–2018 гг.: геополитический аспект / А. П. Косов // *Постсоветские исследования [Электронный ресурс].* – 2018. – Т. 1, № 6. – С. 537–549. – Режим доступа: https://docs.wixstatic.com/ugd/0206eb_b8528946d9294b55bba83705d0899ed7.pdf.
21. Косов, А. П. Союзное государство Беларуси и России в геополитической системе координат (1999–2018 гг.) / А. П. Косов // *Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Косов (гл. ред.) [и др.].* – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 145–151.

22. Криштапович, Л. Союзное государство – императив нашего времени / Л. Криштапович // Неман. – 2008. – № 12. – С. 4–11.
23. Макей, В. В. Беларусь и Россия. 25 лет установления дипломатических отношений / В. В. Макей // Проблемы управления. – 2017. – № 2. – С. 8–13.
24. Мясникович, М. Потенциал сотрудничества / М. Мясникович // Беларуская думка. – 2018. – № 7. – С. 3–9.
25. Мясникович, М. В. Союзное государство: создание и перспективы развития / М. В. Мясникович. – Минск : НИЭИ Мин-ва экономики Респ. Беларусь, 2006. – 280 с.
26. Не стоит заблуждаться по поводу участия Белоруссии в Евразийском союзе [Электронный ресурс] // Материк. – 22.01.2015. – Режим доступа: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=19344>. – Дата обращения: 04.09.2016.
27. Пимошенко, И. И. Белорусско-российские военные отношения: от нейтралитета до коллективной безопасности / И. И. Пимошенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 3. – С. 68–70.
28. Пимошенко, И. И. Проблемы восприятия белорусско-российской интеграции странами Центральной и Восточной Европы и странами Запада / И. И. Пимошенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 61–63.
29. Поповская, Т. А. Союз Беларуси и России: военно-оборонительные аспекты интеграции / Т. А. Поповская // Інтеграцыйныя працэсы ў гісторыі краін усходняй Еўропы : Матэр. Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 ліст. 2008 г. / НАН Беларусі, Інстытут гісторыі; рэдкал.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), М. К. Кошалеў і інш. – Мінск, 2008. – С. 247–266.
30. Послание белорусскому народу и Национальному собранию. 19 апреля 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный Интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-20903/. – Дата доступа: 02.05.2019.
31. Розанов, А. Беларусь – Россия: стратегическое партнерство / А. Розанов // Беларусь в мире. – 2000. – № 1. – С. 21–25.
32. Розанов А. Внешняя политика Белоруссии: представления и реальности / А. Розанов // Pro et Contra. – 1998. – Т. 3, № 2. – С. 68–80.
33. Свиридов, А. В. Геополитическое измерение Союзного государства Беларуси и России / А. В. Свиридов, Е. А. Геворкян, К. В. Мелешенко // Труд. Профсоюзы. Общество. – 2013. – № 1. – С. 97–99.
34. Сергеев, Н. Союзному государству нужна общерусская основа [Электронный ресурс] / Н. Сергеев // Материк. – 02.06.2011. – Режим доступа: <http://www.materik.ru/country/detail.php?ID=12784>. – Дата обращения: 13.09.2016.
35. Сіманюўскі, С. І. Супрацоўніцтва Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі ў ваеннай сферы / С. І. Сіманюўскі. // Весці БДПУ. Серыя 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія. – 2016. – № 3. – С. 13–17.
36. Снапковский, В. Белорусско-российские отношения: опыт истории и современные проблемы / В. Снапковский // Беларусь в мире. – 1997. – № 2. – С. 6–9.
37. Снапковский, В. Белорусско-российские отношения на рубеже столетий (конец 1999 – начало 2001 г.) / В. Снапковский // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 2. – С. 49–56.
38. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-расійскія адносіны : зборнік навуковых артыкулаў / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск : БДУ, 2009. – 139 с.
39. Снапкоўскі, У. Е. Прэзідэнт Беларусі А. Лукашэнка аб прычынах пагаршэння беларуска-расійскіх адносін / У. Е. Снапкоўскі // Беларусь в современном мире : материалы IX Международной конференции, посвященной 89-летию образования Бе-

- лорусского государственного университета, 29 октября 2010 г. / редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2010. – С. 50–52.
40. Тихомиров, А. В. Белорусско-российские отношения в контексте корректировки политической системы Российской Федерации / А. В. Тихомиров // Беларусь в интеграционных проектах / А. К. Акулик [и др.]; науч. ред. В. А. Бобков ; Ин-т экономики НАН Беларуси. – Минск : Беларуская навука, 2011. – С. 43–57.
  41. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь (1991–2015 гг.) / А. В. Тихомиров. – Минск : БГУ, 2017. – 208 с.
  42. Тихомиров, А. В. «Газовый аспект» белорусско-российских отношений в 1992–2008 гг. / А. В. Тихомиров // История и перспективы энергетического взаимодействия на постсоветском пространстве : материалы междунар. интернет-конференции 16–25 марта 2009 г. – Саратов, 2009. – С. 44–51.
  43. Тихомиров А. В. Концептуальные подходы руководителей Республики Беларусь к проблеме развития белорусско-российских отношений в 1991–1995 гг. / А. В. Тихомиров // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2009. – № 4. Ч. 1. – С. 195–199.
  44. Тихомиров, А. В. Союзное государство в современных условиях: основные результаты и проблемы развития / А. В. Тихомиров // Беларусь между Востоком и Западом: современные тенденции : материалы междунар. круглых столов, Минск, 26 окт. 2017 г. / БГУ ; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 22–29.
  45. Цепкало, В. Перспективы белорусско-российских отношений / В. Цепкало // Беларусь в мире. – 1996. – № 2. – С. 13–15.
  46. Ціхаміраў, А. В. Перспектывы саюза Беларусі і Расіі ў кантэксце еўрапейскай інтэграцыі / А. В. Ціхаміраў // Беларусь і Польшча пасля пашырэння Еўрапейскага Саюза / пад рэд. М. Кшыштафовіча ; Польскі інстытут міжнародных адносін. – Варшава, 2005. – С. 135–145.
  47. Часноўскі, М. Э. Асаблівасці беларуска-расійскай інтэграцыі ў пачатку ХХІ ст. / М. Э. Часноўскі // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 2. Гісторыя. Эканоміка. Права. – 2012. – № 2. – С. 5–13.
  48. Шарапо, А. В. Беларусь и Россия в ХХІ веке / А. В. Шарапо // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2003. – № 3. – С. 43–45.
  49. Шарапо, А. В. Проблемы становления Союза Беларуси и России / А. В. Шарапо // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 1998. – № 3. – С. 84–87.
  50. Шарапо, А. В. Российско-белорусская интеграция и общественное мнение / А. В. Шарапо // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 1. – С. 63–68.
  51. Шарапо А. В. Союз России и Беларуси: проблемы и перспективы в свете глобализации / А. В. Шарапо // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2001. – № 2. – С. 46–48.
  52. Шевцов, Ю. Союзное государство России и Беларуси: меняющиеся функции [Электронный ресурс] / Ю. Шевцов // Перспективы. – 28.06.2008. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/sojuznoje_gosudarstvo_rossii_i_belarusi_menajushhijesa_funkcii_2008-06-28.htm. – Дата обращения: 03.09.2016.
  53. Экс-глава МИД Беларуси упрекнул в непрофессионализме и посла России, и белорусских дипломатов [Электронный ресурс] // Новости TUT.BY. – 30 апреля 2019. – Режим доступа: <https://news.tut.by/economics/635984.html?crnd=4116>. – Дата доступа: 02.05.2019.

РАЗДЕЛ 2

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (1918–1939 гг.). ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1939–1945 гг.).

ПЕРЕМИРИЕ В КОМПЬЕНЕ 11 НОЯБРЯ 1918 г.: КАПИТУЛЯЦИЯ ГЕРМАНИИ И ЗАВЕРШЕНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В. А. Космач (Витебск)

Само **Компьенское перемирие**, завершившее боевые действия на фронтах Первой мировой войны, было подписано в шесть часов утра **11 ноября 1918 г.** [14, с. 64]. По **В. М. Джордану**, Компьенское перемирие было подписано в 5 часов 12 минут утра 11 ноября 1918 г., однако было помечено 5 часами, с тем, чтобы оно могло войти в силу в 11 часов утра: «Германские войска должны были в течение 15 дней эвакуировать Бельгию, Францию, Люксембург, Эльзас и Лотарингию. В течение 31 они должны были отступить к востоку от нейтральной зоны на правом берегу Рейна. Фош был уверен в том, что быстрый отход вынудит немцев оставить на месте всю свою материальную часть» [5, с. 40].

От имени Германии в Компьенском лесу, в штабном вагоне французского главнокомандующего маршала **Фердинанда Фоша** перемирие подписал имперский статс-секретарь (государственный секретарь) в правительстве М. Баденского, ещё занимавший свою должность, и один из лидеров немецкой католической партии Центра **Маттиас Эрцбергер**, возглавивший германскую делегацию на переговорах в Компьене. Как пишет **Л. Млечин**, «утром 11 ноября самый молодой депутат рейхстага от партии Центра Маттиас Эрцбергер подписал соглашение о прекращении огня. Он произнес драматическим тоном:

– Семидесятимиллионный народ может страдать, но он не может умереть.

– Очень хорошо, – равнодушно ответил маршал Фош. Победители и побежденные предпочли не обмениваться рукопожатиями. Пушки Первой мировой умолкли в одиннадцать утра» [10, с. 233].

Современник Компьена и Версаля, видный французский политический деятель, один из активных творцов большинства статей Версальского договора **Андре Тардье** в своей книге «Мир» несколько по иному передавал саму атмосферу, царившую в Компьене, в ноябре 1918 г. «Дальнейшее

известно, — писал он, — встреча двух делегаций в Ретонд 8 ноября утром в поезде генералиссимуса союзных армий, старания Эрцбергерера превратить капитуляцию в переговоры. «Мы прибили сюда,— говорит он,— для того, чтобы выслушать ваши предложения и прийти к соглашению о перемирии». Маршал Фош пресекает маневр: «У меня нет для вас предложений. Вы просите перемирия?». «Мы просим перемирия». «В таком случае Вам будут объявлены условия, определенные союзными правительствами». 72 часа установленного срока истекают быстро. 10 ноября министр иностранных дел Зольф сообщает по радио, что и германское правительство согласно на предъявленные условия. 11 ноября в пять часов утра протокол подписан. Это тот же текст, который 4 ноября был принят на Версальском совещании. По техническим соображениям маршал Фош сделал Эрцбергеру три уступки; вместо 30 тысяч подлежащих сдаче пулеметов должно быть сдано 25 тысяч; вместо 2 тысяч самолетов — 1700, вместо 10 тысяч грузовых автомобилей — 5 тысяч; дано также обещание принять срочные меры к снабжению продовольствием. 11 ноября в 11 часов утра перемирие вступает в силу на всех фронтах. Во второй половине дня французский парламент и французский народ торжественно его подписания» [20, с. 65–66].

В то же утро 101 орудийный залп возвестил об окончании Первой мировой войны [12, с. 6]. Она продолжалась 51 месяц и 2 недели. Толпа ликующих парижан устремила на площадь Согласия и сорвала чёрный креп, которым с 1871 г. была накрыта статуя, изображающая город Страсбург. Колокольный звон всех церквей Франции славил победу. В тот же день у здания военного министерства французский премьер-министр **Жорж Клемансо** услышал в свой адрес слова «Perelavietoire» («Отец победы»), которые подхватила пресса [7, с. 38].

По своим масштабам **Первая мировая война** не имела аналогов в прошлом. В ее орбиту было втянуто 38 государств с населением более 1 млрд. человек или 2/3 населения планеты. Под ружьем оказались 70 млн. человек, из которых 10 млн. были убиты и 20 млн. ранены. Из 10 млн. погибших 2 млн. были немцы. 4,5 млн. немецких солдат и офицеров были ранены, 1 млн. попали в плен [13, с. 355]. Военные действия велись на территории в 4 млн. квадратных километров. Только прямые военные расходы государств превысили 200 млрд. долларов [11, с. 20; 24, с. 138].

Один из видных российских германистов **Н. В. Павлов** приводит несколько иные сведения. «Первая мировая война закончилась. — Отметил в «Истории внешней политики Германии. От Бисмарка до Маркель» **Н. В. Павлов**. — В нее было вовлечено 38 государств с населением в 1,5 млрд человек — 87% населения всей планеты. Ее итогом стали около 10 млн. погибших и 20 млн. раненных. Общие потери населения Германской империи составили 7 млн человек, в том числе было убито примерно 2 млн. Более 1 млн. оказалось в плену» [14, с. 64].

Текст **Компьенского перемирия** состоял из 5 частей и 34 статей. Они касались положения на фронтах, германских границ на Востоке, ситуации в Восточной Африке, финансовых предписаний Германии и продолжительности перемирия. Важнейшими **условиями перемирия** для Германии стали следующие [6, с. 373–376; 21, с. 166–167]:

1. Прекращение боевых действий на суше и в воздухе через 6 часов после подписания перемирия.

2. Германии надлежало вывести свои войска с территории Франции, Польши и Эльзас-Лотарингии в течение 15 дней. Левый берег Рейна должен был быть очищен от германских войск в течение 25 дней с одновременным созданием там нейтральной полосы шириной 10 км [18, с. 52]. Города Майнц, Кобленц и Кёльн с прилегающей территорией в 30 км в глубину оккупировались войсками Антанты. На правом берегу Рейна создавалось нейтральная зона шириной 30–40 км.

3. Из освобожденных территорий ничего не должно было вывозиться. Оккупационные войска союзников по Антанте в рейнских областях должны были содержаться за счет Германии. Военнопленные подлежали возврату без каких-либо предварительных условий.

4. Германия передавала победителям 5000 орудий (в том числе 2500 тяжелых), 25000 пулемётов, 3000 миномётов, 1700 самолётов-истребителей и бомбардировщиков. Союзническим властям немцы обязаны были передать 5000 локомотивов, 150000 вагонов, 5000 грузовых автомобилей и все железные дороги Эльзас-Лотарингии [16, с. 70]. Разоружению и интернированию подлежали 6 немецких линейных крейсеров, 10 линкоров, 8 малых крейсеров и 50 новейших эскадренных миноносцев. Союзники потребовали почётной капитуляции и вывода германских войск из Восточной Африки. Разоружался весь подводный флот. 160 подводных лодок подлежали выдаче Антанте [8, с. 17].

5. На востоке немецкие войска отводились к границам 1 августа 1914 г. Брест-Литовский и Бухарестский договоры аннулировались. Гарантировались прочность и неприкосновенность Бельгийского банка, которому Германии следовало возместить русское и румынское золото, т.е. передать его союзникам по Антанте. Речь шла о русском и румынском золоте, поступившем Германии от России и Румынии в счет контрибуций, которые обе стороны обязались выплатить Германии соответственно по Брест-Литовскому и Бухарестскому мирным договорам [18, с. 52].

Особое значение в связи с той ролью, которую победители отводили Германии в антисоветской интервенции, имела **статья 12 Компьенского перемирия**. Она гласила: «Все германские войска, которые в настоящий момент находятся в областях, принадлежавших до войны России, также должны быть возвращены в пределы названных границ Германии, как только союзники сочтут, что для этого наступил момент, приняв во внимание внутреннее положение этих областей».

Как стало позднее известно, ст. 12 содержала секретный пункт, обязывавший Германию вести военные действия против Советской России в Прибалтике до прибытия туда войск Антанты. Это выяснилось в декабре 1918 года из показаний германских офицеров, перешедших в расположение советских войск на территории Латвии. Оставленные в Прибалтике германские войска имели своей задачей не только осуществление интервенционистских действий, но и приобретение в лице контрреволюционных белых правительств союзников в борьбе против советской власти, а впоследствии и против самой Антанты» [14, с. 64–65].

Что касается **русского золота**, то его Советская Россия обязана была внести в счет 6 млрд. контрибуции в немецких марках, которая определялась дополнительным финансовым соглашением к Брест-Литовскому мирному договору (подписан 3 марта 1918 года между Германией и РСФСР) от 27 августа 1918 г. Москва должна была внести первый взнос – в 1,5 млрд марок, из них 245564 кг золотом и 545 миллионов кредитными билетами, немедленно; второй взнос – к 10 сентября, примерно в той же пропорции. Затем должны были последовать еще четыре взноса (30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 г.), каждый по 50676 кг золота и по 113 с лишним миллионов рублей кредитными билетами [6, с. 363]. Один миллиард погашался доставкой русских товаров в период между 15 ноября 1918 г. и 31 марта 1920 г. Два с половиной миллиарда погашались билетами особого 6-процентного займа, который обеспечивался государственными доходами, особенно арендной платой за концессии, данные немцам. Погашение последнего миллиарда должно было регулироваться особым соглашением [8, с. 18].

Российские историки международных отношений **А. Ю. Сидоров и Н. Е. Клейменова** отмечают, что по финансовому соглашению Советская Россия заплатила 6 млрд марок Германии (путем передачи ей 245 т. Золота, товаров на 1 млрд марок и 2,5 млрд марок кредитными билетами государственного займа, обеспеченного доходами от концессий, предоставляемых немцам) за убийство германского посла Мирбаха в Москве 6 июля 1918 г., и, что, во исполнение этого соглашения в сентябре-октябре 1918 г. в Германию было отправлено 93,5 т золота, которое впоследствии было присвоено державами Антанты в счет погашения российских долгов [17, с. 51].

Российские и отечественные историки, в том числе такие авторитетные как **А. Ю. Ватлин**, говоря о размере контрибуции с Советской Россией в пользу Германии, называют именно сумму в 6 млрд. марок [3, с. 31]. Это не совсем верно. По мнению известного англо-американского советолога **Ричарда Пайпса** «в финансовой части Россия согласилась выплатить Германии и лицам немецкой национальности полную компенсацию за ущерб, причиненный им действиями царского и советского правительства, а также возместить расходы, понесенные Германией на содержание русских военнопленных. Немцы посчитали, что эта сумма составляет от 7 до

8 млрд марок. После того как были приняты в расчет встречные претензии русских, сумма эта сократилась до 6 млрд. **Из этих денег 1 млрд должны были выплачивать Финляндия и Украина.** Россия взяла на себя обязательства выплатить в течение восемнадцати месяцев половину своего долга, составившего **5 млрд марок**, поставив Германии 24,5 т золота, определенную сумму в рублях и товары на 1 млрд. рублей. Вторую половину советская Россия должна была выплачивать с доходов от займа на сорок пять лет, облигации которого были выпущены в Германии. Такие выплаты удовлетворяли все претензии к России со стороны Германии, как правительственные, так и частные. Москва еще раз подтвердила свое согласие, оговоренное в Брестском договоре, возратить германским владельцам все национализированные и муниципализированные имущества, включая наличность и ценные бумаги, и разрешить вывезти его в Германию» [15, с. 428–429].

По словам того же **Р. Пайпса**, «несмотря на неотвратимо надвигавшееся поражение Четверного союза, Москва пунктуально выполняла свои финансовые обязательства по Дополнительному договору. 10 сентября в Германию было отправлено золота на 250 млн. немецких марок в качестве первой выплаты, а 30 сентября была выплачена сумма в 312,5 млн. немецких марок – частично золотом, – частично рублями. Третья выплата, запланированная на 31 октября, уже не состоялась, поскольку к тому времени Германия была на краю капитуляции» [15, с. 432].

Компъенское перемирие было подписано на 36 дней и вступило в силу в 12.00 дня 11 ноября 1918 г. Оно продлевалось трижды – 13 декабря 1918 г., 17 января и 16 февраля 1919 г. – по причине несогласованности позиций союзников в отношении Германии, из-за сложной ситуации в России и бушевавшей в Германии Ноябрьской революции [23, с. 367–368]. В ходе этих продлений в условиях Компъенского перемирия появится обязательство Германии не выводить свои войска с оккупированных территорий на Востоке. Через два дня после Компъена, 13 ноября 1918 г. большевистское правительство Советской России отменило Брест-Литовский мирный договор, подписанный между Германией и РСФСР 3 марта того же года [1, с. 107].

Хотя условия Компъенского перемирия означали безоговорочную капитуляцию Германии, послевоенное устройство мира должна была определить мирная конференция. Французы настояли на том, чтобы местом ее проведения был избран Париж. Американцы и англичане, предлагавшие в качестве альтернативы Швейцарию или другую нейтральную страну, уступили натиску французского лидера **Ж. Клемансо** [4, с. 28].

Компъенское перемирие не только завершило Первую мировую войну, но и подвело черту под всем предшествующим этапом развития международных отношений. Оно символизировало вместе с завершившейся Первой мировой войной наступление новой эпохи в истории Европы и мира – **нового времени** [8, с. 19]. «11 ноября, – писал **У. Черчилль**, – германский народ не только был разбит на поле сражения, но и испытан на

себе всю тяжесть осудившего его мирового общественного мнения... Последовавшие вслед за этим горькие испытания лишили победителей всякого престижа в глазах немцев, кроме престижа физической силы» [22, с. 37]. Он же отмечал, что за годы Первой мировой войны «высокомерное могущество Германии было на долгие годы подавлено» [22, с. 1]. Когда французский премьер-министр **Жорж Клемансо** получил телеграмму о капитуляции Германии, то радостно воскликнул: «Наконец-то! Он пришёл, тот день, которого я дожидаясь полвека. Он пришёл, день реванша! Мы отберём у них Эльзас и Лотарингию, мы восстановим Польшу. Мы заставим бошей заплатить нам десять, двадцать, пятьдесят миллиардов. Этого довольно? Нет! Мы им навяжем республику!» [2, с. 525].

Анализируя события тех дней, **Н. В. Павлов** пишет: «Кайзер Вильгельм II вынужден был отречься от престола и бежал из страны в Голландию. Последний рейхсканцлер монархической Германии Макс Баденский передал дела председателю крупнейшей парламентской партии – Социал-демократической партии Германии Фридриху Эберту, который сформировал 10 ноября временное правительство – Совет народных уполномоченных. Германия стала республикой.

На следующий день имперский статс-секретарь и депутат от партии Центра Матиас Эрцбергер подписал перемирие в железнодорожном вагоне французского главнокомандующего маршала Ф. Фоша в лесу под Компьеном, основу которого составили «14 пунктов» Президента США Вудро Вильсона. Первая мировая война закончилась. В нее было вовлечено 38 государств с населением в 1,5 млрд. человек – 87% населения всей планеты. Ее итогом стали около 10 млн. погибших и 20 млн. раненых. Общие потери населения Германской империи составили 7 млн. человек, в том числе было убито примерно 2 млн. Более 1 млн. оказалось в плену.

Компьенское перемирие оставляло Германии армию и не предусматривало полного и эффективного разоружения. Германия должна была лишь вывести в течение 15 дней свои войска из Франции, Бельгии, Люксембурга, Эльзас-Лотарингии, Австро-Венгрии, Румынии, Турции, других территорий и сдать победителям определенное количество тяжелых вооружений и транспортных средств. Часть территории Германии – левый берег Рейна – занималась войсками Антанты. Сохранялась блокада страны.

Статья 12 соглашения имела особое значение в связи с той ролью, которую победители отводили Германии в антисоветской интервенции. Она гласила: «Все германские войска, которые в настоящий момент находятся в областях, принадлежавших до войны России, также должны быть возвращены в пределы названных границ Германии, как только союзники сочтут, что для этого наступил момент, приняв во внимание внутреннее положение этих областей».

Как стало позднее известно, ст. 12 содержала секретный пункт, обязывавший Германию вести военные действия против Советской России в Прибалтике до прибытия туда войск Антанты. Это выяснилось в декабре

1918 г. из показаний германских офицеров, перешедших в распоряжение советских войск на территории Латвии. Оставленные в Прибалтике германские войска имели своей задачей не только осуществление интервенционистских действий, но и приобретение в лице контрреволюционных белых правительств союзников в борьбе против советской власти, а впоследствии и против самой Антанты.

Немецкие власти добивались от победителей смягчения условий будущего мира. Их главным аргументом был тезис о необходимости борьбы с большевизмом. Тактика германской дипломатии, затягивавшей переговоры с союзниками, и попустительство самих победителей, не сумевших выработать единой политической линии по отношению к Германии, привели к многократному продлению соглашения о перемирии» [14, с. 64–65].

По **Л. В. Ланнику**, уже «на подписании перемирия в Компьене 11 ноября 1918 г. делегацией во главе с Эрцбергером, которого от Генштаба сопровождал бывший военный атташе во Франции Винтерфельдт, стало ясно, что никакие подвиги германской армии и народа не будут являться основанием для снисхождения, а «14 пунктов» на практике и в версии французов выглядят совсем по-иному, чем представляло себе правительство Макса Баденского, начиная обмен нотами с Вильсоном. Смутное ощущение надежды на достойный мир, которое царило в Германии по аналогии с большевистской Россией конца 1917 г., только усилило шок от предъявленных предварительных условий мира и породило массу спекуляций по вопросу о целесообразности дальнейшего сопротивления, например, на Рейнском рубеже. При этом Германия окончательно вступила в новый этап своей истории, который характеризовался стремительным демонтажем остатков кайзеровского государственного устройства» [9, с. 301–302].

Андре Тардые в своей книге «Мир» по поводу Компьена писал, что «задача состояла в том, чтобы сделать Германию неспособной возобновить войну, и она не смогла ее возобновить; заставить Германию подписать мирный договор, и она его подписала. Следовательно, события подтверждают правоту Фоша. Перемирие ознаменовало капитуляцию неприятеля, и капитуляцию полную и окончательную. Именно этот смысл вкладывается в него в момент его подписания и те, кто подчиняется условиям, и те, кто эти условия диктовал» [20, с. 68].

Меморандум советской делегации на IV сессии подготовительной комиссии к конференции по разоружению в ноябре 1927 г. исчислял количество убитых во время Первой мировой войны в следующих цифрах (в тысячах):

- Германия – 1837
- Австро-Венгрия – 1200
- Турция – 437
- Болгария – 101
- Франция – 1350
- Французские колонии – 67

Великобритания – 744
Её доминионы и колонии – 202
Италия – 507
Бельгия – 267
Румыния – 339
Сербия – 707
Греция – 15
США – 107
Россия – 2753

Общее количество убитых – 10633 тысяч человек.

Тот же меморандум указывал количество раненых (тоже в тысячах):

Германия – 4248
Австро-Венгрия – 3200
Турция – 408
Болгария – 1159
Франция – 4200
Великобритания – 1693
Её доминионы и колони – 420

Италия – 950
Бельгия – 140
Сербия – 350
Греция – 40
США – 246
Россия – 4950

Общее количество раненных – 22004 тысяч человек [20, с. 109].

Война оставила после себя груды развалин, изуродованную окопами и воронками от снарядов землю, толпы беженцев, миллионы убитых и раненых. Людские потери, вызванные Первой мировой войной, точно подсчитать невозможно. Опубликованные в разных источниках цифры различаются в 2–3 раза, а то и больше. Статистика военного времени малодостоверна, а иногда и вовсе отсутствует. Приводимые обычно в публицистической литературе округленные цифры – 10 миллионов убитых и 20 миллионов раненых, – видимо, более или менее верно передают порядок величины потерь среди военнослужащих, но не учитывают потерь мирного населения.

К потерям Первой мировой войны порой добавляются потери в результате революций и гражданских войн, а их величина еще менее достоверна. Так, например, общие потери «белых» и «красных» во время Гражданской войны в России, по разным источникам, составляют от 2,5 млн. человек до 12 млн. и даже 16 млн. Представленные государствами после войны данные об ущербе и потерях никем не проверялись. Зачастую они сознательно извращались в политических и иных целях, например для обоснования претензий на репарации. Даже в последних, наиболее авторитетных, основанных на архивных изысканиях коллективных трудах сведения о потерях существенно расходятся. Согласно данным, приведенным в

фундаментальном труде «**Мировые войны XX века**», общие потери войск убитыми, умершими и ранеными во всех воюющих странах составили более 34 млн. человек. Из них около 24 млн. пришлось на долю Антанты, свыше 10 млн. – на государства Четверного союза. Приблизительно 10 млн. солдат и офицеров были убиты или умерли от ран; остальные пострадали от ранений и болезней. Эти потери больше, чем потери во всех войнах XVIII и XIX вв., вместе взятые [19, с. 117].

Наибольшие безвозвратные потери понесла **Россия**. Авторы «Мировых войн XX века» оценивают их в 3,3 млн. человек. На втором месте оказалась Германия – более 2 млн. человек. Третье место у Франции – 1,4 млн. человек, далее следуют Австро-Венгрия – 1,2 млн. и Великобритания – 0,9 млн. Потери США, поздно вступивших в войну, гораздо меньше – 117 тыс. человек, потери Японии и вовсе невелики – около одной тысячи человек.

Потери мирного населения тоже были очень значительными – не только в результате военных действий, но и умершими от голода и болезней. В 1918 г. мир поразила эпидемия нового заболевания – «**испанки**», которую врачи считают злокачественной формой гриппа, особенно опасного для ослабленных голодом и лишениями людей. От «испанки» умерло 18,7 млн. человек – больше, чем погибло на войне.

Экономический ущерб от Первой мировой войны составил около одного триллиона долларов США в ценах 1913 г., или 15 триллионов долларов в ценах 2000 г. Эта колоссальная сумма эквивалентна суммарному внутреннему валовому продукту США и Японии в 2000 г.

Вызванное войной расстройство экономики было настолько велико, что возвращение к ее довоенному уровню потребовало нескольких лет. В США довоенный уровень был достигнут через 4 года, в Западной Европе – через 6 лет. Ущерб, нанесенный человечеству **Первой мировой войной**, был велик как никогда [19, с. 118].

1. Боффа, Дж. История Советского Союза : в 2 т. / Дж. Боффа. – М. : Междунар. отношения, 1994. – Т. 1. – 627 с.
2. Бюлов, Б. Воспоминания / Б. Бюлов ; пер. под ред. и с предисл. В. М. Хвостова. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 562 с.
3. Ватлин, А. Ю. Германия в XX веке / А. Ю. Ватлин. – М. : РОССПЭН, 2002. – 336 с.
4. Демидов, Д. С. Международные отношения в Европе в 1919–1939 гг. / Д. С. Демидов. – М. : Прометей, 2001. – 234 с.
5. Джордан, В. М. Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. / В. М. Джордан. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1945. – XXIV, 302 с.
6. История дипломатии : в 3 т./ под ред. В. П. Потемкина. – М. : ОГИЗ, Гос. соц.-экономич. изд-во, 1945. – Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872–1919 гг.). – 424 с.
7. Космач, В. А. Веймарская республика в Германии: страницы истории (1918/1919–1933 гг.). – Т. 1. Рождение и становление республики (1918/1919–1923 гг.) / В. А. Космач. – Псков : Логос, 2016. – 416 с.
8. Космач, В. А. Германия в 1918–1919 гг.: рождение республики : монография / В. А. Космач. – Витебск : УО «ВГУ им. П. М. Машерова», 2008. – 169 с.

9. Ланник, Л. В. Германская военная элита периода Великой войны и революции и «русский след» в ее развитии / Л. В. Ланник. – Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2012. – 536 с.
10. Млечин, Л. Великая война не окончена. Итоги Первой мировой войны / Л. Млечин. – М. : Центрполиграф, 2015. – 578 с.
11. Назария, С. М. История международных отношений и внешней политики великих держав в новейшее время : курс лекций / С. М. Назария. – Кишинев, 2007. – 687 с.
12. Наумов, О. А. Дипломатическая борьба в Европе накануне Второй мировой войны. История кризиса Версальской системы / О. А. Наумов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 415 с.
13. Очерки истории Германии с древнейших времен до 1918 г. / И. М. Кривогуз [и др.]. – М. : Учпедгиз, 1959. – 362 с.
14. Павлов, Н. В. История внешней политики Германии от Бисмарка до Меркель / Н. В. Павлов. – М. : Междунар. отношения, 2012. – 800 с.
15. Пайпс, Р. Русская революция : в 3 кн. / Р. Пайпс. – М. : Захаров, 2005. – Кн. 2. Большевики в борьбе за власть. 1917–1918. – 720 с.
16. Патрушев, А. И. Германия в XX веке / А. И. Патрушев. – М. : Дрофа, 2004. – 434 с.
17. Сидоров, А. Ю. История международных отношений 1918–1939 гг. : учебник / А. Ю. Сидоров, Н. Е. Клейменова. – М. : Центрполиграф, 2006. – 640 с.
18. Системная история международных отношений в двух томах / под ред. А. Д. Богатурова. – М. : Культурная Революция, 2006. – Т. 1. События 1918–1945 годов. – 478 с.
19. Смирнов, В. П. Две войны – одна победа / В. П. Смирнов. – М. : АСТ-Пресс, 2015. – 415 с.
20. Тардьё, А. Мир / Пер. с фр. под ред. и вступ. статьей Б. Е. Штейна / А. Тардьё. – М. : Госполитиздат, 1943. – XXIV, 430 с.
21. Уткин, А. И. Унижение России: Брест, Версаль, Мюнхен / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2004. – 624 с.
22. Черчилль, У. Мировой кризис / У. Черчилль ; пер. с англ. ; с предисл. И. Минца. – М. ; Л. : Гос. воен. изд-во, 1932. – 328 с.
23. Шацилло, В. К. Первая мировая война 1914–1918. Факты. Документы / В. К. Шацилло. – М. : ОЛМА-Пресс., 2003. – 480 с.
24. Шульце, Х. Краткая история Германии / Х. Шульце. – М. : Весь Мир, 2004. – 256 с.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ПРАВИТЕЛЬСТВА БЗНС ПО ОТНОШЕНИЮ К ВОЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ (1919–1923 гг.)

М. С. Довгялло (Минск)

Послереволюционная, наиболее массовая по численности, волна российской эмиграции – уникальное явление не только в истории России, но и в мировой истории. География ее расселения охватывает различные европейские страны такие как: Франция, Германия, Польша, Королевство СХС (Югославия), Болгария, Чехословакия и др. Главным центром российской военной эмиграции в рассматриваемый период стала Болгария. В политике болгар к России доминировала идея общего славянского происхождения, близости языка, православия и, конечно, той роли, которую сыграла Россия в освобождении Болгарии от османского ига.

Побежденная в Первой мировой войне Болгария в результате Нейиского мирного договора 1919 г. оказалась под тяжестью огромных репарационных платежей. Экономическое положение в то время было катастрофическим. Острый политический кризис предопределил приход к власти правительства Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС) под руководством А. Стамболийского.

Вместе с тем представители западных стран-победительниц начали вести дипломатические переговоры с правительством Болгарии о временном приеме больных, раненых, инвалидов, российских военных в конце 1919 г. премьер-министр БЗНС надеялся, что его отзывчивость к рекомендациям стран Антанты поможет его стране получить послабление в выполнении военных условий Нейиского договора. Дипломатическая акция дала положительные результаты. Первые русские эмигранты прибыли в Варну на пароходе «Витязь» в декабре 1919 г. Для организации приема граждан был учрежден Русско-болгарский культурно-благотворительный комитет, который возглавил архиепископ Софии Стефан [7, с. 31], ставший одновременно представителем Верховного комиссара Лиги Наций по делам беженцев. Данному комитету активно помогали обустроить беженцев Славянское общество, Святейший синод Болгарской православной церкви, Болгарское общество Красного Креста, Общество единения русских в Болгарии и др. В последующем был создан правительственный Комитет по делам беженцев, осуществлявший помощь эмигрантским организациям на государственном уровне (1923 г.) [3, с. 24]. Следует отметить, что после серии переговоров правительство Болгарии в феврале 1920 г. объявило о решении принять и других российских военных эмигрантов. Таким образом в Болгарии, кроме гражданской, оказалось – не без влияния Антанты – много российской военной эмиграции, прежде всего казаков и представителей военного контингента барона Врангеля. К лету 1922 г. в стране насчитывалось более 36 тыс. русских эмигрантов и бывших солдат белой армии [7, с. 19]. Количество белогвардейцев значительно превосходило болгарскую армию с учетом того, что согласно Нейискому договору вся болгарская армия, включая полицию, не могла превышать 6,5 тыс. человек [2, с. 174].

Российская военная эмиграция относилась к эмиграции добровольно-вынужденного типа. Она сформировалась в условиях чрезвычайной ситуации – поражения белых армий в Гражданской войне в России за достаточно короткий исторический период. Перемещение за рубеж эвакуированных воинских контингентов осуществлялось организованно, с сохранением военной структуры (полков, дивизий т.п.). В частности, в Болгарию прибыли элитные белые части. Основным фактором, толкавшим военных в эмиграцию, являлся страх применения в отношении их репрессий на родине.

Председатель СНК РСФСР В. И. Ленин в начале 1920-х гг. охарактеризовал эмиграцию как «течение русской контрреволюции за рубежом» [16, с. 24]. Враждебное отношение к эмиграции нашло отражение в законодатель-

ных актах советской власти. В ноябре 1920 г. Совнарком РСФСР принял Декрет о бесхозяйственном имуществе, а затем дополнил его постановлением «О конфискации всего движимого имущества граждан, бежавших за пределы РСФСР», признавшим все движимое имущество бежавших за пределы республики или скрывающихся до настоящего времени граждан, в чем бы оно ни заключалось и где бы ни находилось, собственностью РСФСР [4, с. 245–246]. Таким образом, эмигранты были лишены не только своих фабрик, домов, квартир, но и всего личного имущества, но и возможности возврата в Россию.

Отличительной особенностью Болгарии было благожелательное отношение местного населения к российской эмиграции. Близость славянских корней и языка способствовали тому, что Болгария стала одним из центров Русского Зарубежья в Западной Европе. Вместе с тем, из-за сложной внутриполитической ситуации в самой Болгарии отношение болгарских властей к российской военной эмиграции не было последовательным и однозначным. Давление на правительство БЗНС оказывала советская Россия. Нарком Г. И. Чичерин отправил в декабре 1920 г. официальную ноту правительству А. Стамболийского, обвиняя Болгарию в сотрудничестве с Врангелем во время Гражданской войны и в предоставлении убежища его армии на своей территории по ее окончании [15, с. 175]. Единственной партией, выступившей против приема российских эмигрантов и поддерживавшей советскую Россию, была Болгарская компартия (БКП) и ее парламентская фракция. Коммунистическая фракция, квалифицируя всех белоэмигрантов как «контрреволюционеров», препятствующих реализации стратегических планов и ненужных болгарскому государству, неоднократно заявляла в парламенте, что «у болгарского государства нет никаких интересов поддерживать их» [7, с. 34]. В связи с этим частыми были парламентские дебаты в отношении изгнания из страны не только частей Врангеля, но и всех российских гражданских эмигрантов. В декабре 1921 г. парламентской группой БКП был направлен запрос в Народное собрание Болгарии с требованием репатриации российских беженцев из Болгарии и примечанием, что размещение войск Врангеля в стране является враждебным актом по отношению к советской России [13, с. 29, 690]. Весной 1922 г., когда началось сближение властей Софии и Москвы, болгарские коммунисты организовали массовые демонстрации в стране под лозунгом: «Врангелевцы – вон из Болгарии!» [6, с. 77]. Следует отметить, что в Болгарии Коминтерн пережил период процветания, пока у власти было правительство А. Стамболийского. С согласия премьер-министра из России в Болгарию была послана для борьбы с остатками белой армии генерала Врангеля группа секретных агентов, использовавшая все средства пропаганды, включая издание газеты, и все методы террора, в том числе убийства. Результатом ее деятельности стала депортация в мае – июне 1922 г. из Болгарии 58 офицеров, из них 35 генералов, в том числе генералов А. П. Кутетова, П. Н. Шатилова, В. Я. Вязьмитинова и др. [8, с. 165]. По распоряжению болгарского правительства были закрыты газеты «Русское дело» и «Свободная речь», а их ре-

дакторы были высланы из страны. Как отмечает В. Г. Кривицкий, группе секретных агентов удалось в значительной степени деморализовать потенциально антисоветскую армию [9, с. 90].

Необходимо также сказать, что в мае 1922 г. при поддержке советских спецслужб был создан прокоммунистический «Союз возвращения на Родину» («Совнарод»). Через несколько месяцев он превратился в массовую организацию в результате проводимой при активном содействии БКП агитации, как среди солдат, так и гражданского населения. Под посредством издания газет «На родину» и «Новая Россия» в которых разъяснялись его цели и задачи. В составе союза были не только солдаты, казаки, унтер-офицеры, но и гражданские лица. Так, в июне 1922 г. в рядах «Совнарода» насчитывалось 3 500 человек, а в сентябре – уже 5 300, к 1923 г. он объединил 65 групп с численностью около 8 500 человек. Итогом работы «Совнарода» стало возвращение представительством Российского общества Красного Креста, Лигой Наций в 1922–1923 гг. в Россию из Болгарии от 12 до 14 тыс. человек, из которых 70% составляли казаки [16, с. 75, 77]. Таким образом, Болгария явилась одной из немногих стран, для которых характерно такое массовое возвращение российских эмигрантов на родину.

Вместе с тем, действия болгарского правительства против врангелевцев были непоследовательными: при его попустительстве военнослужащие сохранили оружие и военное имущество, русская миссия сохранила свое положение. Также Болгария была одной из немногих стран, где белоэмигранты участвовали в подготовке государственного переворота, приведшего к смене кабинета А. Стамболийского на правительство А. Цанкова. Так, белогвардейские отряды приняли участие в перевороте 9 июня 1923 г. и в подавлении коммунистического восстания в сентябре 1923 г.

После подавления восстания коммунистов в сентябре 1923 г. болгарское руководство изменило политику по русскому вопросу. Следует отметить, что пришедший в результате переворота к власти кабинет А. Цанкова, учитывая оказанную поддержку белогвардейцев, внес изменения в болгаро-советские отношения, сократив контакты с СССР. Был отменен полицейский контроль за местожительством белоэмигрантов, а также разрешено свободное передвижение из одного населенного пункта в другой в поисках работы. Советские учреждения в Софии – миссия Красного Креста и «Совнарод» – были закрыты. С российской военной эмиграцией началось более активное сотрудничество – была создана система во главе с Русским общевойсковым союзом (РОВС), который в отличие от других стран Европы имел в Болгарии фактически два центра – в Софии под командованием генерала Ф. Абрамова и в Бургасе под командованием генерала А. Грекова.

Вместе с тем положение высшего командного состава российских военных эмигрантов не изменилось в сравнении с тем, каким оно было до переворота и прихода к власти правительства А. Цанкова. Как отмечается в источниках, «даже старшему командному составу, высланному из Болгарии

при А. Стамболийском, после переворота не разрешили вернуться к своим частям. Не оправдались и надежды оптимистов на то, что теперь «...откроются кое-какие пути и возможности устроиться получше» [1, с. 190]. Поэтому у российских военных эмигрантов, как при А. Стамболийском, так и при военной диктатуре А. Цанкова, оставалась та же перспектива – «черная» работа.

Необходимо отметить, что болгарское правительство было либерально по вопросу получения российскими эмигрантами права на трудовую деятельность и трудоустройство. Пребывание в Болгарии многих российских офицеров, среди которых были высокообразованные специалисты, окончившие в России военные академии, обусловило возникновение в ряде мест расположения врангелевских войск различных военно-научных ассоциаций. Их базой стал преподавательский состав расквартированных в стране девяти военных училищ и школ, в частности, артиллерийских и военно-инженерных [5, с. 116–117]. Был создан «Союз русских офицеров», в состав которого могли входить военные врачи, военные чиновники и лица духовного звания. Целью его деятельности было «объединение своих членов и поддержание, сохранение среди них, как кадров для будущих формирований Российской Армии, воинского рыцарского духа и основ воинской дисциплины и военной этики» [12, с. 75]. Наряду с этим солдаты, казаки, младшие офицеры создавали трудовые артели. Они трудоустраивались на предприятия добывающей промышленности, на строительство шоссе, мостов, рубку леса, в шахты и т.д., т.е. работали в трудных условиях и за более низкую плату, чем у болгарских рабочих. Только за период с 1920 по 1925 гг. было создано 16 127 рабочих мест, из них интеллектуальный труд составлял только 3,8%, а ручной – 96,2% [10, с. 66].

Таким образом, правительство БЗНС проводило двойственную политику по отношению к российской военной эмиграции. С одной стороны оно учитывало мнение советской России в отношении военной эмиграции, а с другой стороны, решало свои внутренние и внешние вопросы – недостаток высококвалифицированных специалистов (офицеры, профессора, врачи, инженеры и т.д.) и погашение старых долгов перед царской Россией за счет расходов на содержание российских эмигрантов.

А положение российских военных эмигрантов в Болгарии в рассматриваемый период характеризовалось низким социальным и юридическим статусом, высоким уровнем безработицы и, как следствие, психологической подавленностью и деморализацией.

1. Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.) / Ю. А. Поляков [и др.]. – М. : ИРИ РАН, 2006. – 342 с.
2. Бирман, М. А. Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930 годов / М. А. Бирман, А. Н. Горяинов // Новая и новейшая история. – 2002. – № 1. – С. 173–193.
3. Горяинов, А. Н. Культурно-просветительные организации русских эмигрантов в Болгарии (до начала 30-х годов XX века) / А. Н. Горяинов // Славяноведение. – 1994. – № 4. – С. 23–33.

4. Декреты Советской власти. – М. : Политиздат, 1983. – Т. 11. – Окт. – ноябрь 1920 г. – 467 с.
5. Домнин, И. В. Русское военное зарубежье: дела, люди и мысли (20–30- годы) / И. В. Домнин // Вопросы истории. – 1995. – № 7. – С. 116–117.
6. Йованович, М. Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940 / М. Йованович. – М. : Библиотека-фонд «Русское зарубежье», 2005. – 488 с.
7. Кёсева, Ц. Болгария и русская эмиграция, 1920–1950-е годы / Ц. Кёсева. – М. : Русский путь, 2008. – 310 с.
8. Кононова, М. М. Русские и дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925 гг.) / М. М. Кононова. – М. : ИВИ РАН, 2004. – 240 с.
9. Кривицкий, В. Г. Я был агентом Сталина / В. Г. Кривицкий // Вопросы истории. – 1992. – № 1. – С. 81–100.
10. Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – М. : ИРИ РАН, 2001. – 330 с.
11. Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг.: Документы и материалы : учеб. пособие / Под ред. А. Ф. Киселева. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДАС, 1999. – 776 с.
12. Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов / Е. И. Пивовар [и др]. – М. : Ист.-арх. ин-т, 1994. – 117 с.
13. Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века. Документы и материалы : в 2-х т. – М. : Триада-Х, 2001. – Т. 2 : Несбывшиеся надежды ... 1923 г. – 483 с.
14. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы : в 2-х т. – М. : Гея, 1998. – Т. 1: Так начиналось изгнание, 1920–1922 гг. – Кн. 2. На чужбине. – 751.
15. Русский исход / Отв. ред Е. М. Миронова. – СПб. : Алетейя, 2004. – 320 с.
16. Шкаренков, Л. К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. / Л. К. Шкаренков. – М. : Мысль, 1987. – 236 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИДЕРА РУСИНСКОЙ ДИАСПОРЫ В США МИХАИЛА ЮГАСА В КОНТЕКСТЕ БОРЬБЫ ВЕНГЕРСКИХ И ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР (1929–1930 гг.)

О. Г. Казак (Минск)

Межвоенный период характеризовался борьбой за настроения многочисленной (насчитывавшей, по некоторым данным, около 250 тыс. человек) русинской диаспоры в США, которую с переменным успехом вели дипломаты Чехословакии и Венгрии. Внимание внешнеполитических ведомств двух стран к данной категории жителей США объяснялось тем, что американские русины сыграли немаловажную роль в легитимации вхождения их исторической родины – Подкарпатской Руси – в состав Чехословакии. Существовали обоснованные предположения, что в случае постановки вопроса о смене государственной принадлежности края слово лидеров русинской диаспоры в США может оказаться весомым.

Влиятельнейшую организацию американских русинов – «Соединение греко-католических русских братств» (далее – «Соединение») –

в 1901–1906 гг. и в 1920–1936 гг. возглавлял М. Югас, который поддерживал тесные связи с венгерским консульством в Кливленде. Консул Л. Алекси являлся главным специалистом по русинскому вопросу в дипломатическом корпусе Венгрии. На основе информации, полученной от консула, сотрудники посольства в Вашингтоне готовили аналитические справки для Министерства иностранных дел Венгрии. В июле 1929 г. М. Югас был переизбран на должность председателя «Соединения». Однако один из активистов диаспоры Д. Делиманн, по данным отчета Л. Алекси от 16 ноября 1929 г., на деньги чехословацкого посольства инициировал судебный процесс о признании результатов выборов недействительными [5]. 17 декабря 1929 г. суд встал на сторону противника М. Югаса и принял решение о непризнании легитимности последнего. Повторные выборы было решено не проводить ввиду больших финансовых затрат. Делегатов июльского съезда просили отправить в адрес избирательной комиссии «Соединения» письма с указанием кандидата, за которого они ранее отдали голос на выборах. Несмотря на интенсивную чехословацкую пропаганду, М. Югас вновь одержал победу, что с радостью отметил в своем отчете от 17 февраля 1930 г. Л. Алекси. Далее дипломат сообщал, что на протяжении более чем десяти лет проводить открытую провенгерскую агитацию среди американских русинов его ведомство не могло: «На протяжении десяти лет мы открыто не говорили о возвращении к Венгрии, потому что десятилетняя пропаганда чехов и русофилов привела американское рутенство к тому, что оно не могло даже упомянуть о своей симпатии к венграм. Рутенские лидеры награждались позорным штампом, если кто-то узнавал, что они хорошо относятся к венграм. Их называли врагами славянства, предателями великославянской идеи. Следует признать, что в течение десяти лет мы потеряли авторитет в глазах рутенов». Л. Алекси полагал, что в условиях нарастания в среде русинской диаспоры в США разочарования политикой Праги в Подкарпатской Руси для венгерской дипломатии настал удобный момент для наступления: «Против пропаганды А. Геровского (известный русофильский и православный деятель, в 1930 г. эмигрировал в США) следует начать открытую борьбу за возвращение к Венгрии и католической вере» [5].

К 1930 г. в среде лидеров русинской эмиграции отчетливо выделяются несколько групп: «группа власти» (М. Югас, греко-католический епископ В. Такач, юрист «Соединения» и экс-губернатор Подкарпатской Руси Г. Жаткович, редактор Б. Цмор, греко-католические священники Б. Качинский и П. Долинай, секретарь епископа Т. Жаткович), «оппозиционная группа» (греко-католические священники и публицисты Б. Балог, М. Гануля, Д. Тегзе, агент по продаже недвижимости Д. Делиманн), «великорусское направление» (А. Геровский, редакторы русофильских изданий Д. Вислоцкий и М. Ганчин) [5]. Показательно, что сам М. Югас придерживался трактовки русинов как части общерусского народа. По его мнению, русофильские идеи пользовались популярностью у русинов в Чехослова-

кии и США, и в тогдашних геополитических реалиях подобные настроения не представляли угрозы [5]. Разногласия между «группой власти» и «оппозиционной группой» не имели серьезной идейной основы. Как сообщал Л. Алекси в отчете от 20 марта 1930 г., представители обеих групп обвиняли друг друга в «работе на чехословацкое правительство», тем самым пытаясь заручиться поддержкой венгров [5].

В 1929 г. М. Югас опубликовал на английском языке книгу «Принципы Вильсона в чехословацкой практике», которая была направлена во все европейские посольства в США. Прага традиционно обвинялась в нежелании выполнить свои международные обязательства (зафиксированные, в частности, в Сен-Жерменском договоре) и предоставить Подкарпатской Руси автономию, в разжигании языковой и религиозной розни [5]. Обличение автором массовой поддержки православной церкви со стороны чехословацких властей являлось явным преувеличением. Тем не менее, ослабление позиций греко-католической церкви, которая рассматривалась (пусть и несколько тенденциозно) традиционной опорой провенгерских сил в Подкарпатской Руси, была выгодна Праге. Этот факт отмечают польские исследователи М. Ярнецкий и П. Колаковский: «Секуляризованная элита Града и подчиненная ей администрация, официально идеологически нейтральные, с плохо скрываемым удовлетворением наблюдали за проблемами греко-католической церкви, подозревая ее в нелояльности и провенгерской позиции». В то же время авторы обращают внимание, что «среди униатов хватало русофилов, как и украинофилов, не говоря уже о представителях русинской и мадяронской ориентаций» [4, s. 80–81].

В марте 1930 г. М. Югас совместно с Б. Цмором готовит меморандум о положении Подкарпатской Руси в составе Чехословакии. Данный документ планировалось опубликовать на страницах старейшего издания русинов Северной Америки («Американский русский вестник»), а также направить в Лигу Наций. Показательно, что на этапе подготовки меморандума М. Югас проводил консультации с венгерским консулом в Кливленде. В преамбуле документа сообщалось, что международное сообщество должно было принудить Прагу выполнять свои обязательства в отношении Подкарпатской Руси. Первая часть меморандума представляла собой краткий экскурс в историю региона. По мнению авторов, в целом благоприятный период вхождения края в состав Венгрии был прерван «чехословацкой интригой»: «Карпаторусский народ на протяжении тысячи лет принадлежал Венгрии, сформировал с ней географическую и экономическую целостность. После Первой мировой войны в результате организованной в Америке пропаганды и фальсификации фактов о якобы имевшем место выражении воли народа Карпатороссия была присоединена к Чехословакии, ей была обещана широчайшая автономия» [5]. Действительно, в 1917–1918 гг. чехословацкий вариант государственной принадлежности Подкарпатской Руси был далеко не очевидным. Присоединение региона к Чехословакии

стало возможным благодаря удачным действиям Т. Масарика, который заручился поддержкой американского президента В. Вильсона и лидеров русинской диаспоры в США. Плебисцитарные мероприятия, проведенные среди американских русинов, не могут считаться прозрачными [1].

Во второй части меморандума содержался стандартный набор обвинений в адрес Праги по поводу ее политики в Подкарпатской Руси. Явления, которые отмечали авторы документа, действительно имели место [2], однако их масштаб был явно преувеличен. Властям Чехословакии инкриминировалась чехизация школ, «колонизация», проявлявшаяся в том, что все важные должности в местной администрации, в учреждениях и на предприятиях занимали чехи. Авторы полагали, что для удержания народа в покорности Прага использовала старый метод «разделяй и властвуй», то есть искусственно разжигали в регионе религиозную (между православными и греко-католиками) и языковую (между русофилами и украинофилами) вражду. Глубинные предпосылки возникновения подобной ситуации М. Югас и Б. Цмор видели в следующем: «Несправедливость и репрессивность чешской политики объясняется тем, что карпаторусский народ никогда не жил рядом с чехами. Чехи абсолютно не понимают народный дух [карпатороссов], постоянно упрекают карпаторусский народ, рассматривают его как носителя опасной болезни, культура которого находится на самом низком цивилизационном уровне и может развиваться только под властью чехов». Утверждалось также, что Прага мало заботилась о материальном благополучии жителей Подкарпатской Руси и рассматривала край как рынок дешевого сырья и сбыта продукции, произведенной в более развитых регионах страны. Авторы меморандума резюмировали: «Многие открыто или тайно хотят вернуть старые порядки Венгрии. Тогда не было международных гарантий самоуправления, но карпатороссы с венграми жили в полном равенстве, имели свободу в церковной жизни, их языку не угрожало уничтожение. [...] Карпаторусская национальность человека не исключала возможности занять государственный пост ...» [5].

К рассмотрению меморандума в Лиге Наций дело так и не дошло. В конце мая стало известно, что из-за формальной ошибки в составлении документа его отказались обсуждать в этой организации. В июне 1930 г. представитель Венгрии в Лиге Наций беседовал с председателем секции меньшинств П. де Азкарте. Тот выразил заинтересованность содержанием меморандума и обещал посодействовать тому, чтобы этот документ все же был рассмотрен, однако в дальнейшем свое обещание не выполнил [5]. В 1930 г. Лига Наций рассмотрела две петиции, посвященные русинскому вопросу. Автором первой из них был «русинский политический эмигрант» из Будапешта А. Боукялый, авторами второй – лидер партии «Автономный земледельческий союз» русофил И. Куртык из Подкарпатской Руси и уже упомянутый в статье А. Геровский. Первые двое из указанных лиц действовали на средства и в интересах Венгрии (А. Геровский уже в 1930 г. пы-

тался предложить сотрудничество венгерским дипломатическим структурам в США, но в то время не нашел поддержки [5]). В петициях содержались традиционные обвинения Праги в чехизации школы, несправедливой социальной политике, насаждении чуждой для русинов украинской и русской (этот пункт содержался в петиции А. Боукялого) моделей национальной идентичности. В Лиге Наций эти петиции были встречены прохладно и без энтузиазма, так как в них не содержалось какой-либо принципиально новой информации [3, s. 279–281].

Таким образом, в 1929–1930 гг. лидеры русинской диаспоры США, ориентированные на Будапешт, переходят от критики политики Праги в Подкарпатской Руси к осторожной агитации за возвращение региона в состав Венгрии. В тот момент, однако, большого международного резонанса подобная деятельность не получила. Кроме того, популярность главного мадьярона М. Югаса падала. Б. Цмор в беседе с Л. Алекси 1 августа 1930 г. сообщал, что репутация М. Югаса сильно пострадала от «обличительных» публикаций русофилов М. Ганчина и А. Геровского [5]. Тем не менее, венгерская дипломатия в США получила ценный опыт проведения информационных кампаний и подготовки выгодных для себя «лидеров общественного мнения» среди местной русинской диаспоры. Данный опыт будет совершенствоваться и с разной степенью успеха использоваться в дальнейшем.

1. Казак, О. Г. Участие русинской диаспоры США в определении государственной принадлежности Подкарпатской Руси (1918 г.) / О. Г. Казак // Аспект. – 2018. – № 3. – С. 19–24.
2. Шевченко, К. В. Славянская Атлантида. Карпатская Русь и русины в XIX – первой половине XX в. / К. В. Шевченко. – М. : Regnum, 2011. – 414 с.
3. Ferencuhová, B. Podkarpatská Rus v Spoločnosti Národov (1929–1934) / B. Ferencuhová // Kapitoly z dejín Podkarpatskej Rusi 1919–1945 / ed.: Ľ. Harbul'ova. – Prešov, 2015. – S. 273–287.
4. Jarnecki, M. «Ukraiński Piemont». Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939 / M. Jarnecki, P. Kołakowski. – Warszawa : Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. – 383 s.
5. Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára. – F. K 64. 1930. 38. cs. 10. t.

Э. БЕНЕШ В БОРЬБЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЮ «ПРИНЦИПОВ ЛОКАРНО» В ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЕ

Д. В. Родин (Москва)

Изучение международных отношений в межвоенный период не обходится без упоминания Локарнской конференции – «поворотного момента в европейской послевоенной политике» [10, p. 148]. В намного меньшей степени в научной литературе освещены попытки распространить «принципы Локарно» на иные регионы Европы, помимо Западной, в частности на Дунайский регион. Значительную роль в подобных проектах играли не

только представители великих держав, но и региональные игроки. Данная статья посвящена одному из них – министру иностранных дел Чехословакии Э. Бенешу, активно продвигавшему во второй половине 1920-х гг. идею «Среднеевропейского Локарно».

Несмотря на то, что Локарнские соглашения фактически не улучшили международное положение Чехословакии (а во многом даже ухудшили, т.к. отныне действие франко-чехословацкого пакта о взаимопомощи было тесно связано с Уставом Лиги Наций), Э. Бенеш пытался представить их в качестве успеха чехословацкой дипломатии. В выступлении перед постоянным комитетом парламента Чехословакии он в самых ярких выражениях описывал достигнутые договоренности, как «плод семи лет чехословацкой внешней политики», в котором отражены «принципы и идеи, поддерживаемые и принятые Лигой Наций», и видел в них средство для «подавления войны на целые десятилетия» [9, р. 224]. Договор же с Францией, по мнению Э. Бенеша, приобрел «новый характер», не потеряв при этом «своей прежней эффективности» [11].

По-видимому, Э. Бенеш действительно верил в то, что говорил: самым важным для него было не утилитарное значение Локарнских соглашений, но моральное – тот «дух Локарно», прославление которого стало одним из главных мест в работах, появившихся сразу после завершения Локарнской конференции. Французский историк Ж.-Б. Дюрозель писал впоследствии, что «дух Локарно» был скорее не духом «мирового общественного мнения», а «отражением общего отношения группы влиятельных людей, для которых Женева была центром всего» [8, р. 758]. Можно сказать, что Э. Бенеш, для взглядов которого был характерен определенный идеализм в отношении международной обстановки, был типичным представителем этой группы.

Для Э. Бенеша Локарно означало успешную реализацию в Рейнской области принципов Женевского протокола 1924 г., способного «смягчить любую угрозу, которая могла бы возникнуть вследствие обиды Германии на Версальский мир» [20, р. 238]. Однако останавливаться на достигнутом, по его мнению, не следовало: модель Локарно могла быть применена и в других регионах, что способствовало бы решению ряда международных проблем. В одной из своих статей он писал: «Не за горами то время, когда появится второе Локарно, когда вся Европа придет к соглашению с Россией. Это будет выгодно как России, так и Европе» [4, р. 209].

Одним из регионов, где мог бы быть реализован «опыт Локарно», могла стать Центральная Европа. Эту идею озвучил министр иностранных дел Великобритании О. Чемберлен, который еще в ходе переговоров в Локарно задал вопрос Э. Бенешу: «Возможно ли, чтобы Чехословакия, Румыния и Югославия достигли аналогичных договоренностей с Австрией и Венгрией? Было бы замечательно, если бы произошло что-то подобное». Глава Форин-офис был уверен, что «если этому и суждено произойти, то

именно Бенеш тот человек, который должен это сделать». Э. Бенеш отнесся к озвученной идее положительно, заявив, что «подобные мысли были и у него в голове», и хотя существовали объективные трудности, он был уверен, что их можно будет преодолеть [5, р. 893]. Положительный отклик чехословацкого министра легко объясним: «Среднеевропейское Локарно» укрепило бы позиции Чехословакии в Дунайском регионе и обеспечило бы безопасность ее границ, в первую очередь с Венгрией.

Сразу же после завершения Локарнской конференции Э. Бенеш связался с министром иностранных дел Югославии М. Ниничем. Идея о привнесении в Центральную Европу опыта Локарно была ими одобрена, хотя они опасались, что включение Австрии в предполагаемый пакт может быть затруднено из-за отрицательного отношения Италии [18]. Однако инициатива в данном вопросе, по их мнению, должна была исходить либо от Великобритании, либо от Франции. В ответ О. Чемберлен заявил, что, «если малые государства желают, чтобы с ними считались, как с великими державами, они должны действовать в том же духе и продемонстрировать аналогичную широту взглядов и стремление к примирению» [6, р. 64]. Основой же для распространения принципов Локарно на Центральную Европу министр иностранных дел Великобритании называл следующие условия: во-первых, политика примирения и доброжелательного отношения к национальным меньшинствам, во-вторых, содействие и доброжелательное отношение со стороны итальянского правительства.

После подписания Локарнских соглашений 1 декабря 1925 г. между О. Чемберленом и Э. Бенешем состоялась еще одна беседа, в ходе которой чехословацкий министр рассказал своему коллеге о переговорах с министрами иностранных дел Югославии и Италии, выявивших общее положительное отношение трех стран к идее Среднеевропейского Локарно. Однако О. Чемберлен вновь предостерег Э. Бенеша, что, по его мнению, ни Великобритании, ни Франции, ни Германии не следовало принимать участия в предполагаемом пакте, который «не мог увенчаться успехом без тщательной подготовки или духа среди вовлеченных правительств и народов, аналогичного тому, что воодушевлял народы, чьи представители собрались в Локарно» [14].

Подобный дух явно был присущ Э. Бенешу. Он немедленно взялся за попытку выстроить в Центральной Европе систему двусторонних договоров а la Локарно, в первую очередь подобных арбитражному соглашению между Германией и Чехословакией. Еще до Локарнской конференции, 23 апреля 1925 г., было заключено польско-чехословацкое арбитражное соглашение, а 5 марта 1926 г. аналогичный договор был подписан между Чехословакией и Австрией. Дело оставалось за малым: убедить подписать аналогичный договор Венгрию.

Сам Э. Бенеш в качестве предварительного условия переговоров с Венгрией называл готовность последней «признать мирные договоры в ка-

честве постоянной основы европейской системы» [17]. Несмотря на разразившийся в начале 1926 г. скандал с венгерскими фальшивомонетчиками, резко ухудшивший отношения между Чехословакией и Венгрией, Э. Бенеш все же заявил о готовности начать переговоры с Будапештом по вопросу заключения арбитражного соглашения. Однако ответа на свое предложение он так и не получил, что привело к резким выпадам министра против соседней страны, отношения с которой он охарактеризовал словами: «Ни войны, ни мира» [12]. Некоторые даже подозревали, что Э. Бенеш попытается добиться замены венгерского премьер-министра Иштвана Бетлена на кого-то более сговорчивого [3, р. 83]. В 1927 г. последовал новый кризис в венгерско-чехословацких отношениях, вызванный кампанией в защиту венгерских территориальных претензий, развернутой лордом Ротермиром в газете «Дэйли Мейл». Э. Бенеш официально выступил против заявлений лорда Ротермира, что поставило крест на возможности каких-либо соглашений между Прагой и Будапештом [3, р. 84].

Тем не менее Э. Бенеш не отчаивался и в 1928 г. Он предполагал возможность дальнейшего развития отношений между Чехословакией и Австрией путем заключения гарантийного пакта в дополнение к арбитражному соглашению и верил, что ему удастся договориться с Венгрией в 1929 г. [19] В ходе визита австрийского канцлера И. Зайпеля в Прагу в феврале 1928 г. Э. Бенеш в самых радужных тонах расписывал потенциал гарантийного пакта для Центральной Европы, однако речь шла уже не о многостороннем пакте, а о двусторонних соглашениях, которые сопровождалась бы оговоркой, что они не направлены против какой-либо страны [13]. Однако он по-прежнему ставил в качестве предварительного условия признание Венгрией существующих границ в качестве неизменных, ставя в зависимость от этого признания уступки со стороны Праги (например, в вопросе о венгерском меньшинстве в Чехословакии). Для Будапешта подобное требование было неприемлемым.

Помимо проблем с Венгрией препятствием к созданию «Среднеевропейского Локарно» стало неприятие потенциального гарантийного пакта в Австрии, где были сильны настроения в пользу аншлюса, и в Италии, которая поддерживала ревизионистские устремления в Будапеште и надеялась укрепить свои позиции в Центральной Европе, чему проект Э. Бенеша мог помешать. Последний надеялся добиться поддержки со стороны Лондона, и в начале февраля 1928 г. отправил письмо О. Чемберлену, в котором просил британское правительство помочь в проведении переговоров между странами Малой Антанты и Венгрией, в чем он видел первый шаг на пути к соглашению с Австрией и, возможно, к распространению принципов Локарно на Балканы [19]. Форин-офис, как и в 1925 г., ответил отказом: как было сказано в меморандуме заместителя министра иностранных дел Ч. Говарда Смита, «это забота Малой Антанты – сделать так, чтобы га-

рантийный пакт был выгоден для Венгрии» [16]. Участвовать в переговорном процессе между странами Центральной Европы Лондон не собирался.

К лету 1928 г. Э. Бенеш окончательно разочаровался в возможности создать «Среднеевропейское Локарно. В ходе визита в Берлин в конце мая 1928 г. Э. Бенеш в личной беседе заверил статс-секретаря германского МИД К. фон Шуберта, что «он никогда не вынашивал столь зловещих планов, которые ему всегда приписывали, в особенности по созданию блока в Центральной Европе» [1, s. 91]. Об этом разговоре статс-секретарь вспомнил в декабре того же года, беседуя с венгерским послом в Берлине К. Каньей: последний посетовал, что Э. Бенеш «всегда тайно изобретает что-то новое», в частности, различные пакты о ненападении, однако отметил, что «в последнее время он уже не обращался к Венгрии с подобными предложениями». К. фон Шуберт, вспомнив майскую встречу с чехословацким министром, также заметил, что «идея пакта о ненападении была заброшена» [2, s. 518–519].

И действительно: в речи, произнесенной Э. Бенешем перед парламентским комитетом по иностранным делам 10 октября 1928 г., не было ни слова о создании системы гарантийных пактов в Центральной Европе [15]. Подобные изменения не остались незамеченными и в Лондоне: как утверждалось в меморандуме о внешней политике Великобритании от 8 апреля 1929 г., «по-прежнему нет никаких признаков того, что в ближайшем будущем в Центральной или Юго-Восточной Европе будет создана система Локарно» [7, p. 821].

Провал проекта «Среднеевропейского Локарно» объясняется тем, что противоречия между странами-победителями и проигравшими в мировой войне, в первую очередь Венгрией, оказались непреодолимыми, а великие державы (в частности, Великобритания) дистанцировались от участия в переговорном процессе, опасаясь быть втянутыми в конфликты региональных игроков. В итоге Э. Бенеш вернулся к развитию союзнических отношений в рамках Малой Антанты, в чем преуспел в намного большей степени: уже в мае 1929 г. союз между Чехословакией, Румынией и Югославией был продлен и дополнен арбитражными соглашениями. Однако и ему было не суждено пережить следующее десятилетие, ознаменовавшееся крахом Версальско-Вашингтонской системы международных отношений.

1. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. 9: Mai bis 30. August 1928. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1976. – 743 s.
2. Akten zur deutschen auswärtigen Politik. 1918–1945. Ser. B: 1925–1933. Bd. 10: 1. September bis 31 Dezember 1928. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. – 691 s.
3. Bakić, D. Britain and Interwar Danubian Europe: Foreign Policy and Security Challenges, 1919–1936 / D. Bakić. – London, New York : Bloomsbury Academic, 2017. – 282 p.
4. Beneš, E. After Locarno: The Problem of Security Today / E. Beneš // Foreign Affairs. – 1926. – Vol. 4, № 2. – P. 195–210.

5. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 1. Vol. 27: Central Europe and the Balkans, 1925. The Conference of Locarno, 1925. Germany, 1925. – London : Stationery office, 1986. – 1282 p.
6. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 1: The Aftermath of Locarno, 1925–6. – London : Stationery office, 1966. – 954 p.
7. Documents on British Foreign Policy. Ser. 1A. Vol. 6: The Young report and the Hague Conference: security questions 1928–1929. – London : Stationery Office, 1975. – 935 p.
8. Duroselle, J. B. The Spirit of Locarno: Illusions of Pactomania / J. B. Duroselle // Foreign Affairs. – 1972. – Vol. 50, № 4. – P. 752–764.
9. Gasiorowski, Z. J. Benes and Locarno: Some Unpublished Documents / Z. J. Gasiorowski // The Review of Politics. – 1958. – Vol. 20, № 2. – P. 209–224.
10. Hadler, F. Locarno im Blickwinkel tschechoslowakischer Außenpolitik / F. Hadler // Locarno und Osteuropa. – Marburg : Hitzeroth, 1994. – S. 147–153.
11. The Central European Observer. – 1925, November 6.
12. The National Archives. – Barclay to Chamberlain, March 1, 1926, C2841/1618/62, FO 371/11243.
13. The National Archives. – Drummond to Selby, February 21, 1928, C 1467/1403/62, FO 371/12871.
14. The National Archives. – Chamberlain to Crewe, December 4, 1925, C 15584/13131/62, FO 371/10701.
15. The National Archives. – Macleay to Lord Cushendun, October 10, 1928, C 7731/1382/12, FO 371/12867.
16. The National Archives. – Memorandum by Howard Smith, February 15, 1928, C 1403/1403/62, FO 371/12871.
17. The National Archives. – Minute by Dodd, December 12, 1925, C 16128/13131/62, FO 371/10701.
18. The National Archives. – Minute by Kennard, October 22, 1925, C 13545/13131/62, FO 371/10701.
19. The National Archives. – Minute by Selby, February 14, 1928, C 1124/G, FO 371/12871.
20. Vondracek, F. J. The Foreign Policy of Czechoslovakia 1918–1935 / F. J. Vondracek. – New York : AMS Press, 1968. – 453 p.

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ СЕВЕРНОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО СОЮЗА: СКАНДИНАВСКИЙ ОТВЕТ НА КРИЗИС ВЕРСАЛЬСКО-ВАШИНГТОНСКОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Е. В. Корунова (Москва)

Предложение о создании северного оборонительного союза в середине 1930-х гг. принадлежало Швеции, чье правительство было обеспокоено обостряющейся внешнеполитической ситуацией в Европе. Идея создания подобного объединения, целью которого должно было стать обеспечение военной безопасности Скандинавии и Финляндии, возникла одновременно с осознанием бесперспективности «скандинавского блока» в Лиге наций и

неэффективности проводимых Швецией, Данией, Норвегией и Финляндией конференций на высшем уровне [7].

Объединение усилий в области обороны и безопасности сулило государствам Северной Европы благоприятные геополитические условия в случае угрозы столкновения великих держав в балто-скандинавском регионе. Так, согласованная политика правительств Дании и Норвегии позволяла блокировать проливы Скагеррак и Каттегат, имевшие в годы Второй мировой войны стратегическое значение для нацистской Германии, укрывавшей в этих районах свой военный флот, а также использовавшей проливы и территориальные воды нейтральных государств для транспортировки грузов из Швеции и Норвегии в Германию.

В свою очередь, согласованность в области оборонительной политики государств Швеции и Норвегии, удобно располагающихся на Скандинавском полуострове, окруженном обширными морскими массивами, могла скорректировать планы воюющих держав, обеспечив неприкосновенность северных территорий. Шхерный характер побережья и сильная изрезанность береговой линии, а также глубокие, узкие фьорды Норвегии создавали трудности для вторжения на полуостров при условии грамотно продуманной системы защиты. Труднодоступность территорий полуострова для боевых действий создавали обилие лесов, болот, а также не сильно развитая на полуострове дорожная сеть [8, с. 20–21].

В 1960-е гг., когда воспоминания об оккупации Норвегии были еще свежи, норвежский политолог Арне Улав Брундтланд высказал мнение, что политика безопасности каждой северной страны находилась под влиянием политики безопасности других северных стран [11, р. 57]. Своей теорией, многократно цитируемой впоследствии политологами и историками, он указал на недостаточность проводимых странами Севера действий по защите своих территорий накануне и в годы Второй мировой войны.

Между тем с самого начала на пути формирования северного оборонительного союза возникло множество преград. И главным препятствием стало нежелание самих скандинавов втягиваться в опасную, по их мнению, авантюру. В политических кругах Дании и Норвегии эта инициатива небезосновательно вызывала беспокойство, она бросала тень на проводимую политику нейтралитета и могла вызвать вопросы у ведущих политических игроков. В тот момент, когда Германия ясно дала понять международной общественности, что не собирается считаться с версальскими договоренностями, развертывание какой-либо активной деятельности в области военного сотрудничества ставило под удар малое государство.

Больше всех созданию подобного альянса противились в Дании. Министр иностранных дел Петер Мунк считал, что до тех пор, пока северные страны будут придерживаться нейтралитета, переговоры о котором постоянно велись на встречах министров иностранных дел, им ничто не угрожало. В своем убеждении он руководствовался опытом Первой мировой вой-

ны, когда провозгласившим нейтралитет скандинавам удалось избежать непосредственного втягивания в международный конфликт. Кроме того, малым странам он настоятельно рекомендовал действовать через посредников, а именно продолжать сотрудничество с великими державами посредством двухсторонних отношений, а также в рамках Лиги наций [13, s. 5].

В Дании опасались, что в соседней Германии отрицательно отнесутся к идее создания скандинавского оборонительного союза, поэтому еще в декабре 1934 г. премьер-министр Дании Торвальд Стаунинг публично заявил, что положение в Скандинавии не может быть упрочено никакими военными объединениями или укреплениями. А на заседании комитета сотрудничества социал-демократических партий и профсоюзов северных стран, проводившегося в ноябре 1936 г., он убедительно выразил мнение, что «военный альянс между скандинавскими странами является утопией» [1, л. 41]. Военные союзы и любые действия в этом направлении могли, как он полагал, вызвать подозрения и со стороны других участников мирового сообщества, настроив их скептически по отношению к нейтралитету, который желал сохранить датский народ [2, л. 152]. Идея скандинавского сотрудничества в той форме, которую развивали правительства Швеции и Финляндии, была названа им невозможной. В 1937 г. датский премьер-министр для того, чтобы прекратить все разговоры о возможном объединении стран Скандинавии и Финляндии в северный оборонительный союз, резко «обрубил», что его страна не собиралась уподобляться «цепному псу», охраняющему северные пути [9, л. 53].

В отличие от правительства Т. Стаунинга, норвежское руководство идею координированной деятельности северных стран в области обороны полностью не отвергало, но их готовность к сотрудничеству выражалась в намерении создать ни к чему не обязывающий «блок мира», который позволял бы осуществлять мероприятия по изолированной охране своего нейтралитета. В мае 1935 г. министр иностранных дел Хальвдан Кут сделал следующее замечание: «Скандинавский блок – это укоренившееся заблуждение. Не существует никакого блока скандинавских стран. Имеется лишь налицо солидарность этих стран и их сотрудничество по вопросам европейской политики. С давних пор, едва ли не со времен мировой войны, министры северных стран съезжаются от случая к случаю для обмена мнениями и обсуждения актуальных вопросов международной политики» [5, с. 222]. Фактически, это означало отрицание какой-либо параллельной межгосударственной деятельности со странами Скандинавии и Финляндией вне конференций министров иностранных дел.

Таким образом, попытка договориться с Норвегией относительно северного оборонительного союза также не увенчалась успехом. Только после продолжительных переговоров между Норвегией и Швецией реально было достигнуто довольно ограниченное соглашение об обмене разведывательной информацией по линии военно-морского командования, а также

принято решение об унификации ряда видов вооружения, организации снабжения и перевозок двух стран в случае возникновения европейской войны. Это, естественно, явилось крайне незначительным результатом в деле организации военного объединения [3, с. 19].

Северная оборонительная политика в итоге успехом не увенчалась из-за опасений Дании перед агрессивно настроенной соседкой Германией и Норвегией, рассчитывавшей на повторение удачного опыта Первой мировой войны и помощь Великобритании. Фактически, накануне войны каждая из сторон осталась один на один перед реальной угрозой, которая могла исходить, по расчетам шведского генерального штаба, как со стороны СССР, так от Германии.

Осторожная политика Копенгагена и Осло оставляли Швеции «лишь одну сферу приложения усилий по сочетанию нейтралитета с оборонительным союзом – Финляндию» [10, с. 238]. Находясь в непосредственной близости с СССР, Финляндия, в свою очередь, выразила готовность в военном сотрудничестве со Швецией.

30 июля 1938 г. Швеция и Финляндия подписали предварительное соглашение о частичной ремилитаризации Аландского архипелага (так называемый проект Стокгольмского плана), согласно которому «Финляндии разрешалось провести строго ограниченные оборонительные мероприятия в южной части Аландского архипелага, Швеции в случае международного кризиса на Балтике предоставлялось право высадить свои войска на Аландских островах для участия в их обороне» [6, с. 24]. План, однако, требовал согласия других держав, поскольку в отношении Аландских островов действовала международная конвенция 1921 г., в соответствии с которой над архипелагом устанавливался суверенитет Финляндии, а сами острова приобретали статус демилитаризованных [12].

В начале 1939 г. Финляндия и Швеция поставили перед участниками конвенции 1921 г. вопрос о ее пересмотре. Обращение распространялось в том числе и на Советский Союз, как на постоянного члена Совета Лиги Наций, мнение которого было желательным в виду политических соображений, хотя он и не принимал участия в подготовке Аландской конвенции и впоследствии не признал ее легитимность.

Франция и Великобритания практически сразу дали согласие на осуществление плана, следом за ними проект одобрили в Германии [4, с. 430]. Советское правительство, в свою очередь, весной 1939 г., запросило сведения о характере и размерах предполагаемого вооружения Аландских островов, но ему в этих сведениях было отказано. В этих условиях представитель Советского Союза на сессии Совета Лиги в конце мая 1939 г. проголосовал против пересмотра конвенции, тем самым заблокировав решение вопроса. В итоге двухстороннему шведско-финскому плану оборонительного союза тоже не было суждено быть осуществленным.

В связи с провалом проекта северного оборонительного союза решающее значение для малых стран Севера приобретало осуществление программы по индивидуальному укреплению обороноспособности страны для отражения внезапного нападения агрессора. Однако последовавшая в апреле 1940 г. быстрая оккупация Дании и Норвегии продемонстрировала, что эффективных действий правительствами этих двух государств накануне войны предпринято практически не было.

1. Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВПРФ). – Ф. 140. Оп. 20. П. 28. Д. 3.
2. АВПРФ. – Ф. 140. Оп. 18. П. 26. Д. 6.
3. Барышников, В. Н. О попытке создания в начале 1940 г. тройственного оборонительного союза северных стран / В. Н. Барышников // Вестник СПбГУ. – 2000. Сер. 2, вып. 2. – С. 18–29.
4. Вальбек, К. Шведская политика безопасности и пакт Молотова-Риббентропа / К. Вальбек // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра Москва, 3–4 февраля 2005 г. – М. : Права человека, 2006. – С. 423–439.
5. Из записи беседы полномочного представителя в Норвегии И. С. Якубовича с министром иностранных дел Норвегии Х. Кутом 8 мая 1935 г. // Советско-норвежские отношения, 1917–1955 : Сборник документов. – М. : Наука, 1997. – С. 222.
6. Кан, А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны / А. С. Кан. – М. : Наука, 1967. – 456 с.
7. Корунова, Е. В. Конференции министров иностранных дел стран Северной Европы в 1930-е годы. Поиски гарантий безопасности / Е. В. Корунова // Северная Европа. Проблемы истории / Отв. ред.: О. В. Чернышева, А. А. Комаров. Вып. № 7. – М. : Наука, 2011. – С. 128–145.
8. Носков, А. М. Скандинавский плацдарм во второй мировой войне / А. М. Носков. – М. : Наука, 1977. – 252 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 495. Оп. 15. Д. 26.
10. Рупасов, А. И. Советско-финляндские отношения: Середина 1920-х – начало 1930-х гг. / А. И. Рупасов. – СПб. : Европейский Дом, 2001. – 309 с.
11. Brundtland, A. O. The Nordic Balance: Past and Present / A. O. Brundtland // Cooperation and Conflict. – 1966. – № 2. – P. 30–63.
12. Konventionen om icke-befästade och neutralisering av Ålandsöarna 1921 [Electronic resource] // Internationella överenskommelse och dokument om Åland 1856–1994. – Mode of access: http://www.kulturstiftelsen.ax/traktater/svenska/ram_right_sv.htm. – Date of access: 5.02.2019.
13. Riksarkivet, Stockholm, Utrikesdepartementets arkiv, 1920 års Doss. HP 20 D Ministermöten och skandinavisk samarbete, 1934.

САВЕЦКАЯ ВАЕННА-ПАЛІТЫЧНАЯ ЭКСПАНСІЯ НАПАЧАТКУ ДРУГОЙ СУСВЕТНАЙ ВАЙНЫ (ВЕРАСЕНЬ 1939 – ЧЭРВЕНЬ 1941 г.)

Л. І. Ермаковіч (Баранавічы)

23 жніўня 1939 года міністр замежных спраў Германіі І. Рыбентроп і народны камісар замежных спраў Савецкага Саюза В. Молатаў падпісалі ў Маскве пакт аб ненападзе, а таксама тайны пратакол да яго, які вызначыў межы паміж абедзвюма дзяржавамі пасля запланаванага імі сумеснага падзелу Польшчы.

1 верасня 1939 года фашысцкая Германія ажыццявіла напад на польскую дзяржаву, і пачалася Другая сусветная вайна. Выконваючы свае абавязацельствы па тайнаму пратаколу пакта Молатава-Рыбентропа, савецкае палітычнае кіраўніцтва аддало загад аб уступленні Чырвонай Арміі ў Заходнюю Беларусь і Заходнюю Украіну, якое адбылося ў ноч з 16 на 17 верасня 1939 года. Літаральна за тыдзень гэтыя тэрыторыі былі заняты часцямі Чырвонай Арміі, пасля чаго Заходняя Беларусь і Заходняя Украіна адпаведна былі ўз'яднаны з БССР і УССР і ўвайшлі ў склад СССР.

Гэтыя падзеі верасня 1939 года падаваліся савецкім палітычным кіраўніцтвам і савецкай гістарычнай навукай як акт гістарычнай справядлівасці, “брацкай дапамогі” прыгнечаным палякамі беларусам і ўкраінцам, які прывёў да іх нацыянальнага ўз'яднання.

Як вядома, гісторыя не мае ўмоўнага ладу, але можна задацца наступным пытаннем: калі б у вайне з Германіяй і СССР у верасні 1939 года перамагла Польшча і ў дадатак яшчэ захапіла БССР і УССР – лічылася б такая сітуацыя ўз'яднаннем беларускага і ўкраінскага народаў і актам гістарычнай справядлівасці? Мяркуем, што польскія афіцыйныя колы і палітычная прапаганда падавалі б падзеі менавіта падобным чынам, дадаючы яшчэ тое, што беларусы і ўкраінцы нарэшце вызваліліся ад бальшавіцкай тыраніі.

Гісторыя сведчыць, што ў міжнародных адносінах часта існуюць палітычныя ацэнкі і падыходы, фармулюемыя дзяржавамі-лідарамі і дзяржавамі-пераможцамі, якія могуць кардынальна адрознівацца ад ацэнак іншых дзяржаў, іх народаў і палітычных лідараў. Возьмем хаця б найноўшы прыклад: адыход Крыма да Расіі абсалютная большасць міжнароднай супольнасці лічыць анексіяй, а крамлёўскае кіраўніцтва – актам гістарычнай справядлівасці і ўз'яднаннем Крыма з Расіяй.

У гісторыі нярэдка бывае, калі грубыя парушэнні міжнароднага права у шэрагу выпадкаў і ў пэўных аспектах могуць прыводзіць да станоўчых вынікаў у дачыненні да асобных краін і народаў. Безумоўна, дадатак да пакта Молатава-Рыбентропа ў выглядзе сакрэтнага пратакола з'яўляецца грубым парушэннем прынцыпаў міжнароднага права. У снежні 1989 года II з'езд народных дэпутатаў СССР прызнаў гэты пратакол і іншыя сакрэт-

ныя дамоўленасці Савецкага Саюза з фашысцкай Германіяй юрыдычна неправадзейнымі і несапраўднымі з моманту іх падпісання. Ён спрычыніўся да гібелі польскай дзяржавы, але сапраўды прывёў да ўз'яднання беларускага і ўкраінскага народаў. Зразумела, што Сталін свядома не працягваў руку “братэрскай дапамогі” беларусам і ўкраінцам, а быў заклапочаны адцягваннем вайны з Германіяй і ўмацаваннем геапалітычнага становішча СССР за кошт далучэння новых земляў.

Мэтам пашырэння тэрыторыі СССР і ўмацавання яго геапалітычнага становішча таксама адпавядала анексія прыбалтыйскіх краін – Літвы, Латвіі і Эстоніі. Спачатку савецкае кіраўніцтва прапанавала гэтым краінам заключыць пакт з Савецкім Саюзам аб узаемнай ваеннай дапамозе супраць патэнцыяльнага “агрэсара”. Крэмль заявіў, што на іх могуць напасці “агрэсары” і для абароны ад гэтых “агрэсараў” неабходна, каб прыбалтыйскія краіны дазволілі размясціць на сваіх тэрыторыях “абмежаваныя кантынгенты” Чырвонай Арміі. (Цікава адзначыць, што паняцце “абмежаваны кантынгент” шырока выкарыстоўваўлася савецкім палітычным кіраўніцтвам падчас вайны ў Афганістане 1979–1989 гг.).

Масква абяцала паважаць нацыянальна-дзяржаўны суверэнітэт прыбалтыйскіх краін, не ўмешвацца ў іх унутраныя справы, але адначасова дала зразумець, што, калі не будзе задаволена гэтае савецкае патрабаванне, то Чырвоная Армія зойме гэтыя краіны, і ў такім разе яны згубяць сваю незалежнасць. Выкліканых у Крэмль аднаго за другім кіраўнікоў гэтых дзяржаў прымусілі падпісаць такія пакты на працягу менш, чым двух тыдняў: Эстонія падпісала пакт 28 верасня 1939 года, Латвія – 5 кастрычніка 1939 года і Літва – 10 кастрычніка 1939 года.

Усяго дзевяць месяцаў спатрэбілася Крамлю, каб правесці радыкальную палітычную чыстку ў вышэйназваных краінах. Урады, якія падпісалі пакты аб “узаемадапамозе”, парламенты, якія іх ратыфікавалі, неўзабаве былі адпраўлены ў канцлагеры. Прыкладна ад 1/4 да 1/3 часткі насельніцтва было дэпарціравана ва ўнутраныя раёны СССР, пераважна на поўнач і ў Сібір. Затым былі арганізаваны так званыя “свабодныя” выбары ў новыя парламенты, на якіх з выкарыстаннем сумна вядомых савецкіх выбарчых тэхналогій перамогу атрымалі мясцовыя камуністы, атрымаўшыя ад 92 да 99% галасоў выбаршчыкаў. Выбраныя такім чынам парламенты ўлетку 1940 года звярнуліся да кіраўніцтва СССР з просьбай прыняць Літву, Латвію і Эстонію ў склад СССР. Іх просьба з вялікай прапагандысцкай помпай была ўхвалена і задаволена.

Далей, 24 чэрвеня 1940 года, у адпаведнасці з сакрэтным пратаколам да пакта Молатава-Рыбентропа, савецкі ўрад прад’явіў Румыніі ўльтыматум: у трохдзённы тэрмін ачысціць тэрыторыю Бесарабіі і Паўночнай Букавіны для ўключэння іх у склад СССР. Разумеючы, што за спіною Сталіна стаіць Гітлер, Румынія вымушана была задаволіць патрабаванні Масквы. 27 чэрвеня 1940 года Чырвоная Армія заняла абедзве гэтыя тэрыторыі.

Анексіяй прыбалтыйскіх краін, заняццем Бесарабіі і Паўночнай Букавіны Савецкі Саюз значна палепшыў сваю тэрытарыяльна-стратэгічную пазіцыю на Захадзе, але цаной грубага парушэння нормаў міжнароднага права, якое прывяло да страты суверэнітэту і тэрытарыяльнай цэласнасці ахвяр савецкай экспансіі.

Пасля прыбалтыйскіх краін і Румыніі ахвярай крамлёўскай экспансіі стала Фінляндыя. Перш чым пачаць вайну супраць яе, Сталін абвінаваціў Фінляндыю ні больш, ні менш, у нападзе на СССР. Ва ўрадавым паведамленні гаварылася, што 26 лістапада фінскія памежнікі быццам бы адкрылі артылерыйскі агонь па савецкім населеным пункце Майніла, у выніку чаго былі забіты 4 вайскоўцы. Да сённяшняга дня невядома, ці быў у сапраўднасці гэты абстрэл, але *causas belli* быў створаны. У гэтай сувязі прыём быў запазычаны Сталіным у Гітлера, калі падставай да вайны з Польшчай стаў таксама памежны інцыдэнт, паводле якога пераапраануты ў польскую вайсковую форму атрад нямецкіх салдат атакаваў свой уласны, памежны з Польшчай населены пункт Глейвіц.

Вайне супраць Фінляндыі спачатку папярэднічала савецкая псіхалагічная вайна з беспрыкладным націскам на фінскі ўрад, з патрабаваннем, каб фіны мірна саступілі тое, што СССР жадае ўзяць сілай. 5 кастрычніка 1939 года В. Молатаў прапанаваў фінскаму ўраду на працягу 48 гадзін пачаць з савецкім урадам перамовы па “важных палітычных пытаннях”. Прысланаму з Хельсінкі прадстаўніку фінскага ўрада і будучаму прэзідэнту Фінляндыі Паасіківі Сталін коратка і холадна растлумачыў: Фінляндыя пагражае бяспецы Ленінграда, які знаходзіцца на адлегласці 32 кіламетраў ад савецка-фінскай мяжы. Паколькі мы не можам, заявіў Сталін, перасунуць з месца Ленінград, то мы вырашылі прасунуць свае межы ўглыб Фінляндыі. Усяго Сталін патрабаваў 2700 км² фінскай тэрыторыі. За гэта вялікадушна прапанаваў у якасці кампенсацыі карэльскія балоты памерам 5500 км². Пазней ён жартаваў, гаворачы, што ніякая вялікая краіна не паступіла б такім чынам, толькі мы, такія дурныя.

Калі ўрад у Хельсінкі, пагаджаючыся на выпраўленне межаў каля Ленінграда, адверг іншыя савецкія тэрытарыяльныя дамаганні, В. Молатаў, як вядома, заявіў фінскаму прадстаўніку, што, паколькі грамадзянскія асобы не могуць дамовіцца, то з гэтага часу слова належыць вайскоўцам.

Такім чынам, пачаўшы 30 лістапада 1939 года вайну, савецкае палітычнае кіраўніцтва зноў груба парушыла суверэнітэт і тэрытарыяльную цэласнасць суседняй дзяржавы, якая не ўяўляла яўнай, рэальнай пагрозы Савецкаму Саюзу, прытрымліваючыся савецка-фінскага пакта аб ненападзе 1932 года.

Але на гэты раз слова вайскоўцаў не прынесла савецкаму кіраўніцтву ні славы, ні разумення міжнароднай супольнасці. За гэты акт непрыхаванай агрэсіі СССР, як вядома, быў выключаны з Лігі Нацый, а маленькі фінскі народ цаной вялікіх ахвяр змог адстаяць сваю незалежнасць і нацыянальны гонар, паступіўшыся часткай сваёй тэрыторыі. Гэтую вайну па-

эт А. Твардоўскі назваў “незнакамітай”, бо тыя вынікі, да якіх яна прывяла савецкі бок, былі зусім несучаснымі: правальванне плана саветызацыі Фінляндыі, непамерныя з дасягнутымі вынікамі людскія і матэрыяльныя страты, страта маральнага аўтарытэту ў вачах народаў, перш за ўсё еўрапейскіх. Да таго ж СССР так і не змог належным чынам – дыпламатычна, эканамічна і вайсковым чынам абараніць свае інтарэсы на паўночным напрамку еўрапейскай палітыкі.

З пачаткам Вялікай Айчыннай вайны Фінляндыя заявіла аб сваім нейтралітэце, нягледзячы на бяспрыкладны ціск Гітлера. Тым не менш, 25 чэрвеня 1941 года савецкія самалёты бамбардзіравалі фінскую тэрыторыю. Толькі пасля гэтага, а менавіта 10 ліпеня фінская армія шырокім фронтам перайшла савецкія межы і вярнула сабе назад амаль усе занятыя Чырвонай Арміяй фінскія землі падчас вайны з СССР у 1939–1940 гг. Можна толькі ўявіць сабе, якім аказаўся лёс Ленінграда, калі б Савецкі Саюз прытрымліваўся савецка-фінскага пакта аб ненападзе. Асмельваемся лічыць, што поўнай блакады Ленінграда не было б, а разам з тым – і жудасных, незлічоных ахвяр яго жыхароў. Патрэбна таксама падкрэсліць, што лёс Ленінграда быў бы прадвызначаны ў выніку адкрытага паўнаўтаснага саюза Фінляндыі з фашысцкай Германіяй у Другой сусветнай вайне.

Гісторыя палітычных узаемадзянняў Савецкага Саюза са сваімі краінамі-суседзямі сведчыць аб тым, што геапалітычныя інтарэсы вялікіх дзяржаў, якія, безумоўна, існуюць, не павінны прыходзіць у супярэчнасць з законнымі інтарэсамі іншых краін, вырашацца за іх кошт. Такі падыход, на нашу думку, якраз і складае падмурак цывілізаваных міжнародных палітычных, дыпламатычных, эканамічных, прававых і гуманітарных адносін. А калі паміж суб’ектамі гэтых адносін узнікаюць пэўныя супярэчнасці і непаразуменні, што само па сабе непазбежна, то яны павінны вырашацца мірнымі сродкамі, на аснове ўліку законных інтарэсаў усіх бакоў, а гарматы павінны стаць апошнім довадам палітыкаў, прычым, ужыванне вайсковай сілы павінна адбывацца выключна з пазіцый міжнароднага права пад наглядам і ў адпаведнасці з маральна-прававой ацэнкай сусветнай супольнасці.

ПОЛЬСКИЙ ВЕКТОР В ДИПЛОМАТИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ НАКАНУНЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Л. П. Никитенкова (Брест)

Версальский международный порядок, созданный после окончания Первой мировой войны, начинает окончательно рушиться после заключения Мюнхенских соглашений в сентябре 1938 г. Политика «умиротворения», проводимая ключевыми державами этого порядка – Великобританией и Францией, когда за счёт малых стран эти два главных игрока в Европе обес-

печивали свои собственные интересы, – даёт сбой. Конечно, надежда ещё существовала избежать войны. Но вероятность военного столкновения в ближайшем будущем возрастала с каждым месяцем. «К началу 1939 года становилась всё более очевидна перспектива военного столкновения между странами «Оси» Берлин – Рим, стремившихся к переделу мира, и «западными демократиями» Великобританией и Францией – основными гарантами существовавшей международной правовой системы» [8, с. 44]. Именно этот год можно назвать годом политического кризиса, приведшим к отказу крупнейших европейских государств действовать совместно в борьбе с фашистской агрессией. Западные державы до весны-лета 1939 г. предпринимали попытки экономического умиротворения Германии, не забывая и о политических соглашениях. Малые страны в этой большой политике играли незначительную роль. Их интересы учитывались в последнюю очередь.

Польский вектор в дипломатической игре ключевых держав Версальской системы вышел на первый план к концу 1938 – началу 1939 гг. Ещё при подготовке Мюнхенского договора 1938 г. Польша и Венгрия выдвинули свои территориальные претензии к Чехословакии. И как позже писал У. Черчилль: «Польша с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства» [9, с. 156]. Министр иностранных дел Польши этого времени Юзеф Бек всячески старался придерживаться той политики, которая была выстроена ещё при Пилсудском. Однако, как отмечают исследователи: «Главная проблема польской дипломатии и государственности в целом состояла в том, что при очевидном стремлении к великодержавности Варшава не обладала необходимыми для этого информационными ресурсами. Информация о двух самых опасных соседях Польши – Германии и СССР была совершенно неудовлетворительной для принятия серьёзных внешнеполитических решений, способных хотя бы тактически скорректировать доставшийся Беку в наследство от Пилсудского курс» [2, с. 191].

Незадолго до начала войны министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп предлагал польскому правительству проводить общую политику в отношении России [5, с. 63]. После отказа поляков действовать совместно, Германия решила расправиться с нею военным путем. Несогласие Польши на немецкие территориальные требования ускорили принятие этого решения. Фашистское руководство наметило эту страну в качестве первой жертвы.

Активная подготовка военного похода на Польшу развернулась в Германии с начала 1939 г. По плану «Вайс» предусматривалось нанесение неожиданных сильных и успешных ударов с началом осени. Одной из главных задач немецкого руководства до начала военных действий – «по возможности изолировать Польшу» [3, с. 64]. А для этого необходимо было не допустить вмешательства в польские дела Советского Союза, Англии и Франции. В конце апреля 1939 г. была расторгнута польско-германская

декларация о ненападении и дружбе 1934 г. и англо-германское соглашение 1935 г. [7, с. 223]. В мае того же года А. Гитлер провел совещание руководящего состава вооруженных сил, где им было отмечено: «Польский вопрос обойти невозможно; остается лишь одно решение – при первой подходящей возможности напасть на Польшу» [3, с. 98].

30 марта правительство Чемберлена провозгласило, что в случае нападения на Польшу Германии Англия выступит в ее защиту. Вскоре была подписана польско-британская договоренность о взаимной помощи на случай любой угрозы. «Однако к моменту нападения Германии на Польшу Англия не располагала сколько-нибудь достаточными сухопутными силами и имела весьма ограниченный военно-воздушный потенциал. Следовательно, даже при желании британская сторона была не в состоянии выполнить обязательства по договору с Польшей о взаимной помощи» [7, с. 326].

Предполагаемая позиция Англии в условиях все возрастающего напряжения в германо-польских отношениях имела большое значение. Но, тем не менее, в записке посла фашистской Германии в Великобритании Дирксена от 18 августа 1939 г. отмечалось: «Необходимо предпослать общее замечание, что Великобритания не связала себя на 100% данным заранее обязательством выступить на стороне Польши в случае всякого конфликта. Это противоречило бы психологии англичан, всегда оставляющих для себя открытой возможность уклониться от принятых обязательств... Чем дальше идет Англия по запутанным тропам восточной политики, тем больше у нее является сомнений и опасений. Неутолимая потребность Польши в деньгах привела уже финансовые переговоры к частичному срыву. Бесстыдный тон польских газет хотя и замалчивается старательно в английской печати, но в руководящих кругах возбуждает недовольство. Военная сила Польши при ближайшем рассмотрении оказывается проблематичной. Постепенно убеждаются, что особые трудности в польско-русских отношениях снижают ценность Польши как союзника» [3, с. 312].

Вообще, фашистская Германия летом 1939 г. важнейшим моментом своей дипломатической деятельности считала недопущение эффективного сотрудничества между западными державами и Москвой. А. Гитлер тогда надеялся разбить Польшу без опасности конфликта с Западом. Именно двойная политика Англии и Франции на переговорах в Москве в начале августа не позволила найти компромисс. Плюс негибкая политика Польши не способствовала движению в этом направлении. Варшава упорно отклоняла все предложения, делавшиеся ей представителями Англии и Франции, о возможности использования ее территории. Юзеф Бек постоянно ссылаясь на заветы Ю. Пилсудского, согласно которым ни в коем случае нельзя допустить появления чужих солдат на польской территории. Он говорил послу Франции об ослабленности Красной Армии в результате репрессий командного состава, что положиться на нее нельзя. В такой обстановке позиция министра оказалась трагичной и недальновидной для судеб Польши [4, с. 275].

Провал переговоров многие исследователи связывают с нежеланием Лондона заключать какие-либо договоренности с Россией. А это означало, что последняя возможность остановить общими усилиями готовившееся нападение вермахта на Польшу, а значит и войну в Европе, была утрачена.

Немецкая дипломатия обвинила британскую пропаганду в кризисе германо-польских отношений и посчитала желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. Рекомендовано было руководителям обоих государств не пускать события на самотек, а действовать. В рекомендациях германскому послу в Москве в начале августа говорилось о необходимости убеждать русских в том, что на Балтике Германии и СССР хватит места. За событиями в Польше они следят внимательно и хладнокровно. В случае провокации со стороны Польши урегулируют вопрос в течение недели [6, с. 28].

Неоднозначно характеризуются обстоятельства, связанные с подписанием советско-германского договора от 23 августа 1939 г. и последующим ходом событий. Несомненно, что подписание было вынужденным и трудным решением, следствием международных отношений конца тридцатых годов. Вместе с тем, эта политика деформирована была культом личности Сталина, что сказалось даже во внешнеполитической сфере. В секретном дополнительном протоколе относительно Польши говорилось: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского Государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии рек Нарева, Вислы и Сана.

Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского Государства и каковы будут границы этого государства, может быть окончательно выяснен только в течение дальнейшего политического развития» [6, с. 62].

Нападение Германии на Польшу повело отсчёт новой мировой войны. По свидетельству рейхсминистра А. Шпеера: «...все тревоги развеялись в первые же дни сентября, когда польский поход принёс неожиданный успех немецким войскам. Гитлер обрёл, судя по всему, обычную уверенность, и потом уже в разгар войны, я даже неоднократно слышал от него, что поход против Польши непременно требовал крови. Впрочем, очень возможно, что за подобными рассуждениями он просто желал скрыть дипломатические просчёты августа 1939 года» [10, с. 220].

После первого сентября 1939 г. пошла информация о налётах немецких самолётов и на территории, населённые белорусами и украинцами. В сообщении брестского поветового старосты полесскому воеводе от 3 сентября 1939 г. говорилось: «Около 17 час. 7 немецких самолётов совершили налёт на крепость в Бресте-над-Бугом, сбросив около 10 бомб. В результате повреждены: железнодорожное полотно на Варшавском пути, склад обмундирования, Белый дворец...» [1, с. 228]. Принятие решения о вступлении частей Красной Армии в пределы Западной Украины и Западной Белоруссии было для совет-

ского руководства совсем непростым. 3, 5, 10 сентября дипломаты оговаривали такую возможность. В. М. Молотов сообщал немецкому послу в СССР, что советские войска, если и когда они выступят, будут задействованы с политической, а не с военной мотивировкой [7, с. 348].

События 17 сентября объяснились советской стороной тем, что польское правительство бездействует, и Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу СССР. Говорилось о прекращении действия ранее заключенных договоров и о том, что не могла советская сторона безучастно относиться к судьбе украинских и белорусских братьев, должна обеспечить им условия для мирной жизни. До этого, правда, Советский Союз не беспокоился о своих меньшинствах в Польше. А теперь Советское правительство не видело какого-либо другого благовидного предложения, чтобы оправдать за границей свое вмешательство [6, с. 94].

Таким образом, польский вопрос в дипломатии европейских государств накануне войны играл значительную роль. Однако нереальная оценка в Варшаве международной ситуации, преувеличение роли и места Польши в системе государств европейского региона со стороны собственного руководства, политика уступок Германии со стороны Англии, Франции и ряда других стран поставили мир перед неизбежностью войны.

1. Брест в 1919–1939 гг. : документы и материалы / сост. А. Г. Карапузова [и др.]. – Брест : Альтернатива, 2009. – 308 с.
2. Борисёнок, Ю. А. Министр иностранных дел межвоенной Польши Юзеф Бек / Ю. А. Борисёнок, А. Е. Кузьмичёва // Новая и новейшая история. – 2018. – № 2. – С. 179–196.
3. Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937–1939 гг. : в 2 т. – М. : Политиздат, 1981. – Т. 2. Январь–август 1939 г. – 415 с.
4. Ковалев, Ф. Так начиналась война / Ф. Ковалёв, О. Ржешевский // Урок дает история. – М. : Политиздат, 1989. – С. 268–284.
5. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.). Документы и материалы. – М. : Политиздат, 1971. – 736 с.
6. СССР – Германия. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. – Вильнюс : Мокслас, 1989. – 128 с.
7. 1939 год: уроки истории / Отв. ред. О. А. Ржешевский. – М. : Мысль, 1990. – 508 с.
8. Фомин, А. М. Франко-турецкие отношения и сирийский вопрос накануне Второй мировой войны (январь – август 1939 г.) / А. М. Фомин // Новая и новейшая история. – 2018. – № 1. – С. 44–60.
9. Черчилль, У. Вторая мировая война : в 3 тт. / У. Черчилль. – М. : Воениздат, 1991. – Т. 1. – 394 с.
10. Шпеер, А. Воспоминания / А. Шпеер. – М. : Захаров, 2010. – 528 с.

ЗАПАДНАЯ ГРАНИЦА ПОЛЬШИ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ И ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ 1939–1945 ГОДОВ

А. А. Жиров (Калининград)

Вопрос о возрождении польского государства и формировании его послевоенных границ был одной из важнейших международных проблем в годы Второй мировой войны. Судьба Польши зависела от решения стран Большой тройки (СССР, США и Великобритания), каждая из которых поддерживала те национальные силы, которые обеспечивали их геополитические интересы. Концепции послевоенного будущего Польши были представлены в программах национального устройства и внешнеполитической ориентации польских политических групп, для которых проблема Западной границы являлась ключевой.

В Польше опубликован ряд сборников документов и исследований, касающихся проблемы формирования новых послевоенных границ. Во времена ПНР историки концентрировали внимание на анализе концепций левых сил, программы которых во многом дублировали позицию Советского Союза [12; 20; 22]. С конца XX века публикуются работы, посвященные деятельности в этой сфере правительства Польши в изгнании. Современный взгляд польских историков позволяет расширить представление о позиции польских политических сил в годы Второй мировой войны [9; 17; 23]. В советской историографии проблема западной границы Польши представлялась в контексте борьбы левых и правых сил за будущее Польши, при этом правительство в Лондоне и подчиненные ему структуры изображались как несамостоятельные, действующие по указанию Англии вопреки собственным национальным интересам [5]. В современной отечественной историографии проблема западной границы Польши подробно не освещалась, за исключением влияния СССР на формировании послевоенных границ на Западе [4; 6].

В настоящем исследовании предпринята попытка проанализировать программы и концепции польских политических элит по вопросу новой западной границы Польши в 1939–1945 гг. и их реализацию по итогам Второй мировой войны. Основными источниками исследования стали международные договоры и соглашения, акты законодательной и исполнительной ветвей власти и материалы прессы.

Необходимость изменения западной границы рассматривалась в Польше еще в межвоенный период. Амбициозные планы по расширению послевоенных границ постоянно обсуждались среди польской общественности. Подтверждением этому факту служит появление таких сочинений, как очерк «Земля собирает пепел» Юзефа Киселевского и роман «Ветер с моря» Стефана Жеромского, в которых проблема перемещения польских границ на Запад рассматривалась как главное условие существования

Польши [15, s. 45–46]. Решения Парижской мирной конференции по проблеме польско-немецкой границы были таковы, что Польша получила меньшую часть Силезии и не удовлетворила свои территориальные притязания. Несмотря на воссоздания независимой Польши, вопрос о границах, в т.ч. и о западных, оставался одним из самых главных во внешнеполитической риторике польских властей [19].

В период Второй мировой войны концепции трансформации польской границы на Западе выдвигались различными политическими силами. Ключевые позиции по данному вопросу заняли две политические группы. Первая была представлена эмиграционным правительством в Лондоне и связанными с ним организациями в самой Польше, которые стремились не только расширить западные границы, но и вернуть утраченные земли на Востоке. Иную точку зрения представляли политические организации левой ориентации как в Польше, так и на территории СССР, которые выступали за трансформацию Польши в мононациональное государство за счет перемещения границ на Запад и отказа от тех территорий на Востоке, где проживали украинцы, белорусы и другие национальные меньшинства.

Правительство в изгнании занималось разработкой планов по послевоенному территориальному переустройству Польши с момента своего основания. Уже в конце 1939 г. В. Сикорский сформулировал в качестве цели идею «о прямом и широком выходе к морю и установлению новых границ» [23, s. 6–9]. Ответственность за разработку концепции этих границ было возложено на Управление политической работы (*Biuro Prac Politycznych*), которому поручалось готовить основополагающие документы для Совета министров и лично для главы правительства. Одним из наиболее важных документов в этой сфере стал разработанный Управлением «Проект границ Республики Польша» от 17 октября 1940 г., который содержал контуры желаемой послевоенной польско-германской границы [9, s. 46].

Документ включал положения по устранению немецкой опасности с севера, что требовало ликвидации Восточной Пруссии как провинции немецкого рейха и дальнейшего ее раздела между Польшей и Литвой. Следующей целью было обеспечение промышленных интересов в Силезии, т.е. продвижение польской границы на запад. Третьим необходимым условием было обеспечение свободного доступа Польши к морю. В связи с этим предусматривалось присоединение части Западной Померании к Польше. Идея установления западной границы по рекам Одер и Нейса была отвергнута, т.к., по мнению авторов, потребовалась бы депортация слишком большого количества немецкого населения [9, s. 47]. По мнению создателей проекта, необходимо было «сформировать границу, которая обеспечила бы Польше мир на протяжении многих веков, способствовала развитию ее политического и экономического потенциала и создала благоприятные условия для обороны в случае будущей войны» [9, s. 49].

Внутри оккупированной Польши также была организована работа по пропаганде идеи установления новой и исторически справедливой польско-

немецкой границы как одной из основных целей войны. Идеологическим центром борьбы за новые границы стало Познаньское воеводство, где уже с 1939 г. образовалась патриотическая организация «Отчизна», открывшая свои конспиративные филиалы в Варшаве, Силезии, Поморье. «Отчизна» выступала инструментом разъяснения польским гражданам проблемы возвращения польской западной границы к рекам Одер и Нейса и была инициатором создания организаций лондонского лагеря, занимающихся проблематикой западной границы Польши [8, s. 92]. Именно Познань стала центром деятельности конспиративных политических групп, которые постоянно поднимали тему западных территорий среди местного населения, пропагандировали идею их возвращения и распространяли политические программы через подпольную прессу [12, s. 35]. Важную роль в Познани играло также «Западное бюро», созданное в 1940 г. и переименованное в 1944 г. в «Бюро Западных земель», занимавшееся в условиях немецкой оккупации патриотическим воспитанием населения, историческим просвещением и пропагандой политических концепций будущего Польши [10, s. 17].

Позиция лондонского лагеря по вопросу западных границ была окончательно сформулирована в 1942 г., когда идея возвращения восточных территорий стала представляться всё более утопичной. В. Сикорский заявил о необходимости «полной оккупации пограничных германских областей» с целью обеспечения условий будущего мирного договора и возвращения Восточной Пруссии, Гданьска, Силезии и Поморья в состав Польши [16, s. 53–54].

С. Миколайчик, сменивший В. Сикорского в июле 1943 г., продолжал линию своего предшественника. В ноябре 1943 г. перед встречей Большой тройки в Тегеране польское правительство официально обратилось к Великобритании с изложением требования о включении в состав Польши западных территорий, которые должны были рассматриваться как компенсация полякам за утраченные земли на Востоке [20, s. 418]. Данная позиция не отвечала польским национальным интересам и была представлена по инициативе английского парламента в качестве компромисса за установление границы по так называемой Линии Керзона [3, с. 64].

В декабре 1944 г. новый премьер-министр Т. Арцишевский в интервью газете «Санди Таймс» высказал свою точку зрения по проблеме будущих западных границ, заявив: «Требования польского правительства по отношению к Германии по возвращению в состав Польши Восточной Пруссии, Верхней Силезии и части Поморья оцениваются благосклонно союзниками Польши, в т.ч. и СССР, правительство которого должно было оказать содействие в данном вопросе». Т. Арцишевский также утверждал, что «поляки не требуют ни Вроцлова, ни Щецина, а только хотят вернуть свои этнические территории» [20, s. 656–657].

Польский левый лагерь имел свое видение новой границы на Западе. В основе концепций левицы стояла цель построения национального государства в Польше, граница которого «должна была стать соединительным

звеном между Польшей и СССР» [17, s. 357]. Программы польских коммунистов в отношении судьбы послевоенной Польши стали появляться только после начала Великой Отечественной войны. Польская рабочая партия представляла свою программу как противовес позиции правительства в эмиграции. Левые силы отвергали теорию «двух врагов» и претензии по вопросам восточных «крессов». Польские коммунисты, опираясь на советское правительство, стремились вернуть польские «исторические» земли на Западе, тем самым восстановить, по их мнению, историческую справедливость [8, s. 78].

Идею восстановления Польши в границах времен государства Пястов в своих работах и выступлениях отстаивали коммунисты другие левые деятели. Так, В. Василевская в 1942 г. в интервью «Польским ведомостям» утверждала, что она видит Польшу, которая «на Востоке доходит до Буга и простирается до Щецина на Западе» [21, s. 127].

В 1943 г. в Москве была сформулирована программа Союза польских патриотов (СПП), в которой также обозначалась цель изменения западной границы Польши и депортации немецкого населения с присоединенных в будущем территорий с их последующей реполонизацией [20, s. 387].

Подобная позиция без особых разночтений фигурировала во всех программах польской левицы. В 1943 г. В. Гомулка в декларации «За что мы боремся?» подчеркивал необходимость «вернуть исконно польские земли, многие столетия насильно германизированные» [13, s. 10]. Стоит отметить, что до 1944 г. польские коммунисты не включали в свои программы притязания на земли Нижней Силезии с Вроцлавом, в т.ч. из-за того, что сам И. Сталин не гарантировал полякам присоединения территорий по берегам Нейсы Лужицкой [15, s. 11]. Первого марта 1944 г. в журнале «Нове Видногренги» («Новые горизонты») была опубликована статья вице-председателя СПП А. Витоса, который подчеркивал, что целостность Польши может быть достигнута только в результате перемещения польских границ на Запад [11, s. 45]. Официальная позиция по вопросу территорий по берегам Нейсы Лужицкой была представлена Польским комитетом национального освобождения (ПКНО) во главе с генералом М. Роля-Жимерским на встрече с И. В. Сталиным 15 июля 1944 г. Польская делегация настаивала на присоединении данных территорий к Польше, мотивируя такое решение стратегической необходимостью обеспечить безопасность страны в послевоенное время. Данная позиция нашла поддержку у советского руководства [7, с. 323]. Официально вопрос о будущей границе был решен 26 июля 1944 г., когда правительство СССР и ПКНО подписали соглашение, в котором Советское правительство признало, что новая западная граница Польши должна проходить на западе от Свиноустья до р. Одер, сохраняя г. Щецин под польским контролем, дальше вдоль р. Одера и р. Нейсы Лужицкой до границы Чехословакии [2, с. 39].

Окончательно вопрос по новой западной границе Польши был урегулирован на Потсдамской конференции по советскому сценарию. Таким образом, решения по польской границе стали результатом деятельности

левого польского лагеря во время немецкой оккупации, направленной на сближение с Советским Союзом и отказом от восточных «кресов». Такой союз обеспечил полякам принятие решений державами Большой тройки по переносу Западной границы по р. Одер и р. Нейсе Лужицкой и скорейшую их реализацию.

В заключение следует отметить, что позиция правительства в изгнании по сохранению во что бы то ни стало прежних восточных границ и умеренные аппетиты в приращении территорий на западе должна была обеспечить ускоренный и стабильный процесс восстановления Польши без огромных пространственных сдвигов и масштабных миграций населения. Однако эта программа была заведомо нереалистичной, так как не учитывала внешнеполитический фактор в лице СССР. Левые силы, отказавшись от притязаний на возвращение восточных земель, заручились поддержкой СССР, продвигали более агрессивную концепцию по отношению к немецким территориям, мотивируя это возвращением в состав Польши западных земель. Союз с советскими властями обеспечил польской левице утверждение данного решения Большой тройкой, что в итоге и привело к изменению западной границы Польши по р. Одер и р. Нейсе Лужицкой в соответствии с предложенной программой.

1. Война 1941–1945 гг.: Факты и документы. – М. : Олма медиа групп, 2011. – 479 с.
2. Восточная Европа в документах российских архивов 1944–1953 гг. – Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997. – Т. 1. – 985 с.
3. Жиров, А. А. «Линия Керзона» в советской дипломатии в 1941–1945 гг. / А. А. Жиров // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии (1918 г. – начало XXI в.) : материалы III Международной научно-практической конференции, Витебск, 17–18 мая 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 62–66.
4. Карбовский, А. С. «По линии Одер – Нейсе...». Русские, поляки и немцы в Щецине (Штеттине) в 1945–1956 гг. / А. С. Карбовский. – М. : Научная книга, 2007. – 232 с.
5. Парсаданова, В. С. Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 / В. С. Парсаданова. – М. : Наука, 1982. – 280 с.
6. Польша – СССР 1945–1989: Избранные политические проблемы, наследие прошлого. – М. : ИРИ РАН, 2005. – 446 с.
7. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. – М. : РОССПЭН, 1999. – Т. 1. – 687 с.
8. Dąbrowski, S. Koncepcje powojennych granic Polski w programach i działalności polskiego ruchu ludowego w latach 1939–1945 / S. Dąbrowski. – Wrocław, 1971. – 195 s.
9. Eberhardt, P. Powojenna zachodnia granica Polski wg projektu Biura Prac Politycznych z października 1940 roku / P. Eberhardt // Przegląd Geopolityczny. – 2018. – № 24. – S. 45–56.
10. Eberhardt, P. Polska i jej granice. Z historii polskiej geografii politycznej / P. Eberhardt. – Lublin, 2004. – 304 s.
11. Głowacki, A. Sprawa powojennej Polski na łamach «Nowych Widnokręgów» w latach 1941, 1942–1944 / A. Głowacki. // Folia Historica. – 1996. – № 55. – S. 119–137.
12. Gluck, L. Od Ziem Postulowanych do Ziem Odzyskanych / L. Gluck. – Warszawa, 1971. – 140 s.
13. Gomulka, W. Z kart naszej historii / Gomulka, W. – Warszawa, 1982. – 427 s.

14. Kołomejczyk, N. Ziemie Zachodnie w działalności PPR / N. Kołomejczyk. – Poznań, 1966. – 351 s.
15. Kopański, Z. Stosunek polskich ugrupowań politycznych do sprawy odzyskania Ziemi Zachodnich i Północnych i problemu osadnictwa w latach 1939–1945 / Z. Kopański // *Słupskie Studia Historyczne*. – 1993. – T. 3. – S. 5–17.
16. Kowalski, W.T. Walka dyplomatyczna o miejsce Polski w Europie (1939–1945) / W.T. Kowalski. – Warszawa, 1966. – 886 s.
17. Nad Odrą i Bałtykiem. Myśl zachodnia: ludzie – koncepcje – realizacja do 1989. – Szczecin, 2013. – 771 s.
18. Polska myśl zachodnia w Poznaniu i Wielkopolsce. – Poznań, 1980. – 339 s.
19. Przegląd Dyplomatyczny: pismo poświęcone zagadnieniom polityki międzynarodowej. – 1919. – № 4. – 193 s.
20. Sprawa polska w czasie II wojny światowej na arenie międzynarodowej: Zbiór dokumentów. – Warszawa, 1965. – 836 s.
21. Syzdek, E. Działalność Wandy Wasilewskiej w latach drugiej wojny światowej / E. Syzdek. – Warszawa, 1981. – 325 s.
22. Wojnowski, E. Warmia i Mazury w latach 1945–1947. Kształtowanie się stosunków politycznych / E. Wojnowski. – Olsztyn, 1968. – S. 117–125.
23. Wrzesiński, W. Kształtowanie nowych granic państwa polskiego po II wojnie światowej a przyszłość polityczna, gospodarcza i kulturowa Rzeczypospolitej / W. Wrzesiński // *Studia Politologica*. – 2011. – № 5. – S. 3–16.

ПОБРАТИМСТВО ГОРОДОВ КАК ИНСТРУМЕНТ «НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ» В 1943–1945 гг. (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СТАЛИНГРАДА И КОВЕНТРИ)

С. Ю. Пищулина (Волжский)

В настоящее время среди общественных деятелей и руководства регионами Российской Федерации возник интерес к пересмотру на новых позициях «института побратимства» между городами разных стран. «Институт побратимства» городов-муниципалитетов востребован также как активная составляющая интеграции мирового сообщества. В условиях многополярного мира он мог бы играть существенную миротворческую роль в качестве источника подлинного знания о жизни, общественном мнении народов, для стирания ментальных границ, решения проблем путем переговоров и нахождения консенсусов. В силу этих причин важен исторический анализ возникновения движения городов-побратимов и заложенной изначально в данное движение смысловой нагрузки.

Историографический обзор позволяет выделить два хронологических этапа в изучении побратимства. Первый охватывает период до восьмидесятых годов XX века и характеризуется немногочисленностью публикаций, в которых давалась общая картина вопроса [4; 10]. Тем не менее, к институту побратимства уже стал формироваться научный интерес, и в 1969 г. В. М. Зайцев защитил первую в СССР кандидатскую диссертацию о побратимском движении и опубликовал монографию [4].

Второй историографический этап, начавшийся с конца 1980-х годов, отличается от предыдущего прежде всего тем, что здесь наибольшее внимание уделено региональному аспекту побратимства. Институт побратимства начал рассматриваться как часть дипломатической истории XX века, через межмуниципальное общение проявлялась солидарность народов в борьбе против новой войны [2]. Появляются также работы анализирующие побратимство как составляющую культурно-социальной практики, влияющей на формирование социального пространства города [7]. В результате научных обобщений ученые пришли к общим выводам, что потенциал побратимства в настоящее время лежит в областях экономического сотрудничества, в сфере актуализации культурного и исторического прошлого, укрепления толерантности, расширения информационного поля.

В зарубежной историографии практически нет исследований, посвященных движению побратимства. Акцент сделан на изучении деятельности муниципалитетов на международной арене. Например, Кэтрин Денкс раскрывала контакты между Сталинградом и Ковентри, подчеркнув, что они стали прообразом последующих связей муниципалитетов [3].

Родоначальниками движения городов-побратимов стали советский Сталинград и английский Ковентри. Вторая мировая война затронула не только интересы правительств многих стран, но и напрямую коснулась народов. Из узких кругов политиков внешнеполитические контакты перешли также и на уровень муниципалитетов, общественных организаций, населения. Появилась так называемая «народная дипломатия», научные трактовки которой до сих пор неоднозначны. Тем не менее, исследователи сходятся во мнении, что «народная дипломатия» отражает насущные проблемы. В ракурсе обмена мнениями различных народов, социальных групп лежали наиболее волнующие вопросы: о сохранение мира, об укреплении мирного сосуществования между странами с различными политическими платформами.

Начавшаяся в 1939 году война потребовала от всех государств сосредоточения сил в борьбе с гитлеровской Германией. До начала Великой Отечественной войны одним из основных противников германский фашизм признавал Великобританию. Однако в силу ее географического положения военные действия велись на море и с воздуха. Особенно активно разрушалась инфраструктура промышленных населенных пунктов. Так, 14 ноября 1940 г. английский Ковентри подвергся страшному налету. Германская дивизия бомбардировщиков Кампфшвайдер осуществила операцию «Лунная соната». Непрерывная бомбардировка продолжалась в течение одиннадцати часов. 84% архитектурной и промышленной инфраструктуры города было полностью уничтожено и повреждено [10, с. 64; 5, с. 53]. При налете погибло 554 мужчин, женщин и детей, а 865 было ранено. Всего немцы бомбили Ковентри 41 раз, последняя бомбардировка произведена в августе 1942 г. Общее число жертв составило за годы войны 1 236 человек, из них 808 похоронены в братской могиле кладбища на Лондон-Роуд [6].

21 июня 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз. Упорная борьба советских граждан вызвала сочувствие жителей Ковентри. В сентябре 1941 г. было решено направить в любой город Советского Союза приветственную телеграмму, чтобы показать солидарность с героическим сопротивлением агрессору. «Мы выбрали индустриальный город, схожий по своим размерам с Ковентри. Выбор пал на Сталинград. Об этом городе мы знали мало, поскольку он был далеко от линии фронта...», – писала после войны госпожа Трент (мисс Майл), бывший почетный секретарь Комитета англо-советского единства Ковентри [1, с. 90]. Телеграмма была передана через жену советского посла А. А. Майскую.

В мае 1942 г. после обсуждения на заводских, фабричных собраниях Сталинграда был отправлен ответ женщинам Ковентри, в котором указывалось, что единство между общественностью обоих государств скрепляется их стремлением «уничтожить фашистских варваров». В январе 1943 г. англо-советский комитет Ковентри через советское посольство получил это сообщение и специально оформленный альбом с 36 тысячами подписей сталинградоков, многих из которых к тому времени уже не было в живых.

Деятельность Комитета англо-советского единства Ковентри являлась наглядным примером зарождающейся «народной дипломатии». В годы войны он организовывал англо-советские недели солидарности, митинги в поддержку СССР, проводил открытые лекции о борьбе советских граждан с фашистским блоком, демонстрировал советские фильмы, занимался организацией выставок, концертов, церковных служб, осуществлял сбор пожертвований для Сталинграда и др. [1, с. 90].

Сталинградская битва положила начало новому витку отношений между двумя городами. Солидаризм в борьбе с фашизмом оставался скрепляющей нитью дружбы Сталинграда и Ковентри, но теперь потребовалась практическая помощь советскому народу в восстановлении «волжской твердыни», города который длительное время занимал ум и сердца каждого англичанина как эпицентр сражения с фашизмом. Как показали Ю. П. Туманов и Д. А. Белов единственный иностранный город, оказавший моральную поддержку сражающемуся Сталинграду, был Ковентри [11; 1]. 14 октября 1942 г. мэр Ковентри А. Р. Гриндлей отправил телеграмму с выражением «симпатии и восхищения мужеством и железной решимостью бороться с врагом до победы» [11, с. 34; 1, с. 95]. Позже телеграмма была послана и от имени коventрийских рабочих. В тексте есть прямое упоминание о направлении делегата Ковентри в парламент с целью выразить мнение горожан о необходимости срочного открытия второго фронта в Европе для борьбы с гитлеровской Германией [8, с. 104].

Обмен телеграммами продолжался, их дополнила и гуманитарная помощь. Только в 1942 г. жителями Ковентри был проведен сбор средств для закупки медикаментов и теплой одежды на сумму 4,5 тысячи фунтов стерлингов. Всего за годы Великой Отечественной войны коventрийцы собрали для Сталинграда 20 тысяч фунтов стерлингов [5, с. 53].

Следующим шагом в развитии дружеских двусторонних связей стал 1944 год. В июне этого года муниципальный совет Ковентри принял решение о разработке проекта «Узы дружбы», учреждении Комитета англо-советской дружбы и Комитета дружбы со Сталинградом. Последний в план своей работы включил взаимопосещения, активизацию переписки, обмен литературой и информацией и другие мероприятия, способствующие скреплению дружбы. По мнению исследователей, именно с этого момента следует считать города – побратимами, отношения – официальными [1, с. 100; 5, с. 53]. Интересен факт, что со стороны Сталинграда официального документа, признающего Ковентри побратимом, на тот момент не существовало. Подписанный двусторонний договор был заключен в 1955 г.

Следует отметить, что доброжелательное настроение к советскому народу, к Сталинграду в частности, с 1943 г. царило в общественных кругах Англии повсюду. Победа Красной Армии на Волге воодушевила сторонников борьбы с фашизмом, дала новый стимул надежды на скорую победу. Проявлением данных устремлений являлся дар короля Георга VI – Почетный меч, преданный И. В. Сталину для Сталинграда на Тегеранской конференции. Сбор средств «Сталинградская больница», инициированный настоятелем Кентерберийского собора Х. Джонсоном с мая 1943 г., объединил в едином порыве более 300 английских городов и поселков [1, с. 98].

Вторая мировая война послужила толчком к преодолению идеологических и политических барьеров в налаживании контактов между народами различных стран. Борьба с фашизмом, понесенные потери и жертвы вынудили общественность переступить официальные границы дипломатии и породили ее новый вид – «народную дипломатию». Последняя отличалась искренностью, не формальностью общения, была нацелена на решение действительно важных для людей вопросов борьбы за мир и мирное сосуществование. Сталинград и Ковентри в период Второй мировой войны впервые апробировали и внедряли в практику «народной дипломатии» методы прямого контактирования (только чрезвычайная военная ситуация вызывала необходимость английской стороны передавать послания и финансовую помощь через советское посольство в Лондоне, при этом главным лицом выступал не сам посол, а его жена – А. А. Майская). Основой дружбы стали моральная поддержка друг друга в борьбе с фашистским агрессором и финансовая добровольческая помощь ковентрийцев и всех англичан для организации восстановительных работ в Сталинграде.

1. Белов, Д. А. Сталинград в оценке общественности Великобритании и США. 1942–1945 гг. / Д. А. Белов. – Волгоград-Самара : ООО «Изд-во Ас ГАРД», 2011. – 220 с.
2. Белов, Д. А. Движение породненных городов: дипломатическая история становления и развития в военные и послевоенные годы [Электронный ресурс] / Д. А. Белов, Н. А. Болотов. – Режим доступа: <https://lib.vsu.by/xmlui/bitstream/handle/123456789/4931/Белов%20Д.А.%20Болотов%20Н.А..pdf?sequence=1&isAllowed=y>. – Дата доступа: 29.04.2017.

3. Денкс, К. Ваша борьба – наша борьба: англо-советский союз во Второй мировой войне [Электронный ресурс] / К. Денкс. – Режим доступа: www.elibrari.ru. – Дата доступа: 30.04.2018.
4. Зайцев, В. М. Города-побратимы / В. М. Зайцев. – М. : Изд-во Советская Россия, 1969. – 124 с.
5. Ковалева, Е. А. Сталинград – Волгоград в движении породненных городов во второй половине XX века [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». – Апрель 2015. – № 3(37) – С. 52–56. – Режим доступа: www.grani.vspu.ru. – Дата доступа: 29.04.2018.
6. Ковентри – Волгоград: 1941–2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lingva.volsu.ru>. – Дата доступа: 07.04.2019.
7. Колева, З. И. Побратимство как культурно-социальная практика, влияющая на формирование социального пространства города / З. И. Колева // Вестник СамГУ. – 2012. – № 8/1(99). – С. 50–54.
8. Кулишенко, Н. А. Сталинградская история английской королевы / Н. А. Кулишенко // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2014. – № 2. – С. 101–104.
9. Максимов, В. М. Сталинград – Волгоград в движении породнённых городов в 1943–1991 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / В. Б. Максимов. – Волгоград, 2013. – 29 с.
10. Монько, А. Побратимы / А. Монько. – Волгоград : Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1972. – 192 с.
11. Туманов, Ю. П. Сталинград – Ковентри / Ю. П. Туманов. – Сталинград : Книж. изд-во, 1958. – 68 с.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА «ПОБРАТИМСТВА» (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДОВ СТАЛИНГРАДА И ЛЬЕЖА)

О. Д. Руссу (Волжский)

Породненные города – достаточно известное явление в системе международных отношений. Международные связи между городами возникли еще в древности и сегодня выступают неотъемлемой составляющей развития городской цивилизации. Тем не менее, в публицистической и исторической литературе крайне мало работ посвященных вопросу побратимства городов, округов различных стран, выявлению сущности, причин установления побратимства между городами, социальной составляющей формирования представленного института.

Современный институт «побратимства» начал складываться приблизительно в 30–40-е гг. прошлого века. Значительное влияние на формирование государственности отдельных стран и межгосударственных институтов сотрудничества в указанный период оказала мировая война. Именно Вторая мировая война способствовала в некоторой степени сглаживанию противоречий двух систем – капитализма и социализма, так как перед ними стояла единая задача борьбы с агрессией фашизма. Институтом, способствующим сохранению даже в период «холодной войны» дружбы меж-

ду народами двух систем, стал институт «побратимства». Именно города-побратимы продолжали развивать многостороннее сотрудничество, в последующем получившее название «дипломатия городов». Дипломатия, направленная на формирование не только торгово-экономических, но и культурных контактов между городами.

Идея сохранения памяти о совместной борьбе себя не исчерпала и до настоящего времени, на совместных встречах, при обмене делегациями представители городов-побратимов чтят героизм и подвиги, совершенные во имя мира.

Одним из ярких примеров формирования побратимства стали взаимосвязи между Сталинградом и бельгийским Льежем. Обратимся к примеру этих городов, для выяснения причин, особенностей оформления института «побратимства».

10 мая 1940 г. в 4 часа утра немецкие самолеты обрушили бомбовые удары на города Бельгии. Сотни зданий в Брюсселе, Льеже, Шарлеруа, Антверпене погребли под развалинами мирно спавших в эти предутренние часы людей. 27 мая король Бельгии подписал акт о капитуляции. В июле 1942 г. началась долгая Сталинградская битва. Из-за быстрого продвижения немецко-фашистских войск в ходе начального периода Великой Отечественной войны колоссальное количество советских солдат и офицеров были взяты плен, позже многие из них вступали в ряды европейского Движения сопротивления. Иван Дядькин и Евгений Доценко, сталинградцы, стали известными героями бельгийского Сопротивления и своим героизмом способствовали возникновению побратимских связей.

Средоточием Сопротивления стал центр металлургической промышленности Бельгии и один из крупнейших городов этой небольшой страны – город Льеж, расположенный в юго-восточной части страны. К нему близко примыкали лесистые Арденны – единственные горы в плоской равнинной местности [2, с. 12]. Бежавшие из плена, каторг и лагерей советские граждане находили сочувствие и поддержку у местного бельгийского населения. Война – это не просто противоборство социально-экономических, военных систем, это еще и противостояние различных систем ценностей. Духовный потенциал бельгийского и советского народов оказался идентичным в вопросах взаимопомощи, сострадания, мужества, героизма. Когда готовность к самопожертвованию становится нормой, основу которой составляет стремление защитить свое Отечество. Патриоты, рискуя жизнью, помогали вступать советским гражданам в бельгийское Движение сопротивления, создавать самостоятельные группы или отряды [3]. Наиболее крупной партизанской частью, действовавшей на территории Бельгии и состоявшей в основном из наших соотечественников, была бригада «За Родину», сформированная по инициативе Ивана Дядькина и Константина Шукшина. Целью военной деятельности бригады стали железные дороги Бельгии, как самые активно используемые для немецких перевозок, диверсии на них нанесли большой урон противнику. На 15.09.1944 г. в состав

военного соединения входило 245 человек; осенью т.г. – 435 бойцов. Результаты боевой деятельности достаточно красноречивы: уничтожен 841 солдат и офицер противника, 53 агента гестапо, 24 грузовые автомашины, 6 эшелонов с боевой техникой пущено под откос, взорвано 4 важных моста военного значения, уничтожено 18 складов боеприпасов и 12 контор по мобилизации молодежи.

В этот же период в районе Льежа в боевых действиях принимала участие небольшая группа советских партизан во главе с Е. И. Доценко и Г. Ц. Лерман. Она насчитывала около 30 человек и организационно входила в качестве партизанской роты в состав 4-го полка Бельгийской армии партизан.

Советские партизаны вместе с бельгийскими товарищами приняли участие во многих диверсионных операциях. Дважды они взрывали ж.-д. мосты в различных районах Бельгии, повредили ж.-д. линию в тоннеле Эне, вывели из строя два доломитных карьера. Партизаны дотла сожгли крупный лесопильный завод, продукция которого шла в Германию. Непрерывно нарушали связь, осуществили диверсию на плотине электростанции в Назе-Лорсе, пустили под откос немало воинских эшелонов. С весны 1944 г. деятельность партизан в Арденнах и в районе Льежа участилась. Росло число мелких разрозненных партизанских групп. Возникла необходимость объединить их для совместных действий, для решения этой ответственной и сложной задачи много сделал Евгений Доценко. Он сам связывался с группами партизан, согласовывал вопросы взаимодействия, инструктировал их, передавал им свой богатый партизанский опыт [5, с. 147–148].

Убит Евгений Доценко был при обучении новичков, бежавших из концлагеря, по дороге к их месту обитания он нарвался на немецкий патруль. Случилось это 1 апреля 1944 г. Евгений Доценко похоронен в бельгийском городке Комбле-о-Пон в предгорьях Арденн. На городском кладбище среди могил местных жителей есть две необычные ухоженные мраморные плиты. На одной по-французски выбито – Евгений Доценко (Сталинград), на другой – Анатолий Степанов (Ленинград). Так благодарные бельгийцы чтут память наших земляков, отдавших свои жизни в борьбе с фашизмом на бельгийской земле.

Судьбы двух сталинградцев стали своеобразной каплей, наполнивший теплотой институт «побратимства» двух городов. В 1956 г. по инициативе Волгограда были установлены побратимские взаимосвязи.

Волгоградцы также бережно хранят память о событиях, прочно связавших их со столицей Валонии Льежем, который проявил примеры героизма в период немецкой оккупации 1940–1945 годов. «Нет уз святее товарищества», – гласит русская пословица. Сходно звучит та же мысль и на других языках. И, тем более, нет прочнее памяти, что скреплена кровью. В восьмом зале музея-панорамы «Сталинградская битва» есть необычный экспонат – простой кусок дерева, выпиленный прямо с корой из некогда могучего ствола. На коре отчетливо видны контуры серпа и молота, ини-

циалы «Е. Д.». Это память о сталинградце, герое бельгийского Движения сопротивления Евгении Доценко. В его честь также названа улица нашего города, есть и улица имени бельгийского города-побратима Льежа.

В условиях «холодной войны», когда на территории Бельгии расположились политические и военные штаб-квартиры НАТО, несмотря на натянутые отношения между странами, побратимские связи между Льежем и Волгоградом продолжали развиваться [1, с. 156]. В 1980-х годах в честь сорокалетия победы под Сталинградом общество «Бельгия-СССР» организовало в центре Льежа экспозицию о выдающейся истории города-героя и достижениях волгоградцев в мирном труде. В Академии искусств работала выставка материалов, где нашла отражение история связей между двумя городами. Жители Льежа приобрели множество знаков с символом Волгограда. Широко отмечалось и сорокалетие Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В том же 1985 г. в Волгоград прибыла бельгийская делегация с предложением об установлении дружественных контактов профсоюзов предприятий. В следующем году, весной состоялась поездка волгоградской делегации в Льеж. Дни пребывания делегации в Льеже начались с возложения цветов у памятника бойцам Движения сопротивления и на могиле советских воинов, погибших в концлагере Цитадели. Повсюду члены делегации видели цветы у надгробий и памятников борцам-антифашистам, местными жителями.

Такого рода встречи и обмены продолжались вплоть до распада Советского Союза. Новое руководство российского государства не отказалось от накопленного положительного опыта международного сотрудничества. В Волгограде продолжается обмен делегациями по поводу памятных мероприятий, посвященных Великой Победе, освобождению Сталинграда, Льежа и территории Бельгии. 8 мая 2005 г. в администрации Волгограда представители европейских городов-побратимов подписали обращение о недопустимости попыток политической реабилитации «СС» и других институтов фашизма. Свою подпись под антифашистским документом поставили глава администрации Волгограда и глава делегации Льежа Николь Стрювей. 7 мая 2006 г. на мемориальном кладбище в Цитадели г. Льежа, в честь очередной годовщины Победы в Великой Отечественной войне, торжественно прошло заупокойное богослужение на месте захоронения советских военнопленных – участников Сопротивления, расстрелянных немецко-фашистскими захватчиками.

Из 265 российских соотечественников, навсегда оставшихся в бельгийской земле, определены могилы 184 человек и установлены 34 безымянные могилы. Продолжается работа по поиску других захоронений, числящихся в архивных материалах. Недавно на кладбище Нидрум в общине Бученбах немецкоязычного сообщества Бельгии был открыт памятник и установлено 28 могильных плит на месте захоронения советских военнопленных, которые были пригнаны на работы в этот район Бельгии и погибли. При этом памятник в Нидруме уже седьмой в местах захоронений советских воинов в Бель-

гии. В 2017 г. Волгоград с официальным визитом посетил Чрезвычайный и Полномочный Посол Королевства Бельгия в РФ Жан Артур Режибо. Стороны обсудили перспективы международного сотрудничества, в том числе в сфере образования и науки [4]. Как видим, уже больше полувека развиваются дружественные связи между Волгоградом и Льежем.

Исследование института «побратимства» показало, что Сталинград был активным участником движения городов-побратимов на протяжении второй половины XX века и сыграл в нем значительную роль. Установленные связи использовались, как правило, для формирования положительного мнения о жизни советских граждан и внешней политике СССР.

Институт «побратимства», пережив определенные взлеты и падения, показал свою жизнеспособность. Сейчас эти отношения не носят пропагандистский характер и затрагивают широкий спектр областей сотрудничества. С его помощью в межгосударственных контактах продолжается неофициальная связь народов, находится и используется неформальный язык общения, сглаживаются противоречия. Побратимство оказывает влияние и на внутреннюю жизнь общества. Историческая память – это страница государственности народа, и если ее охраняют и другие народы, то она стимулирует развитие патриотизма, укрепление общественных устоев, активной гражданской позиции.

1. Атопов, В. И. По законам братства / В. И. Атопов. – Волгоград : Н.-Волж. кн. изд-во, 1987. – 253 с.
2. Зайцев, В. Города-побратимы / В. Зайцев. – М. : Изд-во «Советская Россия», 1969. – 124 с.
3. Лерман, С. Военная история моего кузена [Электронный ресурс] / С. Лерман // Вестник. – 2000. – № 24 (257). – Режим доступа: <http://www.vestnik.com/issues/2000/1121/win/lerman.htm>. – Дата доступа: 1.04.2019.
4. Официальный сайт администрации Волгограда [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.volgadmin.ru/ru/MPCity/CitiesBrothers.asp>. – Дата доступа: 01.04.2019.
5. Рогожкин, А. Наши земляки – герои европейского сопротивления / А. Рогожкин // Сталинградская битва в истории России. Девятые юношеские Чтения. 3 апреля 2004 г. Сб. тезисов докладов. – Волгоград : Волгоградское научное изд-во, 2005. – С. 146–151.

Р А З Д Е Л 3
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЯЛТИНСКО-ПОТСДАМСКОЙ СИСТЕМЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
ДИПЛОМАТИЯ ПЕРИОДА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
(1945–1991 гг.)

ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОЙ ПОЛИТИКИ
ФРАНЦУЗСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВЛАСТЕЙ В 1945–1949 гг.

Н. В. Величко (Витебск)

Официально французская зона оккупации существовала до 21 сентября 1949 г. и имела свои особенности. Немецкие земли оформились здесь только к осени 1946 г. [14, с. 94]. Земельные властные структуры имели кроме государственных секретарей ещё министерских директоров (министериаль-директоров). Ставка главнокомандующего французскими оккупационными властями находилась в г. Баден-Бадене в отеле Бреннер. Политико-экономическим центром французской зоны оккупации являлся г. Майнц [1, с. 31–32].

Французская военная администрация в Германии была создана 15 июня 1945 г. Ее возглавил генерал-лейтенант (в конце оккупационного периода – генерал армии) Пьер Кёниг [8, с. 78]. В его распоряжении находились четыре помощника: главнокомандующий оккупационных войск, генеральный администратор военного правительства французской зоны оккупации, глава французского представительства в СКС, главнокомандующий французского сектора Берлина [1, с. 31]. Гражданская администрация состояла из двух главных отделов – Административного бюро и Бюро экономики и финансов, которое включало подотделы здравоохранения, экономики, финансов, миграции и др. Также существовало Бюро культуры, однако оно играло незначительную роль по сравнению с двумя предыдущими [1, с. 31].

Франция выступала против политического единства Германии и в течение 1945–1946 гг. отстаивала идею её федерализации. Однако, учитывая отсталость регионов своей зоны, Франция ратовала за экономически единую Германию. Французы выступали против создания на территории своей зоны центрального немецкого органа. Во французской зоне был образован Министерат, вокруг которого группировались главы Секретариатов [1, с. 31–32].

Генерал П. Кёниг создал разветвленный бюрократический аппарат, неспособный к управлению [5, с. 29].

7 июля 1945 г. в Париже был создан Межминистерский комитет по немецким и австрийским делам, переименованный в декабре 1945 г. в Генеральный комиссариат по немецким и австрийским делам. Генеральным комиссаром был назначен Рене Майер [7, л. 33]. Генеральный комиссариат должен был выработать чёткие принципы, которыми следовало руководствоваться административному аппарату французской зоны. Генеральный комиссариат подчинялся французскому правительству, которое так и не смогло выработать общие приоритеты, цели и методы в деле обращения с Германией.

В советской, российской и отечественной историографии успешность политики оккупационных властей определяется реализацией Ялтинско-Потсдамских соглашений или принципов «четырёх «Д»». Западные историки в своих научных трудах не подразделяют эту политику на демилитаризацию, денацификацию, демонополизацию и декартелизацию, а акцентируют внимание на реформаторской деятельности оккупационных властей.

Политика Франции по отношению к своей оккупационной зоне преследовала две цели: компенсировать в какой-то мере ущерб, нанесённый ей Германией во Второй мировой войне, и создать модель организации общественной жизни, которую можно было бы предложить в качестве образца для других зон [13, с. 46; 12, с. 263]. Во всех оккупационных зонах в первые же месяцы оккупации были арестованы как военные преступники и интернированы высокопоставленные нацистские функционеры, высшие члены Охранных отрядов (СС), Полиции безопасности (СД), Гестапо, Вермахта, высшие политические и государственные руководители. В американской зоне было интернировано 92259 человек, в английской – 64500, во французской – 18963 [2, с. 151]. Французские оккупационные власти уже осенью 1945 г. отдали приказ об образовании немецких комитетов по расследованию, тем самым процесс денацификации был здесь сильно индивидуализирован. После выхода директивы СКС № 38 «Арест и наказание военных преступников, национал-социалистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за возможно опасными нацистами» 12 октября 1946 г. во французской зоне была введена американская практика проведения денацификации с заполнением громоздких анкет, проведением разбора дел в «шпруккамерах» и распределения виновных по пяти категориям вины [5, с. 29].

В качестве основополагающего принципа разоружения и демонополизации Германии французы рассматривали регулярное взимание и поставку репараций. Французское правительство преследовало одновременно две цели в репарационном вопросе – обеспечить безопасность Франции, лишив Германию военного потенциала, и возратить отобранные немецкими оккупационными властями материальные блага во Францию. Еще на Ялтинской конференции было решено, что репарации с побежденной Германии должны были осуществляться в натуральном виде, в виде демонта-

жа излишних индустриальных предприятий, товарных поставок, но не в денежном эквиваленте.

В условиях «холодной войны» западные державы были вынуждены пересмотреть взаимосвязанные принципы демилитаризации и демонополизации Германии. Возможное появление новой агрессии ожидалось не со стороны обновленной Германии, а со стороны СССР. В этих условиях США и Великобритания взяли курс на возобновление давних связей германских монополий с западными державами. Франция, радикально изменившая свою политику с середины 1947 г., присоединилась к этому курсу.

Ещё в декабре 1945 г. французские оккупационные власти монополизировали управление шахтами Саарской области [6, л. 55]. 9 июня 1947 г. во французской зоне был издан закон о декартелизации. Однако лишь небольшая часть фирм подверглась формальному разукрупнению. Вхождение французской зоны оккупации в Тризонию и принятие Францией «плана Маршалла» означало окончательное вхождение экономики французской зоны в систему западногерманской экономики [13, с. 111–113].

Военное правительство французской зоны провело ряд демократических реформ: земельная, имущественная, реформа социального страхования. Наиболее заметными оказались результаты культурной и образовательной политики [13, с. 317–324]. Культурная политика французских оккупационных властей была направлена на франко-германское сближение. Были созданы специальные органы, ответственные за культурное сотрудничество Франции и Германии. Один из них – Международное бюро связи и документации – был образован в 1945 г. в Бадене в г. Оффенбурге. Его создателем был военный священник, иезуит Жан дюРиво. С 1945 г. Международное бюро связи и документации регулярно издавало два журнала – «Dokumente» и «Documents». «Dokumente» детально информировал немецкое население о жизни во Франции, а «Documents» – французское население о Германии. В 1948 г. по инициативе Эммануэля Мунье был создан Французский комитет по обмену с обновленной Германией. Он объединял деятельность немецких и французских журналистов, писателей, политических деятелей, преподавателей. До своего роспуска в 1967 г. Французский комитет по обмену с обновленной Германией выпускал информационный бюллетень «Allemagne», где публиковались и анализировались политические и партийные дебаты, проблемы молодёжи во Франции и Германии [13, с. 328].

Несмотря на все конструктивные реформаторские начинания французских оккупационных властей, у немецкого населения не осталось в памяти никаких положительных моментов от их деятельности [9, с. 25; 13, с. 528–530; 11, с. 206, с. 697].

Таким образом, французская зона оккупации была наименьшая из четырёх в территориальном плане и представляла собой экономически отсталый регион, за исключением Саара, поэтому деятельность французской администрации зоны была направлена на экономическое единство Герма-

нии. В то же время французы приложили максимум усилий, чтобы не допустить политического единства французской зоны оккупации. Они предоставили автономию пяти немецким землям и успешно сопротивлялись созданию на территории своей зоны центрального немецкого органа, в отличие от США и Великобритании. Вся полнота власти во французской зоне оккупации была сосредоточена в руках французской военной администрации и главнокомандующего П. Кёнига, который создал разветвленный бюрократический аппарат, неспособный эффективно управлять из-за своей сложной и громоздкой структуры. Военное правительство французской зоны провело земельную, имущественную, продовольственную реформы, реформу социального страхования. Наиболее заметными оказались результаты культурной и образовательной политики во французской зоне, проводимой Р. Шмитляйном.

Политику французских оккупационных властей называют амбивалентной или двойственной, так как она была направлена на политическую децентрализацию и экономическое единство Германии. Принципы «четырёх «Д»» во французской зоне оккупации Германии в понимании советских историков не были успешно реализованы. Франция вообще не считала себя связанной Ялтинско-Потсдамскими соглашениями, так как она не участвовала в их разработке. Французы не придавали особенного значения денацификации Германии, так как считали, что абсолютно каждый немец являлся бывшим нацистом. Демонополизация и демилитаризация Германии во французской зоне оккупации осуществлялись в виде репараций, реституций, демонтажей, которые должны были компенсировать ущерб, понесённый Францией за годы гитлеровской оккупации. Наиболее успешными оказались результаты демократизации, так как она была направлена на франко-германское сотрудничество в области образования, науки, культуры, искусства. Таким образом, политика французов в своей зоне оккупации предполагала не только компенсацию ущерба Франции. Французы провели ряд конструктивных реформ, направленных на объединение французской зоны оккупации и развитие франко-германского сотрудничества. Однако это сотрудничество не смогло успешно осуществиться из-за сохранения амбивалентной французской политики.

1. Административно-политическое устройство современной Германии (справка) // Новое время. – 1948. – № 34. – С. 29–32.
2. Вишнев, С. Экономические проблемы Германии на Московской сессии Совета министров иностранных дел / С. Вишнев, И. Файнгар // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1947. – № 5. – С. 3–22.
3. Герцович, Г. Металлургия Германии после войны / Г. Герцович // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1946. – № 12. – С. 135–136.
4. Герцович, Г. Экономическое восстановление Германии / Г. Герцович // Мировое хозяйство и мировая политика. – 1946. – № 9. – С. 75–83.
5. Михайлов, Б. Что происходит во французской зоне оккупации Германии / Б. Михайлов // Новое время. – 1948. – № 11. – С. 27–31.

6. Обзор экономического и политического положения в английской и французской зонах оккупации Германии, написанный по материалам американской прессы // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. Оп. 28. Д. 12. Л. 53–56.
7. Оперативная сводка № 10 по немецким газетам, вышедшим в Берлине 29 декабря 1945 года // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). – Ф. 82. Оп. 27. Д. 11. Л. 33, 36.
8. Филитов, А. М. Германский вопрос: от раскола к объединению. Новое прочтение / А. М. Филитов. – М. : Международные отношения (Москва), 1993. – 240 с.
9. AktenzurVorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949. – Bd. 1. – September 1945 – Dezember 1946. – Munchen – Wien : R. OldenbourgVerlag, 1976. – 1197 s.
10. AktenzurVorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949. – Bd. 2. – Januar – Juni 1947. – Munchen – Wien : R. OldenbourgVerlag, 1979. – 654 s.
11. AktenzurVorgeschichte der Bundesrepublik Deutschland, 1945–1949. – Bd. 3. – Juni – Dezember 1947. – Munchen – Wien : R. OldenbourgVerlag, 1982. – 1062 s.
12. Friedrich, C. American experience in military government in Wold War II / C. Friedrich. – N. Y. : Un. Press, 1948. – 345 p.
13. Grosser, A. L'Allemagne de notre temps 1945-1948 / A. Grosser. – Paris : Pluriel, 1978. – 440 p.
14. Overesch, M. Deutschland 1945–1949. Vorgeschichte und Grundung der Bundesrepublik. EinLeitfaden in Darstellung und Dokumenten / M. Overesch. – Konigstein : Athenaum – Verlag, 1979. – 274 s.

СОВЕТСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В НАЧАЛЕ 1949 ГОДА

А. В. Самохин (Хабаровск)

1949 г. стал годом завершения гражданской войны в Китае. В апреле Народно-освободительная армия (НОАК) на трех направлениях начала форсировать р. Янцзы и заняла Нанкин – резиденцию правительства Гоминьдана. В связи с тем как относился И. В. Сталин к этим событиям, в китайской и отечественной историографии существуют определенные противоречия.

Начиная с 1950-х гг. китайские руководители, а вслед за ними историки и журналисты стали часто упоминать один эпизод, связанный с поездкой А. И. Микояна. По их утверждениям, во время бесед с Мао Цзэдуном советский представитель по поручению И. В. Сталина посоветовал не развивать дальнейшее наступление против Чан Кайши на Юге Китая, не форсировать реку Янцзы и остановиться на ее северном берегу.

Давая свое объяснение подобной рекомендации советского лидера, китайские историки и государственные деятели приводят несколько главных возможных причин ее появления на свет: недооценку советским лидером потенциала китайской революции, неверие в возможность быстрой и окончательной победы в гражданской войне; боязнь того, что в случае наступления коммунистов на Юге Соединенные Штаты вмешаются в кон-

фликт на стороне Чан Кайши, что в свою очередь способно было привести к развязыванию третьей мировой войны; высказывались и предположения о том, что И. В. Сталин вообще не был заинтересован в создании единого, мощного Китая под контролем коммунистов, что он хотел раздробить эту страну, сохранив Юг за Чан Кайши, чтобы затем утверждать советское влияние, используя противоречия между Севером и Югом [17, с. 15; 18, с. 4; 22, р. 585].

Другие специалисты утверждают, что А. И. Микоян вообще не говорил ничего подобного [19, с. 152; 20, с. 8–9; 21, с. 15–21].

В Отечественной историографии вообще отрицается сама возможность высказывания подобных советов [3, с. 6; 4, с. 86; 14, с. 111–112].

Для того чтобы понять действительную политику главы Советского правительства по отношению к Китаю, на наш взгляд, необходимо учитывать сложившуюся на тот момент международную обстановку, а так же и то, что возобновление гражданской войны, и вмешательство в нее США и было главной военно-политической целью И. В. Сталина [11, с. 61–66; 12, с. 245–251; 13, с. 174–182]. Именно для этого необходимо было сохранять противоборство Гоминьдана (ГМД) и компартией Китая (КПК).

Военно-политическая ситуация в Китае на тот момент была следующей. В начале 1949 г. войска КПК широким фронтом вышли на северный берег Янцзы, создав непосредственную угрозу Нанкину и Шанхаю.

Потерпев поражение в Маньчжурии и Северном Китае, Чан Кайши в новогоднем выступлении 1949 г. вновь обратился с призывом к КПК о прекращении гражданской войны и о начале переговоров. О посредничестве в этом вопросе он обратился к СССР. 17 января 1949 г. Советское правительство официально заявило, что не считает для себя целесообразным принять эту миссию [15, с. 450–457; 1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 54–58, 60–67, 69].

Руководство ГМД активизировало попытки вступить в переговоры с КПК и, прежде всего, добиться прекращения огня. Чтобы облегчить получение согласия компартии на переговоры Чан Кайши формально отошел от власти, передав полномочия вице-президенту Ли Цзунжэню, считавшемуся более приемлемой для коммунистов фигурой.

Военная обстановка в Китае тем временем резко изменилась в пользу КПК. В этих условиях руководство ГМД рассчитывало на прямое вмешательство США. Однако главные силы США были связаны острой конфронтацией с СССР в Европе («берлинский кризис»), поэтому на китайском направлении им приходилось проявлять сдержанность. Но эта ситуация могла быть в любой момент изменена влиятельными силами в Соединенных Штатах, выступавшими за военное решение конфликта с СССР. В СССР такой вариант развития учитывался [9, с. 68–69].

Активно разрабатывались планы расчленения страны, путем создания ряда гоминдановских государств, провоцирования разногласий между главами таких правительств, наконец, США ввели свои войска в примор-

ские города Китая, в частности в Шанхай [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 56]. Делались попытки экономическими посулами оторвать КПК от Советского Союза [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 66–69]. Предпринимались шаги для вовлечения мирового сообщества через ООН в защиту Китайской Республики (КР) и т.д. [10, с. 458–474].

Все эти события делали невыгодным для СССР идею посредничества в переговорах между ГМД и КПК. Ведь тогда гражданская война могла прекратиться, а вместе с ней исчезла бы и возможность втянуть в конфликт в Китае США. В то же самое время в Москве были уверены, что правительства западных стран, весьма заинтересованные в прекращении гражданской войны с целью предотвращения краха гоминдановского режима и резкого усиления при данном исходе политического влияния СССР в регионе, поддержат правительство КР.

Отечественная историография так описывает эти события начала 1949 г. В первой половине января шло согласование позиций руководства СССР и КПК по проблеме, поднятой правительством КР. В январе 1949 г., в ходе обсуждения проблемы посредничества, И. В. Сталин заявил, что Москва выступает за единый Китай, за освобождение всего китайского материка от господства ГМД [15, с. 450]. Об этом И. В. Сталин еще раз сообщил Мао Цзэдуна через члена Политбюро ЦК ВКП(б) А. И. Микояна направленного в это время специально в Китай. Эти вопросы были подняты в первой же беседе с Мао Цзэдуном, состоявшейся 30 января 1949 г. и продолжены в последующих встречах [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 15–21, 24–25, 66–69, 101–111].

Б. Т. Кулик пишет, что Мао Цзэдун впервые в негативном плане высказался о И. В. Сталине в беседе с советским послом 31 марта 1955 г. Он говорил, что советский лидер допускал в китайском вопросе «серьезные ошибки», выступал за подчинение КПК Гоминьдану и т.д. Данное заявление Мао Цзэдуна, очевидно, и было первоосновой измышлений китайских историков [5, с. 27]. Такова интерпретация советской и российской историографией событий начала 1949 г.

Как видим, разница взглядов китайских и отечественных историков сводится преимущественно только к вопросу, верил или нет Сталин в победу китайской революции и отсюда, способствовал или тормозил ее развитие.

Нам представляется, что он действовал только в интересах своей страны, которая не должна была подвергнуться нападению более сильной державы – США. Для этого лучшим способом было связывание США периферийными конфликтами. А вот вопрос сможет ли КПК победить в борьбе с Гоминьданом или гражданская война будет продолжаться еще несколько лет, играл для советского лидера, как нам представляется, хотя и важную, но все же второстепенную роль. Задача была постараться сохранить участие США в гражданской войне.

После удачных действий НОАК в конце 1948 – начале 1949 г. встал вопрос о быстром разгроме войск ГМД. Поскольку США на тот период были заняты делами Европы то, очевидно, рассчитывать на их активную помощь Гоминьдану не приходилось. Поэтому Чан Кайши, бесспорно по совету американцев и предложил начать переговоры. В условиях, когда И. В. Сталин не мог понять, какой район земного шара – Азия или Европа станет главным для США, ему приходилось действовать тоже на двух направлениях. Для того чтобы американцы могли продолжать оказание помощи Чан Кайши необходимо было сорвать переговоры ГМД и КПК и одновременно постараться приостановить наступление НОАК.

В случае срыва переговоров прекращение гражданской войны стало бы не возможно, а приостановка наступления НОАК дала бы время правительству США для принятия решения либо об усилении военной помощи Гоминьдану, либо о прямой интервенции. Именно с этой целью И. В. Сталин, в конце января 1949 г., пошел на свертывание «берлинского кризиса», который завершился компромиссом в начале мая [6, с. 128].

В то же самое время как поведет себя Мао Цзэдун, советский руководитель не мог точно знать. Тем более что мир, при взаимном стремлении, был вполне реальным. Во-первых, о стремлении части руководства ГМД к миру сообщали в Москву посол СССР в КР Н. В. Рощин [2, ф. 100. оп. 42. п. 288. д. 19. л. 10]. Во-вторых, гоминдановцы приняли условия КПК. В-третьих, и А. Я. Орлов (он был в это время личным представителем ЦК ВКП(б) при ЦК КПК) и А. И. Микоян докладывали Сталину о том, что форсирование Янцзы, как считают в КПК, не будет представлять трудностей, поскольку многие генералы готовы открыть фронт перед НОАК [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 55, д. 39. л. 1].

И. В. Сталин сделал все, для того чтобы переговоры были сорваны. О том, что это было именно так, свидетельствует его переписка с Мао Цзэдуном в январе 1949 г.

Первая телеграмма датирована 10 января. В ней И. В. Сталин информировал лидера КПК об инициативе Нанкинского правительства, при этом указав прямо, что это предложение прямо продиктовано американцами. Далее И. В. Сталин предлагает ответ Советского правительства, где говорится о том, что раньше, чем дать свое согласие на посредничество, СССР хотел бы знать мнение китайских коммунистов, но далее он фактически дает готовый ответ для КПК, который направлен на срыв переговоров. Во-первых, по тому, что они должны проходить без участия Чан Кайши (военный преступник), во-вторых, без участия США (принимает участие в гражданской войне) и, в-третьих, вообще без посредников. И тем самым дает понять, что на посредничество Советский Союз не пойдет. Выражение И. В. Сталина: «Если Вы не согласны, сообщите нам Ваше мнение» является только данью дипломатической вежливости, а отнюдь не

«консультациями» сторон как считают большинство и китайских и отечественных историков [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 61].

На другой день, не дожидаясь ответа Мао Цзэдуна, он отправляет новую телеграмму, в которой дополнительно аргументирует свой совет руководству КПК [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 62].

Эти советы в КПК воспринимались как указания. Результат не замедлил последовать. 12 января был получен ответ Мао Цзэдуна И. В. Сталину, в котором тот фактически повторил те заготовки, которые предложил глава СССР [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 65–66].

Таким образом, лидер КПК фактически полностью стал на позиции главы Советского правительства, более того он, как на следующий день доложил из ставки Мао Цзэдуна А. Я. Орлов, даже решил совсем отказаться от переговоров и продолжать гражданскую войну т.к. именно так понял указания Москвы [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 68]. Однако такое развитие событий не устраивало И. В. Сталина, поскольку позиция США была пока неясной.

14 января советский лидер отправил Мао Цзэдуну очередную телеграмму. В ней И. В. Сталин в самом начале говорит о единстве интересов СССР и КПК, об общем деле которому мешают мирные переговоры (ибо так считают китайцы). Он определяет политику США и Гоминьдана как политику обмана и желая выиграть время. Далее он пугает Мао Цзэдуна возможностью открытой интервенции и, наконец, дает два варианта возможных развития событий. Причем первый вариант (предложения Мао) фактически признается не приемлемым, а второй (сталинский) единственно возможным. При этом сталинский вариант должен рассматриваться даже в том случае, если ГМД пойдет на все уступки КПК, но и тогда гражданская война не должна прекращаться [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 69–72].

Эта телеграмма представляет собой типичный образчик дипломатического стиля И. В. Сталина. Именно такой стиль общения он выработал в переговорах с китайскими коммунистами. Глава СССР несколько не сомневался в том, что его советы воспринимаются в КПК как указания, тем более что высшие китайские руководители (не исключая и Мао Цзэдуна) говорили об этом прямо, однако всегда старался подводить их к тому, чтобы создавалась иллюзия самостоятельного принятия ими решений.

Таким образом, продолжение гражданской войны и являлось главной военно-политической целью СССР в Китае. Отсюда можно сделать вывод и о том, что именно в январе 1949 г. И. В. Сталин начинает приходить к мысли о военно-политической выгоде для СССР победы КПК, и склоняется к ее полноценной поддержке.

Ответ Мао Цзэдуна на эту телеграмму Сталина от 14 января последовал в этот же день. В своем послании лидер КПК писал, что в «основном курсе (срыв мирных переговоров с Гоминьданом, продолжение революционной войны до конца) мы с Вами совершенно едины» [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 73]. На следующий день, 15 января И. В. Сталин отправил ответную телеграм-

му в которой выразил удовлетворение позицией КПК заявив, что «вопрос можно считать исчерпанным» [1, ф. 17. оп. 1. д. 31. л. 74].

Официальный ответ Советского правительства правительству КР был направлен 17 января 1949 г. Западные державы опередили Москву с ответом Нанкину. 13 января 1949 г., по поручению Государственного Департамента США, посол США в КР Дж. Стюарт передал Нанкинскому правительству официальный ответ правительства США. В заявлении правительства США подчеркивало, что «при нынешней обстановке попытки выступить в роли посредника не принесут желаемых результатов» [23, р. 47]. Как следует из другой телеграммы Дж. Стюарта в Госдепартамент, он тогда уже был убежден, что СССР не согласится принять участие в посреднических действиях [23, р. 25].

21 января 1949 г. Чан Кайши, как отмечалось, объявил о своей отставке и о передаче президентских функций Ли Цзунжэню, который заявил о готовности вести переговоры с КПК на основе программы предложенной коммунистами [15, с. 458].

Переговоры начались 1 апреля в Пекине. В результате было, подписано соглашение об установлении мира в стране. 15 апреля 1949 г. делегация КПК передала делегации Нанкинскому правительству окончательный текст проекта соглашения разработанный КПК. Тем не менее, 20 апреля 1949 г. исполняющий обязанности президента КР Ли Цзунжэнь и премьер Хэ Иньцин отказались подписать проект выработанного на переговорах соглашения [7, с. 579].

И. В. Сталин внимательно следил за переговорным процессом. Тем более что в период его подготовки в гостях у Мао Цзэдуна находился А. И. Микоян. Именно в это время как нам представляется, он и попытался отговорить лидера КПК **не торопиться** (Авт.) с переправой через Янцзы. Никакими документальными данными об этом автор не располагает но, тем не менее, утверждения китайских руководителей не могли быть совершенно беспочвенными. Тем более, что в этом споре против высказываний одних очевидцев выступают показания других. Причем, как те, так и другие могут быть подтвердены сомнению как в силу их субъективности, так и за давностью событий. Так, например непосредственный участник переговоров И. В. Ковалев сообщает, что «насколько помню, никаких советов о том, чтобы прекратить наступление против Чан Кайши на берегах Янцзы, Микоян не излагал». Более того, в подтверждение своих слов он цитирует документ из своего архива [4, с. 86].

Однако, на самом деле эта телеграмма датирована 26 мая 1949 г. как ответ И. В. Сталина на телеграмму Мао Цзэдуна от 23 мая [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 73–75]. То есть тогда, когда основные части НОАК давно перешли Янцзы и уже громили войска Чан Кайши в Южном Китае. Этот пример ясно показывает, насколько ненадежны, бывают воспоминания людей даже имеющих на руках документы.

Автор вполне склонен согласиться с тем, что А. И. Микоян, в период своего пребывания в Сибайпо мог давать советы руководству КПК не спешить, **именно не спешить**, с наступлением, тем более что на тот момент, его приостановка была выгодна СССР. Она давала возможность американцам решить окончательно – продолжить оказание поддержки Чан Кайши или нет, а возможно и открыто выступить на его стороне. Именно на такое развитие событий рассчитывали лидеры ГМД, как об этом неоднократно сообщали в Москву китайские коммунисты [8, с. 270]. Кстати, А. И. Микояну, во время переговоров, Мао Цзэдун сообщил о том, что наступление решено отложить до апреля [1, ф. 17. оп. 1. д. 39. л. 2]. Окончательное же решение о сроках наступления через Янцзы было принято на мартовском пленуме ЦК КПК [16, с. 44–46]. Таким образом, это косвенно подтверждает как высказанное нами утверждение, так и то, что руководство КПК именно так и восприняло совет представителя И. В. Сталина, т.е. не стало спешить с наступлением.

Однако ситуация кардинальным образом изменилась в апреле 1949 г. 4 апреля было окончательно оформлено создание НАТО. С подписанием Североатлантического договора США – лидер западного лагеря в «холодной войне» – легально, юридически взяли на себя функции охранителей существующего порядка в Западной Европе.

Именно в это время И. В. Сталин принимает решение поддержать КПК в гражданской войне и тем самым берет курс на создание надежного союзника на Дальнем Востоке.

13 апреля И. В. Сталин получил телеграмму от представителя ЦК ВКП(б) при ЦК КПК И. В. Ковалева о трехчасовой беседе с Мао Цзэдуном о работе и решениях 2-го пленума ЦК КПК, о военной обстановке в Китае и продолжении войны против гоминдановской армии и ходе мирных переговоров с представителями ГМД.

О военной обстановке в Китае и перспективах войны против войск Чан Кайши Мао Цзэдун сказал, что считает «победу над гоминдановскими войсками предрешенной – войну законченной. Река Янцзы нами будет, по-видимому, форсирована без больших боев» [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 16–17]. В конце телеграммы И. В. Ковалев доложил Сталину свои замечания по изложенным вопросам, в которых высказал свое мнение, что гоминдановские войска готовятся к серьезным боям рассчитывая при этом на поддержку США [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 19–20]. Как видно из документа, высказывания руководства КПК не совпадают с мнением И. В. Ковалева.

Последовавшая от И. В. Сталина, 19 апреля телеграмма, вообще не касалась вопроса наступления [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 24–25]. К этому времени глава Советского правительства окончательно убедился в том, что военной поддержки Гоминьдану со стороны США не будет и именно по этому, никакого смысла отговаривать НОАК от наступления уже не было.

Более того, именно сейчас глава СССР был заинтересован не только в победе китайских коммунистов, но и в том, чтобы США им не мешали.

Поэтому, очевидно, и был пущен слух о том, что СССР якобы не советует КПК проводить наступление. 18 апреля 1949 г. газета «Синьваньбао», опубликовала информацию, что, согласно неподтвержденному сообщению, СССР выразил надежду, что китайские коммунисты не будут спешить с форсированием Янцзы, а сосредоточат свои усилия на Маньчжурии и Северном Китае [10, с. 543].

Существует версия и о том, что И. В. Сталин якобы боялся новой войны. Как сообщает И. В. Ковалев в конце февраля – начале марта 1949 г. через разведку КПК были получены сверхсекретные планы «азиатского варианта» развязывания третьей мировой войны, разработанные американцами. Обычно И. В. Сталин быстро отвечал на сообщения подобного рода, но тут ответа долго не было. Телеграмма от главы Советского правительства пришла лишь после того, как И. В. Ковалев неоднократно повторил ему аналогичную информацию, полученную из других источников.

В ней И. В. Сталин заявил, что война не выгодна американцам, и они к ней не готовы, а атомной бомбой лишь пугают СССР. Таким образом, никак нельзя говорить о том, что послевоенная стратегия советского лидера определялась его страхом перед американским ядерным оружием или недооценкой угрозы новой войны [4, с. 89].

Как видим, глава Советского правительства действительно не боялся, атомной войны и то, что он недооценивал серьезность ее возникновения – не верно. Во-первых, это подтверждается его собственными словами о том, что реакция США вполне может быть непредсказуемой. Во-вторых, 26 мая И. В. Сталин, в своей телеграмме И. В. Ковалеву, для передачи Мао Цзэдуну писал, что есть опасность, что англо-американцы могут высадить в Циндао войска в тылу у главных сил НОАК, ушедших на юг. Поэтому он советовал не торопиться и серьезно подготовить подход на юг; выделить из главных сил НОАК, две хорошие армии, перебросить их в район Тяньцзиня и Циндао, пополнить их и держать в готовности для предупреждения высадки войск врага; не сокращать пока численности войск НОАК [1, ф. 558. оп. 1. д. 331. л. 74–75].

Как видно из текста И. В. Сталин не исключал возможность вмешательства США. Поэтому говорить о недооценке ситуации или даже беспечности советского лидера нет никаких оснований. Наоборот это говорит о том, что глава СССР очень осторожно подходил к этой проблеме. Тем более, что участие американцев гражданской войне в Китае и было главной целью военно-политического противостояния СССР и США.

Таким образом, позиция Москвы во время переговоров между ГМД и КПК в январе – апреле 1949 г. претерпела изменения. От попыток убедить китайских коммунистов не торопиться с наступлением на войска Гоминьдана, И. В. Сталин пришел к выводу о поддержке действий КПК.

Впоследствии, как нам представляется, эти события в памяти очевидцев переплелись, что и вызвало те разногласия в отечественной и китайской историографии в рассмотрении этих событиях.

1. Российский государственный архив социально-политической истории.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Бажанов, Е. П. советско-китайские отношения: уроки прошлого и современность / Е. П. Бажанов // Новая и новейшая история. – 1989. – № 2. – С. 23 – 37.
4. Диалог Сталина с Мао Цзэдуном. И. В. Ковалев, личный представитель И. В. Сталина при Мао Цзэдуне отвечает на вопросы историка-китаеведа С. Н. Гончарова // Проблемы Дальнего Востока. – 1991. – № 6. – С. 38 – 54.
5. Кулик, Б. Т. Советско-китайский раскол: причины и последствия / Б. Т. Кулик. – М. : Научная книга, 2000. – 227 с.
6. Лавренов, С. Я. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / С. Я. Лавренов, И. М. Попов. – М. : АСТ: Астрель, 2005. – 778 с.
7. Ледовский, А. М. Нанкинские записки: год 1949. (Из воспоминаний дипломата) / А. М. Ледовский. – М. : Памятники исторической мысли, 2000. – 597 с..
8. Ледовский, А. М. Сталин и СССР в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952 / А. М. Ледовский. – М. : Памятники исторической мысли, 1999. – 344 с.
9. Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы: В 2 т. – М. : Мысль, 1978. – Т. 1. (1945–1957 годы). – 478 с.
10. Русско-китайские отношения в XX в. Документы и материалы. 1946 – февраль 1950 г. / Отв. ред. С. Л. Тихвинский – М. : Памятники исторической мысли, 2005. – Кн. 2.: 1946 – февраль 1950 гг. – 608 с.
11. Самохин, А. В. Советская военная помощь КПК в период 1945–1946 гг. / А. В. Самохин // Россия и АТР. – 2007. – № 3. – С. 61–66.
12. Самохин, А. В. Военная и экономическая помощь СССР КПК в свете военно-политического противостояния с США (декабрь 1946–1947 гг.) / А. В. Самохин // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние стран АТР. Материалы международной научно-практической конференции. В 2 частях. – Комсомольск-на-Амуре, 2006. – Ч. 2. – С. 245–251.
13. Самохин, А. В. Советская военно-экономическая помощь Коммунистической партии Китая в 1948 г. и ее роль в военно-политическом противостоянии с США / А. В. Самохин // Третьи архивные научные чтения имени В. И. Чернышевой: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. «История развития региона в документальных источниках» – Хабаровск : Издательство «РИОТИП», 2008. – С. 174–182.
14. Тихвинский, С. Л. Китай в моей жизни / С. Л. Тихвинский // Проблемы Дальнего Востока. – 1989. – № 4. – С. 103–117.
15. Тихвинский, С. Л. Путь Китая к объединению и независимости. 1899–1949 / С. Л. Тихвинский. – М. : Наука, 1996. – 781 с.
16. Усов, В. Н. История КНР. В 2 т. / В. Н. Усов. – М. : АСТ: Восток – Запад, 2006. Т 1. 1949–1965 гг. – 812 с.
17. Лю Сяо. Посольская миссия в Советском Союзе (часть I) / Сяо Лю // Шицзе чжиши. – Пекин. – 1987. – № 3. – С. 13–18.
18. Цюй Син. Политика Советского Союза в отношении Китая накануне и после его основания / Син Цюй // Гоцзи гунн инь. – Пекин. – 1986. – № 6. – С. 3–8.
19. Ши Чжэ. Вместе с председателем Мао от Янани до Бэйпина / Чжэ Ши // Жэнью. – Пекин. – 1989. – № 5. – С. 150–158.

20. Ши Чжэ. Первый визит председателя Мао в Советский Союз / Чжэ Ши // Синь Чжунго вайцзяо фэнюнь – Рассказы о дипломатии Нового Китая. – Пекин, 1990. – 522 с.
21. Юй Чжань. Разыскание о том, отговаривал ли нас И. В. Сталин от переправы через Чанцзян / Чжань Юй, Гуаню Чжан // Синь Чжунго вайцзяо фэнюнь. – Пекин, 1992. – 348 с.
22. Nie Rongzhen. Inside the Red Star: The Memoirs of Marshal Nie Rongzhen / Rongzhen Nie. – Beijing, 1988. – 585 p.
23. Foreign Relations of the United States. 1949. VIII. Far East. China. – Wash., 1972. – 899 p.

ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА БРИТАНСКИХ ВЛАСТЕЙ В АВСТРИИ

М. В. Гарелик (Дзержинск)

Британские власти уделяли серьезное внимание вопросам печати, радиовещания, пропаганды. Особенно важным это становилось по мере нарастания напряженности между СССР и западными странами в ходе Холодной войны.

Первые конкретные мероприятия начали проводить в своей зоне советские военные власти. С 12 ноября 1945 г. возобновился выпуск официальной «Wiener Zeitung». С поддержки советских властей, 21 апреля вышла первая послевоенная газета – «Австрийская газета» под лозунгом «газета Красной Армии для жителей Вены». Издание социалистов – «Рабочая газета», и коммунистов – «Народный голос» выходит с 5 августа.

После ввода союзнических войск в Вену, командующие союзнических войск последовали примеру СССР, и так же легализовали общественную и партийную печать. 21 ноября 1945 в британской зоне вышла первая английская газета «The British Morning News» [2, p. 335]. В американской зоне с 26 августа 1945 выходит «Wiener Courier», с 18 сентября в английской зоне – «Weltpresse», во французской зоне – с 12 ноября – «Wiener Montag», с 18 февраля 1946 – «Welt am Montag». В 1950-м году, Weltpresse была, «по соображениям экономии» продана издательству социалистической партии за 300 тыс. шиллингов. Представитель правительства Дж. Дэвис отмечал, что британские оккупационные власти не оказывали давление на газету, учитывая то, что все послевоенное время газета была основана на «беспартийных началах» [5].

Вопрос о свободе прессы Совет разрешил 1 октября 1945 года, запретив прессе критиковать Союзнический Совет и СКА, а также критиковать союзную политику. Исполнение этого решения во многом зависело от воли командующих, поэтому быстро обнаружилась разница возможностей печати в каждой отдельной зоне. Цензуру гражданской почты в британской зоне осуществляли органы Контрольной комиссии с целью обнару-

жения и пресечения сопротивления союзнической политике в Австрии [6]. В западных зонах постепенно проводилось сокращение цензуры. 4 октября 1946 г. Союзный Совет постановил, по предложению британской и французской сторон, об отмене цензуры на внутреннюю переписку. Международная почтовая переписка по-прежнему проверялась, и послаблений не было вплоть до конца 1946 г. [2, р. 363].

Цензура влекла финансовые потери почтовой службы, поэтому вызвала критику в парламенте, серьезно относившемся ко всем финансовым вопросам, связанным с Австрией, особенно, с затратами на оккупацию. Правительство, по соображениям безопасности, считало, что «на ранних этапах оккупации цензура должна присутствовать», как отмечал канцлер герцогства Лакнастер Джон Хинд в октябре 1946 г. [7]. Почтовые пересылки между западными зонами оккупации не подвергались цензуре. Цензура сохранялась лишь для писем из советской зоны и на ее территорию, а также для писем, проходящих через центральную почтовую службу в Вене [8]. Сохранение цензуры также было насущной необходимостью, по мнению Хинда, поскольку в Австрии все еще сохранялось значительное количество политически активных граждан с антидемократическими взглядами, которые могли бы воспользоваться свободой слова и печати [9].

Несмотря на сохранение внутренней цензуры, британские власти уже в 1946 г. разрешили создавать молодежные организации. В силу сложившейся традиции, основная масса молодежных организаций были в структуре традиционных политических партий-фаворитов – АНП и СПА. Некоторое количество – создавались при церкви [10].

Радиовещание в Австрии осуществляла Британская вещательная корпорация – BBC. В 1945 г. BBC осуществляла радиовещание на 34 государства, без учета стран Содружества на их родных языках. В СССР и на территории Палестины вещание началось с 1945 г. [11].

С 1948 г. BBC использовала радиовещательную станцию в Грац-Добле для радиотрансляций на иностранных языках в странах Восточной Европы. Трансляции осуществлялись 68,5 часов в неделю против 17,5 часов ранее и против 15,5 часов трансляций советских передач, которые осуществлялись через Венскую радиовещательную станцию [12]. Кроме того, британские радиопередачи транслировались через значительно более мощную радиостанцию «Ротвайс-Рот» в Зальцбурге, мощностью 100 квт. В своей оккупационной зоне британские власти использовали австрийские местные маломощные радиостанции для ретрансляции передач BBC [13].

На протяжении 1945–1949 гг. BBC постепенно уменьшала эфирное время своих передач. Во-первых, это было связано с финансовыми проблемами, во-вторых – с тем, что для трансляций использовались австрийские радиостанции. В 1945 г. 20 государств занимались зарубежным радиовещанием с общей продолжительностью 2158 часов, из которых на Британскую вещательную корпорацию приходилось 32%; в 1951 году

13 стран вещали продолжительностью 3351 часов, доля британского радиовещания – 17%. В целом, с 1947 по 1951 год часы вещания британской вещательной корпорации снизились с 3164 часов в неделю до 2212 часов в неделю [14, р. 6].

В феврале 1951 г., замминистра иностранных дел Эрнест Дэвис дал отчет о государственной помощи BBC в 1950 году на нужды вещания за рубежом, в то числе, пропагандистское вещание – 4,685 млн. фунтов стерлингов, что было меньше, чем в предыдущие годы [15]. Поддержка осуществлялась через Центральное управление по информации (Central office of information).

Однако уже в феврале 1951 г. ситуация изменилась. Депутаты-консерваторы начали требовать увеличения расходов на пропаганду, вместе с тем подвергнув критике некоторые передачи BBC, например, «Soviet View» и «Soviet Affairs», в частности, консерватор Уолдрен Смитерс предположил, что данные передачи являются, «по сути, тонкой коммунистической пропагандой» [15]. Кроме того, депутаты отмечали, что британскому радиовещанию в Европе, не достает собственной пропагандистской вещательной организации, наподобие «Голоса Америки» или «Свободной Европы».

В начале 1952 г. BBC объявила, что сэкономленные на отдельных направлениях финансовые средства будут направлены на поддержание радиовещания в Восточной и Юго-восточной Европе, с использованием австрийских вещательных станций [1, р. 2]. В частности, BBC приобретала права на эфирное время на станции Добль, что недалеко от Граца для передач на средних волнах для Центральной Европы и Балкан [14, р. 33].

Также большое внимание уделялось культурному сотрудничеству и распространению образования. «Британский Совет» был учрежден с целью распространения знаний о Великобритании и английского языка за рубежом и для развития более тесных культурных связей с иными странами. Совет имел представительства в 36 странах, 5 странах Содружества. В числе приоритетных направлений в правительственном отчете была указана также и работа Совета в Австрии [14, р. 35]. Когда, в 1953 г. обсуждался вопрос о сокращении расходов на обслуживание работы британского совета, и введения должности атташе по вопросам культуры, по поводу Австрии, Италии и Греции высказывалась мысль о том, что ввиду нестабильности политических условий в этих странах, изменение работы британских культурных учреждений должно происходить более постепенно [4, р. 55].

Важную роль в развитии зарубежного вещания сыграла независимая проверка деятельности BBC и других компаний. Поскольку вопрос о зарубежном вещании стал политическим, в связи с Холодной войной, затраты на обслуживание вещания несло также и государство, также оно помогало распространению британского вещания за рубежом. В 1953 г. независимый комитет Дроэды, созданный для оценки деятельности Британской вещательной корпорации за рубежом отметил, что в ряде стран вещание не оп-

равдывает затрат, которые несет корпорация, и посоветовал остановить вещание, вместе с тем, отмечалось, в докладе комитета, вещание в Австрии необходимо, по крайней мере, временно, сохранить [3, р. 4]. Австрийская и германская вещательные службы ВВС рассматривались, в первую очередь, как орудие идеологической борьбы и пропаганды. Кроме того, учитывалась и высокая репутация ВВС, как высокопрофессиональной информационной службы. Важность австрийской службы обуславливалась тем, что в зоне покрытия ее станций находилась восточная зона Австрии, а также большая часть Венгрии, Чехословакии, даже отдельные регионы на юго-западе Польши. Таким образом, доклад отмечал важную роль заграничной службы ВВС в «проникновение вовнутрь железного занавеса на частотах, которые не подвергаются глушению» [4, р. 71].

Необходимо отметить, что на протяжении периода оккупации, доля британского вещания в Австрии неуклонно сокращалась по финансовым причинам. Тем не менее, работа ВВС в Австрии признавалась эффективной по причине серьезного пропагандистского воздействия. Территория альпийской республики использовалась как плацдарм для пропагандистского вещания в странах Восточной Европы.

1. The British broadcasting corporations external service C (52) 89 // CAB 129/50 Original Reference C 51 (52) – 100 (52), 1952 23 Feb – 2 Apr. – P. 1–2.
2. Mair, J. Four-power control in Germany and Austria / J. Mair, M. Balfour. – London : Oxford Univ. Press, 1956. – 390 p.
3. Overseas information services: report of the Drogheda Committee C (53) 305 // CAB 129/64 Original Reference C 301 (53) – 366 (53), 1953 28 Oct – 31 Dec. – P. 1–5
4. Report of the independent committee of inquiry into the overseas information services // CAB 129/64 Original Reference C 301 (53) – 366 (53), 1953 28 Oct – 31 Dec. – P. 1–86
5. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1950/jun/19/austrian-loan-italian-liability>. – Date of access: 26.06.2017.
6. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/apr/04/germany-and-austria-mail-censorship>. – Date of access: 26.06.2017.
7. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/oct/23/postal-censorship>. – Date of access: 26.06.2017.
8. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1947/nov/17/austria-letter-censorship>. – Date of access: 26.06.2017.
9. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/may/10/germany-and-austria>. – Date of access: 26.06.2017.
10. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1946/dec/03/youth-organisations>. – Date of access: 26.06.2017.

11. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1949/nov/02/foreign-broadcasts>. – Date of access: 26.06.2017.
12. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1949/jul/28/austria-broadcasting-station>. – Date of access: 26.06.2017.
13. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1949/jun/22/austria-british-broadcasts>. – Date of access: 26.06.2017.
14. The overseas information services // CAB 129/54 Original Reference C, 1952 21 Jul – 16 Sep. – P. 1–39
15. UK Parliament [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1951/feb/21/foreign-broadcasts>. – Date of access: 26.06.2017.

ДЖ. КЕННЕДИ И ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В ПЕРИОД ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 1960 г.

С. Ю. Шенин (Саратов)

Накануне решающей схватки республиканцев и демократов за президентский пост в ноябре 1960 г. одним из самых серьезных вызовов, с которыми американские политики столкнулись внутри своей страны, был дефицит внешнеторгового баланса и снижение золотовалютных резервов США. Поэтому борьба экономических платформ двух партий развернулась как раз вокруг поиска глобальной стратегии преодоления кризиса. Существовало два варианта устранения его причин: либо предотвратить отток национальной валюты, в том числе и за счет сокращения программ помощи, либо ускорить приток долларов в американскую экономику путем активного развития иностранных рынков (особенно в слаборазвитых странах), и прежде всего через увеличение внешней помощи.

Д. Эйзенхауэр, хотя и склонялся всегда ко второй стратегии, в последние годы своего президентства вынужден был отказаться от прогрессистских идеалов и целенаправленной поддержки правительством США процесса создания глобального рынка ради поддержки общепартийной линии, которая была сформирована сторонниками классических рыночных методов решения экономических проблем и приверженцами консервативных ценностей. Накануне выборов особенно громко звучали традиционные требования американской общественности прекратить тратить деньги налогоплательщиков «на благотворительность» в отношении слаборазвитых стран. В унисон с ними звучали веские обвинения со стороны влиятельных научных экспертов, видевших в помощи главную причину дефицита платежного баланса. В такой обстановке республиканская политическая элита, озабоченная завоеванием симпатий своего электората, была вынуждена дать задний ход в вопросах

продвижения своих внешнеэкономических интересов и целиком сосредоточить внимание на оздоровлении экономики страны.

Вторым фактором, обусловившим сворачивание политики помощи, стало образование в Конгрессе широкой оппозиции Программе взаимной безопасности (MSP), поставившей под сомнение сохранение программы помощи в неизменном виде. Ядро оппозиционной коалиции составила весьма агрессивная группа старых изоляционистов, для которых внешняя помощь всегда была «деньгами, растащенными через крысиные норы мира» [1].

Помимо этого существовало еще три политических группировки (все из демократического лагеря), которые стали временными союзниками изоляционистов в отношении проблемы помощи.

Первую группу составляли демократы южных штатов, отошедшие от прежних интернационалистских позиций по мере того, как промышленные предприниматели этих штатов стали рассматривать страны третьего мира не в качестве рынка сбыта для своего хлопка, а промышленного конкурента с низкой себестоимостью производства.

Вторая оппозиционная группа образовалась относительно недавно в среде демократов из восточных штатов. Эти люди представляли регионы, которые видели в федеральном правительстве источник субсидий для энергетических проектов, сельскохозяйственной продукции, развития мелиорации и ирригации. Жесткое противодействие администрации Эйзенхауэра повышению уровня субсидий заставило эту группу выступить против программы внешней помощи, которую восточные демократы были склонны рассматривать как субсидии для иностранцев. Таким образом, их позиция сводилась к следующему: почему мы должны голосовать за раздачу миллиардов долларов другим странам, в то время как администрация накладывает вето на проекты развития наших собственных земель? [10, p. 67].

Наконец, третью часть демократической оппозиции MSP составляла группа радикальных интернационалистов во главе с сенатором Дж. Фулбрайтом. В эту группу входили также сенаторы Дж. Кеннеди, Г. Хэмфри, Дж. Кларк и влиятельный член Палаты представителей Ч. Боулс. Всех их объединяло несогласие с усилением ориентации администрации на «помощь безопасности», в то время, как надо было бросить все ресурсы на «помощь развитию».

В течение первой половины 1960 г. эта преимущественно демократическая оппозиция столь упорно бойкотировала все попытки администрации наращивать военную помощь, что демократы (творцы и традиционно самые горячие поборники помощи) стали рассматриваться как партия ее жестких противников [1].

Однако эта группа, несмотря на свой политический вес, не выражала в действительности мнение большинства членов Конгресса. В 1959 г. более 70% сенаторов и 65% депутатов Палаты представителей голосовали за

Программу взаимной безопасности. Аналогичную поддержку демонстрировала и большая часть американцев¹.

В результате судьба программы внешней помощи в той или иной степени оказалась в руках различных блоков, мало ей симпатизировавших. Если лидеры демократического большинства в Конгрессе – спикер Палаты представителей С. Рэйбёрн и сенатор Л. Джонсон – и пытались сплотить своих однопартийцев в поддержку программ помощи, то лишь для того, чтобы демократическая партия не прослыла ее могильщиком [1].

В столь неблагоприятной политической атмосфере республиканская администрация неожиданно сумела договориться с группой Фулбрайта-Кеннеди, у которой, в свою очередь, наметились тактические разногласия с главным рупором коалиции противников MSP, председателем подкомитета Палаты представителей по ассигнованиям О. Пассманом (последний активно настаивал на сокращении программы развития бассейна реки Инд). Сделка была составлена на следующих условиях: демократы-либералы поддерживают республиканцев при голосовании за увеличение ассигнований на военную помощь, если те, в свою очередь, помогут группе Фулбрайта-Кеннеди взять верх над Пассманом по вопросу разблокирования индийского проекта.

Эта коалиция полностью оправдала надежды своих создателей, и закон о помощи был сохранен с конечным бюджетом в 3,720 млрд. долл. Объем сокращений MSP на 1960 г., утвержденных Конгрессом, оказался минимальным по сравнению со всеми предыдущими годами президентства Эйзенхауэра (только 9%)². Итогом активности группы Фулбрайта-Кеннеди стало то, что сокращение в сфере военной помощи были значительно больше, чем в экономической.

Однако эта последняя попытка Эйзенхауэра сохранить широкую двухпартийную коалицию в поддержку своей стратегии «сбалансированной помощи» (т.е. выравнивания пропорций «помощи безопасности» и «помощи развитию») принесла ему лишь краткосрочные политические дивиденды. Администрации удалось сохранить MSP, но это вовсе не означало, что она станет составной частью предвыборной программы республиканского кандидата.

Инцидент со сбитым над СССР американским самолетом-разведчиком У-2, последовавший за этим отказ Хрущева от проведения берлинского саммита, и холодный прием, оказанный Эйзенхауэру в Японии, заставили республиканцев сомневаться в разумности использования внешнеполитических вопросов в предвыборной компании 1960 г. В ре-

---

¹ Результаты опросов общественного мнения показали, что иностранная помощь поддерживается 51% населения, а при опросе по проблеме сокращения расходов федерального бюджета 60% американцев посчитало, что иностранную помощь необходимо либо расширить, либо оставить на прежнем уровне [5, р. 987].

² Из президентского запроса на MSP в 4,175 млрд. долл. было урезано 450 млн. долл. вместо обещанного Пассманом урезания в 1,5 млрд. долл. Последний мотивировал свою позицию тем, что главной проблемой программы иностранной помощи является не недостаток, а избыток денег [1; 5, р. 989].

зультате инициатива использования темы помощи вновь перешла к демократам в лице радикальных прогрессистов Дж. Кеннеди, Дж. Фулбрайта и Л. Джонсона, каждый из которых метил в президенты.

Первое свидетельство о начале активного использования Дж. Кеннеди проблемы иностранной помощи в предвыборной компании относится к 15 июня 1960 г. Тогда он заявил, что перед следующей администрацией будет стоять задача фундаментальной модернизации политики помощи. Прежде всего, это касалось смещения акцента с поддержки военной безопасности на активизацию процесса мирового экономического развития [3]. Аналогичное требование содержалось и во внешнеполитической платформе демократической партии: не отказываясь от фундаментальных целей в противоборстве Запада и Востока, там говорилось о необходимости реконструировать программу внешней помощи в направлении ослабления нынешнего силового акцента и усиления значения долгосрочного экономического развития всего некоммунистического мира [2].

Как только внешняя помощь заняла прочное место в предвыборной программе партии, Кеннеди постарался «добавить энергетики» к официальной платформе демократов с целью выделить у американского избирателя определенные «моральные императивы». Пытаясь нащупать лозунг, способный привлечь на его сторону симпатии молодежи, Кеннеди заявил, что став президентом, он создаст так называемый «Корпус мира» (Peace Corps). Судя по огромному количеству писем, пришедших в ответ на его речь о данной инициативе в Мичигане, эта идея была способна вызвать глубокий общественный резонанс и, как следствие, помочь малоизвестному сенатору завоевать себе имя на общенациональной политической арене [6].

Почувствовав, что идея «корпуса мира» оказалась весьма привлекательной в глазах молодой части электората, Кеннеди стал активно ее эксплуатировать перед самыми выборами. Он заявлял, что «мы не должны прекращать подготовку наших молодых людей в качестве солдат на случай военных действий, но мы также нуждаемся в них как в посланниках мира». Он предлагал, чтобы этот корпус работал в рамках программы технической помощи Администрации международного сотрудничества (ICA) [7].

В ходе предвыборных телевизионных дебатов Джона Кеннеди и кандидата-республиканца Ричарда Никсона проявились и другие элементы стратегии Кеннеди в сфере помощи. В октябре 1960 г. во время очередной словесной дуэли Кеннеди обвинил находящуюся у власти администрацию в текущем кризисе в «третьем мире» и заявил, что все ошибки можно исправить лишь направив в этот регион внушительные суммы помощи. Расширенный бюджет помощи он предлагал разделить между тремя регионами – Латинской Америкой, Африкой и Юго-восточной Азией. В противном случае, предостерегал Кеннеди, учитывая растущее советско-китайское могущество, «баланс сил может сложиться не в нашу пользу». В этом общеполитическом контексте он подчеркнул важность кредитов

американского правительства через Фонд займов развитию (DLF), указал на особую роль демократов в увеличении размеров данного фонда, а также непонятное сопротивление администрации движению в этом очень верном направлении [8].

Однако кандидат от Республиканской партии вице-президент Р. Никсон сопротивлялся раздуванию внешней помощи через ресурсы DLF, обосновывая это тем, что «мыслить следует не только в терминах борьбы с коммунизмом, но, в первую очередь, в терминах национальных интересов США». Массированная экономическая помощь без соответствующего усиления программ технической помощи, по мнению кандидата-республиканца, была бессмысленна, ибо «лишь подготовленные люди могли управлять экономикой в новых развивающихся странах» [4]. В целом, программа Никсона по сути следовала «сбалансированному» подходу Эйзенхауэра, который подразумевал необходимость постепенного и недорогого периода подготовки этих стран к экономическому развитию посредством технической помощи под защитой «военного щита MSP». Развивающая помощь, по мнению кандидата-республиканца, не могут полностью заменить этот «щит» и прямую оборону от коммунистической агрессии. Кроме того, Никсон пытался доказать, что сторонники «помощи развитию» используют гипертрофированную коммунистическую угрозу с целью добиться финансирования выгодного им изменения внешнеполитического курса США.

Дж. Кеннеди, в свою очередь, обвинял республиканцев в неспособности сохранить двухпартийный дух в сфере внешней политики. В этом он видел главную причину провала программы помощи. Он утверждал, что демократы никогда не цеплялись за партийную линию, а напротив являлись приверженцами двухпартийной политики в сфере помощи, включая процесс назначения высших чиновников ИСА, где в период президентства Эйзенхауэра наблюдалась неоправданная кадровая чехарда [9].

Таким образом, и предвыборные выступления Дж. Кеннеди, и его дебаты с Р. Никсоном продемонстрировали, что молодой сенатор в случае победы брал на себя обязательство использовать инструмент внешней помощи не только намного активнее, чем администрация Эйзенхауэра, но и переориентировать его с решения проблем военно-политической безопасности на вопросы экономического развития. Это означало, что Кеннеди взял курс на экономическое соревнование с коммунизмом, осознав, что в рамках военного противостояния победить в Холодной войне будет невозможно. Собственно, этот революционный курс и стал основополагающим на протяжении всех последующих десятилетий противостояния двух супердержав и двух идеологий, и он же обеспечил, в конечном итоге, поражение коммунизма на международной арене. В целом, внешняя помощь стала одним из самых важных компонентов внешнеполитической программы Кеннеди, нацеленной на форсированную экономическую глобализацию и названной «новые горизонты».

1. Baker, R. Foreign Aid Issue: Voting in House Reflects Misgivings / R. Baker // The New York Times. – 1960. – June 19. – P. 4.
2. Baker, R. Need is Stressed for Peace Agency / R. Baker // The New York Times. – 1960. – July 13. – P. 19.
3. Kennedy Favors Peiping Contacts // The New York Times. – 1960. – June 15. – P. 1.
4. Kennedy Holds Long-term Loans Most Effective for Aid, TV Debate // The New York Times. – 1960. – October 8. – P. 1.
5. Morrow, W. Legislative Control of Administrative Discretion: The Case of Congress and Foreign Aid / W. Morrow // The Journal of Politics. – 1968. – November. – Vol. 30, № 4. – P. 985–1011.
6. Oral History Interview, Stanley Andrews. – 1970. – October 31 // Truman Library. – P. 98–99.
7. Salisbury, H. Kennedy Favors U.S. 'Peace Corps' to Work Abroad / H. Salisbury // The New York Times. – 1960. – November 3. – P. 1.
8. Senator John F. Kennedy and Vice President Richard M. Nixon: Second Joint Radio-Television Broadcast, October 7, 1960 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/2nd-nixon-kennedy-debate-19601007>. – Date of access: 20.03.2018.
9. Sulzberger, C. L. How Kennedy Would Run Our Foreign Policy / C. L. Sulzberger // The New York Times. – 1960. – October 19. – P. 44.
10. Truman, D. B. The Domestic Politics of Foreign Aid / D. B. Truman // Proceedings of the Academy of Political Science. – 1962. – January. – Vol. XXVII, № 2. – P. 62–72.

АКТИВИЗАЦИЯ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ПОЛЬШИ С ФРГ В 1960-е гг.

Л. В. Гавриловец (Мозырь)

На переломе 1960–1961 гг. были отмечены попытки нормализации отношений ФРГ с Польшей, но в связи с нежеланием правительства ФРГ пересмотреть свою восточную политику они оказались безрезультатными. Так, 5 января 1961 г. «Трибуна люду» разместила статью, в которой утверждала, что «нормализация взаимоотношений между двумя странами невозможна до тех пор, пока ФРГ будет проводить политику ревизионизма и официально оспаривать окончательный характер границы по Одеру-Нейсе, не откажется от «доктрины Хальштейна», противоречащей факту существования ГДР как субъекта международного права, с которым Польша поддерживает дружественные отношения. «Доктрина Хальштейна» противоречит договорам международного права, нарушает суверенность государств. В связи с этим Польша не может согласиться на решение каких-либо вопросов, кроме как, например, установления торговых представительства с уполномоченными консульствами» [4, s. 153; 7, s. 3].

В начале 60-х гг. XX в. христианские демократы пытались осуществить некоторую переориентацию в восточной политике, которая во многом была связана с именем нового министра иностранных дел Г. Шредера. Он

полагал, что если в отношении ГДР по-прежнему должна проводиться политика непризнания и изоляции, то со странами Восточной Европы необходимо установить официальные контакты и наладить торгово-экономические и культурные отношения – так сказать, активная восточная политика при обходе ГДР. Г. Шредер, выступавший за политику «наведения мостов», особое значение придавал примирению с Польшей, сравнивая его по значению с франко-германским примирением. Для этого необходимо было решиться на окончательное признание границы по линии рек Одер-Нейсе, к чему пока не были готовы ни федеральное правительство, ни общественное мнение ФРГ в целом.

В 1963–1964 гг. в Польшу, Болгарию, Румынию и Венгрию были направлены торговые делегации. Открытие подобных торговых представительств ФРГ было очевидным признанием со стороны Бонна полной несостоятельности «доктрины Хальштейна». Однако в Бонне не спешили продолжать эти шаги, предлагая рассматривать открытие торговых представительств как замену подлинной нормализации отношений. Подписанное в феврале 1955 г. торговое соглашение между ФРГ и Польшей свидетельствовало о начале развития торгово-экономических связей двух стран, но до 1963 г. польско-западногерманские торговые взаимоотношения не носили стабильного характера. И все же, несмотря на отсутствие соответствующих договорных условий, товарооборот между Польшей и ФРГ с 1950 по 1963 гг. возрос почти в 4,5 раза. Товарооборот между двумя государствами до марта 1963 г. строился на основании протокола от 16 ноября 1956 г., подписанного в Бонне между торговыми делегациями Польши и ФРГ сроком на 18 месяцев (с 1 июля 1956 до 31 декабря 1957 г.), причем Польша систематически перекрывала установленные для нее экспортные контингенты. Польша вывозила в Западную Германию по большей части сельскохозяйственные продукты и продовольствие, а также полуфабрикаты и сырье; доля же готовых изделий, машин и оборудования в ее экспорте была незначительной. Покупала же она в ФРГ главным образом машины, оборудование и полуфабрикаты [1, с. 149].

В 1961 г. в связи с открытием ярмарки в Познани состоялись торговые переговоры между представителями ФРГ и Польши. ФРГ представляли директор департамента экономической политики М. Сталман и генеральный заместитель фирмы «Крупп» Б. Байтз, Польшу – министр торговли В. Тромпчинский. Одним из центральных пунктов переговоров был вопрос о заключении долгосрочного (3-летнего) торгового договора. М. Сталман подчеркнул, что «в условиях, когда существует материальная угроза товарообороту ФРГ со стороны Европейского экономического сообщества, заключение такого договора не будет легким делом, тем более необходимо будет проконсультироваться с другими странами – членами ЕЭС» [6, л. 94].

Заключение данного договора, по мнению польской стороны, могло привести к расширению польских поставок угля, а также текстиля и изделий химической промышленности, увеличить предоставленный ФРГ Польше кредит, ранее составлявший 50 млн немецких марок. Все это позволило бы организовать стабильный товарооборот, увеличить импорт машин. Однако директор департамента экономической политики М. Сталман под различными предлогами оттягивал решение данного вопроса, в связи с чем заключение договора было отложено на неопределенный срок. Большое значение во время переговоров М. Сталман придавал вопросу репатриации немцев, проживающих в Польше, количество которых, по данным ФРГ, составляло от 50 до 60 тыс. человек. В основном из Польши ежемесячно выезжали 700 немцев, причем только часть из них (около 300 человек) попадали под критерии соглашения о «воссоединении семей». М. Сталман просил как можно быстрее ускорить этот процесс, так, чтобы до конца 1961 г. могли выехать еще около 10 тыс. человек, а также оказать материальную помощь проживающим в Польше немцам в форме ренты. Предусматривалось ежегодно перечислять 70–80 млн марок польскому правительству для выплаты ренты [6, л. 95–96].

Таким образом, западногерманская сторона не спешила начинать переговоры и каждый раз откладывала их на новый срок. Интересен тот факт, что политические круги ФРГ предлагали Польше взамен на торговое соглашение подписать договор о культурном сотрудничестве. Данная концепция была представлена Б. Байтзем торговому советнику во Франкфурте Лаховскому. Что касается культурного сотрудничества, польские правящие круги уже отметили развитие контактов между молодежью Польши и ФРГ, в частности межстуденческие контакты. Они указали на возможность беспрепятственного посещения Польши западногерманской молодежью, развитие научных контактов в области общественных наук. В Западном Берлине выдавалось 7 тыс. экземпляров ежегодника «Польша сегодня» («Polen von Heute»), в свободной продаже ежемесячно находилось около 2 тыс. экземпляров журнала «Польша» («Polen»), кроме того, немецкое общество экономического и культурного сотрудничества с Польшей выдавало ежемесячно около 2 тыс. экземпляров «Немецко-польских тетрадей» («Deutsch-Polnische Hefte»). Развивалось сотрудничество и обмен передачами между польским радио и радиовещательными станциями во Франкфурте, Гамбурге и Кельне [5, л. 108–110]. В этой связи польское правительство считало первостепенной задачей решение политических и экономических вопросов, так как основа развития научных и культурных связей уже была заложена.

Характерной чертой торговли ФРГ с восточноевропейскими странами являлось превышение импорта из этих стран над экспортом. Так, импорт из Польши составил в 1962 г. 327 млн злотых, а экспорт – 263 млн злотых. В торговой политике ФРГ в 60-е гг. XX в. наблюдается переход от одногодичных торговых соглашений к трехлетним. В марте 1963 г. было

заключено трехлетнее торговое польско-западногерманское соглашение, которое вносило существенные изменения в экономические взаимоотношения Польши и ФРГ, выгодное для обеих сторон. Торговый договор от 7 марта 1963 г. в Варшаве подписали представители Польши – вице-министр торговли Ф. Моджевский и министр торговли В. Тромпчинский, со стороны ФРГ – посол Х. Аллардт. Договор состоял из торгового протокола, содержащего основы взаимного товарооборота на 1963–1965 гг., протокола о морском транспорте и соглашения о создании смешанной польско-германской комиссии, а также соглашения об основании торгового представительства ФРГ в Варшаве [8, s. 268].

Новое торговое соглашение заложило серьезный фундамент для дальнейшего роста торговых отношений двух стран. Были приняты во внимание возникшие возможности новых поставок товаров. Однако торговый договор 1963 г. предусматривал обмен тем же ассортиментом товаров, что и в предыдущие годы (продовольственные товары, изделия химической промышленности, лесоматериалы и др.). В ходе переговоров было заключено новое соглашение в сфере морского транспорта, предусматривающее одинаковые условия судоходства для двух стран на основах взаимности. В целях преодоления трудностей, которые могли возникнуть при выполнении 3-х летнего торгового соглашения, было решено создать смешанную комиссию, а также открыть в ближайшее время торговое представительство ФРГ в Варшаве [8, s. 268]. Польско-западногерманское соглашение предусматривало увеличение товарооборота до 810 млн злотых в год (в 1962 г. – 590 млн злотых). При этом платежный баланс Польши остался положительным, так как польский экспорт в ФРГ на 70 млн злотых превышал импорт [2, с. 218].

Заключенное в марте 1963 г. торговое соглашение внесло существенные изменения в польско-западногерманскую торговлю, которые выразились во введении долгосрочных обязательств, увеличении и некоторой модификации структуры товарооборота. Изменения эти, выгодные для обеих сторон, в равной мере учитывали интересы Польши и ФРГ. Польский экспорт в ФРГ возрос до 468 млн злотых, а импорт – до 390 млн злотых [1, с. 149–150]. Таким образом, в течение 1963–1965 гг. значительно увеличился товарооборот между обеими странами. Расширились поставки польских промышленных товаров, химических изделий, древесины, строительных материалов, машин. В Варшаве открылось торговое представительство ФРГ, так как до этого времени имелось лишь польское торгпредство во Франкфурте-на-Майне. ФРГ стала вторым после Великобритании партнером Польши из несоциалистических стран. В 1965 г. открылось новое польское торговое представительство в Кельне, был подписан новый протокол, регулирующий товарооборот на 1966–1969 гг.

Интересен тот факт, что западногерманская пресса заключение торгового соглашения 1963 г. с Польшей рассматривала как проявление ново-

го направления во внешней политике ФРГ, связанного с отступлением от принципов «доктрины Хальштейна». Прокомментировал сложившуюся ситуацию министр иностранных дел ФРГ Г. Шредер, неоднократно выступавший с предложениями о нормализации отношений с Польшей. Отвечая на вопрос прессы о том, что пребывание западногерманского торгового представительства в Варшаве другие страны могут расценить как повод со стороны ГДР выступить с предложением ее признания и установления дипломатических отношений, Шредер отметил безосновательность таких предположений. По его мнению, пребывание западногерманской торговой делегации в Польше объяснялось необходимостью открыть польское торгпредство в ФРГ, но не означало установления дипломатических или консульских отношений со странами, поддерживающими таковые отношения с ГДР. Политическая линия федерального правительства, отмечал Г. Шредер, остается неизменной: установление дипломатических отношений с «советской зоной» через третьи государства, с которыми ФРГ поддерживает дипломатические отношения, является невозможным, так как до сих пор не разрешены германо-германские противоречия [3, s. 42]. Следовательно, заключение торгового соглашения не предусматривало значительных изменений в сложившейся политической ситуации.

Таким образом, в 1960-е гг. в виде экономических связей была заложена основа нормализации отношений Польши и ФРГ. Подписано первое многолетнее торговое соглашение, открыто торгпредство ФРГ в Варшаве. С середины 1960-х гг. польско-западногерманские торговые взаимоотношения стали носить стабильный характер.

1. Весоловский, В. Экономические связи с ФРГ / В. Весоловский // Международная жизнь. – 1963. – № 8. – С. 149–150.
2. Орлик, И. И. Политика западных держав в отношении восточноевропейских социалистических государств (1965–1975) / И. И. Орлик. – М. : Наука, 1979. – 365 с.
3. Interview der Deutschen Presse-Agentur mit Außenminister Dr. Schröder über die deutsch-polnischen Vereinbarungen vom 7. März 1963 // Die Deutsche Ostpolitik 1961–1970 Kontinuität und Wandel. Dokumentation / her. von B. Meissner. – Köln : Verlag Wissenschaft und Politik, 1992. – S. 41–42.
4. Krasuski, J. Niemiecka Republika Wederalna w NATO i EWG 1955–1970 / J. Krasuski. – Poznań : IZ, 1972. – 323 s.
5. Notatka do wizyty S. Kisielewskiego // Archiwum Ministerstwa Spraw Zagranicznych (AMSZ). – Z. 26. – W. 2. – T. 15. – L. 108–113.
6. Notatka z rozmów z przedstawicielami NRF // AMSZ. – Z. 26. – W. 2. – T. 13. – L. 94–97.
7. Polska – Niemiecka Republika Federalna // Trybuna Ludu. – 1961. – 5 stycznia. – S. 3.
8. Umowa handlowa między Polską i NRF // Przegląd Zachodni. – 1963. – Nr. 2. – S. 268.

СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И ФРГ В ОБЛАСТИ ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Е. А. Лосева (Минск)

На сегодняшний день Германия является основным научно-техническим партнером Франции в Европе и вторым по величине в мире. Активное сотрудничество между странами в этой области развернулось после окончания Второй мировой войны и было обусловлено рядом внутри- и внешнеполитических факторов.

Начало холодной войны подтолкнуло западные страны к пересмотру своего отношения к бывшему противнику: ФРГ становится партнером и союзником европейских стран в условиях конфронтации сверхдержав. Изменение геополитической обстановки в мире оказало влияние на научное сотрудничество стран, в том числе Франции и ФРГ.

С целью наверстать упущенное в отрасли, где до этого доминировали США, в 1954 г. в Женеве была создана Европейская организация ядерных исследований (CERN) – первый крупный общеевропейский проект в области физики элементарных частиц, одними из основателей которой стали Франция и ФРГ.

Создание ЕЭС в 1957 г. дало новые возможности сотрудничеству европейских стран. В этот период времени Франция и ФРГ становятся основоположниками европейской кооперации в сфере исследования космоса. Так, в 1962 г. были образованы Европейская организация по разработке реакторных пусковых установок (ELDO) и Европейская Южная Обсерватория (ESO), в 1964 г. был создан Европейский совет по космическим исследованиям (ESRO). Сотрудничество Франции и ФРГ в рамках европейских проектов показывало, что в данный период времени им порой было проще взаимодействовать в контексте общеевропейских соглашений, чем устанавливать собственно двусторонние контакты. Кроме того, научное партнерство концентрировалось в первую очередь в стратегических областях. Однако, это не исключало развития кооперации в «гражданских» науках», например биологии, что привело к созданию в 1964 г. Европейской организации молекулярной биологии (EMBO).

Соперничество между СССР и США в области исследований космоса, продвинуло далеко вперед состояние науки в сверхдержавах. В сложившейся ситуации, Франция и ФРГ оказывались отстающими, что делало их уязвимыми не только перед СССР, но также и перед усилившимися США, покровительство которых рассматривалось порой как проявление империализма [5, р. 277–279].

В таких условиях, Франция предложила ФРГ преобразовать бывшую военную лабораторию во Франко-немецкий исследовательский институт в г. Сен – Луи (ISL), который должен был специализироваться, главным об-

разом, на разработках в области баллистики и аэродинамики [2, s. 237–255].

Несмотря на это, двухстороннее научное сотрудничество Франции и ФРГ к началу 1960-х гг. было не очень эффективным [8, p. 67–82]. Заключение Елисейского договора 1963 г. продвинуло вперед франко-немецкую научную кооперацию. В текст договора были внесены положения о необходимости интенсификации научных контактов и создании научно-исследовательских институтов в военной сфере, что положило начало крупным проектам в области технических наук [7, s. 42–43].

Таким образом, с середины 1960-х гг. сотрудничество Франции и ФРГ в области ядерных исследований продолжилось на двунациональном уровне и привело к созданию Франко-немецкого института Лауэ – Ланжевена в Гренобле (ILL) в 1967 г. – самого большого в мире института ядерных исследований. Результатом его работы стало введение в эксплуатацию современного нейтронного реактора в августе 1971 г. [6, p. 60].

В то же время Париж и Бонн предприняли проект в области телекоммуникаций: в 1967 г. был запущен экспериментальный спутник «Симфония», который стал первым в области, где до этого доминировали США [3, p. 190].

В 1970-е гг., в условиях энергетического и финансового кризиса, франко-немецкое научное партнерство опять сосредотачивается в европейских рамках. В 1971 г. при участии Франции и ФРГ с целью усиления научного и технологического обмена между европейскими странами посредством финансирования научных мероприятий была создана межправительственная координационная структура Сотрудничество в области науки и технологий (COST). В 1974 г. Франция и ФРГ стали основателями Европейского научного фонда – ассоциации научных организаций европейских стран для выражения мнения по стратегически важным вопросам и содействию мобильности исследователей. Продолжилось развитие сотрудничества в сфере молекулярной биологии и метеорологии: франко-немецкая научная кооперация легла в основу созданной в 1974 г. Европейской молекулярно-биологической лаборатории в Гейдельберге и Европейского центра среднесрочных прогнозов погоды (ECMWF), открытого в 1975 г.

В тот же период времени важные успехи были достигнуты в области авиации и космической навигации. В 1975 г. в результате объединения ELDO, ESO и ESRO было создано Европейское космическое агентство (ESA), фактически основанное на франко-немецком партнерстве, ставшим его интеллектуальным и финансовым ядром. Развитие сотрудничества позволило в конце 1979 г. запустить ракету-носитель Ариан-1, что закрепило европейское участие в международной космической навигации [3, p. 190].

Двустороннее сотрудничество Франции и ФРГ в конце 1970-х гг. сконцентрировалось на новых направлениях: транспортном – с созданием в 1978 г. программы научно-технического сотрудничества в области на-

земного транспорта (DEUFRAKO) и в сфере информационно-коммуникационных технологий – посредством развития Франко-немецкого спутникового телевидения. Продолжилось развитие астрономических исследований, начатых на европейском уровне. В 1979 г. был создан Институт миллиметровой радиоастрономии (IRAM), позже также ставший общеевропейским учреждением.

Несмотря на все достижения, ученые Франции и ФРГ сталкивались с рядом трудностей, которые тормозили научную кооперацию [1, с. 29]. Однако в 1980-е гг. научное сотрудничество стран удалось вывести на новый уровень. Именно в этот период времени создаются Немецко-французское общество науки и технологий (DFGWT) и Франко-немецкая ассоциация науки и технологий (AFAST) с целью продвижения сотрудничества в сфере технологий и промышленных инноваций. Более того, в это время был разработан целый ряд европейских научных программ, в которых принимали активное участие научно-исследовательские институты Франции и ФРГ. Так, в 1983 г. была развернута Европейская стратегическая программа по научным исследованиям в области информационных технологий (ESPRIT), действующая до 1998 г. В 1983 г. была создана первая Рамочная программа Европейского Союза по развитию научных исследований и технологий – проект ЕС, разработанный с целью поддержки и поощрения исследований в Европе. С новым витком холодной войны и провозглашением США программы СОИ Францией был предложен проект EUREKA, ориентированный на интеграцию европейских научных учреждений в области информатики, космических, биотехнологических исследований с целью обеспечения безопасности Европы и обретения независимости в научной сфере от США [4, р. 81].

В 1990-е гг. франко-немецкая кооперация в технических науках продолжает свое развитие в контексте общеевропейского сотрудничества, которое получило юридический фундамент, начиная с середины 1980-х гг. В рамках европейского партнерства, базирующегося на франко-немецкой инициативе, в 1994 г. был открыт Европейский центр синхротронного излучения (ESFR) со штаб-квартирой в Гренобле. На сегодняшний день в проекте участвуют 18 европейских стран, но, как и ранее, Франция и Германия вносят одну четверть годового бюджета.

Двустороннее сотрудничество Франции и ФРГ в сфере технических наук в данный период времени было отмечено созданием в Париже в 1997 г. технического центра, посвященного передаче лазерных технологий – Франко-немецкого лазерного сотрудничества (CLFA), представляющего собой кооперацию между немецким Институтом лазерных технологий Фраунгофера и различными французскими исследовательскими организациями.

На сегодняшний день Франция и Германия продолжают свое участие в вышеприведенных двусторонних и европейских научных институтах и программах. Кроме того, благодаря законодательной базе в виде европей-

ских договоров появились новые координационные механизмы регулирования европейского сотрудничества в научной области, как, например, Европейское научное пространство (ERA), созданное в 2000 г., облегчающее научные контакты между странами-участниками.

Таким образом, франко-немецкое сотрудничество в сфере технических наук было представлено неравнозначно по своим отраслям и эволюционировало со временем. Главным образом, сотрудничество развивалось в областях мирного атома и космических разработок, что было обусловлено стратегическими потребностями стран в условиях холодной войны и конкуренции со стороны США. Европейская научная кооперация содействовала укреплению двустороннего научно-технического партнерства Франции и ФРГ и рассматривалась как средство преодоления франко-немецкого антагонизма. В то же время франко-немецкий тандем был двигателем европейской научной кооперации и остается на сегодняшний день его ядром, его интеллектуальным и финансовым центром

1. Лосева, Е. А. Научно-исследовательские центры как элемент сотрудничества Франции и ФРГ в области науки в послевоенное время / Е. А. Лосева // Известия Гомельского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 26–32.
2. Baumann, A. Die Gründung des Instituts Saint – Louis / A. Baumann // Deutsch – französische Kultur – und Wissenschaftsbeziehungen im 20. Jahrhundert : ein institutionengeschichtlicher Ansatz / hrsg.: Ulrich Pfeil. – München : Oldenbourg, 2007. – S. 237–255.
3. Baumann, A. Entre valeurs communes, tradition d'échanges et différences irréductibles : la coopération culturelle franco-allemande depuis les années 1960 / A. Baumann // 50 ans de relations franco-allemandes / Fondation Charles de Gaulle / sous la dir. de R. Marcowitz et H. Miard-Delacroix. – Paris : Nouveau Monde Éd., 2013. – P. 173–198.
4. Braillard, Ph. Eureka et l'Europe technologique / Ph. Braillard, A. Demant. – Bruxelles : Bruylant, 1991. – 194 p.
5. Deutsch, K. W. France, Germany and the Western Alliance: a study of elite attitudes on European integration and world politics / Karl W. Deutsch. – New York : Charles Scribner's Sons, 1967. – 324 p.
6. Jacrot, B. Des neutrons pour la science: histoire de l'Institut Laue – Langevin, une coopération internationale particulièrement réussie / B. Jacrot. – Paris : EDP Sciences, 2006. – 166 p.
7. Kimmel A. Die deutsch – französischen Beziehungen seit 1963: eine Dokumentation. In Zusammenarbeit mit dem deutsch – französischen Institut / A. Kimmel, P. Jardin. – Opladen : Leske + Budrich, 2002. – 541 s. (Frankreich – Studien, Band 6)
8. Lappenküper, U. Sprachlose Freundschaft? Zur Genese des Deutsch – französischen Kulturabkommens vom 23. Oktober 1954 / U. Lappenküper // Lendemains. – 1996. – № 21. – P. 67–82.

ТАЙНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В АРГЕНТИНО-БРИТАНСКОМ СПОРЕ ИЗ-ЗА ФОЛКЛЕНДСКИХ ОСТРОВОВ

С. М. Пик (Львов)

Начало территориального спора из-за Фолклендских (Мальвинских) островов между Аргентиной и Великобританией определяется 1833 г., когда прибывший на Фолкленды в январе британский капитан Онслоу (Onslow) цивилизованно, как следует из его слов, убедил аргентинского капитана Пинедо (Pinedo) снять аргентинский флаг и оставить поселения Порт Луис (Пуэрто де ла Соледад) и Сан Карлос на Восточном Фолкленде по причине возобновления над островами британского суверенитета. Двумя годами ранее Порт Луис был основательно разрушен американцами, спровоцированными аргентинцами к агрессивным действиям, что засвидетельствовало неспособность Аргентины физически защитить свои права на владение островами [6, р. 474–476]. Воспользовавшись случаем, Великобритания вернулась на Фолкленды, тем самым как бы продлевая их колонизацию, вынужденно прерванную в 1774 г., по официальной версии, из-за экономической несостоятельности. Следует отметить, что на тот момент возник спор из-за Фолклендов между испанской и британской коронами, которые имели свои владения на островах: Испания – Порт Луис (Восточный Фолкленд), приобретенный в 1766 г. у французов по цене, эквивалентной сегодня около 69 тыс. ф. ст.; Британия – Порт Эгмонт (о. Саундерс, Западный Фолкленд), основанный в том же году. Поскольку первыми поселенцами на Фолклендах были французы, передавшие испанцам права на острова, а также согласно условиям Тордесильясского договора 1490 г. между Испанией и Португалией о разделе сфер влияния, в Мадриде уверенно считали свои претензии на Фолкленды законными и в 1770 г. выселили британцев из Порта Эгмонт. Во избежание войны представители испанской и британской корон подписали декларации, содержание которых говорило о том, что Испания дезавуирует агрессивное поведение в отношении Порта Эгмонт, соглашается возобновить британское поселение, но не считает, что условия деклараций каким-либо образом подрывают ее права на Фолклендские острова. Британская сторона не высказывала замечаний, что можно интерпретировать как ее согласие со статусом Порта Эгмонт как британской базы на испанской территории [2, р. 6]. По версии о тайной испанско-британской договоренности, возобновление статус-кво на Фолклендах позволяло Британии «сохранить лицо» в обмен на обязательство в скором времени оставить острова как бы ввиду экономических соображений [6, р. 470–471]. Так и произошло в 1774 г., хотя британцы, покидая поселение, на его главном здании поместили мемориальную табличку с надписью, гласящей о том, что Фолкленды – суверенное владение короля Великобритании Георга III, дополнительным свидетельством чего был флаг империи на том же здании [4, р. 5–6]. Предположительно, британцы

имели ввиду острова, входящие «в орбиту» Западного Фолкленда, не претендуя на «испанский» Восточный Фолкленд, несмотря на распространение своего суверенитета на все Фолкленды в дальнейшем [1, р. 42]. На правах хозяев положения испанцы в 1775 г. сняли британскую табличку и вскоре разрушили то, что к тому времени представлял собой Порт Эгмонт. По конвенции 1790 г. Испания уступила Великобритании права навигации в Тихом океане и южных морях в обмен на обязательство не создавать поселений «на восточном или западном берегах Южной Америки, близлежащих островах на юге или на территориях, оккупированных Испанией» [4, р. 6]. Таким образом, к концу XVIII в. Британия не имела прав на Фолкленды, эксклюзивным администратором которых до 1810 г. являлась испанская корона.

В свою очередь в Буэнос-Айресе, пользуясь критическим положением Испании в войне против наполеоновской Франции, отказались подчиняться испанской короне и в 1816 г. провозгласили независимость Объединенных Провинций Рио де ла Плата (Аргентины). Наследуя территориальные права Испании по принципу *uti possidetis*, Аргентина в 1820 г. распространила свой суверенитет и на Фолкленды, почти десять лет как покинутые испанцами (хотя на церкви в Пуэрто де ла Соледад сохранилась табличка о владении испанского короля Фердинанда VII). Права Аргентины на Фолкленды косвенно подтверждал тот факт, что ранее губернатор островов подчинялся представителю испанской короны в Буэнос-Айресе [2, р. 7]. Однако попытки создать постоянное поселение в Восточном Фолкленде и установить аргентинский контроль над территорией не увенчались успехом, а назначение губернатора островов в 1829 г. вызвало протест Великобритании (к слову, британский премьер-министр герцог Веллингтон отмечал, что ему «не совсем ясно, владели ли мы вообще правами на острова» [1, р. 43]). Проблему аргентинской администрации Фолклендов не решило и назначение в 1832 г. нового губернатора: гарнизон Пуэрто де ла Соледад поднял против него бунт, а подоспевшие британские военные корабли вынудили аргентинцев покинуть острова. В итоге, на Фолклендах был провозглашен британский суверенитет, а в 1845 г. они официально стали колонией Великобритании [4, р. 8].

Примечательно, что, признавая независимость Аргентины в 1825 г., Великобритания не предъявляла претензий на Фолкленды, а в процессе признания независимости Аргентины со стороны Испании в 1859 г. о распространении аргентинского суверенитета на Фолкленды или о специальной передаче Буэнос-Айресу испанских прав на острова не упоминалось. Маловероятно, что Великобритания – посредник в этом процессе – допустила бы любую угрозу своим уже сформировавшимся интересам на Фолклендах [6, р. 472].

Несмотря на непрекращающиеся с 1833 г. аргентинские протесты, Великобритания упорно утверждала о законности своих прав на Фолкленды (право первооткрывателя, содержание постоянного поселения в 1766–1774 гг., мемориальная табличка 1774 г., отсутствие испанских претензий на острова с 1811 г., непризнание за Аргентиной статуса наследницы ис-

панских владений, неэффективность попыток аргентинской администрации на Фолклендах в 1824–1832 гг.), а также позволяла себе просто игнорировать оппонента. В 1884 г. Буэнос-Айрес предложил передать спорный вопрос в международный арбитраж, Лондон же отвечал, что вопрос «закрит» и нет смысла его поднимать [1, р. 89–90]. Не имея достаточно ресурсов, чтобы вернуть себе острова, Аргентина искала международной поддержки, активизируя дипломатические усилия. Для Великобритании Фолкленды не являлись внешнеполитическим приоритетом, чем и объяснялось нежелание британского руководства заниматься этим вопросом. Ситуацию прояснил конфиденциальный меморандум 1910 г. по результатам исследования Форин офис, в котором подчеркивалось, что британские претензии на владение Фолклендами далеко не однозначны [1, р. 50–51]. Поэтому Лондон избегал предметных переговоров о статусе островов, стараясь по возможности усилить свою позицию и подорвать легитимность претензий Буэнос-Айреса (к примеру, не признавая принцип *uti possidetis* по отношению к Фолклендам).

В 1964 г. вопрос о статусе Фолклендов рассматривался в ООН. Аргентинская сторона сумела доказать, что острова не подлежат администрированию с точки зрения деколонизационных процессов и передачи права на самоопределение местному населению, поскольку жители островов были потомками британских поселенцев XIX в., а не аутентичными фолклендцами. Поэтому согласно резолюции 2065XX Аргентине и Великобритании следовало решить свой спор в двустороннем порядке посредством компромисса [7]. Ряд непубличных переговоров (губернатор Фолклендских островов не был о них поинформирован) позволил выработать основу для аргентинско-британского соглашения: суверенитет над Фолклендами передавался Аргентине при условии гарантий с ее стороны интересов населения островов. Дата оставалась открытой до последующих договоренностей, учитывая необходимость получить поддержку фолклендцев [4, р. 24–25]. В британском правительстве полагали, что нужно вывести острова из изоляции, активизировать их коммуникацию и экономическое сотрудничество с Аргентиной, после чего местное население станет более восприимчиво к планируемому изменению статуса островов и своего гражданства. С разъяснительной миссией в 1968 г. на Фолкленды отправился министр министерства иностранных дел и колоний лорд Чалфонт (Chalfont), но позиция фолклендцев была непоколебимой: «Мы – британцы. И мы не заинтересованы в ваших планах по поводу того, что нам следует стать аргентинцами» [3, р. 22–23]. Тем временем, под давлением Falkland Islands Pressure Group (в составе преимущественно британских бизнесменов – владельцев Falkland Islands Company) британский парламент раскритиковал политику правительства в фолклендском вопросе. В дальнейшем, фолклендское лобби фактически перевело решение этого вопроса из двустороннего в трехсторонний формат, постоянно нивелируя наработки правительства [5, р. 146]. Например, результаты исследования

лорда Шеклтона (Shackleton), который посетил Фолкленды в 1976 г., продемонстрировали, что острова не являлись экономическим бременем для британского правительства и могли вполне самостоятельно развиваться при условии дружественных связей и сотрудничества с Аргентиной, а неразрешенность вопроса об их суверенитете препятствовала развитию отношений Великобритании не только с Аргентиной, но и со странами Латинской Америки в целом [4, р. 49–50]. Идея разделить вопрос о суверенитете на вопрос о совместной эксплуатации ресурсов и вопрос о суверенитете над населением Фолклендов (чтобы последний не заводил в тупик переговорный процесс), не нашла поддержки в парламенте, который по дипломатическим соображениям оставил в неизвестности об открытии осенью 1976 г. аргентинской исследовательской станции на о. Южный Туле [3, р. 50–51, 58–60].

Также не сработала попытка использовать тайную дипломатию. Летом 1980 г. британский министр по вопросам Фолклендских островов Николас Ридли (Ridley) по дипломатическим каналам установил конфиденциальный контакт с заместителем министра иностранных дел Аргентины коммодором Кавандоли (Cavándoli) с тем, чтобы неофициально встретиться и обсудить возможность разрешения спора из-за Фолклендов по формуле “lease-back”: передаче Аргентине суверенитета над островами и одновременной передаче их назад Британии в длительную аренду. Тайная встреча Ридли и Кавандоли состоялась в начале сентября в Женеве, по итогам которой стороны согласовали следующее:

1. Суверенитет над Фолклендскими (Мальвинскими) островами и их морской зоной переходит Аргентине;
2. Управление островами и их морской зоной осуществляется британской администрацией с гарантией прав и свобод местного населения на основе аренды в течении 99 лет (условия аренды периодически могут быть пересмотрены);
3. На муниципальных зданиях островов будут вывешены флаги Великобритании и Аргентины;
4. Британское правительство будет представлять губернатор, ответственный вместе с муниципальным органом власти за управление островами и населением;
5. Аргентинское правительство будет представлять генеральный комиссар;
6. Для сотрудничества по вопросам экономического развития островов и их морской зоны будет создан общий аргентинско-британский орган [4, р. 116–117].

Такие перспективы, в принципе, устраивали правительства Британии и Аргентины, готовых к предметным официальным переговорам, но не устраивали самих фолклендцев, свидетельством чего стал визит Ридли на острова и неудачная попытка привлечь население на свою сторону. В британском парламенте формула “lease-back” также не нашла поддержки и

правительству ничего не оставалось, как создавать видимость переговоров и попросту тянуть время, не соглашаясь ни на какие уступки [2, p. 10]. Через год и три месяца, 2 апреля 1982 г. Аргентина в ходе военно-морской операции «Розарио» оккупировала Фолкленды.

1. Beck, P. The Falkland Islands as an International Problem / P. Beck. – London : Routledge, 1988. – 211 p.
2. Bluth, Ch. The British Resort to Force in the Falklands/Malvinas Conflict 1982: International Law and Just War Theory / Ch. Bluth // Journal of Peace Research. – 1987. – Vol. 24, № 1. – P. 5–20.
3. Charlton, M. The Little Platoon Diplomacy and the Falklands Dispute / M. Charlton. – Oxford : Blackwell, 1989. – 230 p.
4. Freedman, L. The Official History of the Falklands Campaign / L. Freedman: 2 vols. – Vol. 1. – London : Routledge, 2005. – 253 p.
5. Hewer, C. J. The Falklands/Malvinas Dispute: a Contemporary Battle between History and Memory / C. J. Hewer // Global Discourse. – 2013. – Vol. 3, № 1. – P. 144–150.
6. Metford, J. C. J. Falklands or Malvinas? The Background to the Dispute / J. C. J. Metford // International Affairs. – 1968. – Vol. 44, № 3. – P. 463–481.
7. Question of the Falkland Islands (Malvinas). General Assembly Resolution 2065XX. – 1965. – December, 16. – P. 57 [Electronic resource]. – Mode of access: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/218/28/IMG/NR021828.pdf?OpenElement>. – Date of access: 13.02.2019.

ДАЛЕКОЕ ЭХО АФГАНСКИХ ГОР (К ЗАВЕРШЕНИЮ МИССИИ В ДРА 1979–1989 гг.)

С. В. Востриков (Смоленск)

Вот уже 40 лет не утихает конфликт в Афганистане, имеющий тенденцию к дальнейшему разрастанию. Актуализация данного факта побудила автора, – реального участника боевых действий на Ближнем и Среднем Востоке, – предпринять попытку рассмотреть специфические особенности конфликтного процесса в Афганистане в 1979–1989 гг.

Цель данной статьи – исследование соотношения и влияния внутренних и внешних факторов на ход вооруженной конфронтации в ДРА в контексте биполярной модели мироустройства. В работе вскрываются предпосылки, истоки, обстоятельства, влияющие на эскалацию конфронтации; последствия обострения противоборства США и СССР в регионе как для двусторонних советско-американских отношений, так и всей системы международной безопасности. Разумеется, позиция автора (который ставил перед собой достаточно скромную исследовательскую задачу) по затронутой проблематике не является завершенной и носит дискуссионный характер.

Именно сочетание **метода системно-интегративного и историко-политического анализа** (по мнению автора) амбивалентных факторов афганского конфликта в наибольшей степени позволяет охватить и исследовать

широкий спектр затронутых проблем, опираясь на критическое переосмысление разнообразных отечественных и зарубежных научных источников. Вхождение в 1979 г. советских войск в Афганистан прервало десятилетний период разрядки («детант»), способствовало росту международной напряженности и послужило катализатором резкого обострения двусторонних отношений между США и СССР. Обсуждения и споры относительно целесообразности и необходимости данного шага продолжаются и по сей день, как среди ученых, так и внутри профессионального военного сообщества [9]. Вводу «ограниченного контингента войск» в соседнюю страну предшествовали драматические события, развернувшиеся на локальном, региональном уровнях, а затем и на общемировой арене. Известно, что добрососедские отношения между советской Россией и династией Надир-шахов существовали уже полвека (в 1921 г. между Москвой и Кабулом был заключен Договор о дружбе) – вплоть до 1973 г., когда монархия Захир-шаха (король находился в этот момент за границей) была упразднена его амбициозным племянником – генералом М. Даудом [17]. Смена власти создала благоприятные условия для активизации деятельности в городской среде интеллигенции, студенчества, разнородных движений и группировок левой ориентации, объединившихся в Народно-демократическую партию Афганистана (НДПА) светского типа во главе с Нуром Мухаммедом Тараки. Расширение и укрепление позиций НДПА в армейских кругах, в т.ч. среди генералитета, и в спецслужбах [15], позволили в 1978 г. отстранить от власти М. Дауда и провозгласить в стране Демократическую Республику Афганистан (ДРА). Но сама НДПА имела аморфную структуру: внутри неё шла постоянная межфракционная борьба между двумя крыльями – «хальк» («народ») и «парчам» («знамя»). Придя к власти, руководство НДПА провозгласило курс на «строительство в ДРА социализма». Это в условиях феодальной, мусульманской страны с подавляющим преобладанием крестьянского, неграмотного населения [15]. Форсированные «прогрессивные преобразования», ломка глубоко укорененных исламских традиций и устоев, тотальная «эмансипация» женщин, радикальная аграрная реформа, репрессии, атеизация и подавление оппонентов вызвали непонимание и возмущение афганского населения. Как отметил ученый-востоковед В. Н. Спольников, проработавший в Афганистане несколько лет, критически важной по отношению к новой власти стала позиция многомиллионной крестьянской массы: «Следует со всей откровенностью сказать, что основным фактором, способствовавшим созданию массовой базы контрреволюции и тем самым придавшим ей характер движения, угрожающего самому существованию Республики Афганистан, явилась, по существу, проигранная НДПА на том этапе битва за афганское крестьянство» [13, с. 19–20]. Радикализация «революционного процесса» НДПА только усугубляла общее положение дел. В ответ мусульманского духовенства выступило с призывом к «джихаду» (т.е. «священной войне»), который вскоре нашел широкий отклик среди различных слоев сельского населения в самых отдаленных регионах страны. Причем это затронуло не только гражданское население, но и

часть афганской армии: уже весной 1979 г. дивизия регулярной армии, дислоцированная в северо-западной части ДРА (на стыке границ Ирана и СССР), подняла мятеж и захватила город Герат; государственные чиновники, а также работники консульств соцстран были уничтожены. Для подавления мятежа пришлось перебрасывать части из других районов ДРА, с привлечением дополнительных сил, находящихся в приграничной полосе, и авиаподдержки сопредельной стороны.

Ухудшение внутреннего положения и нарастание негативной динамики осложнялись проецированием внутривосточной ситуации на резкую дестабилизацию общерегионального положения. Антишахская революция в Иране 1978/79 гг. под руководством аятоллы Хомейни буквально потрясла весь Ближневосточный регион – от Магриба до Машрика [19]. Победа «исламской революции» привела не только к ликвидации военного присутствия США в Иране, но и подрыву геополитических позиций Вашингтона во всем ближневосточном регионе, по которому прокатилась мощная волна «хомейнизации». Естественно, это не могло не затронуть соседнего Афганистана («гератский нарыв» четко обнажил тут влияние мощного внешнего фактора в виде «иранского следа». – Прим. авт.), где обострялась конфронтация между «светской (т.е. «безбожной»)) властью и многочисленными «джихадистскими» образованиями, которая сопрягалась с обострением внутривосточной борьбой за власть. Её апогеем стало убийство «соратниками по партии» основателя НДПА Н.М. Тараки (он первым направил в Кремль послание с просьбой о вводе советских войск в ДРА) и приходом к власти Хафизуллы Амина (Х. Амин являлся деспотичным властолюбцем и лицемером, но «агентом ЦРУ», как утверждала советская пропаганда, он не был. – Прим. авт.). Социальная база правящего режима стремительно сокращалась, а непредсказуемость Амина становилась все более опасной.

Советское руководство было поставлено перед крайне запутанной и сложной проблемой: соблюдая Устав ООН и придерживаясь норм международного права, наблюдать за неуклонным угасанием своих «идейных единомышленников» в ДРА или принять кардинальное решение, вмешаться напрямую, чтобы попытаться переломить развитие деструктивных процессов, и предотвратить приход к власти «исламистов», под контроль которых переходили все новые и новые провинции [3]. Принятие решения проходило в трудных дискуссиях, спорах, неодномоментно, с расхождениями и разногласиями, в процессе которых выкристаллизовались, выражаясь условно, три «группы (команды) интересантов», представляющих: а) военно-промышленный комплекс; б) партноменклатурную «элиту»; в) спецслужбы. Каждая из этих условных «команд» дробилась в свою очередь на подгруппы, имеющие собственное видение решения афганской проблемы (достаточно напомнить тот факт, что вначале Генсек Л.И. Брежнев не был сторонником ввода войск в ДРА, – на изменение его позиции сильно повлияло убийство его личного «друга – товарища Тараки»). «Реалисты/аналитики» из спецслужб просчитывали возможные риски и вероятные сценарии развития со-

бытий, но при общем рассмотрении ситуации они оказались «в меньшинстве». Нужно отметить, что негативную роль в развитии афганской драмы играли высокопоставленные «идеологические начетчики», сидевшие как в советском посольстве в Кабуле, так и в аппарате «политбюро» в Москве, которые имели весьма смутное представление об исламе, его истории, мусульманской культуре, этноконфессиональных сообществах [8]. Кремлевские «старцы» принимали «фэйк-депешы» из Кабула за чистую монету [11].

Заокеанские прагматики занимались этой тематикой (конфликтолого/геополитической) серьезно, глубоко и системно [23]. Так, характеризуя подход мэтра внешнеполитической стратегии США Г. Киссинджера к международным проблемам, американские эксперты отмечали: **«Религия Киссинджера – это геополитика, ее бог – баланс сил, ее догма – увязывание, ее вера – престиж, а верховный жрец – Соединенные Штаты, действующие в соответствии с сентенциями Г. Киссинджера»** [22]. Еще в 1960-е гг. в США была разработана теория «управления» кризисными процессами, которая в дальнейшем трансформировалась через «доктрину Картера» и «гибкого реагирования» в направлении широко понимаемой концепции «контролирования конфликтов» (исключающей прямое вовлечение актора в конфронтацию). В последней модели подразумевалось широкое применение манипулятивных технологий. Теоретические «изыскания» другого высокопрофессионального политолога З. Бжезинского носили отнюдь не абстрактно-академический характер: им была разработана **модель «дуги нестабильности»**, простирающейся от Сомали и Эритреи до Пакистана и Кашмира, а также **принцип «домино»** [20]. Иные варианты, методики и нюансы в различных концептуальных подходах при анализе любой конфликтной ситуации нивелировались их неизменной заточенностью на главное, т.е. на подрыв Советского Союза [14]. Будучи патологическим русофобом, З. Бжезинский одним из первых в США обратил внимание в своей работе «План игры» на потенциал «исламского фактора» и его возможности для ослабления и подрыва позиций Москвы в Центральноазиатском регионе. Им же была выдвинута идея задействовать исламский фундаментализм не только для ослабления советского влияния на Ближнем и Среднем Востоке, но и инфильтрации ячеек «политизированного исламизма» на территорию самого Союза [2]. З. Бжезинский не скрывал, что в Центральной Азии важно **устроить «афганский Вьетнам», чтобы истощить и обескровить Союз** (позднее он же разработал и сценарий «отрыва» Украины от РФ. – Прим. авт.) [21]. Втягивание в чужой внутривнутриполитический конфликт означало **попадание в своеобразную инверсионную ловушку** с далеко идущими последствиями [1]. Афганская проблема носила синтетический, полиаспектный и многослойный характер. Бесспорно, любые риски и угрозы следует отодвигать максимально дальше от порога собственного дома. Вопрос заключается только в следующем: каким образом? Арсенал средств для «разруливания» подобного рода ситуаций включает широкий спектр технологий и «инструментариев» (наряду с военными): политические, дипломатические, экономические, инфор-

мационно-психологические, специальные, финансовые (последние на Востоке наиболее эффективны). Как известно, история не знает сослагательного наклонения – она состоялась так, как состоялась: выбор был сделан в пользу силового варианта. Решения принимают политики, а не военные. Солдаты обязаны выполнять свой долг. Б.В. Громов совершенно справедливо указывал, что никаких оснований для разговоров о поражении нашей армии в ДРА не существует; военные честно и мужественно решали поставленные перед ними задачи. Но покидая Афганистан, вероятно, можно было (по мнению автора) «уходя, остаться» [2], т.е. сохранить опорные базы в Баграме, Шиндане, Мазари-Шарифе. Но для этого нужна была политическая воля.

Исследование истоков афганской драмы 1979–1989 гг. позволяет выделить (абрисом) несколько её **основных причин**: «многоуровневая некомпетентность» и коллаборационизм позднесоветской партноменклатуры и госбюрократии [4]; неспособность реалистично и адекватно оценивать расстановку сил, процессы, происходящие как в союзных республиках, так и в сопредельных государствах [16]; отсутствие научной системы целеполагания; незнание культуры ислама и недооценка роли «исламского фактора» [11]; дефицит надлежащей синхронизации инстанций, задействованных в ДРА (где армия, МВД, ГРУ, КГБ работали разобщенно; советское посольство в Кабуле действовало вообще отдельно и «само по себе») – единого координирующего Центра не существовало; политическая недалёковидность: ввод войск был использован вашингтонскими русофобами и сторонниками «решительных мер» для свертывания разрядки и раскручивания антисоветской истерии: США объявили о бойкоте московской Олимпиады, приостановили ратификацию ОСВ-2; резко увеличили поставки вооружения Пакистану, откуда оно посредством «трансгранично-транзитивных» миграций [8] через «зону свободных племен» перебрасывалось на территорию ДРА; Исламабад развернул близ границы 130 центров по подготовке афганских боевиков из антиправительственных группировок; в СМИ была развернута масштабная пропагандистская кампания (которую Москва проиграла); воспользовавшись ситуацией, ЦРУ США фактически инспирировало подъем волны «исламистского бума», стимулировало через свою креатуру радикализацию всего мусульманского сообщества [16]. История существует не только для того чтобы её знать, но и извлекать из неё **уроки**, дабы в будущем не повторять ошибок и просчетов. Например, следующих:

➤ Недопустимо ни при каких обстоятельствах играть по правилам чужеземцев, – нужно иметь мужество жить своим умом [5];

➤ Не предавать забвению свое прошлое (под сурдинку о «гласностях и демократизациях» ценный афганский опыт, обретенный кровью и потом наших солдат, оказался невостребованным в перестроечные и постперестроечные времена; и всякий раз приходится все «начинать с нуля») [9];

➤ Особую роль при принятии ответственных решений такого уровня играет научно обоснованное долгосрочное прогнозирование;

➤ При выполнении заграничных миссий важно предусматривать максимальную опору на региональных союзников;

➤ Для достижения целей не следует жалеть средств на подкуп главарей и агентуры в стане противника, ибо это сохранит жизни своих граждан;

➤ Принятие решений всегда должно исходить не из субъективистских или конъюнктурных соображений, а долговременных национальных интересов России;

➤ Наличие у властедержателей стратегического мышления [10; 18].

Выводы. Канувшая было в лету дискриминационно-колониальная система ныне стремительно трансформируется [12]. Известно, что еще более двух столетий назад Британская империя стремилась к расширению своей экспансии в Центральной Азии через инспирирование мятежных войн по периметру южных рубежей России, – позднее, – аналогичную агрессивноподстрекательскую стратегию на Ближнем Востоке продолжили Соединенные Штаты. Оценка политики США на Ближнем и Среднем Востоке, данная американскими экспертами Дж. Шапиро и Р. Сокольски говорит сама за себя: «Девять лет американской оккупации Ирака не помогли выстроить там приемлемый для всех политический порядок – наоборот, они вдохновили создание ИГИЛ. В Афганистане оккупация продолжается уже пятнадцатый год, а территория, контролируемая «Талибаном» только расширяется...» [24]. Будучи ориенталистом по базовому образованию, автор берет-ся утверждать, что урегулирование в Афганистане сегодня маловероятно; состояние пролонгированного конфликтного процесса сохранится, и внешнее вмешательство только усугубляет ситуацию. Вашингтоном в настоящее время предпринимаются попытки реанимировать неоколониальные порядки в глобальном масштабе [7]. Российская Федерация не приемлет единоличного гегемонизма какого-либо актора, который использует право силы [5]. Отсюда и противостояние англосаксов (рецидивы идеологии расизма тут налично. – Прим. авт.) с Россией, которая отвергает любой внешний диктат. Она, будучи самодостаточным государством, всегда воспринималась атлантистами не просто как конкурент, а как главный геополитический противник, которого надо «удушить» (для чего из шкафа извлекли доктрину «Анаконда» адмирала А. Мэхена) – посредством глобальной «паутины», «гибридных войн», санкций и т.п. Из этой данности и нужно исходить в условиях турбулентного и непредсказуемого мира. Отсюда – оптимальная формула модернизации для России: «Самоусиление через самопреодоление». Эта модернизация обречена на успех, ибо, «если не мы, – то нас». Иного не дано.

1. Афганская ловушка [Электронный ресурс] // Сайт «Мы и мир». – Режим доступа: <http://weandworld.ru>. – Дата доступа: 26.01.2019.
2. Амелин, В. В. Этнополитические конфликты в границах советской и постсоветской государственности, вторая половина 80-х – середина 90-х годов: Опыт исторического исследования: дис. ... д-ра ист. наук / В. В. Амелин. – М., 1995. – 368 с.
3. Афганская война: как это было / Сост. Н. В. Платонов. – М. : Пранста, 1993. – 260 с.

4. Бешлосс, М. Измена в Кремле: Протоколы тайных соглашений Горбачева с американцами / М. Бешлосс, С. Тэлботт. – М. : Алгоритм, 2012. – 352 с.
5. Брычков А.С. Проблемы национальной безопасности России в условиях глобализации современного мира: Монография / А. С. Брычков, С. В. Востриков, В. В. Зайцев. – Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2014. – 360 с.
6. Востриков, С. В. Анатомия ближневосточных конфликтов: внутривосточные и региональные факторы хаотизации и дестабилизации / С. В. Востриков // Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории: сб. ст. по материалам XLVIII Международной научно-практической конференции «Научная дискуссия: вопросы социологии, политологии, философии, истории». – № 3 (43). – М. : Изд-во «Интернаука», 2016. – С. 131–144.
7. Востриков, С. В. Ближневосточные трансформации в контексте глобализации (опыт системно-интегративного анализа) / С. В. Востриков // Проблемы безопасности российского общества. – 2016. – № 1. – С. 68–106. – № 2. – С. 82–100.
8. Востриков, С. В. Россия на фоне миграционных трансформаций / С. В. Востриков, П. В. Летуновский // Этносоциум и межнациональная культура. – 2018. – № 9. – С. 9–17.
9. Грюнебаум, Г. Э. фон. Классический ислам. Пер. с англ. И. М. Дижур / Г. Э. фон Грюнебаум. – М. : Наука, 1988. – 216 с.
10. Кокошин, А. А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России / А. А. Кокошин. – М. : РОССПЭН, 2003. – 528 с.
11. Марчук, Н. И. Война в Афганистане: истоки, сущность и уроки (декабрь 1979 – февраль 1989) : автореф. дис. ... д-ра полит. наук / Н. И. Марчук. – М., 1993. – 45 с.
12. Медведева, И. Логика глобализма / И. Медведева, Т. Шипова. – М. : Храм Трех Святителей на Кулишах, 2002. – 112 с.
13. Миронов, Л. Афганистан. Накануне / Л. Миронов, В. Спольников // Азия и Африка сегодня. – 1989. – № 12. – С. 2–9.
14. Модестов, С. А. Геополитика ислама / С. А. Модестов. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 192 с.
15. Россия в глобальной политике / под ред. Ф. Лукьянова. – М. : Эксмо, 2015. – 384 с.
16. Топорков, В. М. Геополитическое противостояние США – СССР в условиях афганского вооруженного конфликта 1980–1989 гг. / В. М. Топорков // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 7. – С. 49–60.
17. Федоров, В. А. Армия и авторитаризм в условиях капиталистической модернизации на Востоке / В. А. Федоров // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. – М. : Наука, 1990. – 200 с.
18. Широнин, В. КГБ – ЦРУ. Секретные пружины перестройки / В. Широнин. – Режим доступа: <http://makeyev.msk.ru>. – Дата доступа: 27.01.2019.
19. Хейкал, М. Х. Мадафи' аятолла, кадыят Иран ва ас-саура / М. Х. Хейкал. – аль-Кахира, 1988. – 285 с.
20. Brzezinski, Z. Power and Principle. Memoirs of the National Security Adviser, 1977–1981 / Z. Brzezinski. – L. : Farrar Straus & Giroux, 1983. – 587 p.
21. Conflict Management in the Middle East / Ed. by G. Ben-Dor and D. B. Mass. – Cambridge (Mass.) : Lexington Books, 1987. – 323 p.
22. Hoffmann, S. Dead Ends. American Foreign Policy in the New Cold War / S. Hoffmann. – Cambridge : Ballinger, 1983. – 309 p.
23. Mingphi, J. Boundary studies in political geography / J. Mingphi // Annals of the Association of American Geographers. – 2005. – Vol. 53 (3). – P. 407–428.
24. Shapiro, J. America's Core Middle East Interests Are Already Secure [Electronic resource] / J. Shapiro, R. Sokolsky // The National Interest. – June 30, 2016. – Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/americas-core-middle-east-interests-are-already-secure-16805>. – Date of access: 27.01.2019.

Р А З Д Е Л 4

СОВРЕМЕННАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

КОНФЛИКТЫ И КРИЗИСЫ КОНЦА XX – НАЧАЛА XXI в.

ПОЛИТИКА БРИТАНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ В ОТНОШЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ЕС (1979–2016 гг.)

А. А. Сурма (Минск)

Повышенный интерес к деятельности консервативных правительств Соединенного Королевства во всех направлениях европейской политики (включая социальное) обусловлен началом и протеканием процесса выхода Великобритании из ЕС. Этот процесс стал результатом деятельности коалиционного правительства Кэмерона, по крайней мере его консервативной части.

Активная разработка единой социальной политики Европейского Экономического Сообщества (далее – ЕЭС) началась со второй половины 1980-х гг. Наиболее негативно подготовку каких-либо единых социальных программ воспринимало правительство во главе с М. Тэтчер. «Железная» леди считала социальную интеграцию неприемлемой, так как, по мнению премьер-министра, ее основу составляли марксистские идеи, не способствующие быстрому и эффективному экономическому развитию. К тому же такое отношение правительства Тэтчер к формированию единой социальной политики было обусловлено тем, что создание единого социального пространства неминуемо привело бы к дальнейшей передаче национально-го суверенитета от государств-членов к руководящим структурам ЕЭС, а это было невозможным для британского правительства [6, л. 92; 9, р. 141].

17 и 28 февраля 1986 г. в Люксембурге и Гааге был подписан Единый европейский акт (далее – ЕЕА), вступивший в силу 1 июля 1987 г. [3, с. 119]. Данный документ, наряду с движением участников ЕЭС к созданию единого внутреннего рынка, также являлся важным этапом формирования единого социального пространства. Несмотря на опасения Тэтчер, что ЕЕА позволит Европейской комиссии усилить свои позиции в наднациональной структуре Сообщества, премьер-министр подписала данный документ. Тэтчер сделала это, так как полагала, что без ЕЕА не может быть единого внутреннего рынка, создание которого сулило Лондону немало экономических выгод [4, л. 39–40; 6, л. 102].

Документом, по которому между Великобританией и остальными участниками ЕЭС возникли острые противоречия, была Хартия основных социальных прав трудящихся, подписанная 9 декабря 1989 г. [7]. Основной целью Хартии было определение основных социальных прав трудящихся

для создания системы по дальнейшей их защите. Великобритания стала единственной страной из 12 государств-членов Сообщества, которая отказалась подписать Хартию. Свое нежелание Тэтчер объясняла тем, что Хартия будет способствовать увеличению безработицы и в ЕЭС, и в Соединенном Королевстве [6, с. 120]. По этому поводу «Железная» леди заявила: «Социальная хартия будет регулировать рынок труда, создавая тем самым препятствия на пути формирования новых рабочих мест. Это приведет к увеличению стоимости рабочей силы и сделает страны Сообщества менее конкурентоспособными» [10].

Джон Мэйджор, сменившим Тэтчер на посту главы британского правительства, был солидарен с «Железной» леди в отношении социальной политики ЕЭС. Данное утверждение подтверждается переговорами по условиям Маастрихтского договора, подписанного 7 февраля 1992 г. [12]. На переговорах вопросы, касающиеся единой социальной политики, вызвали жесткое сопротивление со стороны Великобритании. Камнем преткновения был вопрос о включении в текст договора отдельной «Социальной главы». В ходе сложных переговоров британскому премьер-министру удалось исключить такую возможность: Социальная глава была заменена отдельным Соглашением о социальной политике и Протоколом о социальной политике, которые, как стоит отметить, Великобритания так и не подписала [6, л. 132–133].

Мэйджор выступил против включения Социальной главы в договор и подписания дополнительных соглашений по социальной политике по нескольким причинам. Во-первых, по экономическим соображениям: Социальная глава предполагала увеличение заработной платы рабочим, на что Мэйджор не мог согласиться, указывая на то, что у Великобритании нет на это денег. Во-вторых, по политическим мотивам: Мэйджор был против проекта Жака Дэлора, предусматривавшего строительство единой Европы на федеративных принципах, поскольку в этом проекте формирование единой социальной политики ЕЭС была одним из этапов строительства объединенной Европы по федеративному пути [11, р. 125].

С приходом к власти лейбористского правительства Т. Блэра политика Великобритании в отношении ЕС, в целом, и социальной политики, в частности, стала носить более конструктивный характер. 2 октября 1997 г. правительство Блэра подписало Амстердамский договор, заключение которого стало важным шагом в формировании единого социального пространства ЕС [13]. В основной текст договора были включены Соглашение о социальной политике и Протокол о социальной политике, ранее, как указывалось выше, являющиеся только приложениями Маастрихтского договора [5, с. 82]. Также лейбористское правительство Великобритании одобрило и подписало Ниццкий (2001) и Лиссабонский (2007) договоры, в которых закреплялось дальнейшее развитие единой социальной политики государств-членов ЕС [14; 15].

В мае 2010 г. направление британской политики в отношении вопросов, касающихся социальной интеграции, вновь претерпело изменение с возвращением к власти Консервативной партии в коалиции с Партией либеральных демократов [2, с. 147]. Целью европейской политики правительства Кэмерона, включая ее социальное направление, являлся пересмотр условий членства страны в ЕС, предусматривавший возвращение властных полномочий от руководящих структур Европейского Союза обратно к Соединенному Королевству.

В рамках пересмотра условий членства страны в ЕС британское правительство начало обсуждение возможности отмены отпуска по беременности и родам, законодательства по правам потребителей, пыталось игнорировать положения трудового законодательства ЕС и планировало пересмотреть основные положения европейской директивы о рабочем времени. Также премьер-министр начал обсуждение вопроса об ограничении потока иммигрантов из ЕС в Великобританию [1, с. 28–29, 129; 8].

Стоит отметить, что европейская политика Кэмерона, включая ее социальное направление, зашла в тупик из-за результатов референдума по вопросу членства Великобритании в ЕС, состоявшегося 23 июня 2016 г. 51,9% британских граждан высказался за выход страны из Европейского Союза [4, с. 72]. Такой исход референдума стал началом процесса выхода Великобритании из ЕС и концом политической карьеры Кэмерона.

Таким образом, отношение британских консервативных правительств Тэтчер и Мэйджора и коалиционного правительства Кэмерона к развитию социальной политики ЕС носило негативный характер. Деятельность данных правительств была направлена на сдерживание формирования и развития единого европейского социального пространства по экономическим и политическим причинам. В целом, эти причины были одинаковыми у всех указанных правительств. Экономические причины заключались в том, что развитие социального законодательства ЕС увеличит финансовые расходы на социальные издержки для трудящихся, что приведет к падению уровня конкурентоспособности государств-членов ЕС на мировом рынке. Политические причины выражались в желании британских консерваторов использовать процесс формирования и развития единого социального пространства в качестве инструмента для сопротивления углублению европейской интеграции. Следует отметить, что для правительства Кэмерона еще одной причиной для сопротивления развитию единой социальной политики Сообщества стал рост числа иммигрантов из ЕС в Великобританию.

1. Андреева, Т. Н. Европейская политика кабинета Д.Кэмерона–Н. Клегга (май 2010 – июль 2013 гг.) / Т. Н. Андреева ; отв. ред. Н. К. Арбатова, К. П. Зуева. – М. : ИМЭМО РАН, 2014. – 190 с.

2. Коалиционность возвращается в Вестминстер // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Ал. А. Громыко [и др.] ; под общ. ред. Ал. А. Громыко, Е. В. Ананьевой. – М., 2014. – Гл. 9. – С. 147–160.
3. История Европейской интеграции : хрестоматия. В 3-х частях. Ч 1. История Европейских Сообществ / сост. В. Н. Барнацкий, Д. В. Леушкин. – Н. Новгород : Нижегородский университет, 2014. – 130 с.
4. Сурма, А. А. Политика британских консерваторов в отношении Евроинтеграции (1973–2017 гг.). : дис. ... маг. ист. наук : 07.00.03. / А. А. Сурма. – Минск, 2018. – 110 л.
5. Социальная Европа в XXI веке / М. В. Каргалова [и др.] ; под ред. М. В. Каргаловой. – М. : Издательство «Весь Мир», 2011. – 528 с.
6. Урбан, А. Н. Позиция консервативных правительств Великобритании в отношении социальной политики Европейского Союза (1979–1997 гг.). : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. / А. Н. Урбан. – Томск, 2008. – 203 л.
7. Community Charter of the Fundamental Social Rights of Workers [Electronic resource] // European Economic and Social Committee. – Mode of access: <https://www.eesc.europa.eu/resources/docs/community-charter-en.pdf>. – Date of access: 09.03.2019.
8. David Cameron: ‘it should be harder to come to UK and claim benefits’ [Electronic resource] // The Telegraph. – Mode of access: <https://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/9783626/David-Cameron-it-should-be-harder-to-come-to-UK-and-claim-benefits.html>. – Date of access: 18.03.2019.
9. Geddes, A. The European Union and British politics : Contemporary political studies / A. Geddes. – Basingstoke, Hampshire : Palgrave Macmillan, 2004. – 252 p.
10. House of Commons. European Council (Strasbourg). Debates. Col. 846. 12 December 1989 [Electronic resource] : Hansard. – Mode of access: [https://hansard.parliament.uk/Commons/1989-12-12/debates/8168e1cf-45a9-4132-8d9e-3ccb3c566c04/EuropeanCouncil\(Strasbourg\)](https://hansard.parliament.uk/Commons/1989-12-12/debates/8168e1cf-45a9-4132-8d9e-3ccb3c566c04/EuropeanCouncil(Strasbourg)). – Date of access: 10.03.2019.
11. Reitan E. A. The Thatcher revolution: M. Thatcher, J. Major, T. Blair and transformation of modern Britain, 1979–2001 / E. A. Reitan. – Lanham, etc. : Rowan and Littlefield publ, 2003. – 260 p.
12. Treaty on European Union / eds. Council of the European Communities, Commission of the European Communities. – Luxembourg : Lanham, MD. : Office for Official Publications of the European Communities ; UNIPUB [distributor], 1992. – 253 p.
13. Treaty of Amsterdam amending the Treaty on European Union, the treaties establishing the European Communities and certain related acts. – Luxembourg : Lanham, MD. : Office for Official Publications of the European Communities ; Bernan Associates [distributor], 1997. – 144 p.
14. Treaty of Nice / Official Journal of the European Communities. C 80/1. 10.3.2001 [Electronic resource] // eur-lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12001C/TXT&from=EN>. – Date of access: 17.03.2019.
15. Treaty of Lisbon / Official Journal of the European Communities. C 306/01. 17.12.2007 [Electronic resource] // eur-lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=OJ:C:2007:306:FULL&from=EN>. – Date of access: 17.03.2019.

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2014 г. В ЕВРОПЕ: ВЫЗОВ ИЛИ УГРОЗА ДЛЯ МАЛЫХ ГОСУДАРСТВ?

Т. Г. Хришкевич (Псков)

История Европы знает много войн и конфликтов. Хорошо известно, что помимо тех, кто держит в руках оружие, жертвами оказываются мирные граждане. Новейшее время вывело социальные последствия геополитических противостояний на новый уровень, который можно назвать гуманитарной катастрофой. На рубеже XX–XXI вв. впервые после Второй мировой войны Европа столкнулась с широчайшим размахом потоков беженцев, причем не вследствие военных действий на своей территории, а из-за военно-политических конфликтов на периферии. С началом так называемой «арабской весны» из Северной Африки и Ближнего Востока в Европу хлынул поток беженцев, который принял неконтролируемый характер, а в медийное пространство вошли слова об «экзистенциальной» угрозе ключевым принципам единства, европейской солидарности, а так же экономике и социальной системе. Сомнению были подвергнуты Дублинский и Шенгенский договоры. Возникшие вслед за кризисом социально-экономические проблемы вызвали необходимость пересмотра не только правил приёма, но и поставили под сомнение открытость границ.

Пиком кризиса становятся 2014–2015 гг., когда в пределы Европейского Союза прибыло более миллиона человек. Несмотря на то, что поток снизился благодаря заключённому в марте 2016 г. соглашению с Турцией, Европейская комиссия спрогнозировала появление в пределах Евросоюза еще нескольких миллионов человек. Таким образом, миграционный кризис (или кризис беженцев) остаётся определяющим в межгосударственных отношениях ЕС на ближайшие годы.

В 2015 г. Европейская комиссия признала наличие критической ситуации, способной повлиять на социальное и политическое пространство Европы, а также на отношения внутри Европейского Союза. Кризис разделил страны ЕС на «привлекательные» и «непривлекательные», с точки зрения интереса со стороны беженцев. Критерием, как правило, выступала социальная система страны. «Непривлекательными» стали преимущественно «малые» страны, ставшие членами ЕС с 2004 по 2013 г. Именно они проявили наибольшую неуступчивость к требованиям Евросоюза.

Особый интерес в ряду малых государств представляют прибалтийские страны – Эстония, Литва, Латвия. В целом, они разделили взгляды таких государств как Польша и Венгрия на приём беженцев и даже некоторое время оказывали сопротивление квотам, однако в них отсутствовали ярко выраженные евроскептические партии, аналогичные Национальному фронту во Франции и Альтернативе для Германии в ФРГ. При повышен-

ной бытовой мигрантофобии, в плане политических решений прибалтийские страны вынужденно проявили солидарность с ЕС.

Негативизм Прибалтийских стран коренится почти в тех же причинах, что и у остальных. Во-первых, это количественная сторона (численность прибывающих и квоты, выделяемые Еврокомиссией на размещение беженцев). Во-вторых, финансовая сторона, т.е. расходы на размещение и содержание. В-третьих, это проблема безопасности границ. Таким образом, ситуация имеет как внутренний контекст, связанный с увеличением числа прибывающих и нагрузкой на государственный бюджет, так и внешний, связанный с солидарностью в рамках ЕС.

Миграционную ситуацию в Прибалтике нельзя рассматривать в отрыве от демографических последствий распада СССР. После обретения независимости граждане Прибалтики получили возможность уезжать на запад. После вступления в ЕС в 2004 г. миграция приняла характер национальной проблемы. Благодаря присоединению к Шенгенскому соглашению в 2007 г. эмиграция из Прибалтики увеличилась, что вызвало угрозу депопуляции. С начала 1990-х гг. население Латвии сократилось на 25%, Литвы на 21%, Эстонии на 17% [1]. Поскольку экономическое положение Прибалтийских стран серьёзно зависит от Евросоюза, финансовый кризис и вступление в зону евро создали неблагоприятную экономическую конъюнктуру.

За время кризиса в страны Евросоюза прибыли сотни тысяч беженцев. Из них наибольшее число в ФРГ. Прибалтийские страны выделяются в общем ряду как страны с: самым низким количеством прибывающих, самым низким количеством заявок на убежище и самым низким числом удовлетворенных заявок. В 2015 г. заявок на предоставление убежище было подано: в Литве – 330, Латвии – 315, Эстонии – 230 человек. Их них получили статус беженца несоизмеримо меньшее количество человек [3]. У беженцев и мигрантов эти страны рассматриваются преимущественно как территории транзита для переезда на запад Евросоюза.

В мае 2015 г. в связи с увеличением количества мигрантов Европейская комиссия предложила выход – введение квот на размещение. В сентябре в Брюсселе на очередной встрече министров внутренних дел была достигнута договоренность о распределении беженцев между государствами. Страны Балтии выказали сопротивление предложению распределения на основе обязательного принципа квот. Представитель Министерства внутренних дел Эстонии Тоомас Викс в сентябре 2015 г. сделал заявление: «Переселение беженцев является лишь одним из возможных решений для выражения солидарности, но главным образом ею является финансовая и техническая помощь других государств-членов». Конфликт комиссия смогла урегулировать в июле 2016 г., тогда прибалтийские страны согласились взять на себя ответственность за приём беженцев.

Причины согласия были увязаны в первую очередь с опасениями конфликта с ЕС, который мог повлечь за собой дальнейшие проблемы: ут-

раты доверия со стороны руководящих органов Евросоюза, и, как следствие, международная изоляция, которая могла бы начаться, если молодые члены ЕС не поддержат квоты. Свою роль сыграла боязнь потери доверия к собственным правительствам со стороны граждан. Но вероятнее всего, причина коренилась в угрозе экономических санкций, предложенных Италией по отношению к тем странам, которые не выполняют обязательств по квотам. Помимо этого, в Эстонии, например, отказ от квот был назван потенциальным дестабилизирующим фактором не только в отношениях с Брюсселем, но и с партнёрами по НАТО, а упор делался на пограничное положение с Россией. Таким образом, эстонские политики увязали экзистенциальные проблемы с полной интеграцией с европейскими и трансатлантическими союзниками и со своей национальной безопасностью.

В результате квоты были распределены следующим образом: Эстония – 373 человек, Латвия – 526, Литва – 780. Это весьма малые цифры в сравнении с такими странами как Германия (31 443), Франция (24 031) и сопоставимые с квотами для Словении (631) и Люксембургом (440) [4].

Одним из ключевых факторов в противодействии квотам стал финансовый. В связи с этим в рамках решения европейской «Повестки дня в области миграции 2015» (Agenda on Migration, 2015 г.) принимающим странам со стороны ЕС были обещаны значительные суммы. Литве в период с 2014 по 2020 г. предполагается выделить 204 млн 457 тыс. 806 евро, Латвии – 46 млн 214 тыс. 912 евро, Эстонии – 45 млн 418 тыс. 598 евро [2].

Еще одной угрозой были названы проблемы безопасности, а в качестве дестабилизирующего фактора – сомнения в целесообразности Шенгенского пространства и недостаточного обеспечения надежности границ. Не меняя основополагающие принципы, страны Евросоюза пошли по пути введения временного контроля на границах. Для прибалтийских государств решения принятые в отношении границ явились скорее результатом политической солидарности с ЕС и НАТО, чем опасением действительного широкого миграционного потока. Таким образом, в силу специфики географического положения власти трех прибалтийских республик подняли не тему Шенгенского пространства, а границ с Российской Федерацией. В течение 2015–2017 гг. они заявили о строительстве заборов на границе с Россией, обосновав это тем, что Балтийский регион станет новой отправной точкой для беженцев.

Опасения, что Прибалтика станет воротами в ЕС, на наш взгляд, на данный момент далеки от реальности. Согласно отчёту Европола, опубликованному в мае 2016 г., Балтийский регион не является воротами для массовых легальных потоков мигрантов и беженцев. Прибалтийские страны лежат в стороне от основных маршрутов. Преимущественно проникновение идет через морские границы Средиземноморья в Испанию, Италию, Грецию. Сухопутными границами в ЕС являются Польша и Финляндия [5].

Свою роль в формировании отношения к кризису в целом и к беженцам в частности играет и бытовая мигрантофобия. По данным Евробарометра отношение к прибывающим в прибалтийских странах самое негативное из всех стран ЕС. Так, в ходе опросов, проведенных в августе и сентябре 2015 г. в Эстонии 70% респондентов высказались против приёма беженцев и только 7% населения доверяли премьер-министру Таави Рыйвасу по вопросам, связанным с решением кризиса [6]. В Латвии позитивно по отношению к мигрантам настроены лишь 16%, в Литве – 14% (это самый низкий процент по всему ЕС). В Латвии причины коренятся преимущественно в опасении утраты национальной идентичности. По словам социолога Дагмары Бейтнере, люди воспринимают беженцев как угрозу, в том числе, и из-за малочисленности латышского народа. В Литве в основном речь идет о представителях другой веры и традиций.

Таким образом, заявления об экзистенциальной угрозе с наибольшей долей вероятности возможно объяснить следующими причинами: Во-первых, у прибалтийских стран недостаточно финансовых ресурсов для оказания поддержки прибывающим беженцам. Уровень благосостояния этих государств не сопоставим с их западными и северными соседями. В сочетании с неопределенными экономическими временами и неясными перспективами в отношении решения кризиса беженцев это также одна из причин того, что общественное мнение в прибалтийских странах имеет тенденцию в основном противостоять квотам и питает распространение мигрантофобии. Недостаточны и материальные возможности: В Прибалтике существует только 3 центра по приёму беженцев, по одному в каждом государстве. В Латвии центр принадлежит Управлению по делам гражданства и миграции, его максимальная вместимость до 200 человек. В Литве регистрационный центр иностранцев входит в состав Государственной пограничной службы при Министерстве внутренних дел Литовской Республики, где размещаются как нелегальные мигранты, так и лица, ищущие убежище. По официальным оценкам его вместимость 500 человек. Из-за отсутствия средств не все потребности просителей убежища могут быть обеспечены, например, медицинские услуги.

Во-вторых, в странах Балтии отсутствует эффективный опыт в интеграции этнических групп, которые доминируют в нынешних потоках беженцев как сирийцы, афганцы, албанцы и иракцы. Следует указать, что в действительности среди заявителей гораздо больше представителей других национальностей. В Эстонии действительно доминируют сирийцы и суданцы, но в Латвии это украинцы и вьетнамцы, а в Литве украинцы и афганцы, которые, как уже отмечалось, рассматривают прибалтийские страны скорее как транзитную остановку.

Таким образом, вряд ли допустимо говорить о том, что миграционный кризис создаёт экзистенциальные угрозы для Прибалтийских государств. К настоящему времени он не привёл к росту нестабильности, и вряд

ли будет способствовать социальному расколу, национальной или конфессиональной дисгармонии. Он не вызвал стремительного роста евроскептицизма, т.к. Эстония, Латвия и Литва теснейшим образом связаны со странами Евросоюза (в частности, Финляндией, Швецией и Польшей). Также не следует считать, что прибывающие усугубят экономическую ситуацию. Их число не велико, а обратный отток стабилен. Скорее речь может идти об утрате доверия к собственной власти в вопросах связанных с кризисом беженцев. Пока не актуальной является проблема внутренней безопасности и террористической угрозы.

1. Bevölkerung [Electronic resource]. – Mode of acces: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=de&pcode=tps00001&plugin=1>. – Date of acces: 09.03.2019.
2. Bewältigung der Flüchtlingskrise: Unmittelbare, operative, budgetäre und rechtliche Maßnahmenim Rahmen der Europäischen Migrationsagenda [Electronic resource]. – Mode of acces: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-15-5700_de.htm/ – Date of acces: 09.03.2019.
3. Erstinstanzliche Entscheidungen über Asylanträge – Jährliche aggregierte Daten [Electronic resource]. – Mode of acces: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&init=1&language=de&pcode=tps00192&plugin=1/> – Date of acces: 09.03.2019.
4. Flüchtlingskrise: die Europäische Kommissionhandelt – Fragen und Antworten. Straßburg, 9. September 2015 [Electronic resource]. – Mode of acces: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-15-5597_de.htm. – Date of acces: 09.03.2019.
5. Migrant smuggling networks joint Europol-Interpol Report. Executive Summary May 2016 [Electronic resource]. – Mode of acces: https://www.europol.europa.eu/.../ep-ip_report_executive. – Date of acces: 09.03.2019.
6. UURING: Peaministritusaldaabvaidseitseprotsentirahvast [Electronic resource]. – Mode of acces: <http://www.pealinn.ee/koik-uudised/uuring-peaministrit-usaldaab-void-seitseprotsenti-rahvast-n153192>. – Date of acces: 09.03.2019.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВАТИКАНА ПОСЛЕ II ВАТИКАНСКОГО СОБОРА

Д. Г. Ларионов (Минск)

Ватикан является самым маленьким по площади и населению государством в мире. Тем не менее, значение Ватикана в мировой политике, международных отношениях, его позиция по многим актуальным проблемам человечества достаточно заметны и, зачастую, оказываются способны влиять на происходящие процессы. Влияние Ватикана, по сути, опровергает установки классической геополитики, полагающей, что мощь государства зависит от площади занимаемой территории и от вооруженных сил. Сталинская ирония по поводу количества дивизий у Папы Римского [5, с. 66], возможно, остроумная для середины 1930-х гг., в настоящее время заметно утратила актуаль-

ность. В современных условиях моральный авторитет проводимой Папой политики зачастую оказывается не менее значимым, чем традиционные методы внешней политики. Причины таких перемен кроются в тех изменениях отношения к современному миру, к участию в политике и идеологическом противостоянии, которые Католическая Церковь начала во время и после II Ватиканского Собора (1962–1965 гг.).

Католическая Церковь исторически является активным участником политической жизни в Европе и мире. Организованная, институционализованная дипломатическая деятельность папства ведет начало уже с XV в. В настоящее время внешней политикой Ватикана ведает Отдел отношений с государствами Государственного секретариата. С ноября 2017 г. в рамках Секретариата функционирует также Отдел дипломатического состава Святого Престола [12]. Однако внешнюю политику Ватикана, как государства, а также Католической Церкви, как института, определяет Понтифик, в ее осуществлении участвуют различные католические ордены организации, миряне, что находит отображение в ряде церковных документов.

Как известно, курс на демократизацию церковной жизни был закреплен в решениях II Ватиканского Собора и иных документах этой эпохи. В духе соборного оптимизма с начала 1960-х гг. Ватикан инициирует новую «восточную политику», направленную на нормализацию отношений с социалистическими странами. Ключевой фигурой в выстраивании новой системы отношений между Ватиканом и атеистическими государствами стал А. Казароли, который совершал многочисленные визиты в страны соцлагеря и добивался обеспечения прав Церкви и верующих [4, с. 339–342]. В определенной мере можно сказать, что «восточная политика» Ватикана предшествовала и готовила разрядку международной напряженности, продемонстрировав великим державам и противоборствующим идеологиям возможный алгоритм снятия принципиальных разногласий и поиска компромиссных решений.

Эта новая линия в ватиканской дипломатии была настолько заметна и важна, что, с определенными корректировками, не прерывается до сего времени. Свое одобрение эта новая тенденция заслужила даже со стороны советских авторов, которые подчеркивали разрыв между новым и традиционным внешнеполитическим курсом Ватикана. В частности, констатировалось, что папы и епископы «учили печальный опыт внешнеполитической деятельности Пия XII, превратившего ватиканскую дипломатию в придаток американской и способствовавшего дальнейшему падению международного авторитета Ватикана» [3, с. 10].

В настоящее время, согласно официальным данным Святого престола, им установлены дипломатические отношения со 180 странами, а также является членом или наблюдателем в нескольких десятках международных организаций [6]. Большую часть этих договоров Ватикан заключил именно в послесоборный период. Отчасти это объясняется тем фактом, что значи-

тельная часть субъектов международного права возникла именно на протяжении последнего полувека. В то же время, нельзя не признавать и того факта, что установление дипломатических отношений между Ватиканом и атеистическими либо мусульманскими странами в прежние времена представлялись едва ли возможными.

Особенно заметным стало присутствие Ватикана в мировой политике во время понтификата Иоанна Павла II (1978–2005). Этот понтифик не только внес вклад в развитие теологической и политической мысли, но и многое сделал для становления новой, активной позиции католицизма на мировой арене. Иоанн Павел II совершил более сотни зарубежных визитов, выступая в странах пребывания не только как глава Ватикана и Церкви, но и как моральный лидер, адресующийся ко всему миру, без различия религиозных и мировоззренческих предпочтений.

В настоящее время, при Папе Франциске, внешняя политика Ватикана приобрела новые черты. С одной стороны, Франциск вернулся к активной социальной риторике Иоанна Павла II, вновь сделав голос Ватикана интересным для мирового общественного мнения. С другой, он своими действиями и выступлениями заходит еще дальше в разрыве с традиционными принципами действий Ватикана.

Среди резонансных внешнеполитических маневров актуального Понтифика выделяются действия, направленные на завоевание симпатии либеральной общественности и против консервативных, традиционных установок. В частности, во время визита в Боливию (2015) Франциск провел сердечную встречу с ее президентом Э. Моралесом, являющимся большим сторонником идей венесуэльского лидера У. Чавеса. В дар от главы Боливии Папа получил так называемое «коммунистическое распятие», на котором фигура Христа прикреплена к скрещенным серпу и молоту. Этот поступок вызвал осуждение в традиционалистских католических кругах [11], однако официальным Ватиканом был воспринят с дипломатичной благожелательностью [13].

Еще больше противоречий в католических кругах вызвало временное соглашение о назначении епископов, заключенное между Ватиканом и КНР (сентябрь 2018) [9]. Формально, это соглашение направлено на нормализацию жизни Церкви в Китае. Однако тонкость ситуации заключается в том, что согласно договоренности, Ватикан признал действительными те епископские хиротонии, которые были совершены без папского мандата в так называемой Патриотической церкви, лояльной к коммунистическому руководству страны. В то же время, это оказалось ударом по тем католикам, которые оставались верными Ватикану все прошлые десятилетия [1]. «Невероятным предательством» и «полной сдачей» назвал заключенное соглашение один из лидеров китайских католиков гонконгский кардинал Й. Дзен [7].

Эти противоречивые действия Франциска вполне отвечают его представлениям об истинном благе и его представлению о настоящем христианстве. Еще в 2016 г. он четко выразил мысль: «Именно коммунисты думают, как христиане» [10].

Не меньший резонанс вызвал и конфликт между Святым Престолом и Мальтийским орденом (2016–2017). Официально Орден считается суверенным субъектом международного права, проводя самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику, подчиняясь, в то же время, Папе. В результате конфликта по приказу Франциска консервативный глава Ордена М. Фестинг ушел в отставку, на смену ему пришел лояльный понтифику руководитель. На протяжении 2014–2017 гг. патроном Ордена был один из наиболее консервативных церковных иерархов, критик Франциска кардинал Р. Бёрк. При нем Орден стал рассматриваться как один из оплотов консервативных католических ценностей в лоне официальной Церкви. Поэтому скандал, завершившийся отставкой Великого Магистра Ордена, многими комментаторами рассматривается не только как «аннексия» суверенного субъекта международного права, осуществленная Папой Франциском [8], но и как удар по позициям католического традиционализма [2].

Можно сделать вывод, что после II Ватиканского Собора одним из значительных изменений во внешней политике Ватикана стала ориентация не столько на интересы Церкви, христианства вообще, сколько на интересы «общего блага», мира во всем мире, социальной справедливости. Такое смещение приоритетов, как правило, вызывает приязнь со стороны политических лидеров, особенно из не католических и не христианских стран. Однако к издержкам подобной политики относится критика со стороны традиционно ориентированных католиков, чьи доводы базируются на многовековой традиции Церкви. Результатом подобного расхождения во взглядах между церковным руководством и поддерживающим его большинством с одной стороны и традиционалистским меньшинством становится усиление внутрицерковного разделения между модернистами и традиционалистами, существующего со времени Собора.

1. Воронин, А. Почему китайские католики говорят о предательстве Ватикана? [Электронный ресурс] / А. Воронин // BBC News. Русская служба. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-45654909>. – Дата доступа: 12.04.2019.
2. Куприянов, А. Рыцари против папы [Электронный ресурс] / А. Куприянов // Lenta.ru. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2017/01/27/maltese_order/. – Дата доступа: 12.04.2019.
3. Папство в современном мире. Введение // Папство в современном мире. Реферативный сборник. – М. : ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 5–13.
4. Пономарев, В. П. Казароли Агостино / В. П. Пономарев // Православная энциклопедия. – М. : Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2012. – Т. 29. – С. 339–342.
5. Черчилль, У. С. Вторая мировая война: В 6 т. / У. С. Черчилль. – М. : ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. – Т. 1: Надвигающаяся буря. – 336 с.

6. Bilateral Relations of the Holy See [Electronic resource] // The Holy See. – Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/documents/rc_seg-st_20010123_holy-see-relations_en.html. – Date of access: 12.04.2019.
7. Chapman, M. W. Cardinal Zen on Pope's China Deal: 'It's an Incredible Betrayal,' a 'Complete Surrender' [Electronic resource] / M. W. Chapman // CNSNews. – Mode of access: <https://www.cnsnews.com/blog/michael-w-chapman/cardinal-zen-popes-china-deal-its-incredible-betrayal-complete-surrender>. – Date of access: 12.04.2019.
8. Condon, E. The Vatican has destroyed the Order of Malta's sovereignty. What if Italy does the same to the Vatican? [Electronic resource] / E. Condon // Catholic Herald. – Mode of access: <https://catholicherald.co.uk/commentandblogs/2017/01/25/the-vatican-has-destroyed-the-order-of-maltas-sovereignty-what-if-italy-does-the-same-to-the-vatican/>. – Date of access: 12.04.2019.
9. Provisional Agreement between Holy See and China [Electronic resource] // Vatican News. – Mode of access: <https://www.vaticannews.va/en/vatican-city/news/2018-09/china-holy-see-agreement-appointment-bishops.html>. – Date of access: 12.04.2019.
10. Scalfari, E. Pope Francis: "Trump? I do not judge. I care only if he makes the poor suffer" [Electronic resource] / E. Scalfari // Repubblica. – Mode of access: https://www.repubblica.it/vaticano/2016/11/11/news/pope_francis_trump-151810120/?refresh_ce. – Date of access: 12.04.2019.
11. Skojec, S. The Communist "Crucifix": A Golden Opportunity for Pope Francis [Electronic resource] / S. Skojec // 1P5. – Mode of access: <https://onepeterfive.com/the-communist-crucifix-a-golden-opportunity-for-pope-francis/>. – Date of access: 12.04.2019.
12. The Secretariat of State [Electronic resource] // The Holy See. – Mode of access: http://www.vatican.va/roman_curia/secretariat_state/documents/rc_seg-st_12101998_profile_en.html. – Date of access: 12.04.2019.
13. Winfield, N. Vatican: 'Communist crucifix' sign of dialogue, not ideology [Electronic resource] / N. Winfield // The Associated Press. – Mode of access: <https://apnews.com/e6304d01ab0642708cc248317042ceba>. – Date of access: 12.04.2019.

ВОПРОС ПОТЕНЦИАЛЬНОГО ЧЛЕНСТВА ШОТЛАНДИИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В ПРЕДДВЕРИИ РЕФЕРЕНДУМА О НЕЗАВИСИМОСТИ ШОТЛАНДИИ 2014 г.

И. Л. Курс (Минск)

Важнейшей особенностью политического развития Великобритании последних десятилетий стала деволюции в Шотландии. Под этим понятием в научной литературе понимается процесс передачи центральными органами Великобритании части своих полномочий региональным органам Шотландии, а также практика реализации делегированных полномочий шотландскими политическими институтами. В 1998 году были созданы два региональных шотландских органа власти – парламент Шотландии, известный также под названием Холируд, и шотландская исполнительная власть. Свою работу они начали в мае 1999 года.

Несмотря на эти действия британского руководства, постепенно в регионе всё большую популярность начали приобретать идеи, предпола-

гающие дальнейшее расширение самоуправления Шотландии вплоть до выхода из состава Соединённого Королевства и провозглашения независимости. Главным политическим агрегатором таких настроений стала Шотландская национальная партия. Долгое время остававшаяся на периферии электорального внимания, с началом деволуции эта партия всё уверенней заявляла о себе. После восьми лет работы в Шотландском парламенте в качестве официальной оппозиции, по итогам третьих выборов в Холируд в 2007 году националисты смогли сформировать правительство меньшинства, тем самым впервые став правительственной партией. На следующих региональных выборах в 2011 г. ШНП и вовсе добилась исторического успеха, завоевав себе абсолютное большинство мест в новом составе Шотландского парламента. Это позволило партии инициировать переговоры с правительством Соединенного Королевства о проведении референдума по вопросу независимости региона. Итогом этих переговоров стало подписание 15 октября 2012 года Эдинбургского соглашения. Оно устанавливало, что конституционный референдум должен состояться не позднее конца 2014 года и состоять из одного вопроса, предполагающего чёткий и недвусмысленный ответ касаясь будущего Шотландии. В качестве даты голосования было выбрано 18 сентября 2014 года.

Одним из ключевых вопросов, находившихся в центре политических дебатов перед референдумом, была проблема членства независимой Шотландии в составе Европейского союза. Националисты и их сторонники не единожды заявляли, что суверенная Шотландия должна автоматически стать полноправным членом союза, ведь в случае получения независимости регион возьмет на себя все договорные обязательства Соединенного Королевства на принципах правопреемственности. Более того, националисты изначально решили достигать статуса независимости шотландской нации при содействии ЕС, заявляя о своем желании получить «суверенитет в Европе» [1, с. 67].

Гарантии автоматического членства в ЕС были важны для сторонников независимости сразу по нескольким причинам. Во-первых, это подчеркнуло бы легкость перехода к статусу суверенной державы, во-вторых, успокоило бы население региона и особенно его бизнес-сообщество от неопределенности в сфере экономики, а в-третьих, в целом облегчило переговоры с Лондоном о будущих взаимоотношениях [8].

Однако рассуждения националистов о праве независимой Шотландии стать членом европейских интеграционных структур были поставлены под сомнение руководством этих самых структур. Обсуждая возможность независимой Шотландии автоматически стать членом ЕС, председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу заявил, что новые государства, надеющиеся присоединиться к организации, должны будут подавать стандартную заявку на вступление в Европейский союз. Он отказался комментировать перспективы выхода Шотландии из состава Великобритании,

однако чётко дал понять, что «существует определенная процедура, основанная на международном праве, которой должны придерживаться все страны, желающие присоединиться к ЕС» [2].

Положение сторонников независимости осложнилось ещё сильнее после выступления министра иностранных дел Испании Мануэля Гарсия Маргалло. По его словам, Шотландия не просто не сможет претендовать на автоматическое членство в Европейском союзе, но будет вынуждена «встать в очередь и обратиться с просьбой о приеме», а после этого добиться единогласного согласия государств-членов ЕС» [4]. Подобная жесткая риторика Гарсии Маргалло объяснялась внутривнутриполитической ситуацией Испании. Мадрид понимал, что лёгкий транзит независимой Шотландии в Европейский союз даст лишний козырь каталонским сепаратистам, поэтому был обязан реагировать на сложившуюся ситуацию именно так.

Представители Шотландской национальной партии выразили своё несогласие с позицией Баррозу и Маргалло. Руководитель националистов и первый министр Шотландии Алекс Сэлмонд заявил, что шотландское правительство получило официальное заключение от юристов о том, что в случае обретения независимости Шотландия будет иметь право войти в состав ЕС без длительного ожидания в соответствии со статьёй 48 Договора о Европейском союзе. В свою очередь, заместитель Сэлмонда Никола Стурджен признала необходимость проведения дополнительных консультаций с представителями ЕС по этому вопросу [5].

С приближением даты референдума градус напряжения дебатов продолжал нарастать. В октябре 2013 года премьер-министр Испании Мариано Рахой ещё сильнее ужесточил позицию своего правительства и предостерег регионы Европы «от единоличных приключений в неопределённое будущее» [6]. Рахой предупредил, что нормы Договора о ЕС касаются только ратифицировавших его стран, поэтому независимая Шотландия должна будет подаваться на вступление в организацию на общих основаниях. Спустя некоторое время схожую точку зрения вновь озвучил председатель Европейской комиссии Жозе Мануэл Баррозу. По его словам, независимой Шотландии будет «если и не невозможно, то очень сложно присоединиться к ЕС», потому что это потребует согласия всех без исключения членов Европейского союза – очевидный намек на позицию Испании [3]. В ответ на это представители Шотландского правительства назвали заявление Баррозу нелепым и абсурдным. Министр финансов Шотландии Джон Свинни в интервью указал на то, что Испания не будет препятствовать независимой Шотландии стать членом ЕС, если этот процесс будет в договорном порядке урегулирован с Лондоном.

Последняя подобная пикировка состоялась уже непосредственно перед референдумом о независимости Шотландии. Выступая в парламенте Испании за день до голосования, Мариано Рахой назвал потенциальную независимость региона катастрофой, которая ухудшит экономическое со-

стояние ЕС и поставит организацию под угрозу дезинтеграции [7]. Рахой также подчеркнул, что, в лучшем случае, Шотландию ждут годы нахождения вне Европейского союза и что никто не сумеет дать гарантии того, как быстро она сможет вновь стать членом организации. Сторонники независимости региона в ответ на это заявили, что «абсурдно лишать пять с четвертью миллионов человек гражданства ЕС против их воли», так как это идет вразрез с основополагающими принципами Европейского союза» [7]. Они предложили обратиться к этому вопросу уже после референдума.

На состоявшемся 18 сентября 2014 года референдуме шотландцы большинством голосов решили остаться в составе Соединённого Королевства. Тем самым проблема потенциального членства независимой Шотландии в Европейском союзе как минимум временно утратила свою актуальность. Политические дебаты, проходившие накануне голосования, так и не дали окончательного ответа о возможности автоматического членства суверенной Шотландии в составе ЕС. Как было показано в статье, по этому вопросу существовало две противоположные позиции. Первой из них придерживались представители Шотландской национальной партии, возглавлявшие в то время правительство региона. Они считали, что суверенная Шотландия будет являться правопреемницей Соединённого Королевства, а потому её место в составе ЕС не может ставиться под сомнение. Другого мнения придерживались представители европейских интеграционных структур и некоторые страны-участницы Европейского союза. Они настаивали на том, что в случае провозглашения независимости Шотландия будет обязана подать отдельную заявку и пройти все формальные этапы процедуры вступления в организацию. Даже при этом Шотландии отнюдь не гарантировался конечный успех. Испанские власти, учитывая наличие в собственном государстве каталонского сепаратистского движения, давали понять, что могут выступить против членства Шотландии и наложить вето на её заявку. Таким образом, вопрос потенциального членства суверенной Шотландии в Европейском союзе за период преферендумной кампании в регионе так и не был окончательно решён.

1. Андреева, Т. Внутри- и внешнеполитические аспекты проблемы независимости Шотландии. / Т. Андреева // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 6. – С. 65–74.
2. Barroso casts doubt on independent Scotland's EU membership rights // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2012/sep/12/barroso-doubt-scotland-eu-membership>. – Date of access: 06.04.2019.
3. Independent Scotland 'would find it extremely difficult to join EU' // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2014/feb/16/independent-scotland-extremely-difficult-join-eu>. – Date of access: 06.04.2019.

4. 'Join the queue' for EU membership, Spain tells Alex Salmond // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2012/oct/24/scotland-eu-membership-spain>. – Date of access: 06.04.2019.
5. Scotland calls for urgent talks over EU membership // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2012/dec/10/scotland-urgent-talks-eu-membership>. – Date of access: 06.04.2019.
6. Scottish independence: Spain blocks Alex Salmond's hopes for EU transition // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2013/nov/27/scottish-independence-spain-alex-salmond-eu>. – Date of access: 06.04.2019.
7. Spain says it could take independent Scotland years to win EU membership // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/politics/2014/sep/17/spain-independent-scotland-years-eu-membership>. – Date of access: 06.04.2019.
8. Would an independent Scotland still be part of the EU? // The Guardian [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/sep/13/independent-scotland-eu-member-snp>. – Date of access: 06.04.2019.

ПОЗИЦИЯ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ИНТЕРВЕНЦИИ В ИРАКЕ В 2003 ГОДУ

Т. В. Свентецкая (Минск)

Научный руководитель: Д. Г. Ларионов (Минск)

После «Бархатного развода» в январе 1993 года перед Чешской Республикой встала необходимость формирования внешнеполитической линии. В целом, страны Центральной Европы в 1990-х гг. были преисполнены энтузиазма по поводу вступления в НАТО. Альянс воспринимался как идеальный способ защиты от Москвы, если она в скором времени восстановит силы и вновь поразит мир своей пассионарностью. Поэтому не удивительно, что концепция безопасности Чешской Республики во многом основывается на стратегической концепции Альянса, принятой в 1999 году на Вашингтонском саммите [14, р. 11].

Согласно этой концепции Чехия готова защищать свои жизненные и стратегические интересы, в том числе и вне своей территории. Однако в тексте концепции все же прописано, что «желательно для миротворческих операций, возглавляемых международными организациями, иметь соответствующую резолюцию Совета Безопасности ООН» [14, р. 8].

В пункте “В” части три стратегии безопасности Чешской Республики проведена попытка терминологического разграничения между «security threats» и «security risks» [14, р. 6]. Под последними подразумевались не прямые угрозы, которые не требуют немедленной реакции. Однако дальнейшие уточнения в концепции делали бессмысленным это разграничение, так как Чехия оставила за собой возможность участия в любых миротворческих операциях [14, р. 11].

Стартовое направление внешней политики Чехии задал её первый президент В. Гавел. Одной из целей В. Гавела было не только «обороняться от России», но и максимально не позволять ей сближаться с США. Своей целью он видел расширение границ НАТО на восток к культурным границам Запада, которые определялись им как границы стран Балтии, Беларуси и Украины с Россией. А вступление последней в НАТО В. Гавел считал вообще невозможным, и описывал такой сценарий исключительно в апокалиптических тонах [2, с. 358–361].

Концепция евроатлантизма обладала преимущественной поддержкой до четвертого расширения НАТО в 1999 году, сразу за которым последовал Косовский кризис того же года и потеря популярности Альянса и США в ЧР. Вероятно, чехи были застигнуты врасплох необходимостью принимать серьезное военно-политическое решение уже через несколько месяцев после вступления в Альянс. Не добавляло ясности при выборе позиции и отсутствие соответствующей резолюции ООН. Плюс к тому, население Чехии традиционно имело хорошие отношения с Югославией, проводя параллели в социалистическом прошлом (советско-югославский конфликт, пражская весна) [7, р. 119]. После Косовского кризиса 1999 года чешский антиамериканизм в паре с антиатлантизмом сориентировали ЧР на Европу [7, р. 111].

После 9/11 Чехия, как и страны ЕС, однозначно поддержала США в их желании начать войну с терроризмом. Но ситуация несколько изменилась, когда Соединенные Штаты стали искать союзников по антитеррористической борьбе вне рамок НАТО, а именно – Россию. Кульминацией союзнических устремлений двух стран стал саммит НАТО-Россия в Риме в мае 2002 года [12, р. 36].

Чехии идеально подходили целевые установки НАТО «keep USA in, USSR (Russia) out, Germany down» на момент вхождения страны в эту организацию. Однако рокировка сил на фоне борьбы с терроризмом породила чувство незащищенности внутри Чехии и снизила доверие к Альянсу [7, р. 121].

В политических рядах Чехии произошел раскол по внешнеполитической повестке, который стал особенно ощутимым в начале 2000-х гг. по вопросам Афганистана и в большей степени – Ирака.

Наметились три позиции: первая – проамериканская, представлена В. Гавелом, министром иностранных дел Ц. Свободой и министром обороны Я. Твырдиком; вторая – антиамериканская, на стороне которой Коммунистическая партия Чехии и Моравии, Чешская социал-демократическая партия, и частично Гражданская демократическая партия; третья – умеренная, поддерживаемая большинством в правительстве, в том числе и премьер-министром В. Шпидлой [5, с. 120; 15, р. 253].

Так, В. Гавел, будучи сторонником евроатлантизма, от имени Чехии подписал «письмо восьми» в поддержку военной операции США в Ираке [6], несмотря на отсутствие соответствующей резолюции ООН. Министр

обороны Я. Твирдик был активным сторонником чешского участия в интервенции в Ирак еще до вердикта Совета Безопасности ООН. В одном из интервью он сказал «умереть за правое дело – это хорошая смерть» [10], что вызвало в обществе неоднозначную реакцию.

Выражая умеренную позицию, правительство согласилось на участие чешского контингента в Ираке с мандатом ООН, но, если будет найдено оружие массового поражения, то и без мандата, что вполне соответствует концепции безопасности ЧР [8].

Позиция по Ираку также выносилась на президентские выборы января 2003 года. После первых выборов, не выявивших победителя, состоялись вторые, основными кандидатами на которых были В. Клаус и М. Земан. Первый был ярким противником военных операций НАТО, причем достаточно последовательным: еще в 1999 году однозначно осудил бомбежку Югославии [11, s. 105–111]. Тогда как М. Земан был менее категоричен и допускал возможность чешского участия в Ираке, особенно при резолюции СБ ООН [9]. Победа в третьем туре В. Клауса едва ли может быть поставлена в заслугу его внешнеполитической позиции, однако линия В. Клауса совпадала с позицией ГДП, бывшим председателем которой он являлся, и с общественным мнением [1]. Социологические опросы показывали нежелание населения участвовать в американских военных операциях: при наличии мандата ООН против высказывались 58% респондентов, при его отсутствии – 69%. Для сравнения войну в Афганистане поддерживали в 2001 году 67% опрошенных.

Вопросы ситуации в Ираке обсуждались и на 57-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН под председательством бывшего министра иностранных дел Чешской Республики Я. Кавана. В своей речи Я. Каван высказал позицию, полностью солидарную с заявлением Генерального секретаря ООН Кофи Аннана – несогласие с силовым решением вопроса в Ираке [12, p. 58].

За несколько дней до начала военной кампании в Ираке Совет Безопасности Чешской Республики принял решение, совпадающее с позицией парламента страны, не начинать военных действий без резолюции ООН. Чешское подразделение химической защиты, размещенное в Кувейте, могло начать активные действия только в случае появления неопровержимых доказательств наличия у Ирака оружия массового поражения, или его непосредственное применение [4].

Официальная позиция по конфликту определялась следующим образом: несмотря на то, что Чехия не принимает прямого участия в интервенции против режима Саддама Хусейна, она поддерживает международную коалицию [13, p. 174]. Однако фактически Чешская Республика выступила на стороне Франции и Германии [3].

Единственной активностью Чехии в Ираке было оказание гуманитарной помощи. Согласно резолюции Совета Безопасности ООН № 1483 по Ираку Чехия отправила в Ирак полевой госпиталь, который работал в

районе г. Басра с апреля по декабрь 2003 года [13, р. 53–54]. Правительство Чехии выделило 1.715 трлн. крон на восстановление Ирака и гуманитарную помощь населению [13, р. 174].

Отсутствие очевидных доказательств владения Ираком оружием массового поражения, игнорирования Соединенными Штатами решения Совета Безопасности ООН, последствия военной интервенции в Ирак породили в чешском обществе недоверие к США, к целесообразности и законности их внешней политики. Опрос общественного мнения в августе 2004 года показывает, что в Чехии Словакии доверяет 59.9% респондентов, Италии 53%, США 39.9%, России 21.1% [7, р. 120].

Таким образом, позиция Чешской Республики по вопросу военной кампании в Ираке определялась несколькими факторами. С одной стороны, Чехия была новоприбывшим членом Североатлантического Альянса, формировала свой имидж надежного союзника. После террористической атаки 11 сентября 2001 года присоединилась к международной коалиции в борьбе против терроризма. С другой стороны, часть политического истеблишмента и большая часть населения Чехии не видели достаточных доказательств необходимости проведения операции в Ираке. Более того, Чехия находилась в шаге от вступления в Европейский союз и была заинтересована в выработке единой позиции со странами-членами, в особенности по экономическим причинам. Так, торговля Чехии с Германией составляла 34.4% от общего товарооборота, тогда как с США – чуть более 3% [12, р. 113, 256]. Можно резюмировать, что выбор Чехией линии поведения отвечал ее национальным интересам и соответствовал основным тенденциям в новой складывающейся системе миропорядка.

1. Вашкова, Л. Угроза войны приближается с каждой секундой [Электронный ресурс] / Л. Вашкова // Radio Praha. – Режим доступа: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/ugroza-vojny-priblizhaetsya-s-kazhdoj-sekundoj>. – Дата доступа: 05.04.2019.
2. Гавэл, В. Паняцце “Захад” і задачы НАТО / В. Гавэл // Жыццё ў праўдзе. Эсэ і прамовы. – Вільнюс, 2014. – С. 346–365.
3. Каймаков, А. «У правительства немного странная позиция» [Электронный ресурс] / А. Каймаков, А. Чеканова, С. Черноушек // Radio Praha. – Режим доступа: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/u-pravitelstva-nemnogo-strannaya-poziciya>. – Дата доступа: 05.04.2019.
4. Каймаков, А. Совет Безопасности Чехии принял решение. Без резолюции ООН чешские солдаты в бой не пойдут [Электронный ресурс] / А. Каймаков // Radio Praha. – Режим доступа: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/sovet-bezopasnosti-chexii-prinyal-reshenie-bez-rezolyucii-onn-cheshskie-soldaty-v-boj-ne-pojdut>. – Дата доступа: 05.04.2019.
5. Прыступа, Н. Палітычная арэна Чэхіі: працэсуальная нестабільнасць / Н. Прыступа // АРСНЕ. Чэскі альбом. – 2003. – № 4. – С. 198–205.
6. Свиридов, Л. Чехия пересмотрит свою позицию по Ираку? [Электронный ресурс] / Л. Свиридов // РИА Новости. – Режим доступа: <https://ria.ru/20030302/331887.html>. – Дата доступа: 05.04.2019.

7. Cabada, L. Czechoslovakia and Czech Republic in World politics / L. Cabada, Š. Waisová. – Plzen : Aleš Čeněk, 2006. – 158 p.
8. Götzová, J. Vláda řekla ano irácké misi, prezident souhlasí [Electronic resource] / J. Götzová // Novinky.cz. – Mode of access: <https://www.novinky.cz/domaci/720-vlada-rekla-ano-iracke-misi-prezident-souhlasi.html>. – Date of access: 05.04.2019.
9. Hekrdla, M. Klaus a Zeman, válka a mír [Electronic resource] / M. Hekrdla // Novinky.cz. – Mode of access: <https://www.novinky.cz/domaci/1238-klaus-a-zeman-valka-a-mir.html>. – Date of access: 05.04.2019.
10. Houska, K. Tvrdík: Umřít za dobrou věc, to je hezká smrt [Electronic resource] / K. Houska // Novinky.cz. – Mode of access: <https://www.novinky.cz/domaci/598-tvrdik-umrit-za-dobrou-vec-to-je-hezka-smrt.html>. – Date of access: 05.04.2019.
11. Klaus, V. My, Evropa a svět / V. Klaus. – Praha : Fragment, 2013. – 179 s.
12. Report on the Foreign Policy of the Czech Republic 2002 / Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. – Prague, 2003. – 330 p.
13. Report on the Foreign Policy of the Czech Republic 2003 / Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic. – Prague, 2004. – 293 p.
14. Security strategy of the Czech Republic: adopted by Government on January 22, 2001. – Prague : Decibel production, 2001. – 16 p.
15. Simon, J. NATO and the Czech and Slovak Republics: a comparative study in civil-military relations / J. Simon. – Lanham : Rowman & Littlefield publishers, 2004. – 307 p.

ВЗГЛЯДЫ РОБЕРТА ГЕЙТСА НА ИРАКСКУЮ ВОЙНУ 2003–2011 гг.

Т. В. Красильщикова (Владимир)

Внешняя политика США, ведущего государства в мире, всегда привлекала и привлекает внимание исследователей. События XXI в. позволили всем ведущим мировым державам принять участие в урегулировании мировых конфликтов, в развязывании новых войн против мировых угроз. Кампания США 2003–2011 гг. в Ираке не стала исключением. Отличие данного события от подобных военных кампаний состоит в том, что уже через несколько лет произошла переоценка действий американской администрации. В данной статье будет рассмотрена точка зрения Роберта Гейтса, американского государственного и военного деятеля. Роберт Гейтс знаменит тем, что в своей жизни занимал самые разные посты, связанные с армией или обороной государства. В 1967–1969 гг. он служил в ВВС США, кроме этого почти 30 лет работал в ЦРУ (1966–1993 гг.). И в 2006–2011 гг. занимал пост министра обороны США в период администраций Джорджа Буша-мл. и Барака Обамы.

Представления Роберта Гейтса об американской кампании 2003–2011 гг., отраженные в его книге 2014 г., можно условно поделить на несколько частей. Во-первых, это его собственные взгляды на эту кампанию до начала военных действий. Во-вторых, его взгляды и действия уже после начала кампании в Ираке, когда он стал министром обороны США.

Его идеи относительно дальнейшего развития событий в Ираке и представления о кампании в целом, ценны еще и тем, что он сам лично несколько раз бывал в Ираке, будучи министром обороны, и даже еще до занятия этой должности.

Говоря о взглядах Р. Гейтса в самом начале 2000-х гг., то необходимо отметить, что его взгляды мало отличались от взглядов большинства жителей его страны. Он верил президенту, верил в его политический курс, верил его команде политиков [3]. Отличие состояло лишь в том, что он являлся действующим политиком, министром обороны, отвечающим за ведение военных действий в стране или за рубежом. Он сам, к тому же, отмечал, что любые крупные и активные действия надо планировать, тщательно и четко, с опорой на разведывательные данные [6]. Но, в то же время отмечал, что к осени 2007 г. все военные действия в Ираке должны были быть закончены.

В своей речи перед сенаторами, перед своим избранием на пост министра обороны, Р. Гейтс не смог обойти стороной животрепещущую проблему того времени. Но, указал, что его назначение на пост министра обороны будет означать расширение сотрудничества с сенаторами, членами Палаты представителей, армейским командованием. Он верил, что только сообща можно будет добиться единой тактики и стратегии в Ираке [1, с. 29–30].

И, говоря о кампании в Ираке, Р. Гейтс сначала указывал, что увеличение численности американских войск необходимо [1, с. 14], но следовало четко понимать, когда и в каких операциях необходим увеличенный состав, это должно было зависеть от действий иракского правительства, в первую очередь. Ведь из бесед с солдатами он узнал, что слишком большая армия здесь тоже не нужна, главное расставить военный контингент во всех проблемных точках страны, что, соответственно, требовало не большого увеличения численности войск. Поэтому в своем послании отмечал, что значительное увеличение численности контингента США до 40 000 человек необходимо, но краткосрочное, на срок до шести месяцев [1, с. 55]. Итогом этого стало решение об отправке дополнительного контингента – пять дополнительных тактических бригад в Багдад и два батальона морской пехоты в провинцию Анбар [2].

В декабре 2007 г. вмешательства американских войск в установление государственности в Ираке продолжались, но к этому времени взгляды Р. Гейтса поменялись. Дальнейшее присутствие войск он не отрицал [5]. Приводил несколько причин в подтверждение их присутствия. Во-первых, войска были важны для предотвращения религиозных конфликтов. Во-вторых, войска должны были остановить столкновения арабов и курдов. В-третьих, американские войска являлись сдерживающим фактором для вмешательства Ирана. В-четвертых, продолжение борьбы с терроризмом. Но ему пришлось согласиться с началом постепенного сокращения американских войск в Ираке уже в начале 2008 г. [1, с. 311]. К этому призывал президент после ознакомления с докладами разных представителей

о делах в Ираке [4]. Единственной целью Р. Гейтса было – не дать возможности демократам изменить установленную стратегию.

После прихода к власти Барака Обамы курс США во внешней политике, касаясь Ирака, не сильно изменился. Численность американских войск к тому времени уже заметно сократилось, но Р. Гейтс был уверен, что оставшиеся войска должны помочь преодолеть иракцам внутренние разногласия [1, с. 636]. Активное военное присутствие США в Ираке завершилось 31 августа 2010 г. И на вопросы журналистов в Ираке в этот день Р. Гейтс сказал, что американские войска в Ираке «совершили настоящий подвиг», но только спустя некоторое время можно будет объективно оценить произошедшие тут события.

Таким образом, курс Министерства обороны говорил о том, что Роберт Гейтс являлся дальновидным и аккуратным политиком, разумно оценивающим возможности и шансы американских войск на исход событий в Ираке. Но, необходимо отметить, что, несмотря на подобный план действий, Р. Гейтс оставался тем человеком, кто отдавал приказы о военных операциях в Ираке, верил в необходимость вторжения, верил в наилучший исход американской кампании в Ираке. Единственная особенность его взглядов состояла лишь в том, что он призывал всех ответственных лиц к необходимости тщательного планирования всех действий, к дополнительной проверке сведений разведки [7], а также лично участвовал в налаживании жизни в Ираке, в постепенном выводе американских войск.

1. Гейтс, Р. Мемуары министра войны / Р. Гейтс. – М. : Аст, 2014. – 798 с.
2. Орлов, А. Джордж Буш обнародует новую стратегию войны в Ираке / А. Орлов // Российское информационное агентство. – Режим доступа: <https://ria.ru/20070110/58767843.html> – Дата доступа: 03.04.2019.
3. Шмелева, Т. А. Арабские страны и кампания США против Ирака [Электронный ресурс] / Т. А. Шмелева // Институт Ближнего Востока. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=138>. – Дата доступа: 03.02.2019.
4. Bush, G. W. President Welcomes President Chirac to the White House [Electronic resource] / G. W. Bush // The White House. – Mode of access: www.whitehouse.gov/news/releases/2001/11/20011106-4.html. – Date of access: 15.03.2018.
5. El Baradei, M. The Status of Nuclear Inspections in Iraq: An Update [Electronic resource] / M. El Baradei // International Atomic Energy Agency. – March, 7, 2003. – Mode of access: www.iaea.org/NewsCenter/Statements/2003/ebsp2003n006.shtml. – Date of access: 15.03.2018.
6. Strobel, W. P. Post-War Planning Non-existent / W. P. Strobel, J. Walcott // Knight Ridder Newspaper. – October, 17. 2004. – Mode of access: <http://www.realcities.com/mld/kwashington/news/world/9927782.htm>. – Date of access: 15.03.2018.
7. Washington Post Poll: Saddam Husein and the September 11 Attacks // Washington Post. – September, 6, 2003. – Mode of access: www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/polls/vault/stories/data082303.html. – Date of access: 15.03.2018.

ИТОГИ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ВЫБОРОВ 2018 г. В США

А. В. Тищенко (Минск)

Промежуточные выборы в США имеют ключевое значение в политической жизни страны. 6 ноября 2018 г. американцы выбирали 435 членов палаты представителей, 35 сенаторов, 36 губернаторов. По своей сути промежуточные выборы явились своеобразным референдумом о доверии действующей администрации. И, несмотря на фактическое отсутствие в бюллетенях фамилии действующего президента, они напрямую связаны с фигурой Д. Трампа. Ввиду явной оппозиции демократов в первой половине президентства республиканца, реализация инициатив республиканской администрации была возможной только благодаря партийному большинству в конгрессе. Единственным реальным достижением первой половины президентского срока Д. Трампа стала налоговая реформа. Для реализации предвыборных обещаний администрации Д. Трампа было необходимо сохранить большинство в обеих палатах конгресса. Без выполнения этого условия практически невозможным становилось выполнение таких обещаний, как отмена 14-й поправки, свёртывание программы «Обамакер» или строительство стены на границе с Мексикой. Однако, на фоне лжи, невыполненных обещаний, и многочисленных скандалов, многие специалисты сходились во мнении, что республиканцы потеряют большинство в палате представителей [4; 9; 10].

Своеобразным индикатором предполагаемого результата партии на промежуточных выборах является рейтинг одобрения президента. К выборам Д. Трамп подошёл с рейтингом одобрения около 40 процентов [18]. Это очень низкий показатель. Для сравнения, в 2010 году, имея рейтинг одобрения деятельности Б. Обамы в 45 процентов, демократическая партия потерпела поражение и утратила большинство в палате представителей, сохранив лишь небольшой перевес в сенате [19]. Неутешительной для республиканцев в предверии выборов являлась и статистика: с 1934 года промежуточные выборы состоялись 21 раз. Партия действующего президента смогла упрочить свои позиции в палате представителей лишь трижды, пять раз удавалось это сделать в сенате. В последний раз это произошло в 2002 г. в период первого президентства Дж. Буша-мл.

Таким образом, спустя два года президентства Д. Трампа демократы получили реальную возможность ограничить его власть, всерьёз усложнив процесс прохождения законов в конгрессе. Большинство опросов перед выборами отдавали предпочтение демократам [22].

Основная борьба развернулась за места в палате представителей, где оспаривались все 435 мест. Таким образом, для получения большинства одной из партий было необходимо занять 218 мест. Для оценки шансов на выборах особый интерес представляет «Политический доклад Кука» (The Cook political Report), цель которого, собирать и анализировать информа-

цию о выборах, а также отслеживать политические тенденции в США. Данные доклада позиционируются как политически нейтральные и позволяют составить целостную политическую картину перед выборами. Специалисты высоко оценивали шансы на победу демократов именно в палате представителей. 38 республиканских мест аналитики назвали спорными, в то время как у демократов таковых было лишь 3 [3].

Высоко оценивались шансы республиканцев в Сенате. Согласно данным доклада, всего 9 республиканских мест могли сменить своих владельцев на этих выборах. При этом спорными считались лишь 3 из них. В свою очередь, демократам предстояло отстоять в сенате 24 своих места и два места независимых кандидатов, которые выступают на их стороне, что было объективно более сложной задачей. Однако даже защита своих мест не гарантировала бы демократам большинства в сенате, для этого необходимо было бы одержать победу в двух республиканских штатах. Подобный исход перед выборами оценивался как маловероятный.

По итогам выборов республиканская партия потеряла большинство в палате представителей. По данным на 15 ноября 2018 демократы заняли 235 мест, в то время как республиканцы получили 199 [6; 15].

Республиканцы предсказуемо сохранили за собой большинство в сенате, сохранив за собой 51 место и выиграв еще 2, в то время как демократы получили 45 мест. Ещё два места сохранили за собой независимые кандидаты Б. Сандерс от штата Вермонт и А. Кинг от штата Мэн [20].

По итогам выборов губернаторов республиканцы также превосходили демократов. Кандидаты от партии действующей администрации заняли 27 губернаторских кресел. Под управлением губернаторов демократов находятся 23 штата. Разница между кандидатами в штатах Джорджия и Флорида оказалась незначительной, по этой причине был назначен машинный пересчёт голосов. Это не стало сюрпризом. Флорида и Джорджия, ввиду своего неоднородного социального состава, являются яркими примерами колеблющихся штатов [8; 11]. Не обошлось и без неожиданностей. В штате Канзас, где предыдущие семь лет руководили республиканцы, губернатором стала представитель демократической партии Л. Келли [12].

В отличие от президентских выборов 2016 г., промежуточные выборы 2018 г. не принесли неожиданных результатов. Демократы впервые с 2014 г. получили большинство в палате представителей. Республиканцам в свою очередь удалось сохранить за собой большинство мест в сенате и губернаторских постов.

Почему республиканцам не удалось сохранить большинство в палате представителей? Есть несколько причин, объясняющих результаты выборов. Нежелание республиканских конгрессменов переизбираться – одна из них. Часто политики покидают конгресс в следствии преклонного возраста, однако это не всегда так. Многие из них желают перейти на другую выборную должность. В 2018 году сразу 38 республиканцев заявили о желании

покинуть конгресс. Для сравнения, на промежуточных выборах в 2014 году конгресс покинули 28 республиканцев, а в 2010 году такое решение приняли 20 политиков. Не в последнюю очередь желание конгрессменов перейти на другую работу связано с самой фигурой Д. Трампа. Противоречивые решения и низкий рейтинг президента ставят под удар политическую карьеру однопартийцев. Процесс голосования в конгрессе по некоторым инициативам президента и вовсе говорит о сложной ситуации внутри самой республиканской партии. Неспособность принять закон, имея большинство в обеих палатах парламента, говорит о разобщенности в рядах партии. В сложившейся ситуации некоторым конгрессменам выгоднее продолжать политическую карьеру в местных органах власти и на других должностях, где они освобождены от необходимости работать с президентом напрямую. Следует понимать, что уже занимающим должности кандидатам традиционно проще победить на выборах, благодаря их узнаваемости. Таким образом, уход опытных республиканских конгрессменов дал демократам дополнительные шансы на итоговый успех в палате представителей [21].

Ещё одной отличительной чертой промежуточных выборов 2018 г. стал гендерный фактор. Роль женщины-кандидата и женщины-избирателя оказалась велика как никогда. После выборов 2016 г. лишь 20% мест в конгрессе принадлежало женщинам. В 2017 году на фоне громких обвинений в сексуальных домогательствах, в числе которых оказался замешен и Д. Трамп, возросла роль женского движения в США. Демократическая партия использовала женский протест в своих политических интересах, выдвинув в конгресс больше женщин, чем когда бы то ни было. Более 230 женщин приняли участие в борьбе за места в конгрессе от демократической партии на выборах 2018 г. Это вдвое больше чем в 2016 г. Подобное явление наблюдается впервые с 1992 г., когда по результатам выборов число женщин-конгрессменов удвоилось по сравнению с 1990 г. [1]. Значение гендерного фактора на выборах 2018 г. подтверждают и их результаты. Места в конгрессе впервые получили женщины мусульманского вероисповедания, афроамериканка, а также представительница ЛГБТ-движения. Установлены рекорды по количеству женщин в сенате: 23 конгрессмена, 17 от демократической партии, 6 от республиканской; палате представителей: 101 конгрессмен, 88 от демократической партии, 13 от республиканской [2]. Эти результаты не были бы возможны без активного участия американских избирательниц в выборах [14].

Без сомнения, на итоги выборов повлияла высокая явка избирателей. На выборах проголосовали 113 млн. американцев, явка составила 49,2% [5]. Традиционно, промежуточные выборы менее популярны у избирателей, в сравнении с президентскими. Так, на промежуточных выборах 2014 г. проголосовало 81,6 млн. избирателей, а явка составила 35,9 процентов, в то время как на президентских выборах 2016 г. она составила 55,7 процентов, 135 млн. избирателей [7]. Считается, что низкая явка избирателей на выборы является преимуществом республиканской партии. Усредненный портрет

среднестатистического республиканского избирателя – белый американец старшего поколения. Это более активные избиратели, нежели молодые демократы, которым свойственно не пойти на выборы, если они не солидарны с выдвинутым кандидатом. Именно это произошло в 2016 году: многие демократические избиратели, уставшие от политического истеблишмента не пришли на избирательные участки, что стало преимуществом республиканцев. В 2018 году лидеры демократов сделали ставку на привлечение избирателей на участки. Была организована масштабная компания по популяризации выборов среди молодых демократов, с выступлениями перед избирателями ездил Б. Обама. В СМИ демократы называли промежуточные выборы 2018 г. «Главными выборами в жизни американцев». Активная кампания по привлечению молодёжи на избирательные участки велась в социальных сетях [16; 17]. В ответ Д. Трамп развернул агитационную кампанию среди республиканских избирателей. Число мероприятий с выступлениями президента перед потенциальными избирателями выросло с 1–2 в неделю в январе 2018 г., до 8–9 в октябре и ноябре того же года [23].

По результатам выборов, впервые с 2010 г. демократы получили большинство в палате представителей. Возвращение контроля над нижней палатой парламента – большой успех демократов, потому как именно палата представителей, согласно американской конституции, утверждает бюджет. Таким образом демократы получили реальную возможность ограничить Д. Трампа. Демократическая палата представителей ожидаемо будет продолжать политику противодействия реализации большинства инициатив действующего президента, тем самым осложнив вторую половину президентства республиканца. Глубокий раскол между демократами и республиканцами, наметившийся ещё во время администрации Б. Обамы остаётся главным явлением в политической жизни США. В сложившейся ситуации предпосылок для политики компромиссов нет.

Лидер демократов в конгрессе, Н. Пэлоси ещё до промежуточных выборов огласила повестку демократов в палате представителей. Основными пунктами повестки стали предложения о внесении в Акт о защите гражданских прав сексуальной и половой ориентации согласно самоидентификации гражданина, а не свидетельству о рождении, предоставление правового статуса иммигрантам, прибывшим в США в детстве, а также контроль над оружием. Демократы не обошли вниманием проблемы инфраструктуры политики, программ медицинского и социального страхования, а также обещали привлечь внимание к проблеме изменения климата. Важным демократы также считают обнародование налоговых деклараций Д. Трампа [13].

Назвать результат прошедших выборов провальным для республиканцев нельзя. Партия действующего президента сохранила сенат, а значит практически исключила возможность импичмента Д. Трампа. Сенат определяет внешнюю политику США. Это означает, что ожидать изменений в

торговой политике администрации Д. Трампа не стоит. Также, республиканская администрация сохранила за собой право утверждать удобных им кандидатов на важнейшие позиции во власти. Не стоит забывать, что президент сохранил за собой широкие полномочия благодаря возможности принимать исполнительные указы. Этим инструментом активно пользовался Б. Обама, в последние несколько лет своего президентства.

1. 2018: Women General Election Candidates for U.S. Congress and Statewide Elected Executive [Electronic resource] // Center for American Women and Politics. – Mode of access: <http://cawp.rutgers.edu/2018-women-candidates-us-congress-and-statewide-elected-executive>. – Date of access: 15.11.2018.
2. 2018 Election Night Tally [Electronic resource] // Center for American Women and Politics. – Mode of access: <http://cawp.rutgers.edu/2018-election-night-tally>. – Date of access: 13.11.2018.
3. 2018 House Race Ratings [Electronic resource] // Cook Political House Report. – Mode of access: <https://www.cookpolitical.com/ratings/house-race-ratings>. – Date of access: 06.11.2018.
4. 2018 Midterm Elections: House Races to Watch Right Now [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/us/elections/house-race-ratings.html>. – Date of access: 15.11.2018.
5. 2018 November General Election Turnout Rates [Electronic resource] // United States Elections Project. – Mode of access: <http://www.electproject.org/2018g>. – Date of access: 15.11.2018.
6. 2018 US midterm elections [Electronic resource] // Associated Press. – Mode of access: <https://www.ap.org/en-gb/topics/politics/us-election-services/2018-us-midterm-elections>. – Date of access: 30.08.2018.
7. Correction: Election 2018 Turnout story November 10, 2018 [Electronic resource] // Associated Press. – Mode of access: <https://www.apnews.com/7703f7fee3134d889b847f529c1131f2>. – Date of access: 10.11.2018.
8. Florida Election Results [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-florida-elections.html>. – Date of access: 06.11.2018.
9. Forecasting the race for the House [Electronic resource] // FiveThirtyEight. – Mode of access: <https://projects.fivethirtyeight.com/2018-midterm-election-forecast/house/>. – Date of access: 06.11.2018.
10. Forecasting the race for the Senate [Electronic resource] // FiveThirtyEight. – Mode of access: <https://projects.fivethirtyeight.com/2018-midterm-election-forecast/senate/>. – Date of access: 06.11.2018.
11. Georgia Election Results [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-georgia-elections.html>. – Date of access: 15.11.2018.
12. Governor Election Results: Democrats Retake Several States [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-governor-elections.html>. – Date of access: 06.11.2018.
13. House Democrats' Agenda: Ethics, Infrastructure and Medical Legislation [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access:

- <https://www.nytimes.com/2018/11/07/us/politics/house-democrats-nancy-pelosi.html>. – Date of access: 07.11.2018.
14. How gender is shaping 2018 midterms [Electronic resource] // The Hill. – Mode of access: <https://thehill.com/opinion/campaign/378957-how-gender-is-shaping-2018-midterms>. – Date of access: 08.11.2018.
  15. Live Forecast: Who Will Win the House? [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-house-forecast.html>. – Date of access: 06.11.2018.
  16. Obama Lashes Trump in Debut 2018 Speech. President's Response: 'I Fell Asleep.' [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2018/09/07/us/politics/obama-2018-campaign-trump.html>. – Date of access: 07.09.2018.
  17. Obama makes second-round of 2018 campaign endorsements [Electronic resource] // The Washington Post. – Mode of access: https://www.washingtonpost.com/politics/obama-makes-second-round-of-2018-campaign-endorsements/2018/10/01/724ca214-c59e-11e8-b2b5-79270f9cce17_story.html?noredirect=on. – Date of access: 01.10.2018.
  18. Presidential Approval Ratings – Donald Trump [Electronic resource] // Gallup. – Mode of access: <https://news.gallup.com/poll/203198/presidential-approval-ratings-donald-trump.aspx>. – Date of access: 15.11.2018.
  19. Presidential Approval Ratings – Gallup Historical Statistics and Trends [Electronic resource] // Gallup. – Mode of access: <https://news.gallup.com/poll/116677/presidential-approval-ratings-gallup-historical-statistics-trends.aspx>. – Date of access: 15.11.2018.
  20. Senate Election Results: Republicans Keep Majority [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-senate-elections.html>. – Date of access: 06.11.2018.
  21. The 2018 Congressional Retirement Tracker [Electronic resource] // The Atlantic. – Mode of access: <https://www.theatlantic.com/politics/archive/2018/06/the-2018-congressional-retirement-tracker/545723/>. – Date of access: 05.06.2018.
  22. The New York Times Live Forecast: Who Will Win the House? [Electronic resource] // The New York Times. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/interactive/2018/11/06/us/elections/results-house-forecast.html>. – Date of access: 06.11.2018.
  23. Trump's 2018 campaign, visualized [Electronic resource] // CNN Politics. – Mode of access: <https://edition.cnn.com/2018/11/03/politics/trump-2018-campaign-visuals/index.html>. – Date of access: 03.11.2018.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЗАКАВКАЗЬЕ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Д. А. Белашенко, Ю. С. Сюзева (Нижний Новгород)

Распад СССР привел к образованию новых независимых государств и выделению, в политико-географическом смысле, нескольких регионов. Одним из наиболее перспективных и в то же время проблемных регионов стал Южный Кавказ (Закавказье). Современный Кавказ – это неоднородное геополитическое и социально-экономическое пространство, характеризую-

щееся геостратегической разнонаправленностью своих частей, что обусловило «повышенный уровень экономической конфликтности региона, разрыв внутрирегиональных экономических связей, наличие разломов в информационном и коммуникационном пространстве» [2, с. 26]. Кавказ, будучи на протяжении веков ареной политического и экономического соперничества между разными странами, в значительной степени и сегодня остается объектом жизненно важных интересов целого ряда держав [4, с. 4].

Новая геополитическая ситуация на Кавказе выдвинула и новых активных участников международных отношений в регионе: США, Европейский союз, Турция, Иран, Китай, новые кавказские государства (Азербайджан, Армения, Грузия), «непризнанные» республики (Абхазия, Нагорный Карабах и Южная Осетия). Каждый из этих акторов международных отношений проводит политику в соответствии со своими национальными интересами. Происходящие события на Кавказе имеют не только региональное, но и глобальное измерение, в том числе связанное с проблемой сохранения мира. В условиях после распада СССР и формирования новой геополитической модели мира ситуация на Кавказе приобретает особое значение не только для России, Азербайджана, Армении, Грузии, но и мирового сообщества в целом, поскольку нарушение спокойствия в Кавказском регионе может отразиться далеко за его пределами [4, с. 4].

Можно выделить основные факторы, которые определяли политические процессы в Кавказском регионе в новой геополитической ситуации на рубеже веков и продолжают оказывать влияние на современном этапе:

1. Спонтанное возникновение новых независимых государств.
2. Образование «вакуума» по периферии постсоветского пространства и возникновение «конкуренции» за влияние в этом пространстве.
3. Возникновение новых очагов нестабильности, конфликтных и потенциально конфликтных точек в регионе.
4. Создание и расширение новых и старых интеграционных групп.
5. Усиление роли мусульманских государств как субъектов международных политических и экономических отношений [4, с. 19–22].

Появление новых или относительно новых игроков в Закавказье объясняется выгодным геостратегическим и геоэкономическим положением данного региона. Возрастание роли ресурсов Каспийского моря, поиски альтернативных путей транспортировки энергоресурсов, проекты выгодных торговых и транспортных маршрутов накладываются на традиционные геополитические противоречия и конфликтный потенциал. Причем важное геоэкономическое значение данный регион приобрел, по большей части, уже в XXI в. Конец XX в. пришелся в основном на урегулирование конфликтов, связанных с попытками самоопределения нескольких территорий (Абхазия, Нагорный Карабах, Южная Осетия и др.).

Первые годы независимости стран Южного Кавказа были отмечены нестабильностью и опасениями, что конфликты, захлестнувшие регион, зата-

нутя на неопределенные сроки. Окружающая геополитическая среда не сулила перемен к лучшему. По сути, в ранний постсоветский период новые государства Южного Кавказа очутились в вакууме – без постоянной серьезной поддержки, необходимой в переходное время. В силу собственных исключительных и сложных обстоятельств ни одна из ведущих держав, имевших потенциальные интересы в этом регионе, не смогла оказать им поддержку [7]. (Россия по причине внутривосточного кризиса 1990-х годов, Иран и Турция – из-за внутренних проблем).

США и страны Европы оставались для Южного Кавказа пусть дружественными, но довольно далекими партнерами. Они были озабочены совсем другими проблемами и перспективами. Евросоюз в те времена был еще совсем молодой структурой, только начинавшей вырабатывать принципы общей внешней политики и коллективной безопасности (ОВПБ), а также стратегии взаимодействия с соседями [3]. США концентрировались на более важных мировых проблемах, таких как конфликты на Балканах, преобразования в России, вопрос ядерного наследия СССР и усиление Китая. Разумеется, Южный Кавказ имел значение для Вашингтона, но в основном, если не главным образом, как производная от более масштабных геополитических процессов, происходящих по преимуществу в постсоветской России [7].

В начале XXI века в связи с «заморозкой» региональных конфликтов, относительной стабилизацией внутривосточной ситуации в Азербайджане, Армении и Грузии, усилением Ирана и Турции, проявивших собственные геополитические амбиции в Закавказье, новыми экономическими проектами Китая, «возвращением» России США вынуждены были пересмотреть свое отношение к региону. Новыми приоритетами внешней политики стали борьба вокруг каспийской нефти и ее транспортировки в Европу и соперничество с Россией за создание альтернативных путей транзита грузов из Европы в Азию и обратно. Кроме того, Закавказье и Северный Кавказ для США стали «тыловым» районом для дальнейшего овладения ситуацией на Ближнем и Среднем Востоке, и, прежде всего, окружения Ирана [4, с. 24]. Наибольших успехов США удалось достичь в отношениях с Азербайджаном (хотя есть и серьезные проблемы [6]) и Грузией.

Примерно подобных экономических интересов придерживаются в Закавказье и ведущие европейские государства (как в рамках взаимодействия по линии ЕС-Закавказье, так и на уровне двусторонних отношений). Они заинтересованы в альтернативных российским источниках дешевых энергоресурсов, что, безусловно, повлияет на конкурентоспособность европейской продукции по отношению к США и Японии и ослабит экономический потенциал России [4, с. 24].

Политика России на Кавказе стала более внятной и последовательной после 2000 г. В контексте двух чеченских кампаний от политической стабилизации на Кавказе зависело будущее российской государственности [4, с. 29]. Преимуществами Москвы в данном регионе является географи-

ческая близость, большой опыт взаимодействия с местными государствами и народами, а также четкое осознание его значимости для обеспечения собственной безопасности. В то же время Россия вынуждена учитывать факт наличия «конкурентов» в Закавказье и разную политическую ориентацию государств региона. На сегодняшний день Москва балансирует между интересами игроков, стараясь кардинально не ухудшать отношений ни с кем из участников. Однако на позицию и имидж России в Закавказье существенно повлияли такие события, как конфликт с Грузией в августе 2008 г., присоединение Крыма в марте 2014 г., военная операция в Сирии и др. Пока единственным потенциальным союзником Москвы в данном регионе остается Армения, не имеющая общей границы с Россией.

Турция рассматривает Кавказ, с одной стороны, как «стратегическое предполье». С другой, данный регион представляется хорошим плацдармом для экономической и идеологической экспансии (идеи «пантюркизма») на территорию Российской Федерации и Центральной Азии. Наиболее успешно развиваются турецко-азербайджанские отношения, что объясняется как взаимовыгодным экономическим сотрудничеством, так и этнорелигиозной близостью народов двух этих стран. Наиболее ярким проявлением стала позиция Анкары в период конфликта Азербайджана и Армении в Нагорном Карабахе, когда Турция перекрыла границу с последней, серьезно осложнив положение Еревана в регионе [8].

Иран занимает гораздо более осторожную позицию в отношениях с государствами Закавказья. Выступая в своей традиционной роли геополитического соперника Турции, Тегеран оказывается в неформальном союзе с Россией, Арменией и Грецией. Сдерживание Азербайджана и исключение его возможного влияния на азербайджанское меньшинство в Иране является важной целью иранской внешней политики. По этим же причинам Тегеран не заинтересован в дальнейшем существенном ослаблении российских позиций в Закавказье. Геополитика в данном случае оказывается сильнее мусульманской солидарности и идей распространения исламской революции [5]. Кроме того, находясь в статусе «страны-изгоя», Иран в своей политике в Закавказье вынужден активно сотрудничать с Арменией, также пребывающей в неофициальном статусе «регионального изгоя» из-за сложных отношений с Азербайджаном и Турцией [1].

Таким образом, современные суверенные кавказские республики находятся в сфере геополитических интересов разных стран и даже целых регионов. С одной стороны, это Россия; с другой, – США, Европейский Союз, мусульманский мир. Говорить об устойчивости выбранных приоритетов самих этих республик пока еще рано (хотя процесс поиска своего места в системе международных отношений идет достаточно активно) [4, с. 200]. Принимая во внимание перспективность и значимость Закавказья, можно сделать вывод, что геополитическая ситуация в регионе может существенно измениться в среднесрочной или даже краткосрочной перспек-

тиве. Во многом это будет зависеть от действий нынешних игроков и позиции элит государств Закавказья.

1. Ариф Юнус: «Иран и Армения – это изгои, братья по несчастью» [Электронный ресурс] // Day.Az. – 16 февраля 2011. – Режим доступа: <https://news.day.az/politics/253514.html>. – Дата доступа: 07.04.2019.
2. Исмаилов, Э. Центральный Кавказ. История, политика, экономика / Э. Исмаилов, В. Папава. – М. : Мысль, 2007. – 208 с.
3. Кудряшова, Ю. С. Государства Южного Кавказа в Европейской политике соседства [Электронный ресурс] / Ю. С. Кудряшова // Аналитические записки НКСМИ МГИМО (У) МИД России. – 2008. – Выпуск 6. – Режим доступа: <https://mgimo.ru/upload/iblock/f49/f498197a89631e0916751eda28a1e413.pdf>. – Дата доступа: 07.04.2019.
4. Семедов, С. А. Современная геополитическая ситуация на Кавказе / С. А. Семедов – М. : Экон-Информ, 2008. – 236 с.
5. Тишков, В. А. Кавказ в геополитическом измерении [Электронный ресурс] / В. А. Тишков // Официальный сайт В. А. Тишкова. – Режим доступа: http://www.valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/kollektivn/puti_mira/_kavkaz_v_g.html. – Дата доступа: 07.04.2019.
6. Extension of Waiver of Section 907 of the FREEDOM Support Act With Respect to Assistance to the Government of Azerbaijan. Press release [Electronic resource] // U. S. Department of State. – December 30, 2003. – Mode of access: <https://2001-2009.state.gov/p/eur/rls/prsrl/2003/27664.htm>. – Date of access: 07.04.2019.
7. Rumer, E. U.S. Policy Toward the South Caucasus: Take Three [Electronic resource] / E. Rumer, R. Sokolsky, P. Stronski // Carnegie Endowment for International Peace. – May 31, 2017. – Mode of access: <https://carnegieendowment.org/2017/05/31/u.s.-policy-toward-south-caucasus-take-three-pub-70122>. – Date of access: 07.04.2019.
8. Turkey and Armenia: Focusing on the Possible, Not Hoping for the Best [Electronic resource] // International Crisis Group. – April 27, 2010. – Mode of access: <https://www.crisisgroup.org/europe-central-asia/western-europemediterranean/turkey/turkey-and-armenia-focusing-possible-not-hoping-best>. – Date of access: 07.04.2019.

УКРАИНСКИЙ ВОСПРОС В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. Ю. Кравчук (Николаев)

Место Украины в системе международных отношений определяет ее геополитическое положение, экономический потенциал и внешняя политика. Украина является самым большим по территории (603,7 тыс. кв. км) европейским государством, которое расположено в центральной части Европы. Она граничит с Молдовой, Румынией, Венгрией, Словакией, Польшей, Беларусью, Россией, а также имеет выход к Черному морю.

От распавшегося СССР Украина унаследовала значительный экономический потенциал, большую часть которого утратила, правда, по разным

объективным и субъективным причинам – разрыв хозяйственных связей с бывшими советскими республиками, конверсия, невзвешенные реформы в угоду зарубежным наставникам, расхищение общенационального достояния путем приватизации и даже откровенного его хищения. В целом географическое расположение, размеры территории, численность населения, потенциальные экономические возможности Украины позволяют ей иметь статус мощной европейской страны с собственной геостратегической ориентацией [2, с. 111].

Каждое государство стремится реализовать на международной арене свой национальный, а точнее национально-государственный интерес. Национально-государственный интерес Украины в переходный период становления независимого государства можно охарактеризовать как национальное выживание, полностью подчиненное задачам стабилизации ситуации в государстве и обеспечению перехода к демократии, ориентированного на рыночную экономику. Он предусматривает формирование механизма внешних отношений как основы укрепления стабильности и предотвращения международных конфликтов, цивилизованного вхождения в систему коллективной и международной безопасности [2, с. 111].

Отправной точкой внешней политики любой страны, как подчеркивал основатель политического реализма Г. Моргентау, должна быть концепция национальных интересов, определенных в терминах силы. Сила (влияние) как общественное явление имеет много измерений и проявлений: от физической (военной) силы в экономических, социальных отношениях до психологических воздействий. Среди них, по мнению специалистов, наиболее важными являются: (1) геополитическое положение; (2) население; (3) природные ресурсы; (4) индустриальное развитие страны; (5) военная мощь; (6) воля; (7) политическое руководство и внутренняя организация власти; (8) дипломатия; (9) международный имидж [3, с. 113–120].

Основным базовым национально-государственным интересом, геополитическим приоритетом и стратегической задачей внешнеполитического курса Украины в условиях глобализации и евроинтеграции является ее выживание, повышение жизнеспособности и укрепление в качестве свободного, суверенного, независимого государства при сохранении национальных ценностей, защиты экономического и политического суверенитета, собственной социально-культурной идентичности. Она должна превратиться из объекта геополитических игр великих держав в полноценного субъекта геополитики, то есть в самостоятельного игрока, который самостоятельно определяет свои цели и действия на международной арене [4, с. 131].

По мнению аналитиков Национального института стратегических исследований, основными жизненно важными геополитическими и внешнеполитическими приоритетами геополитической стратегии Украины являются:

- выживание Украины как суверенного независимого государства, возрастание роли фундаментальных ценностей и укрепление институтов, обеспечивающих благосостояние, безопасность и социокультурный прогресс;
- возвращение Украины в европейское пространство, всесторонняя интеграция в европейские и евроатлантические политические и социальные структуры, а также структуры безопасности;
- усиление экономического и политического потенциала и «дееспособности» Украины в широком понимании этого термина за счет ускорения внутреннего развития, участия в европейских структурах безопасности, заключения двусторонних и многосторонних договоров, получения соответствующих гарантий безопасности и т.д.;
- приоритетная ориентация на интеграцию в ЕС и ЗЕС. Углубление специального партнерства с НАТО, курс на присоединение (как первый шаг) к политическим структурам этой организации, которая является краеугольным камнем всей структуры европейской безопасности;
- укрепление стратегического партнерства с США и связей со странами Западной Европы в соответствии с национальными интересами и приоритетами Украины;
- курс на альтернативное лидерство на территории бывшего СССР, прежде всего в Черноморско-Каспийском регионе; активная кооперация с теми странами, которые видят в Украине надежного равноправного партнера, свободного от великодержавных и гегемонистских амбиций;
- противодействие неконтролируемому иностранному экономическому проникновению и всесторонняя защита экономического суверенитета, недопущения установления каких-либо форм экономической и политической зависимости;
- блокирование текущих попыток односторонней иностранной социально-культурной и информационной экспансии и доминирования;
- целенаправленное формирование в массовом сознании универсальных европейских и евроатлантических ценностей и социокультурных ориентаций [5, с. 27–28].

Разумеется, таким образом, само геополитическое положение Украины требует активной внешнеполитической деятельности в разных направлениях и поэтому одним из главных принципов украинской геостратегии, по нашему мнению, должна быть многовекторность ее международной политики. Многовекторность следует воспринимать не как постоянные колебания внешнеполитического курса, а в широком смысле, как развитие и поддержку отношений со многими участниками международной жизни. Для Украины это абсолютно рациональная и прагматичная политика, которая, кроме всего прочего, вызвана еще и тем, что в Украине пока нет единства относительно определения внешнеполитических приоритетов, поэтому педалирование одновекторности вносит только лишний раздор в украинское общество [1, с. 10–11].

Ключевыми критериями, влияющими на роль нашего государства в новейшей европейской общности, должны быть: открытое гражданское общество, эффективное функционирование рыночной экономики, верховенство права, гражданский демократический контроль над военной сферой, последовательность и предсказуемость во внешней политике, приведение национального законодательства в соответствие с европейскими стандартами, независимость судебной системы [1, с. 14].

Таким образом, соблюдение принципа равноприближенности и многовекторности, последовательное взаимовыгодное сотрудничество в вопросах, представляющих национальный интерес Украины и укрепление международного политического статуса страны, во избежание резкого поворота от одного стратегического направления к другому, должны лечь в основу стратегии Украины в существующей геополитической среде.

1. Внешняя политика Украины: достижения и проблемы. – М. : Знание Украины, 2007. – 24 с.
2. Медведь, Ф. Национальные и национально-государственные интересы Украины в период политической модернизации / Ф. Медведь // История украинской науки на рубеже тысячелетий. – Выпуск 6. – М., 2001. – С. 111–115.
3. Медведь, Ф. Украина в системе международных отношений / Ф. М. Медведь, М. Телячий // Основы политологии. Конспект лекций для студентов всех специальностей. – Львов : Львовская политехника, 1994. – С. 113–120.
4. Медведь, Ф. Экономическая безопасность: опасности и угрозы национальным и национально-государственным интересам Украины / Ф. Медведь // Вестник УАДУ. – 2003. – № 3. – С. 131–136.
5. Україна 2000 і далі: геополітичні пріоритети та сценарії розвитку / Б. О. Параконський, О. В. Потехін, Е. М. Лисицин та ін. – К. : В-во Національного інституту стратегічних досліджень, 1999. – 383 с.

«ДИЛЕММА ИНТЕГРАЦИЙ» КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ФАКТОР УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Д. А. Белашенко, Н. С. Егорушина (Нижний Новгород)

Кризис, который Украина переживает с конца 2013 г., стал центром политико-правового, геополитического, геоэкономического и даже ценностного противостояния на постсоветском пространстве. Если проанализировать события, происходящие на Украине, то можно прийти к выводу, что в основе украинского кризиса лежит «дилемма интеграций».

Под «дилеммой интеграции» мы понимаем ситуацию, в которой оказывается государство, воспринимающее в качестве угрозы своей безопасности или благополучию интеграцию соседей в недоступные для него самого экономические организации или военные блоки. Сама же интеграция со временем превращается для государств, стоящих перед такой дилеммой, в игру с

нулевой суммой [6]. Как отмечает А. С. Скриба, для некоторых постсоветских государств на повестке дня стоит «дилемма интеграций», т.е. необходимость выбора между европейским и евразийским проектами [5, с. 105].

Став независимым государством в 1991 г., Украина столкнулась с множеством вызовов как во внешней, так и во внутренней политике. В первую очередь, страна встала перед выбором стратегического курса внешней политики. Украина находится между двумя сильными акторами, которые оказывают на нее сильное влияние: с одной стороны находится Российская Федерация, с другой – Европейский союз (ЕС). Каждая из этих сторон имеет собственные интересы по отношению к Украине, используя при этом особые рычаги влияния. В силу исторических событий Украине было сложно однозначно обозначить свою принадлежность к той или иной цивилизации и сделать геополитический выбор. Стоит отметить и тот факт, что ориентации населения внутри самой Украины тоже были весьма противоречивы: восток страны традиционно тяготел к России, а запад – к Европе.

С момента провозглашения независимости Украины политический истеблишмент провозгласил евроинтеграцию одним из основных геоэкономическим и внешнеполитическим приоритетом. Об этом было объявлено ещё первым президентом Украины Л. М. Кравчуком 14 июня 1994 г. в Люксембурге во время подписания Соглашения о партнёрстве и сотрудничестве между Украиной и ЕС, в основу которого заложен механизм дальнейшего двустороннего сотрудничества между двумя сторонами [9].

Однако первые шаги Украины в сфере внешней политики были весьма неопределёнными. Период такой «гибкой» политики, как и сама она, получили названия «многовекторной», и многими исследователями связывается с фигурой второго президента Украины Л. Д. Кучмы. Таким образом, основной линией во внешней политике Украины было балансирование между Западом и Востоком [1].

После избрания президентом Украины В. А. Ющенко были провозглашены конец эпохи «многовекторности» и приоритетность европейского вектора развития. Одновременно происходит охлаждение отношений с Россией и странами СНГ.

В 2010 г. президентом Украины был избран В. Ф. Янукович, который уже в первые месяцы своего пребывания у власти пересмотрел односторонний прозападный курс, вернувшись, по сути, к «многовекторности», характерной для времен Л. Д. Кучмы. Несмотря на то, что был принят новый внешнеполитический документ – Закон «Об основах внутренней и внешней политики Украины», в котором европейский вектор внешней политики Украины был закреплён в качестве одного из приоритетов [8], новый президент Украины сделал ряд шагов по нормализации отношений с Россией, включая продление соглашения о пребывании Черноморского флота России в Крыму, инициирование введения региональных языков, активизацию дискуссии о вступлении в Таможенный союз (ТС) и т.д.

В то же время именно при В. Ф. Януковиче активизировалась политика Украины в рамках «Восточного партнерства», а в стране развернулась массовая пропагандистская кампания, объяснявшая важность и необходимость заключения Соглашения об ассоциации с ЕС. Однако, как и в случае с евразийской интеграцией, политика на европейском направлении часто носила поверхностный характер.

В целом, внешняя политика В. Ф. Януковича заключалась в маневрировании между двумя конкурирующими интеграционными проектами, а именно ЕС и ТС (в перспективе – ЕврАзЭС/ЕАЭС). Тем не менее, современная экономическая реальность указывает на то, что «пророссийский» и «проевропейский» векторы в принципе несовместимы, что ставило Украину перед выбором определенного внешнеполитического направления, вынуждая её отказаться от политики «многовекторности» [2].

Причиной того, что Украина рассматривалась в качестве кандидата на вступление в ТС являлось ее геополитическое положение, наличие общей границы с Россией и Беларусью, которые, в свою очередь, являлись членами евразийского проекта, а также давними торгово-экономическими партнерами Украины. Поэтому в 2013 г. Украине был присвоен статус наблюдателя в ТС России, Беларуси и Казахстана. Тем не менее, в ответ на неоднократные предложения В.Ф. Януковича осуществлять сотрудничество в формате «3+1», российская сторона отметила, что для получения экономических преференций, в т.ч. и специальной цены на газ, необходима полноценная интеграция в ТС. Вопрос трехстороннего сотрудничества в формате «ТС-Украина-ЕС» оставался нерешенным вплоть до конца 2013 г. [7, с. 167].

Необходимо отметить, что и Брюссель, и Москва считали Украину важным элементом своих геополитических проектов. Российская сторона также пыталась изучить возможность одновременной интеграции Украины с ЕС и ТС, что позволило бы ей сохранить баланс внутри страны и в международных отношениях. Однако европейцы категорически отвергали переговоры с третьей стороной относительно ассоциации Украины. В конечном итоге и Россия, и ЕС стали рассматривать вопрос о выборе Украины как антагонистическую игру и не жалели усилий, чтобы повлиять на ее результат.

Находясь у власти, В. Ф. Янукович способствовал формированию у населения Украины надежд на ассоциацию с ЕС. Однако ему не удалось добиться от Брюсселя гарантий на финансовую помощь и возмещение ущерба, который понесет промышленность Украины вследствие политического и экономического сближения с Европой. Россия, в свою очередь, начала оказывать существенное давление на правительство Украины в виде некоторых торговых барьеров, чтобы продемонстрировать потери Украины в случае выбора в пользу ЕС.

Важно отметить, что, несмотря на то, что В. Ф. Янукович выступал за идею ассоциации, он приостановил процесс подписания документа, за что Украина должна была получить существенную финансовую помощь от

России в размере 15 млрд. долл. Помимо этого, Москва обещала снизить цены на газ, а также согласилась финансировать крупные инфраструктурные проекты и разместить дополнительные заказы на украинских предприятиях военно-промышленного комплекса. В свою очередь, финансовые преференции ЕС в размере 600 млн. евро, в случае подписания Соглашения об ассоциации, явно уступали российским. Данный аспект стал решающим аргументом, повлиявшим на отказ В. Ф. Януковича подписать Соглашение на саммите в Вильнюсе. В связи с этим решением, часть украинского населения, поддерживавшая евроинтеграцию, начала массовые протесты в центре Киева и некоторых других городов, которые впоследствии привели к серьезному кризису в стране, продолжающемуся до сих пор.

Кроме того, стоит отметить, что значительное влияние финансово-промышленных и олигархических групп на внутреннюю и внешнюю политику Украины также сыграло свою роль в развитии кризиса. В рамках «дилеммы интеграций» назревал конфликт элит восточных и западных частей страны, олигархов и промышленников. Экономические элиты востока страны стремились к углублению экономических связей с РФ [4, с. 235]. Элиты западных и центральных регионов, в свою очередь, видели выгоду европейском интеграционном проекте, так как их бизнес был завязан на контактах с европейскими партнерами и получал бы большую прибыль, если бы Украина выбрала данный вектор развития. Соответственно, произошло соединение политического и экономического интереса олигархии [3, с. 81].

Таким образом, неспособность В. Ф. Януковича твердо сделать выбор между евразийским и европейским интеграционными проектами, между ТС и ЕС, и желание получить большую выгоду, в итоге, и стали поводом для начала Евромайдана, что привело к политическому кризису, массовым протестам и беспорядкам, нарушению территориальной целостности страны и началу вооруженного конфликта в Донбассе.

Кризис, который мы наблюдаем сегодня, стал закономерным итогом политики «многовекторности», которая на протяжении длительного периода проводилась украинскими властями. Поэтому увязывать его начало со сменой власти в Киеве в феврале 2014 г. было бы чрезмерным упрощением. Скорее, современная ситуация в Украине является проявлением тех кризисных явлений и дисбалансов, которые накапливались во внутренней и внешней политике страны. Попытки Киева продвинуться по пути евроинтеграции при сохранении экономических привилегий со стороны России и обсуждении возможных перспектив участия в евразийском проекте потерпели неудачу.

На основе всего вышесказанного следует сделать вывод, что украинский кризис – это не просто внутривластный конфликт групп элит, а сложный многоуровневый процесс, в котором наличествует большое количество нерешенных проблем и противоречий. И одним из главных факторов дестабилизации стала именно неспособность или нежелание полити-

ческого руководства выбрать один из двух, европейского или евразийского, векторов развития.

1. Дикий, Е. Многовекторность не проходит [Электронный ресурс] / Е. Дикий // Эксперт. – 21 мая 2007. – Режим доступа: <http://www.Vjcxpcrt.ua/articlcs/8/0/2444/>. – Дата доступа: 06.04.2019.
2. Карякин, В. В. Подход Путина. Украинская дилемма интеграции и управление кризисными ситуациями [Электронный ресурс] / В. В. Карякин // Столетие. – 06.04.2014. – Режим доступа: http://www.stoletie.ru/vzglyad/podkhod_putina_724.htm. – Дата доступа: 06.04.2019.
3. Лапкин, В. В. Кризис украинской государственности: политико-правовой, ценностный и геоэкономический аспекты / В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. – 2014. – № 5. – С. 68–89.
4. Саква, Р. Линия фронта – Украина. Кризис на приграничных территориях / Р. Саква. – М. : ЗАО Издательство Центрполиграф, 2015. – 415 с.
5. Скриба, А. С. Вызовы и перспективы евразийской интеграции после украинского кризиса / А. С. Скриба // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – Т. 9, № 3. – С. 96–111.
6. Троицкий, М. Дилемма интеграции на постсоветском пространстве [Электронный ресурс] / М. Троицкий, С. Чарап // Россия в глобальной политике. – 2013. – № 5. – Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Dilemma-integracii-na-postsovetskom-prostranstve-16177>. – Дата доступа: 06.04.2019.
7. Фролов, В. Е. Проблема участия Украины в интеграционных процессах Европы и Евразийского региона / В. Е. Фролов // Власть. – 2014. – № 1. – С. 165–169.
8. Закон України «Про засади внутрішньої і зовнішньої політики» [Електронний ресурс] // Портал ЛІГА: ЗАКОН. – Режим доступа: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T102411.html. – Дата доступа: 06.04.2019.
9. Угода про партнерство і співробітництво між Україною і Європейськими Співтовариствами та їх державами-членами [Електронний ресурс] // Верховна Рада України. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/rada/show/ru/998_012. – Дата доступа: 06.04.2019.

ОБЩИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЛИТИКИ В ЕАЭС: ПОНЯТИЕ, ВИДЫ, ЮРИДИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ

Т. А. Горупа (Брест)

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) как международная организация региональной экономической интеграции, имеющая своей целью решение именно экономических вопросов развития государств-членов, повышения конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобализации, в своем учредительном Договоре от 29 мая 2014 года как акте первичного права данной организации определил и правовые средства реализации этих целей.

В ЕАЭС создается внутренний рынок, в рамках которого осуществляется свободы передвижения товаров, услуг, капиталов и работников.

Свобода передвижения товаров обеспечивается в рамках уже фактически созданного Таможенного союза, а свобода передвижения услуг, капиталов и работников осуществляется в рамках Единого экономического пространства, которое пока только проходит стадию становления.

С экономической точки зрения экономическая политика – это совокупность мер или решений, принимаемых правительством относительно того, какой должна быть экономика и каковы ее экономические цели [6, с. 389].

С юридической точки зрения меры и решения, принимаемые правительством, могут существовать только в правовом поле. Поэтому экономическая политика – это совокупность правовых средств, используемых уполномоченными субъектами в той либо иной сфере экономики. Соответственно под общими экономическими политиками в ЕАЭС необходимо понимать совокупность правовых средств, используемых институтами ЕАЭС и государствами-членами для создания общего рынка в отдельных экономических сферах.

Функционирование региональной международной организации, приоритетно определяющей экономические цели, закономерно ставит вопрос о соотношении наднационального и национального регулирования в той либо иной сфере экономики, о степени ограничения суверенных прав государств-членов в регулировании национальных экономических процессов. Представляется, что объем наднационального регулирования определяется только объективной необходимостью создания общего рынка. Поэтому наднациональное регулирование должно быть приоритетным в тех сферах экономики, где требуется обеспечить свободу передвижения товаров, услуг, капиталов и работников.

Осуществление исключительно наднационального регулирования в экономической сфере органами ЕАЭС невозможно в виду необходимости поощрения конкуренции и обеспечения национальной экономической безопасности государств-членов. Соответственно институты ЕАЭС должны быть наделены достаточно гибким арсеналом правовых средств по регулированию общих сфер экономической деятельности.

Анализ норм Договора о ЕАЭС позволяет определить общие экономические политики, реализуемые в ЕАЭС: таможенная, макроэкономическая, защита прав потребителей, техническое регулирование, аграрная, транспортная, защиты конкуренции, финансовая и т.д. Данные политики могут быть либо единой, либо согласованной, либо скоординированной, различие которых заключается в разной степени уровня наднационального правового регулирования, осуществляемого в той либо иной сферах. Если единая политика предполагает абсолютное наднациональное регулирование отношений правом Союза, используя правовые средства унификации законодательства (например, таможенная политика, внешнеторговая политика, за исключение торговли услугами с третьими сторонами), то согласованная политика предполагает активное использование средств по гар-

монизации законодательства государств-членов на основе актов Союза (защита прав потребителей, макроэкономическая, валютная, финансовая, налоговая политики), тогда как скоординированная политика предполагает активное сотрудничество органов государств-членов при условии его одобрения институтами Союза (энергетическая политика, инвестиционная политика, в сфере трудовой миграции).

Договор о ЕАЭС определяет и возможность реализации в отдельных сферах экономики гибридных видов политик, к примеру, это согласованная (скоординированная) агропромышленная политика, согласованная (скоординированная) транспортная политика, что предполагает одновременное использование средств гармонизации государств-членов и выработки общих подходов, одобренных органами Союза, в правовом регулировании транспортной и аграрной сферы.

Вышеназванные виды политик достаточно наглядно определяют и компетенцию Союза и государств-членов в той либо иной сфере экономики. Единая политика осуществляется исключительно институтами ЕАЭС и государствами-членами, если это позволяют акты евразийского права. Например, согласно ст. 32 Договора о ЕАЭС в Союзе осуществляется единое таможенное регулирование в соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС и регулирующими таможенные правоотношения международными договорами и актами, составляющими право Союза. Согласованная политика реализуется государствами-членами на основе актов наднационального права, а скоординированная политика осуществляется государствами-членами преимущественно в актах национального права при одобрении общих подходов институтами ЕАЭС.

Вместе с тем формально-юридический анализ Договора о ЕАЭС показывает, что нормы данного акта не всегда однозначно называют вид политики для конкретной сферы.

Так, для определения вида политики в функционировании внутреннего рынка и таможенного регулирования следует учитывать п.5 Решения Суда ЕАЭС от 21 июня 2016 г. № СЕ-1-2/2-16-АП, в котором Большая коллегия делает вывод, «что общие правила функционирования таможенного союза и функционирования внутреннего рынка товаров унифицированы в рамках статей 25 и 28 Договора, то есть, урегулированы правом Союза, и их можно отнести к единой политике (наднациональное регулирование)» [5].

Сложнее определиться с отдельными аспектами одной политики. Например, п. 4 ст. 74 Договора о ЕАЭС закрепил согласованную конкурентную (антимонопольную) политику в отношении действий хозяйствующих субъектов (субъектов рынка) третьих стран [2]. В отношении же политики защиты конкуренции на трансграничных рынках Суду ЕАЭС пришлось дать Консультативное заключение от 4 апреля 2017 г. № СЕ-2-

1/1-17-БК и определить, что защита конкуренции на трансграничных рынках представляет собой единую политику Союза [4].

Таким образом, можно сделать вывод и относительно видов правовых средств, используемых для реализации той либо иной политики. Единая политика реализуется с помощью средств унификации – нормативных актов институтов ЕАЭС, относящихся к актам наднационального регулирования и имеющих прямое действие. К таким актам будут относиться акты первичного права ЕАЭС – Договор о ЕАЭС, международные договоры (к примеру, Таможенный кодекс ЕАЭС принят специальным международным договором), решения институтов ЕАЭС (например, технические регламенты ЕАЭС принимаются Советом Евразийской экономической комиссии). Согласованная политика реализуется с помощью средств гармонизации – нормативных актов институтов ЕАЭС, относящихся так же к актам наднационального права, но требующих их имплементации в национально законодательство государств-членов. Скоординированная политика проводится на основе выработанных согласованных подходов и реализуется на уровне государств-членов. В рамках данной политики также могут использоваться инструменты гармонизации законодательства, но здесь уже присутствует в большей степени самостоятельность и добровольность государства-члена в проведении гармонизации национального законодательства с законодательством других государств-членов.

Несмотря на выделение отдельных видов политик, каждой из которых соответствуют особые правовые средства, можно согласиться с авторами, что «инструментарий названных форм сближения законодательства может встречаться в рамках всех трёх названных политик» [1]. То есть отдельная общая экономическая политика может использовать инструменты и унификации, и гармонизации и координации позиций государств-членов «в зависимости от готовности государств-членов пойти на углубление интеграции в данной сфере» [1].

Исследование общих экономических политик ЕАЭС позволяет сделать ряд нижеследующих обобщающих выводов:

во-первых, под общими экономическими политиками в ЕАЭС необходимо понимать совокупность правовых средств, используемых институтами ЕАЭС и государствами-членами в конкретной экономической сфере для обеспечения свобод передвижения товаров, услуг, капиталов и работников, на основании принципов рыночной экономики и сохранения суверенитета государств-членов в принятии соответствующих мер по защите своих граждан и иных субъектов;

во-вторых, общие экономические политики (таможенная, макроэкономическая, инвестиционная, энергетическая и т.д.) определяются Договором о ЕАЭС. Они реализуются в рамках единой, согласованной и скоординированной политики, различие которых заключается в разной степени объема и характера наднационального

правового регулирования. В спорных ситуациях вид политики для отдельной экономической политики уточняет в своих актах Суд Союза;

в-третьих, юридическая сущность общих экономических политик ЕАЭС заключается в характере правовых средств, используемых для реализации такой политики. Единая (таможенная, функционирования внутреннего рынка и др.) политика основывается на средствах унификации законодательства и реализуется с помощью актов наднационального регулирования, имеющих прямое действие. Согласованная (финансовая, защита прав потребителей, макроэкономическая и др.) политика основывается на гармонизации законодательства и реализуется на основе наднациональных актов, требующих имплементации в законодательство государств-членов. Скоординированная (энергетическая, миграционная и др.) политика базируется на выработке общих подходов государств-членов в совершенствовании национального законодательства и реализуется соответственно в актах Союза и актах государств-членов;

в-четвертых, в рамках отдельных экономических политик вполне могут использовать инструменты и унификации, и гармонизации, и координации позиций государств-членов. Это определяется уровнем интеграции конкретной экономической сферы.

1. Айрапетян, А. Правовое измерение евразийской интеграции: перспективы и риски к 2025 году [Электронный ресурс] / А. Айрапетян. – Режим доступа: <http://eurasian-studies.org/archives/5143>. – Дата доступа: 01.04.2019.
2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F01400176>. – Дата доступа: 01.04.2019.
3. Консультативное заключение Суда ЕАЭС № СЕ-2-1/1-17-БК от 30.10.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214982/bf8c893e32d4b671f38201bfe9b1375c8d123062/. – Дата доступа: 01.04.2019.
4. О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 : Консультативное заключение Суда ЕАЭС № СЕ-2-1/1-17-БК от 04.04.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_214982/bf8c893e32d4b671f38201bfe9b1375c8d123062/. – Дата доступа: 01.11.2018.
5. Решение Коллегии Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2016 г. по делу № СЕ-1-2/2-16-КС об отказе в удовлетворении заявления ЗАО «Дженерал Фрейт» о признании решения ЕЭК от 18.07.2014 № 117 не соответствующим международным договорам в рамках Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199930/. – Дата доступа: 01.04.2019
6. Экономический словарь: Справочное издание / В. И. Нечаев [и др.]. – Краснодар : Атри, 2011. – 464 с.

НЕПРИЗНАННЫЕ ГОСУДАРСТВА КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ/ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В. И. Сальников (Воронеж)

Непризнанные государства – частный случай проблемной государственности [1], когда с одной стороны, существуют проблемы признания суверенитета государств, и, с другой стороны, – проблемы государственного контроля над территориями. Непризнанные государства обычно возникают при кризисе и распаде «материнского» государства, когда оно не в силах контролировать свои «выпадающие регионы» [8], в силу чего те при благоприятном раскладе могут осуществить сецессию. Как правило, эти процессы происходят под влиянием турбулентности, время от времени дестабилизирующей миропорядок [7], а по мере ее ослабления вновь усиливаются процессы интеграции, и территория дезинтегрированного политического пространства выходит из зоны проблемной государственности.

Данная проблематика интересует многих исследователей, как зарубежных (Р. Ротберг, С. Краснер, Р. Джексон, Р. МакКолл и др.), так и отечественных (Н. А. Добронравин, М. В. Ильин, Ф. А. Попов, А. Б. Себенцов, А. Л. Сергеев и др.). Хочется также отметить исследователей из самих непризнанных государств (В. В. Джабиев, Д. В. Заяц, Е. В. Котов, Н. И. Медвенский и др.). Однако системное научное рассмотрение данного феномена в контексте фактора турбулентности мировой политики и оценки роли и места непризнанных государств в интеграционных/дезинтеграционных процессах пока еще никто не предпринимал. Именно это и делает автор применительно к непризнанным государствам постсоветского пространства.

Что касается постсоветского пространства, то по линии межцивилизационных и межэтнических разломов появился ряд государств (Республика Арцах, Приднестровская Молдавская Республика, Абхазия, Республика Южная Осетия, а совсем недавно Донецкая Народная Республика и Луганская Народная Республика), чьи народы осуществили сецессию. В настоящий момент времени они пытаются решить проблему международного признания, без чего им нельзя полноценно включиться в систему международных экономических, политических, инфраструктурных и культурных связей, что отражается на развитии этих самопровозглашенных республик, вынужденных выживать, главным образом, за счет стран-доноров (России и Армении), участия в «серых», а то и криминальных экономических схемах, за счет средств, присылаемых трудовыми мигрантами из этих непризнанных государств и помощи землячеств [13].

Исходя из существующего расклада сил в ООН, международное признание в ближайшее время получить практически невозможно в силу трудности убеждения политически ангажированного «международного со-

общества» в том, что создать собственные государства их вынудила дискриминационная политика «материнских государств», нарушающих личные и коллективные права человека. Сфабрикованным заявлениям представителей «материнских государств» оно пока верит больше. И хотя России удалось заморозить вооруженные конфликты на постсоветском пространстве и добиться частичного международного признания Абхазии и Южной Осетии, тем не менее, ее дипломатам, СМИ и общественным организациям с большим трудом удастся убеждать международные инстанции признать правоту народов самопровозглашенных республик постсоветского пространства, желающих создать собственные государства. Поддерживая непризнанные постсоветские государства экономически и политически, являясь для большинства из них «государством-покровителем» (patronstate), РФ, тем не менее, не спешит с признанием остальных непризнанных государств – НКР, ПМР, ДНР и ЛНР. Что порождает у их жителей и руководства ощущение «пешек в большой игре».

Что же делать самопровозглашенным непризнанным постсоветским государствам в этих непростых для них условиях? Автор считает, что, прежде всего, им, как и «государствам-покровителям» (РФ и Армении), нужно выбрать правильную стратегию.

Автор видит шесть вариантов стратегического выбора для непризнанных государств постсоветского пространства.

1. Вернуться в состав своих «материнских государств» – Азербайджан, Грузию, Молдову, Украину, – что крайне нелегко.

2. Стать частью Большой Европы, ориентируясь на ЕС, Совет Европы, а то и НАТО, распространяющих свое влияние на Восток. Но слишком значительны цивилизационные различия у нынешней либеральной Европы и полутрадиционалистских культур народов непризнанных республик постсоветского пространства. Слишком большая ломка им предстоит на этом пути, и нет гарантии, что это будет во благо. Хотя ПМР в силу своего геополитического положения пытается двигаться в этом направлении, руководствуясь кредо «надо дружить со всеми» [3] и ориентируясь на «европеизацию молдово-приднестровского конфликта» [12].

3. Осознав, что другого выбора, кроме как стать частью Большой России, у непризнанных государств постсоветского пространства нет, им придется активно включиться в сборку Русского Мира, оказывая усиленное воздействие и на саму РФ, активизируя в ней своей пассионарностью, проявившейся в борьбе за независимость, те силы, что помогут превратить нашу страну из сепаратистского продукта распада СССР в страну-цивилизацию – наследницу Российской и Советской империй [9]. Как это было в начале 1990-х годов и во время «Русской Весны».

4. Если у РФ не хватит сил и желания на то, чтобы реализовать проект Большой России, то есть вариант войти в Евразийский Союз – конфедеративный союз государств постсоветского пространства с единым поли-

тическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным и культурным пространством. Однако в силу серьезных противоречий между РФ, Беларусью и Казахстаном, перспектива такого союза находится под вопросом. Правда в последнее время все громче высказывается мнение о необходимости создания нового союзного государства, в состав которого могли бы влиться и непризнанные государства (по аналогии с новоогаревской моделью) [6]. И уже наметились некоторые реальные практические шаги [10].

5. Вспомнив свое революционно-повстанческое прошлое, с головой окунуться в стихию турбулентности, активизировав «токсичную притягательность» повстанческих политий [5, с. 101–102], и создать реально действующий Интернационал непризнанных государств. Что могло бы при помощи заинтересованных международных акторов в значительной степени трансформировать нынешний несправедливый миропорядок. Но такого рода элит в непризнанных государствах не видно. На нынешнем этапе запроса на «перманентных революционеров» пока нет. По крайней мере, со стороны России.

6. Отказаться от всех высоких идей и попросту использовать выгоды от «серой», или даже криминальной экономики, способствующей выживанию этих непризнанных государств [4, с. 80–86, 91–97]. Но будет ли это способствовать нормальному развитию?

Теперь, что касается роли и места непризнанных государств в деле интеграции нашего постсоветского пространства. Если мы хотим вывести его из зоны турбулентности, то должны решить проблему непризнанных государств. При этом необходимо исходить из отношения непризнанных государств и их «материнских государств» к Евразийскому экономическому союзу, к возможности его расширения и более тесной интеграции входящих в него стран. Абхазия, Южная Осетия, ПМР, ДНР и ЛНР уже давно заявили о своем желании войти в него, чего не скажешь о Грузии и Украине, чьи элиты сделали выбор в сторону евроатлантической интеграции. Молдова пока колеблется между евразийским и евроатлантическим выбором, и ПМР, де-юре являясь частью Молдовы, и осуществляя наряду с интеграцией в Русский мир также поддержку молдавской идентичности, является препятствием на пути евроатлантической интеграции и румынизации [11, с. 24]. Того же добивается РФ как государство-покровитель и от ЛДНР, не признавших государственный переворот в Киеве в 2014 году и являющихся, по мнению А. Бабицкого, «единственными легитимными преемниками украинской власти», поэтому им уготована «роль локомотива, который когда-нибудь потащит вагоны с украинскими областями в нужном направлении» [2]. Вопрос только в том, сколько еще продержится население непризнанных республик постсоветского пространства в состоянии такой неопределенности?

Непризнанные государства, чье возникновение связано с трагическими последствиями распада империй и федераций, призваны занимать

существенное место в процессах интеграции/дезинтеграции политических и экономических пространств. Поэтому, исходя из интеграционных реалий постсоветского пространства, стоит использовать НКР, ПМР, РЮО, РА, ДНР и ЛНР в качестве «драйверов» такой интеграции.

1. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности / ред. М. В. Ильин, И. В. Кудряшова. – М. : МГИМО-Университет, 2011. – 248 с.
2. Бабицкий, А. «Интенсивная фаза интеграции». Как ДНР и ЛНР связаны с Россией? [Электронный ресурс] / Андрей Бабицкий// Украина.ру. – 2019. – 30 янв. – Режим доступа: <https://ukraina.ru/opinion/20190130/1022515489.html>. – Дата доступа: 07.04.2019.
3. Гамова, С. Запад сделал ставку на Приднестровье [Электронный ресурс] / С. Гамова // Независимая газета. – 2018. – 12 янв. – Режим доступа: http://www.ng.ru/cis/2018-01-12/1_7149_moldova.html. – Дата доступа: 07.04.2019.
4. Добронравин, Н.А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX – начале XXI века / Н. А. Добронравин. – СПб. : Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013. – 255 с.
5. Неклесса, А. Небесный Вавилон. Гибридный мир и сирийская комбинаторика / А. Неклесса // Полис. – 2016. – №3. – С. 92–107.
6. Оглашен прогноз о слиянии России и Белоруссии в единое государство в 2020 году [Электронный ресурс] // Аргументы недели. – 2018. – 01 окт. – Режим доступа: http://argumenti.ru/politics/2018/10/587591?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com. – Дата доступа: 25.10.2018.
7. Полулях, Д. С. Турбулентность в современном мировом порядке: дискурсы и практика: автореферат дис. ... канд. полит. наук / Д. С. Полулях. – М., 2016. – 30 с.
8. Попов, Ф. Пространственные аспекты деградации и краха суверенного государства / Ф. Попов // МЭМО. – 2014. – № 7. – С. 78–86.
9. Ремизов, М. Судьба российского наследства [Электронный ресурс] / М. Ремизов // Агентство политических новостей. – 2005. – 12 апр. – Режим доступа: <http://www.apn.ru/authors/author149.htm>. – Дата доступа: 25.10.2018.
10. Родионов, Д. Союзное государство: Кто станет президентом, а кто – премьером. Путин и Лукашенко наметили контуры новой административно-политической карты [Электронный ресурс] / Д. Родионов // Свободная мысль. – 2019. – 17 февр. – Режим доступа: <https://svpressa.ru/politic/article/224940/?cba=1>. – Дата доступа: 06.04.2019.
11. Сергеев, А. Л. Приднестровье сегодня: проблемы и перспективы жизнедеятельности / А. Л. Сергеев. – М. : РИСИ, 2015. – 112 с.
12. Шевчук, Н. В. Приднестровье и Молдова: европеизация урегулирования / Н. В. Шевчук // Проблемы стран постсоветского пространства, Центральной и Юго-Восточной Европы : сборник научных статей. Вып.2. – Воронеж : ИД ВГУ, 2018. – С. 76–90.
13. Экономика непризнанных республик: проблемы функционирования и перспективы развития : Материалы I Международной научно-практической конференции, 25 июня и 3–4 июля 2015 г. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2015. – 230 с.

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛДО-ПРИДНЕСТРОВСКОГО КОНФЛИКТА В КОНТЕКСТЕ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2019 ГОДА В МОЛДОВЕ

А. Д. Можейкин, Н. В. Мясникова (Тирасполь)

Молдо-приднестровский конфликт остается одной из актуальных проблем международной политики на современном этапе. С 1990-х годов Приднестровье и Молдова пытаются урегулировать двусторонние взаимоотношения, проходя через различные стадии сотрудничества и давления. Сегодня переговорный процесс между сторонами конфликта ведется на основе тактики «малых шагов», предполагающей решение социально-экономических и гуманитарных вопросов, но исключающей обсуждение политического статуса ПМР. Однако окончательное урегулирование конфликта зависит от множества факторов, определяемых как внутривнутриполитическими процессами в Приднестровье и Молдове, так и действиями внешних акторов.

В последние несколько лет в переговорном процессе наблюдается оживление. С момента подписания в июне 2016 года Берлинского протокола Постоянного совещания в формате «5+2» стороны конфликта заключили 9 соглашений.

Среди них такие важные для Приднестровья документы как:

- Протокольное решение «Об открытии моста через реку Днестр в районе сел Гура-Быкулуй и Бычок» от 3 ноября 2017 года,
- Протокольное решение «О мерах по организации взаимодействия в области телекоммуникаций и электросвязи» от 25 ноября 2017 года,
- Протокольное решение «О проставлении апостиля на документах об образовании, выдаваемых в Приднестровье» от 25 ноября 2017 года,
- Протокольное решение «Об участии транспортных средств из Приднестровья, не осуществляющих коммерческую деятельность, в международном дорожном движении» от 24 апреля 2018 года.

Однако несмотря на определенный прогресс в переговорном процессе и подписание этих договоренностей, условия непрекращающегося давления и санкций Республики Молдова по отношению к ПМР сохраняются. Таким, например, является установление совместного таможенно-пограничного контроля Молдовы и Украины на приднестровско-украинской границе, в частности, в международном пункте пропуска «Первомайск – Кучурган». Такая «политика» РМ угрожает введением очередных ограничений для экономической деятельности и свободы передвижения граждан ПМР. Иначе говоря, создается тройной таможенный контроль, ограничивающий ввоз товаров в Приднестровье, а вместе с ним и дополнительные транспортные расходы экономических агентов ПМР, затраты на получение молдавских лицензий на импорт и многое другое [5, с. 6–13].

Также, несмотря на подписание соглашений, не прекращались и нападки политиков РМ на миротворческую миссию на Днестре. Регулярное блокирование работы Объединенной Контрольной Комиссии, в том числе высылка 30 мая 2017 года трех российских дипломатов – членов ОКК от РФ, требования вывода российских миротворцев с территории Приднестровья, поддержанные Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 2018 году [3], – это лишь часть провокаций Республики Молдова в отношении Приднестровья.

На этом фоне договоренности, достигнутые между Приднестровьем и Молдовой, – это результат напряженного диалога, длительной и кропотливой работы специалистов двух сторон.

Вместе с тем некоторые молдавские и приднестровские эксперты на фоне данной политической конъюнктуры позволяют себе громкие заявления о переходе «красных линий» в переговорном процессе, односторонних уступках, сдаче суверенитета и предательстве национальных интересов [8]. Особенно жестко «представители гражданского общества» в Кишиневе настаивают на выводе воинского контингента России из ПМР и лоббируют обсуждение политического статуса Приднестровья в составе Молдовы. При этом первое зачастую преподносится как импульс для второго.

С позиции Приднестровья этот вариант разрешения конфликта является нереализуемым, и не только из-за официального курса ПМР на независимость и международное признание. Дело в том, что в самой Молдове нет единого мнения относительно плана урегулирования конфликта.

С момента провозглашения независимости в 1991 году эта страна сталкивается с многочисленными политическими кризисами. Они проявлялись в неперспективных результатах парламентских выборов, в нестабильности и неэффективности института президента, в неопределенности внешнеполитического курса, а также в неоднократных попытках изменить государственное устройство РМ (переходы от президентской республики к парламентской и наоборот). Даже сегодня действующий глава Молдовы И. Додон выступает за расширение полномочий президента.

С 2010 года ни одна политическая сила в РМ не может набрать абсолютное большинство на выборах в парламент, в результате чего образуются ситуативные и нестабильные коалиции, неспособные последовательно реализовывать определенный курс политического развития Молдовы. Это свидетельствует о значительном расхождении интересов и устремлений как в самом молдавском обществе, так и в его политическом классе. Отсюда, в том числе, вытекает и неоднозначность политики РМ по отношению к Приднестровью, а также многочисленные проблемы в переговорном процессе.

После очередных неоднозначных выборов 2014 года только в результате подкупа и шантажа депутатов различных фракций парламента РМ власть во всех государственных органах Молдовы перешла к Демократической партии во главе с олигархом В. Плахотнюком.

Однако даже обладая преимуществом большинства, молдавские политики не смогли выработать свой проект под названием «Видение процесса урегулирования приднестровского конфликта и реинтеграции Республики Молдова», о подготовке которого правительство РМ заявляло еще в 2017 году. В молдавских СМИ появлялись различные утечки относительно содержания этого документа [7], политический представитель РМ в переговорном процессе Г. Бэлан даже подтверждал его существование [6]. Однако официально этот «проект» так и не вышел в свет.

Анализ открытых данных показал, что в этом документе вновь затрагивается тема вывода российских войск, трансформации формата миротворческой миссии на Днестре, широкой автономии для Приднестровья, изменения статуса участников формата «5+2». То есть все те вопросы, от обсуждения которых руководство ПМР категорически отказывается. Несмотря на это в самом проекте якобы указывается, что «приднестровская проблема» является «относительно легко решаемой».

На «быстрое» урегулирование конфликта рассчитывает и президент РМ И. Додон. В своих многочисленных интервью он заявляет о том, что «приднестровский вопрос» возможно будет урегулировать в 2019–2020 годы. Глава РМ активно выступает «объединителем» или «реинтегратором» молдавского государства. При этом его позиции о конечной модели разрешения конфликта неоднократно переходили от «федерализации Молдовы по аналогии с Планом Козака 2003 года» до все той же «широкой автономии для Приднестровья» [2].

Позднее многочисленные проекты И. Додона свелись в идею так называемого Большого пакета для Молдовы, представленного на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2019 года. Суть пакета сводится к тому, что президент, парламент и правительство РМ выработают единую позицию по разрешению молдо-приднестровского конфликта, согласуют ее с международными партнерами и «предложат» Тирасполю [4].

Однако все эти инициативы невозможно реализовать без большинства в законодательном органе РМ, в то время как парламентские выборы 24 февраля 2019 года лишь в очередной раз подтвердили существующий в молдавском обществе раскол. Места в парламенте разделили между собой пропрезидентская Партия социалистов (35 мест из 101), Демократическая партия (30 мест) и избирательный блок «ACUM» (26 мест). У каждой из этих политических сил радикально противоположные взгляды на развитие РМ и, тем более, на способы разрешения конфликта между Приднестровьем и Молдовой. Получив примерно по 1/3 всех мандатов, эти партии уже больше месяца не могут договориться о создании коалиции большинства и распределении ключевых должностей в парламенте и правительстве.

Таким образом, в Молдове назревает очередной политический кризис, предвещающий создание неустойчивых политических альянсов и, в худшем случае развития ситуации, – роспуск парламента и досрочные выборы.

В этих условиях говорить о каком-то «легком и быстром» решении молдо-приднестровского конфликта невозможно. Примечательно, что Российская Федерация, которая до февраля 2019 года как бы снисходительно относилась к неоднозначным заявлениям И. Додона по Приднестровью, после поражения «своего кандидата» на парламентских выборах сразу напомнила президенту РМ о существующих реалиях. В ходе своего брифинга от 7 марта 2019 г. Директор Департамента информации и печати МИД РФ М. Захарова открыто намекнула на нелепость заявлений И. Додона о «быстром решении приднестровского вопроса» [1].

Таким образом, результаты выборов в Молдове наглядно демонстрируют, что политические партии, прошедшие в парламент РМ, равно как и стоящие за ними зарубежные партнеры не могут самостоятельно принимать решения о политическом курсе Молдовы, в том числе и на приднестровском направлении. А значит, ни у одного внутреннего или внешнего игрока в РМ в подобных условиях не получится навязать Приднестровью свою модель урегулирования конфликта, будь то унитарное государство, федерализация или любой другой проект.

Следовательно, в ближайшие 4 года, даже в случае создания в молдавском парламенте коалиции большинства (очевидно, что в ней будет отсутствовать единство взглядов), переговорный процесс между Приднестровьем и Республикой Молдова будет по-прежнему основываться на тактике малых шагов, длительном и кропотливом диалоге, взаимных (а не односторонних) уступках и компромиссах сторон. А любые проекты «быстрого урегулирования» постигнет судьба «видения» Георге Бэлана или Большого пакета И. Додона...

1. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 7 марта 2019 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3562173#27. – Дата доступа: 27.03.2019.
2. Караман, А. Кому партнер Додон? В чьей корзине оказались молдавские яйца Москвы [Электронный ресурс] / А. Караман // ИА «Regnum». – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/2371754.html>. – Дата доступа: 26.03.2019.
3. Полный и безоговорочный вывод иностранных вооруженных сил с территории Республики Молдова [Электронный ресурс] // Официальный сайт ООН. – Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/72/L.58>. – Дата доступа: 29.03.2019.
4. Презентация идеи «Большого пакета для Молдовы» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президентуры Республики Молдова. – Режим доступа: http://www.presedinte.md/files/media/Pachet_Moldova_RU.pdf. – Дата доступа: 25.03.2019.
5. Презентация о недопустимости организации молдавско-украинского таможенно-пограничного контроля в пункте пропуска «Кучурган-Первомайск» [Электронный ресурс] // Официальный сайт МИД ПМР. – Режим доступа: <http://mid.gospmr.org/ru/RfL>. – Дата доступа: 28.03.2019.
6. Савватеев, Е. «Если бы в Приднестровье не было российской армии, не было бы никаких проблем» – вице-премьер Молдовы [Электронный ресурс] / Е. Савватеев //

- Громадское Телевидение. – Режим доступа: <https://hromadske.ua/ru/posts/esly-by-v-prydnestrove-ne-bylo-rossyiskoi-armyy-ne-bylo-by-nykakyykh-problem-vytse-premer-moldovy>. – Дата доступа: 30.03.2019.
7. Соловьев, В. Приднестровью предложат пройти текст на объединение [Электронный ресурс] / В. Соловьев // Газета «Коммерсантъ». – 2017. – № 224. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3482480>. – Дата доступа: 26.03.2019.
  8. Шоларь, Е. Стоп переговоров. Группа НПО напомнила о «красных линиях» в приднестровском урегулировании [Электронный ресурс] / Е. Шоларь // Newsmaker.md. – Режим доступа: <http://newsmaker.md/rus/novosti/stop-peregovorov-gruppa-pro-napomnila-o-krasnyh-liniyah-v-pridnestrovskom-uregulir-36015>. – Дата доступа: 27.03.2019.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС ПО АФГАНСКОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ В 2018–2019 ГОДАХ

Ю. С. Петухов (Минск)

Процесс афганского урегулирования является одним из наиболее сложных в силу комплексного характера породивших его проблем и большого числа международных акторов, реализующих в нем собственную геополитическую повестку.

Несмотря на обилие переговорных площадок по данному «досье», долгое время их результативность была довольно низкой. Поэтому формат «США-Талибан», оформившийся в 2018 г. и по состоянию на 1 апреля 2019 года приведший к достижению если не практических, то хотя бы концептуальных договоренностей, занимает особое место в переговорах по афганской проблематике.

В последние годы талибы демонстрировали скепсис в отношении действующего в Кабуле режима, озвучивая намерение договариваться лишь со стороной, имеющей влияние на политический процесс, – США. Правительство Афганистана именовалось ими «марионеточным» и неспособным осуществлять властные функции. Практическим обоснованием этому стала боевая активность «Талибана», который посредством захвата территорий и резонансных терактов демонстрировал как рост своего влияния на ситуацию в Афганистане, так и неспособность властей контролировать территорию страны.

Такая тактика показала свою эффективность: захват уездов и городов, атаки на контрольные пункты и базы, подрывы смертников – все это стало одной из причин трансформации политики США в отношении талибов, которая развивалась по следующим этапам.

Первый – *отрицание возможности диалога американской стороной, приверженность силовым методам* (январь-июнь 2018 г.).

После резонансных нападений движения «Талибан» на отель «Интерконтиненталь» (20.01.2018) и военную академию в Кабуле (29.01.2018)

Д. Трамп заявил, что «США не намерены вести диалог с «Талибаном», признал сложившиеся условия «нецелесообразными для переговоров» [2]. Подобная риторика со стороны Запада подкреплялась заявлениями о необходимости усиления присутствия иностранного контингента в Афганистане.

В данной ситуации переговорная карта «разыгрывалась» иными игроками, пропагандировавшими перспективы внутриафганского диалога, в частности, Россией [1]. Узбекистан воспользовался ситуацией для повышения своего статуса как региональной переговорной площадки. 26–27 марта 2018 года прошла международная конференция в Ташкенте, главный итог которой зафиксирован в заявлении о том, что «все стороны, контактирующие с талибами, должны призвать их к участию в переговорах» [3].

Со своей стороны официальный Кабул демонстрировал приверженность диалогу с повстанцами, предложив им интегрироваться в политическую систему на правах оппозиционной партии. В ходе конференции в Кабуле 28 февраля 2018 года А. Гани отметил, что «Талибан» имеет «шанс получить статус политической группы».

Однако талибы проигнорировали все переговорные инициативы. С учетом благоприятного для повстанцев боевого сезона намерения Кабула свести движение до уровня одной из партий, никак не влияющих на политический процесс, не возымели успеха. Свое отношение к дипломатии талибы выразили, похитив 30 пассажиров автобуса в Урузгане во время конференции в Кабуле и подорвав опоры ЛЭП в Баглане в день проведения Ташкентской конференции.

Второй – *смягчение позиции США до признания необходимости переговоров между талибами и Кабулом* (июнь-июль 2018 г.).

Развитие обстановки в Афганистане в первой половине 2018 г. показало неэффективность афганской стратегии США. Успешное продвижение повстанцев, захват ими новых районов, сокращение численности и боевых возможностей афганских национальных сил обеспечения безопасности (АНСОБ) побудили Вашингтон к пересмотру концепции своего участия в афганской проблеме. В ходе визита в Кабул 9 июля 2018 года госсекретарь США М. Помпео озвучил два основных тренда американской политики на афганском треке [6]:

- ключевая роль в переговорах с талибами принадлежит Кабулу, но США готовы к посредничеству «в случае необходимости»;

- «Талибану» не стоит ожидать вывода войск США из страны.

Одновременно сменились акценты в освещении военной стратегии Вашингтона: военная миссия НАТО стала трактоваться как необходимое условие понуждения «Талибана» к миру.

Несмотря на то, что Кабул продолжил озвучивать намерение превратить «Талибан» из вооруженной в политическую группировку, позиция движения осталась неизменной. 13 июня 2018 года Х. Ахундзада сообщил:

«Если США считают возможным мирное урегулирование ситуации, они должны это делать посредством прямого диалога» [4].

Третий – *прямые переговоры между «Талибаном» и США* (июль 2018 г. – март 2019 г.).

Стратегия повстанцев по понуждению США к диалогу под угрозой кризиса в сфере безопасности оказалась результативной. 25 июля 2018 года в Катаре заместитель помощника госсекретаря США Э. Уэллс обсудила с делегатами талибов перспективы мирных переговоров [8]. Этот шаг стал кардинальным изменением стратегии США, ранее не признававших «Талибан» политической силой.

Фактическая реализация нового подхода Вашингтона к афганскому урегулированию началась в сентябре 2018 г. с назначением спецпредставителем США по Афганистану З. Халилзада. Уже 29 сентября 2018 года дипломат заявил, что Вашингтон готов вести переговоры с движением «Талибан» без предварительных условий, хотя ранее необходимыми требованиями к началу диалога назывались принятие повстанцами конституции, отказ от насилия и разрыв отношений с иностранными террористическими организациями. Таким образом, уже на самом первом этапе США пошли на уступки боевикам.

В сложившейся ситуации доминирующую позицию в переговорах заняли талибы, беспрецедентно озвучившие свои взгляды. По заявлению Ш. Станакзая, «процесс состоит из двух этапов, первый – это переговоры с американцами, второй – переговоры с афганской стороной, касающиеся внутренних дел страны, конституции и формирования правительства» [7].

С учетом твердости позиции талибов к февралю 2019 г. диалог с США практически не продвинулся. Единственным шагом движения по сближению позиций стало присоединение к переговорам муллы А. Барадара, что повысило статус делегации и продемонстрировало серьезное отношение повстанцев к дипломатическому процессу. При этом «Талибан» по-прежнему отказывал афганской администрации в диалоге, чем не только дискредитировал ее как участника политического процесса, но и внес противоречия между Кабулом и Вашингтоном.

Определенные результаты достигнуты только на пятом раунде встреч (26.02.–12.03.2019). Повстанцы согласились прервать связи с террористическими группировками в обмен на постепенный вывод американских войск. Учитывая закрытый характер дискуссии и некоторую эфемерность договоренностей, следует констатировать их прелиминарный характер. Интересно, что приблизительно в этот же период США окончательно скорректировали способ преподнесения международному сообществу своего присутствия в Афганистане: действия АНСОБ и иностранного контингента стали трактоваться как необходимое условие для продвижения переговоров с повстанцами. Таким образом, Вашингтон повторил тактику са-

мих талибов, поставив успех диалога в прямую зависимость от обстановки «на земле».

В сложившейся ситуации Россия попыталась выступить организующей силой на ином переговорном поле – между талибами и афганской оппозицией. 5–6 февраля 2019 года в Москве состоялась межафганская встреча по вопросам примирения. Несмотря на достижение по ее итогам достаточно весомых договоренностей [5], позволивших сверить часы афганской вооруженной и политической оппозиции, укоренить этот формат в Москве не удалось. Ожидается, что следующая встреча состоится 14–15 апреля 2019 года в Катаре.

Одновременно Узбекистан продолжил попытки перенесения части переговорного процесса по афганскому урегулированию на свою территорию. 1 апреля 2019 года глава узбекского МИД А. Камилов заявил, что республика готова предоставить Афганистану площадку для мирных переговоров с талибами [9]. Таким образом, Ташкент надеется приватизировать следующий этап диалога (по линии «Талибан» – Кабул). Принимая во внимание, что такое развитие событий нанесет удар по позициям Москвы как в Центральной Азии, так и в афганском дипломатическом процессе, данная инициатива может получить поддержку США.

Старт прямых переговоров Вашингтона с повстанцами поставил в сложное положение афганскую администрацию. Инициативы действующей власти (призывы к переговорам «Талибан» – Кабул, заключению соглашения, аналогичного договоренностям с «Хизб-и-Ислами», открытию представительства «Талибана» в провинциях Кабул, Кандагар и Нангархар, проведению Лоя Джирги для решения вопроса о примирении с повстанцами) остались нереализованными. Режим, оставленный американскими союзниками, теряет рычаги влияния на диалог судьбе собственного государства.

На данном этапе развития политико-дипломатического процесса по афганскому урегулированию представляется возможным сформулировать его некоторые промежуточные итоги (на 01.04.2019):

1. Вашингтон получил от переговоров только имиджевые дивиденды. Достигнутое соглашение о разрыве отношений талибов с террористическими структурами имеет прелиминарный характер, а его исполнение невозможно эффективно контролировать.

2. Россия и Узбекистан пока не смогли улучшить свои позиции в афганском урегулировании, степень их влияния на ситуацию невысока.

3. Движение «Талибан» кратно повысило свой статус: от террористической структуры до признанной политической силы и партнера США по борьбе с терроризмом. Кроме того, повстанцы внесли противоречия между Кабулом и Вашингтоном.

4. Пожалуй, единственным проигравшим оказался официальный Кабул, утративший авторитет и влияние на дипломатический процесс вокруг собственного государства.

Принимая во внимание ситуацию на дипломатическом треке, следует полагать, что дальнейший ход переговоров будет зависеть от развития военно-политической ситуации, в т.ч. в контексте весеннего наступления талибов и активизации операций зачистки, реализуемых АНСОБ и иностранными войсками.

1. Брифинг официального представителя МИД России М. В. Захаровой, Москва, 31 января 2018 г. [Электронный ресурс] // МИД России. – Режим доступа: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3051107#25. – Дата доступа: 02.04.2019.
2. Дональд Трамп: Нет смысла вести переговоры с движением «Талибан» [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/118268.html>. – Дата доступа: 02.04.2019.
3. Зачем Узбекистану конференция по афганскому конфликту [Электронный ресурс] // Информационное агентство «Фергана». – Режим доступа: <https://www.fergananews.com/articles/9873.html>. – Дата доступа: 02.04.2019.
4. Лидер «Талибана» в Афганистане призвал США к ведению прямого диалога [Электронный ресурс] // Sputnik-Таджикистан. – Режим доступа: <https://tj.sputniknews.ru/world/20180613/1025834127/lider-talibana-afganistan-prizval-usa-vedeniyu-priyamo-dialoga.html>. – Дата доступа: 02.04.2019.
5. Полный текст совместной резолюции московского «межафганского диалога» [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/126648.html>. – Дата доступа: 02.04.2019.
6. Президент Афганистана и госсекретарь США обсудили усилия по продвижению мирного процесса [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/121996.html>. – Дата доступа: 02.04.2019.
7. Талибан готов к переговорам с политическими партиями Афганистана [Электронный ресурс] // Афганистан.ру. – Режим доступа: <http://afghanistan.ru/doc/124695.html>. – Дата доступа: 02.04.2019.
8. U.S. Envoy, Taliban Officials Meet to Discuss Afghan Peace Talks [Electronic resource] // The Wall Street Journal. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/u-s-envoy-taliban-officials-meet-to-discuss-afghan-peace-talks-1532547118.html>. – Date of access: 02.04.2019.
9. Uzbekistan is Ready to Host the Talks if Taliban is Ready to Talk with the Afghan Government [Electronic resource] // Asia News. – Mode of access: <http://www.asianews.af/36357.html>. – Date of access: 02.04.2019.

Р А З Д Е Л 5

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ДИПЛОМАТИЯ БЕЛАРУСИ (1918–2019 гг.)

ДЗЕЙНАСЦЬ ГРАМАДСКІХ АБ'ЯДНАННЯЎ У СФЕРЫ МІЖНАРОДНЫХ АДНОСІН У 1917–1918 гг. (ПА МАТЭРЫЯЛАХ МАГІЛЁЎСКАГА БЕЛАРУСКАГА КАМІТЭТА)

А. Р. Агееў, І. А. Пушкін (Магілёў)

Рэвалюцыя 1917 г. абудзіла да грамадскага жыцця беларускую грамадскасць, якая праводзіла мітынгі і сходы, утварала грамадскія арганізацыі і мясцовыя філіі палітычных партый. Грамадскае жыццё віравала, а грамадскія актывісты з радасцю прымалі на сябе адказнасць за лёс народа і краіны. Не абыходзілі яны і пытанні міжнародных адносін. Шматлікія грамадскія аб'яднанні смела і, нават, задужа самаўпэўнена для таго часу лічылі, што яны могуць не толькі заяўляць аб сваіх правах і інтарэсах на міжнароднай арэне, але і рэальна ўплываць на падзеі. Грамадскія аб'яднанні пісалі адозвы, пратэсты, заявы і маніфесты, звярталіся не толькі ў міжнародныя арганізацыі але непасрэдна да тагачасных дзяржаў і дзяржаўных утварэнняў.

Тагачасная актыўнасць грамадскіх аб'яднанняў на міжнароднай арэне звязана з тым, што ў канцы Першай сусветнай вайны актывізаваўся працэс стварэння новых нацыянальных еўрапейскіх дзяржаў. Узнікненне дзяржаў было не толькі вынікам дзейнасці нацыянальных эліт, але і знешнепалітычных праектаў такіх дзяржаў, як Францыя, Вялікабрытанія, Расія, Германія. Пытанні нацыябудаўніцтва і знешняй палітыкі цесна перапляталіся.

Красамоўна дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў у сферы міжнацыянальных адносін і на міжнароднай арэне адлюстроўвае дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (МБК) – першай нацыянальнай арганізацыі беларусаў, якая была створана ў Магілёве вясной 1917 г. Аналіз яе статута, праграмных мэтаў і дзейнасці даказвае, што ў аснове была Беларуска нацыянальная ідэя. За час свайго існавання палітычныя погляды МБК эвалюцыяніравалі ад ідэі нацыянальнай аўтаноміі беларусаў да ўхвалення стварэння незалежнай Беларускай дзяржавы абумовіла цікавасць да знешняй палітыкі і дзейнасці ў сферы міжнародных адносін [1, с. 51–72].

Найперш грамадскія арганізацыі ў 1917 г. былі арыентаваны на ўдзел у агульнарасійскіх падзеях. МБК не быў выключэннем, бо рэвалюцыя парадзіла надзею на аб'яднанне беларускага народа на ўсёй тэрыторыі яго этнічнага рассялення ў складзе асобнай аўтаномнай адміністрацыйнай

адзінкі са сваім органам улады, што павінна было паспрыяць нацыянальна-культурнаму адраджэнню беларусаў і росту дабрабыту насельніцтва Беларусі. Калектыўныя заявы і індывідуальныя выступленні яе сяброў, практычная дзейнасць МБК сведчылі пра шчырую зацікаўленасць у эканамічным і культурным прагрэсе краю, у здабыцці беларусамі годнага месца ў міжнародным супольніцтве народаў.

На з’ездзе беларускіх нацыянальных арганізацый 25–27.03.1917 г. у Мінску асаблівай актыўнасцю вызначыўся адзін з лідараў МБК М. Кахановіч. Ён быў абраны ў склад агітацыйна-палітычнай і арганізацыйнай камісій, а таксама сакратаром адной з найважнейшых камісій з’езда – этнаграфічнай, якая займалася пытаннямі межаў Беларусі. Кахановіч быў абраны членам Беларускага Нацыянальнага Камітэта, і яго ўключылі ў склад дэлегацыі для перамоваў з прадстаўнікамі Часовага ўрада Расіі [1, с. 18–20]. Часовы Урад меў з Камітэтам трывалыя сувязі, але канкрэтныя прапановы членаў камітэта не знайшлі падтрымкі ва ўрадавых колах.

У першыя месяцы існавання, пазіцыя магілёўскіх беларусаў была выключна памяркоўнай і па некаторых пытаннях не зусім акрэсленай. Чальцы камітэта заяўлялі пра тое, што Беларусь неабходна вылучыць у “самастойную адміністрацыйную адзінку”, што кіраваць ёю павінны асобы “з асяроддзя самога насельніцтва Беларусі”, для чаго трэба ўтварыць мясцовы заканадаўчы орган і дакладна размежаваць кампетэнцыю паміж ім і агульнадзяржаўнымі расійскімі органамі. Паступова погляды членаў МБК у 1917–1918 гг. істотна і хутка эвалюцыяніруюць – ад аўтаноміі да незалежнасці [6].

Прадстаўнікі МБК прымалі ўдзел у працы Першай Сесіі Цэнтральнай Рады Беларускіх арганізацый у Мінску 5–7.08.1917 г. Рада паставіла паслаць дэлегатаў у Кіеў на нараду (з’езд) “недзяржаўных народаў”. Сярод іншых, дэлегаваўся адзін дэлегат ад Магілёва. З’езд народаў Расіі адбыўся 8–15.09.1917 г. у Кіеве па ініцыятыве Украінскай Цэнтральнай Рады. У ім бралі ўдзел прадстаўнікі грузінаў, літоўцаў, татараў, латышоў, эстонцаў, беларусаў, малдаванаў, данскіх казакаў, буратаў і яўрэяў. У прынятай рэзалюцыі з’езд выказаўся за “федэратыўнае ўпарадкаванне дзяржавы Расійскай” і ў якасці неадкладнай меры прапанаваў прыдаць статус аўтаноміі “вялікім краям, заселеным адной нацыянальнасцю”. З’езд прыняў спецыяльную рэзалюцыю “Аб беларусах”, якая ўтрымлівала зварот да Часовага ўрада з патрабаваннем выдаць дэкрэт “Аб аўтаноміі Беларусі ў межах Расійскай Дэмакратычнай Рэспублікі” з абавязковым далучэннем да аўтаноміі Беларусі захопленых воўрагам тых мясцовасцей, у межах якіх былі расселены прадстаўнікі беларускага этнасу [6].

Магілёўскі Беларускі Камітэт актыўна далучыўся да падрыхтоўкі першага агульнанацыянальнага форуму беларусаў (Усебеларускага з’езду ў снежні 1917 г.). На Усебеларускім з’ездзе М. Кахановіч на адным з пасяджэнняў выступіў з заклікам не адкладваць справу самавызначэння: “бо за нас можа вырашыць Вільгельм ці польскія легіёны” [1, с. 48].

У гэты жа час ішоў працэс стварэння Польскай дзяржавы. У гэтым кантэксце даволі цікавай выглядае пазіцыя камандзіра I Польскага корпуса генерала І. Доўбар-Мусніцкага. З аднаго боку ён прыхільна ставіўся да самавызначэння беларусаў і да ідэі стварэння незалежнай БНР. З другога боку пасля таго як 12.03.1918 г., войскі корпуса занялі Магілёў на будынку ратушы была ўсталявана дошка аб аднаўленні Рэчы Паспалітай у межах 1772 г. Пазіцыя МБК у гэты перыяд не была вызначанай, у прэсе паведамлялі, што частка беларусаў прыхільна ставіцца да палякаў, а другая да расейцаў [7, арк. 275].

Улічваючы ваеннае становішча, спачатку стасункі з Германскім кіраўніцтвам у МБК былі памяркоўныя. У сувязі са з'явіўшыміся думкамі аб ліквідацыі ў Магілёве акруговага суда і некаторых губернскіх устаноў, а таксама далучэння акупаванай часткі Магілёўскай губерні ў судовым парадку да Мінскай губерні выканаўчы камітэт МБК 18.07.1918 г. пастанавіў хадатайнічаць перад германскімі акупацыйнымі ўладамі пакінуць у Магілёве губернскія ўстановы.

Патрыёты Магілёва, а гэта былі пераважна прадстаўнікі інтэлігенцыі, віталі спробы стварэння на Беларусі сваёй дзяржавы. Так, 5.04.1918 г. Язэп Варонка, старшыня Народнага Сакратарыяту і Народны сакратар Замежных спраў Беларускай Народнай Рэспублікі, пісаў з Менска ў Вільню Івану і Антону Луцкевічам: “... Незалежнасць – цяжкая і адветная праца, а сіл у нас мала... Учора ужэ завязалі стасункі з Магілёвам і там усё добра: земства, горад і магілёўская беларуская рада (галава Кахановіч) стояць за нас...” [3, с. 78].

Вельмі моцна на пазіцыі МБК паўплывалі ўмовы Брэсцкай мірнай дамовы (3.03.1918 г.) паміж Германіяй і РСФСР, змест дэкларацыі кайзера Германіі Вільгельма II (23.03.1918 г.) аб прызнанні незалежнасці Літоўскай дзяржавы, у склад якой былі ўключаны і беларускія землі (Віленшчына, Гродзеншчына, Беласточчына), і абвешчэнне незалежнасці Беларускай Народнай Рэспублікі (25.03.1918 г.). Па ініцыятыве МБК у Магілёве 31.03.1918 г. адбыўся сход прадстаўнікоў грамадскіх арганізацый, партый і устаноў мясцовага кіравання (прысутнічала каля 400 чал.) на якім амаль аднагалосна было падтрымана стварэнне БНР і прызнанне ўлады Беларускай Цэнтральнай Рады ў Мінску, як органа кіравання ў межах рассялення беларускага народа [1, с. 64–72]. У пачатку чэрвеня 1918 г. на пасяджэнні МБК былі пацверджана, што абвешчэнне незалежнасці БНР правільнае і своечасовае [4, арк. 73–74 адв.].

Восенню 1918 г. нямецкія ўзброеныя фарміраванні рыхтаваліся да эвакуацыі з Магілёва. Рыхтаваліся да ад'езду і члены МБК. Жаданне эвакуіравацца было выклікана перш наперш страхам перад рэпрэсіямі з боку балышавікоў. Асабліваю ролю тут сыгралі “віцебскія падзеі” – расстрэлы былых членаў Віцебскай беларускай рады. Захавалася “Большевическое самоопределение народов” – ліст адчаю віцебляніна К. Хадкевіча

аб “разгону і разгрому рэвалюцыйна-дэмакратычных арганізацый” у лютым 1918 г. бальшавікамі Віцебску. У лісце падрабязна апісваецца спробы чырвоных атрадаў рабаваць сабор і інтэнданцкія склады пад час наступлення немцаў, якому супрацьстаялі беларускія дружны і “паўстанне народу”. За гэта беларускія арганізацыі былі абвінавачаны ў стварэнні белай гвардыі для паходу на савецкую ўладу, іх маёмасць, перапіска, бібліятэка былі разграблены, памяшканні занятыя. Шматлікія эмацыйныя паведамленні з Віцебску і іншых гарадоў падкантрольных Чырвонай арміі прымушалі членаў Магілёўскага камітэта асцерагацца не толькі за сваю маёмасць, але і за жыццё [2, с. 10–11].

Уражвае, што нягледзячы на падрыхтоўку да эвакуацыі Рада ад імя МБК пасылае пратэсты ўрадам Украіны і РСФСР у абарону самастойнасці і незалежнасці беларускай дзяржавы. У іх адзначаецца, што МБК на пасяджэнні ад 21 верасня 1918 г. пастанавіў давесці да ведама ўрада РСФСР і ўрада Украінскай дзяржавы, што арганізацыя лічыць апошні “дадатковы” дагавор паміж Расіяй і Нямеччынай парушэннем правоў беларускага народа на самавызначэнне, на незалежнасць і непадзельнасць Беларусі, што МБК пратэстуе супраць непрызнання правоў Беларускага народа на самастойнае дзяржаўнае існаванне [2, с. 12–13]. У выніку 30.09.1918 г. лісты пратэсту МБК трапілі праз генеральнага консула БНР ва Украіне Р. Базарэвіча (Кіеў) старшыні Надзвычайнай дэлегацыі Рады БНР А. Луцкевічу (Кіеў), а праз ліст Надзвычайнай дэлегацыі міністру замежных спраў Украіны і старшыні Расійскай мірнай дэлегацыі Х. Ракоўскаму (Кіеў) [3, с. 264; 4, арк. 1].

Старшыня Магілёўскай Беларускай Рады М. Кахановіч ужо ў Мінску 27.10.1918 г. звярнуўся да Народнага Сакратарыату БНР з прапановай стварыць Лігу нацый народаў былой Расійскай імперыі дзеля супольных выступленняў на міжнародных форумах [3, с. 287].

Такім чынам, на прыкладзе адной грамадскай арганізацыі – Магілёўскага беларускага камітэта мы бачым спробы актыўнага ўдзелу падобных грамадскіх аб’яднанняў у міжнародных і міжнацыянальных справах. Сёння адозвы грамадскіх аб’яднанняў аб сваіх адносінах да складаных міжнародных праблем сталі звычайнай справай. Сто гадоў таму – гэта было новая справа, якая патрабавала пэўнай смеласці і вялікай адказнасці за лёс свайго народу. У самых неспрыяльных умовах грамадзянскай вайны, замежных акупацый, паслярэвалюцыйнай завірухі грамадскія аб’яднанні выступалі за права беларусаў самім арганізоўваць сваё жыццё, спрабавалі ўплываць на ўсталяванне межаў новых краін, на міжнародныя адносіны.

1. Агееў, А. Р. Фарміраванне і дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта (1917–1918) : манаграфія / А. Р. Агееў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 292 с.
2. Агееў, А. Р. Эвакуацыя архіва Магілёўскага беларускага камітэта ў Вільню восенню 1918 года / А. Р. Агееў // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зборнік навуко-

вых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26–27 чэрвеня 2013 г. / уклад. А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : УА “МДУХ”, 2013. – С. 9–13.

3. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі. Т. 1. Кн. 1. – Вільня – Нью-Ёрк – Прага : БІНІМ; Т-ва Беларускага пісьменства; Наша Ніва, 1998 – С. 1–850.
4. Ліст Беларускага Генеральнага Консула ва Украіне // Літоўскі цэнтральны дзяржаўны архіў (LVCA). – Фонд 582. Воп. 2. Спр. 9. Арк. 1.
5. Пратакол № 5 пасяджэння Выканаўчага камітэта МБР ад 5.06.1918 г. // БДАМЛМ. – Фонд 3. Воп. 1. Спр. 136. Арк. 73–74 адв.
6. Пушкін, І. А. Дзейнасць Магілёўскага Беларускага Камітэта ў сферы міжнародных адносін (1917–1918 гг.) / І. А. Пушкін // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць : зб. навук. прац VIII Міжнар. навук. канф. 26–27 чэрвеня 2013 г., г. Магілёў / уклад.: А. М. Бацюкоў, І. А. Пушкін. – Магілёў : МДУХ, 2013. – С. 302–310.
7. Пушкін, І. А. Магілёў і Магілёўшчына ў святле апублікаваных архіваў Беларускай Народнай Рэспублікі / І. А. Пушкін // Шляхі Магілёўскай гісторыі : зборнік навуковых прац / уклад.: І. А. Пушкін, В. В. Юдзін. – Могилёв : Мог. обл. типография им. С. Соболя, 2005. – С. 260–270.
8. Хроніка падзей да беларускіх газет // НАРБ. – Фонд 325. Воп. 1. Спр. 19. Арк. 275.

НА ПУТИ К СОТРУДНИЧЕСТВУ: 1918 ГОД В БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Н. Б. Щавлинский (Минск)

Падзенне царызма в Расіі в фебраве 1917 г., дэклараванне Временным правительством свобод (свободы слова, печати, собраний, вероисповедания) активізавалі нацыянальна-асвободіцельную барацьбу многіх народаў, в том числе украинского и белорусского. Уже в марте на территории Украины под председательством ученого, профессора М. Грушевского сформировалась Украинская Центральная рада, которая 13 июня 1917 г. выпустила декрет («Первый Универсал Центральной Рады») о провозглашении «автономии Украины». В соответствии с Универсалом учреждалось правительство – «Генеральный секретариат» во главе с В. Винниченко. Тем временем в октябре 1917 г. в Петрограде произошла революция, в результате чего в Киеве был создан Совет рабочих и солдатских депутатов как орган советской власти на территории Украины. Вместе с тем события в Петрограде стали дальнейшим стимулом для движения Украины к своей независимости. 7 (20) ноября 1917 г. Рада «Третьим универсалом» провозгласила образование Украинской Народной Республики [6, с. 167].

Несколько подобным образом происходило объявление Белорусской Народной Республики на территории Беларуси. Уже в марте 1917 г. белорусский национальный съезд заявил о своей поддержке «федеративного демократически-республиканского строя России, а также учредил Белорусский национальный комитет (БНК). В августе 1917 г. в Минске в силу различных обстоятельств вместо БНК (он не выступил против участия

России в войне, не выдвинул четко очерченной программы по социально-экономическим преобразованиям и т. д.) была создана Белорусская рада, которая накануне октябрьских событий была преобразована в Великую Белорусскую раду (ВБР).

ВБР и другие белорусские национальные организации встретили Октябрь враждебно. Они не признали Советскую власть на территории Беларуси в лице Областного исполнительного комитета Западной области и фронта (Облискомзап) и выступили под лозунгом полного национального самоопределения. Для решения этой задачи в декабре 1917 г. ими был созван 1-й Всебелорусский съезд (конгресс), в ходе работы которого было выработано решение «создать в пределах белорусских земель высший орган власти – Всебелорусский Совет крестьянских, солдатских и рабочих депутатов» [7, с. 38]. Однако Совет Народных комиссаров Западной области и фронта признал постановление Белорусского съезда «контрреволюционной попыткой свержения установленного в результате победы Октябрьской революции общественного и государственного строя». На этом основании в ночь на 18 декабря 1917 г. съезд был разогнан, а наиболее активные его деятели Я. Воронко, Т. Гриб, И. Середа, А. Червяков, И. Дворчанин, А. Бурбис, Я. Мамонько арестованы.

Однако созданный конспиративно после разгона съезда Исполком Всебелорусского съезда совместно с другими организациями продолжил борьбу за создание национальной государственности. В условиях срыва в Бресте мирных переговоров, возобновления наступления германских войск на фронте, эвакуации Совета Народных комиссаров из Минска в Смоленск, Исполком 1-го Всебелорусского съезда решил взять власть в свои руки. 21 февраля 1918 г. он объявил себя властью, создал правительство – Народный секретариат и сообщил об этом в Уставной грамоте. 9 марта 1918 г. Исполком Рады Всебелорусского съезда в оккупированном немецкими войсками Минске издал Вторую Уставную грамоту, в которой продекларировал создание БНР [4, л. 125]. Затем 18 марта 1918 г. он был переименован в Раду БНР, как высший государственный орган.

24 марта 1918 г. Рада БНР выдвинула в повестку дня требование о полной государственной независимости Белорусской Народной Республики. На этот шаг Рада вынуждена была пойти после того, как заключенный между Советской Россией и кайзеровской Германией 3 марта 1918 г. Брестский мирный договор нарушал этническую и территориальную целостность белорусской нации. В результате Рада БНР, не имея возможности изменить условия Брестского договора, в ночь с 24-го на 25-е марта на очередном заседании объявила независимость Беларуси, о чем сообщила в Третьей Уставной грамоте [4, л. 124–125].

Стоит отметить, что объявление на территории Беларуси БНР стало отправной точкой в налаживании между УНР и БНР внешнеполитических и экономических отношений. Уже в конце марта 1918 г. Рада БНР и На-

родный секретариат приняли решение направить в Киев делегацию, в задачи которой входило добиться от политических структур Украинской рады способствования участию в украинско-российских переговорах (проходили в Киеве с апреля по октябрь 1918 г. – Авт.), предоставлению Беларуси займа, установлению границ и налаживанию товарообмена.

Прибыв 1 апреля 1918 г. в Киев, делегаты БНР посетили неофициально М. С. Грушевского (председатель Украинской Центральной Рады), А. Т. Жуковского (министра военных дел) и В. А. Голубовича (председатель Рады народных министров), а 6 апреля – Н. С. Ткаченко (министр финансов) [2, с. 80].

После этого делегация обратилась 15 апреля 1918 г. к министру иностранных дел Украинской Народной Республики с просьбой решить совместными усилиями ряд следующих вопросов. Во-первых, было заявлено о желательности расформирования 15-тысячного польского корпуса, дислоцировавшегося на территории Беларуси и legionеры которого нередко осуществляли среди мирного белорусского населения грабежи и реквизиции. Во-вторых, поступила просьба передать сообщение о создании Белорусской Народной Республики по киевскому радио. Но самое большое значение белорусская сторона уделяла проблеме создания совместной белорусско-украинской комиссии по вопросу установления государственных границ между Украиной и Белоруссией [2, с. 80–81].

Созданная комиссия под председательством члена правительства Украины А. В. Лихнякевича занималась вышеуказанными вопросами в период с 19 по 28 апреля 1918 г., но так и не смогла решить это вопрос в силу различных обстоятельств и причин.

Во-первых, на часть южных белорусских территорий претендовала сама Украина. Во-вторых, в этом не были заинтересованы германские оккупационные власти. В сложившейся ситуации Рада БНР направила просьбу к правительству Германии официально признать независимость Беларуси и дать возможность белорусскому руководству осуществлять принадлежащие ему функции по государственному строительству и управлению, а также организовывать вооруженную силу, необходимую в целях самозащиты. Затем 25 апреля 1918 г. Рада БНР на имя Вильгельма II направила телеграмму, в которой выражалась «благодарность за освобождение Беларуси немецкими войсками от тяжелого угнетения чужого господствующего издевательства и анархии». В то же время было заявлено, что «свое будущее БНР видит только «под покровительством германской державы» [3, с. 37].

Однако Германия не поддержала объявленную на территории Беларуси БНР, так как германское руководство смотрело на Беларусь, как на оккупированную территорию России и залог под контрибуцию, которую ей обязалась выплатить РСФСР.

К таким концептуальным выводам, касающимся проблемы БНР, пришли в своих исследованиях не только отечественные исследователи, но

и зарубежные. В частности, Е. Энгельгардт отмечал, что Германия по разным причинам не признала белорусского правительства, и поэтому оно вынуждено было ограничиться представительством белорусского народа в национальных и культурных вопросах [9, с. 108–109]. Р. Пайпс сделал вывод о том, что немцы не собирались поддерживать объявленную Радой БНР независимость, потому что рассматривали Беларусь как источник сырья и рабочей силы [11, р. 151]. Такой же точки зрения придерживаются И. Лобачко [10, р. 24] и М. Девановский [8, р. 142].

Вместе с тем, обращение белорусских деятелей к германскому кайзеру со словами благодарности вызвало острый политический кризис в Раде БНР. Из нее ушли эсеры, меньшевики, еврейские социалисты. Стал распадаться Народный секретариат [5, с. 118]. Кризис привел к расколу в БСГ, к образованию из ее сторонников новых партий – социалистов-революционеров, социал-демократов, социалистов-федералистов.

Однако непризнание Германией объявленной на территории Беларуси БНР, политический кризис в правительстве и Раде не приостановили процессы, разворачивающиеся в белорусско-украинских отношениях. Ввиду того, что в то время товарообмен с Советской Россией был невозможен, было принято решение наладить торговые отношения с Украиной и другими соседними государствами. В этой связи в Минске усилиями секретаря контроля Народного секретариата П. А. Кричевского 25 апреля 1918 г. была создана Центральная белорусская торговая палата. Вслед за этим 26 апреля 1918 г. была открыта Белорусская торговая палата под председательством М. В. Довнар-Запольского в Киеве. В состав палаты вошли Ф. С. Бурчак (товарищ председателя), Г. Ф. Базаревич (член палаты и юрисконсульт), члены палаты: И. В. Курилович, А. К. Головинский, А. М. Копыстынский и другие. Основным назначением её деятельности являлось налаживание товарообмена Украины и Белоруссии, а также защита интересов белорусских торговых фирм и отдельных личностей. Кроме того, в задачи Белорусской торговой палаты в Киеве были вменены обязанности консульства, вплоть до назначения 29 мая 1918 г. консулом БНР в Украине доктора П. В. Тремповича (с 16 июня 1918 г. генеральным консулом был назначен Г. Ф. Базаревич) [2, с. 88].

30 мая 1918 г. Народный секретариат БНР выдал мандаты делегатам киевской миссии на подписание дополнительного соглашения с Украиной и Россией о границах, дорожных, таможенных и других отношениях. Белорусские делегаты в личных беседах с лидерами украинского движения, представителями Советской России, Германии, Австро-Венгрии и войска Донского в Киеве ставили вопрос о признании независимости провозглашенной БНР, хотя и безуспешно. Не добились положительного результата по этому вопросу и посланная 17 сентября 1918 г. в Киев чрезвычайная белорусская делегация во главе А. И. Луцкевичем.

Более успешно происходили контакты между Белоруссией и Украиной в торгово-экономической сфере. Уже 31 июля 1918 г. в Киеве на Подоле, на улице Набережно-Луговая, была учреждена «Белорусская техническая организация», насчитывающая в своем составе около 150 человек. 1 августа 1918 г. организацией были открыты столярная и слесарная мастерские, кузнечный цех [1, с. 7]. Открытие мастерских, как и создание других белорусских учреждений, позволило многим белорусам предоставить работу, дать приют беженцам. Затем в сентябре 1918 г. в Киеве было создано общество «Снабжение» в целях «осуществления правильного товарообмена между Украиной и Белоруссией» [2, с. 98]. В то же время 19 ноября 1918 г. была создана особая торгово-экономическая комиссия в Киеве в составе А. И. Цвикевича, И. И. Красковского и М. В. Довнар-Запольского, которой было поручено вести переговоры с украинским правительством о более тесном экономическом сближении. В этой связи председатель особой экономической комиссии Народного секретариата БНР А. И. Цвикевич предложил украинскому министру С. Гутнику заключить торговый договор «на началах взаимности» [2, с. 99].

Необходимо отметить, что составленный торговый договор между Радой БНР и украинским правительством установил основы равноправных отношений и подвел итог торгово-экономических контактов между Белоруссией и Украиной. В преамбуле указывалось на то, что «близкие экономические отношения, которые издавна существовали между Белоруссией и Украиной требовали, чтобы эти отношения сохраняли прежний характер и широко развивались» [2, с. 99].

Однако торгово-экономические отношения между Белоруссией и Украиной продолжались не очень долгое время. В связи с тем, что германские войска в результате произошедшей в Германии в ноябре месяце революции стали покидать территорию Беларуси, а советские ее занимать, Белорусская торговая палата прекратила в декабре 1918 г. свою деятельность в Киеве.

Таким образом, внешнеполитические и экономические отношения между Украинской Народной Республикой и Белорусской Народной Республикой в 1918 г. явились почвой, на которой в дальнейшем были возвращены добрососедские дружественные отношения между Украиной и Белоруссией в советскую эпоху.

1. Белорусская техническая организация на территории Украины // Белорусское эхо. – 1918. – № 7. – С. 7.
2. Кукса, А. Н. Взаимодействие национальных движений Белоруссии и Украины в 1917–1922 гг. / А. Н. Кукса. – Минск : РИВШ, 2010. – 194 с.
3. Мигун, Д. А. Германия и Беларусь: уроки истории (1914–1922 годы) / Д. А. Мигун. – Минск : РИВШ, 2001. – 63 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 325. Оп. 1. Д. 21.
5. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3-х ч. / Совмест. рос.-белор. исслед. – Гомель : Белор. Агентство науч.-тех. и деловой информации, 1993. – Ч. 2: У

- истоков противостояния : Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. – 227 с.
6. Скальский, В. Влада та суспільство в Українській Народній Республіці (листопад 1917 – квітень 1918 рр.) / В. Скальский // Український гісторичний збірник. – 2009. – С. 167–175.
  7. Турук, Ф. Белорусское движение: Очерк истории национального и революционного движения белорусов / Ф. Турук. – М. : Типография “Под/отдела Инвалидов”, 1921. – 143 с.
  8. Dsiewanowski, M. Joseph Pilsudski: A European federalist, 1918–1922 / M. Dsiewanowski. – Stanford (Calif.) : Hoover Institution Press, 1969. – XVI, 379 p.
  9. Engelhardt, E. von. Weissruthenien: Volk und Land / E. von Engelhardt. – Berlin; Amsterdam; Prag; Wien : Volk und Reich, 1943. – 358 s.
  10. Lubachko, I. Belorussia under Soviet Rule (1917–1957) / I. Lubachko. – Lexington : Kentucky Univ. Press, 1972. – 219 p.
  11. Pipes, R. The formation of the Soviet Union. Communism and nationalism / R. Pipes. – Cambridge (Mass.) : Harvard Univ. Press, 1964. – XII, 355 p.

ПАЛІТЫЧНЫЯ АДНОСІНЫ ПАМІЖ УРАДАМ БНР І ЛІТОЎСКАЙ ТАРЫБАЙ У 1918–1923 ГГ.

С. В. Багалеяша (Мінск)

У дадзеным артыкуле мы паставілі мэту прасачаць асноўныя этапы развіцця ўзаемаадносін паміж Радай БНР і Літоўскай Тарыбай і паказаць станючыя і адмоўныя бакі гэтага супрацоўніцтва, вызначыць іх уплыў на развіццё беларускага нацыянальнага руху.

У залежнасці ад палітычнай кан’юнктуры у развіцці палітычных узаемаадносін паміж урадам БНР і Літоўскай Тарыбай 1918–1923 гг. можна выдзяліць некалькі этапаў:

1) Лістапад 1918 – красавік 1919 г. – перыяд усталявання шчыльнага беларуска-літоўскага супрацоўніцтва. Многія беларускія дзеячы скіравалі свой позірк у бок Літвы, аддаўшы перавагу традыцыйнаму партнёру. Яны лічылі, што супрацоўніцтва з Літвой пасадзейнічае адраджэнню беларускай дзяржаўнасці і захаванню цэласнасці беларускіх зямель. Нацыянальныя лідары ў новых гістарычных умовах вярнуліся да ідэі стварэння літоўска-беларускай дзяржавы.

2) Май 1919 – ліпень 1920 г. – беларуска-літоўскія узаемаадносіны ў сувязі з складанай міжнароднай сітуацыяй звужаюцца, у іх вызначаюцца шматлікія супярэчнасці. Літоўскі бок знізіў фінансаванне Міністэрства беларускіх спраў, недастаткова выпайняліся ўмовы дамовы ад 27 лістапада 1918 г., што выклікала незадаволеннасць беларускіх нацыянальных дзеячоў. Кульмінацыяй стала падпісанне Літвой 12 ліпеня 1920 г. мірнага дагавора з Савецкай Расіяй. Дагавор беларускі бок не прызнаў і фактычна паўставала пытанне аб спыненні ўсякіх адносін з літоўскім бокам.

3) Жнівень 1920 – сакавік 1923 г. – адзін з найбольш плённых перыядаў ва ўзаемаадноснах паміж урадам БНР і літоўскай Тарыбай і дзейнасці Міністэрства беларускіх спраў. Безумоўна, таму паспрыяў заключаны 11 лістапада 1920 г. паміж урадамі БНР і Літвы дагавор аб супрацоўніцтве. Адбыліся чарговыя змены ў геапалітычнай сітуацыі ва Усходняй Еўропе восенню 1920 г., якія падштурхнулі літоўскіх палітыкаў ізноў шукаць шляхі да збліжэння. У сувязі з утварэннем Сярэдняй Літвы з боку Польшчы існавала рэальная пагроза літоўскай дзяржаўнасці, літоўцы не маглі змірыцца з такімі тэрытарыяльнымі стратамі і гэта стала новым стымулам для супрацоўніцтва літоўскага ўрада з беларускімі дзеячамі, згуртаванымі вакол В. Ластоўскага. Літоўскі бок разлічваў на падтрымку беларусаў у вырашэнні на сваю карысць Віленскага пытання.

У лістападзе 1918 г. ВБР, якая ўваходзіла ў Раду БНР, разам са сваім старшынёй распачала перагаворы з Літоўскай Тарыбай аб усталяванні шчыльнага супрацоўніцтва. Яны праходзілі 14, 20, 23, 26 і 27 лістапада і 8 снежня. 15 лістапада ВБР даслала ў Тарыбу асноўныя ўмовы дагавора, згодна з якімі беларускія прадстаўнікі маглі ўвайсці ў яе склад: 1) беларускім прадстаўнікам павінна быць адведзена 25% агульнага ліку месцаў у Тарыбе; 2) патрэбна стварыць міністэрства, калегію і сакратарыят беларускіх спраў; 3) на арганізацыю работы на беларускай тэрыторыі неабходна асігнаваць сумы, прапарцыянальныя колькасці насельніцтва [1, с. 296–297]. 27 лістапада ВБР даслала яшчэ адзін ліст у Тарыбу, у якім паведаміла аб згодзе прадстаўнікоў Беларусі ўвайсці ў яе склад і гатоўнасці прыняць удзел у стварэнні пры ёй Міністэрства беларускіх спраў [1, с. 299].

27 лістапада 1918 г. паміж ВБР і літоўцамі было заключана пагадненне аб супрацоўніцтве, на падставе якога беларусы далі згоду на далучэнне Віленшчыны ў склад Літоўскай Рэспублікі на правах аўтаноміі, літоўскі ўрад абавязваўся прызначаць службовых асоб на гэтай тэрыторыі толькі са згоды ўрада БНР і забяспечыць неабходныя ўмовы для развіцця на Віленшчыне беларускай культуры і адукацыі [4, с. 79]. У адпаведнасці з гэтай дамовай пры літоўскім урадзе 1 снежня 1918 г. паўстала Міністэрства беларускіх спраў на чале з Я. Варонка. У канцы лістапада 1918 г. у склад Тарыбы ўвайшло 6 сяброў Віленскай Беларускай Рады: В. Ластоўскі, І. Луцкевіч, Я. Станкевіч, В. Талочка, К. Фалькевіч і Д. Сямашка [5, с. 4]. Варта заўважыць, што 27 лістапада абодва бакі, якія дамаўляліся паміж сабой, не падпісалі канчатковага дакумента, таму перагаворы маглі лічыцца няскончанымі і пры неабходнасці працягнутымі. Акрамя таго перагаворы вялі заканадаўчыя ўлады. Ад літоўцаў перагаворы вяла не Тарыба, а ўрад. У сваю чаргу ВБР прапаноўвала літоўцам дамаўляцца толькі пасля таго, як атрымае паўнамоцтвы ад прэм’ера БНР А. Луцкевіча (які выконваў абавязкі старшыні ВБР).

У канцы 1918 пачатку 1919 г. беларусы імкнуліся пашырыць супрацоўніцтва з літоўцамі. 9–10 чэрвеня 1919 г. у Вільні быў скліканы

рэгіянальны беларускі кангрэс, які абвясціў сябе Беларуска-літоўскай дзяржавай, у якой кожная краіна мела б максімум незалежнасці і свабоды, заставалася б звязанай у палітычных і эканамічных адносінах. Разам з тым, дэлегаты ўказвалі, што нелітоўскія мясцовасці – Гродзенская і Віленская губерні – складаюць неад’емную частку Беларусі [7]. У Літве ў чэрвені 1919 г. было створана надзвычайнае прадстаўніцтва БНР на чале з П. Крэчэўскім, якому было даручана весці перамовы з літоўскім урадам. Перамовы з міністрам загранічных спраў М. Сляжавічусам адбыліся 1, 7 і 14 чэрвеня. У чэрвені 1919 г. П. Крэчэўскі падаў літоўскаму ўраду дзве заявы, на конт становішча беларусаў і беларуска-літоўскага супрацоўніцтва, у якіх сцвярджалася: 1) літоўскі ўрад не правёў у жыццё першапачатковай умовы Віленскай Беларускай Рады з Тарыбай; 2) не разгледзеў праект упарадкавання адносін беларускай часткі да літоўскай; 3) літоўскі бок ігнаруе іншыя слушныя патрэбы беларускага боку [6, с. 123]. Перагаворы праходзілі вельмі складана. З боку літоўскага ўраду не было жадання знайсці які-небудзь кампраміс. “Аб Вільні, што яна этнаграфічна належыць Беларусі, і слухаць не хочуць, на супольную працу, каб зрабіць Вільню агульнай сталіцай з сумесным соймам не ідуць”, – адзначаў П. Крэчэўскі ў данясенні ўраду БНР [6, с. 122]. Такі падыход літоўцаў выклікаў раздражненне ў беларускіх нацыянальных дзеячаў. В. Ластоўскі 27 чэрвеня 1919 г. адмовіўся ўдзельнічаць у працы камісіі па распрацоўцы закона аб выбарах ва Устаноўчы Сойм Літвы, аб чым паведаміў прадстаўнікам Літоўскай Тарыбы [3, с. 324].

Напрыканцы 1919–1920 гг. адносіны з літоўскім урадам усё больш пагаршаліся. Асноўныя праблемы ва ўзаемаадносінах узніклі ў сувязі з разыходжаннем адносна прыналежнасці зямель “гістарычнай Літвы” з цэнтрам у Вільні. У пачатку 1920 г. Я. Варонка некалькі разоў сустракаўся з прэзідэнтам літоўскай дзяржавы, але ніякага паразумення не было знойдзена. Кульмінацыяй крызісу ва ўзаемаадносінах было падпісанне 12 ліпеня 1920 г. савецка-літоўскага мірнага дагавора, згодна з якім Савецкі ўрад прызнаў самастойнасць і незалежнасць літоўскай дзяржавы, а Вільню і суседнія з ёй тэрыторыі (з Лідай і Гродна) – неад’емнай часткай Літвы.

Але ў сувязі з распачатым польска-літоўскім канфліктам, урад Літвы вырашыў пачаць перагаворы аб умацаванні супрацоўніцтва з урадам БНР, аб чым 27 кастрычніка 1920 г. праз пратаірэя І. Карчынскага афіцыйна паведаміў беларусаў. 30 кастрычніка 1920 г. В. Ластоўскі ўтварыў камісію па перагаворах і накіраваў “Дэкларацыю дэлегацыі БНР аб перагаворах з урадам Літоўскай Рэспублікі,” у якой зазначалася, што беларускі ўрад пасылае ў Літву паўнамоцную дэлегацыю, якая павінна “дамовіцца з літоўскім урадам аб нашых умовах добрасуседскага жыцця і аб супольнай барацьбе ў абарону незалежнасці і непадзельнасці абодвух народаў” [6, с. 213].

Перагаворы праходзілі ў Коўна. Літоўскі бок прадстаўлялі П. Клімас, Б. Балтыс, В. Чарнецкая, С. Разембаўмас, Д. Сямашка і Ю. Шаўліс [2, с. 953]. 11 лістапада 1920 г. у ходзе перагавораў быў заключаны дагавор паміж БНР і Літоўскай Рэспублікай. Умовы дагавора прадугледжвалі палітычнае і вайсковае супрацоўніцтва, а менавіта: урад БНР абяцаў падтрымку жыхарамі – беларусамі Літвы – падчас плебісцыту, урад БНР згаджаўся на выкарыстанне яго вайсковых фарміраванняў урадам Літвы, урад Літвы прызнаваў урад БНР і даваў яму месца афіцыйнага побыту. Беларускі і літоўскі ўрады ўзаемна абавязаліся падтрымліваць адзін аднаго перад урадамі іншых дзяржаў. Пагранічнае пытанне паміж абедзвюма дзяржавамі павінна было вырашацца мірным шляхам пасля склікання Правамоцнага прадстаўнічага Збору БНР. Пытанні, якія датычыліся ўзаемаадносін паміж літоўскай і беларускай дзяржавамі, павінны былі вырашацца на аснове асобных дамоўленасцей [2, с. 954]. Дагавор быў падпісаны ў двух экзэмплярах на беларускай і літоўскай мовах і замацаваны дзяржаўнымі пячаткамі.

11 лістапада было таксама падпісана сакрэтнае пагадненне паміж двума ўрадамі “Аб узаемнай падтрымцы ў барацьбе за акупіраваныя Польшчай тэрыторыі”, у якім былі вызначаны чатыры асноўныя напрамкі беларуска-літоўскага супрацоўніцтва [6, с. 215]. Згодна з ім, Рада БНР абавязвалася падтрымліваць у сваёй замежнай палітыцы права Літоўскай Рэспублікі на віленскую тэрыторыю ў межах, вызначаных расійска-літоўскім дагаворам ад 12 ліпеня 1920 г. Літоўскі бок абяцаў беларусам фінансавую падтрымку ў памеры не меней 1% бюджэта літоўскай дзяржавы. Працягвала сваю дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў і беларускі асобны полк у складзе літоўскай арміі. Акрамя таго, беларускі бок пагадзіўся каардынаваць усе свае выступленні за мяжой з патрабаваннямі літоўскай палітыкі, падтрымліваць правы Літоўскай Рэспублікі на віленскую тэрыторыю, а літоўскі ўрад, са свайго боку, не парушаць правы беларусаў за мяжой і падтрымліваць беларускае пытанне перад урадамі Еўропы і Амерыкі. Такім чынам, урад В. Ластоўскага пайшоў на шэраг сур’ёзных палітычных кампрамісаў у пытанні аб тэрытарыяльнай цэласнасці і непадзельнасці БНР.

Урад БНР разгарнуў актыўную дзейнасць па выкананні ўмоў дагавора. На тыя сродкі, што ўрад БНР атрымаў ад Літвы, былі высланы дэлегацыі БНР у Лігу Нацый, у краіны Еўропы і ЗША. Прадстаўнікі БНР уручылі кіраўнікам гэтых краін, а таксама Лігі Нацый мемарандумы, у якіх гаварылася, што ўрад БНР лічыць за лепшае для Віленшчыны і Гродзеншчыны ўвайсці ў склад Літоўскай дэмакратычнай рэспублікі [4, с. 92]. Актыўную пазіцыю займаў урад БНР падчас польска-літоўскай канферэнцыі ў Бруселі, неаднаразова звяртаўся да яе кіраўніка П. Гіманса Але вырашыць канфлікт на карысць Літвы не ўдалося. 15 сакавіка 1923 г. Савет Лігі Нацый афіцыйна прызнаў усходнія граніцы Польшчы. У сувязі з гэтым адбыліся

змены ў адносінах паміж літоўскім урадам і ўрадам БНР, было спынена яго фінансаванне і згорнута дзейнасць Міністэрства беларускіх спраў. Пазіцыі БНР у Літве былі значна падарваны. Літва пасля Віленскага сейма не праявіла ніякай актыўнасці ў адносінах да беларусаў. Беларуска-літоўскія сувязі пачалі руйнавацца. Сітуацыю ўскладняў і раскол у беларускім нацыянал-дэмакратычным руху. Першапачатковая розніца ў поглядах на праблему знешнепалітычнай арыентацыі вылілася ў адкрытае супрацьстаянне з яўнымі спробамі дыскрэдытацыі палітычных апанентаў.

1. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : У 2 кн. / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт, камент, пер., паказ. С. Шупы. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск – Прага : Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва : Т-ва бел. пісьменства “Наша ніва”, 1998. – Т. 1. – Кн. 1. – 860 с.
2. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі : У 2 кн. / Уклад., падрыхт. тэксту, уступ. арт, камент, пер., паказ. С. Шупы. – Вільня – Нью-Ёрк – Мінск – Прага : Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва : Т-ва бел. пісьменства “Наша ніва”, 1998. – Т. 1. – Кн. 2. – 1721 с.
3. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зборнік дакументаў і матэрыялаў : у 4. т. / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. – Мн. : Юніпак, 2008. – Т. 1.: 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг. : у 2-х ч. Ч. 1.: 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. / [складальнікі: А. Ф. Вялікі і інш.]. – 537 с.
4. Багалеіша, С. В. Беларуска-літоўскія ўзаемаадносіны ў 1915–1924 гг. / С. В. Багалеіша. – Мінск : БДАТУ, 2014. – 232 с.
5. Засецкі, М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання. Кароткі нарыс / М. Засецкі // Часопіс Міністэрства Беларускіх Спраў. – 1919. – № 1. – С. 3–9.
6. Знешняя палітыка Беларусі : зборнік дакументаў і матэрыялаў / Міністэрства замежных спраў Рэспублікі Беларусь [і інш.]; [Склад.: У. М. Міхнюк, рэдкал.: І. І. Антановіч (старшыня) і інш.]. – Т. 1. (1917–1922 гг.). – Мн. : БелНДІДАС : Выдавецкі цэнтр БДУ, 1997. – 395 с.
7. Родны край. – 1919. – 22 чэрвеня.

ВЫДЗЯЛЕННЕ ЛАТГАЛЬСКІХ ПАВЕТАЎ СА СКЛАДУ ВІЦЕБСКАЙ ГУБЕРНІ

А. В. Бараноўскі (Мінск)

Латгалія – усходні гісторыка-культурны рэгіён Латвіі, размешчаны па правым беразе Даўгавы (Заходняй Дзвіны) ад ракі Айвіексе на захадзе да межаў Расійскай Федэрацыі і Рэспублікі Беларусь на ўсходзе. У пачатку XX ст. яна ўваходзіла ў склад Віцебскай губерні і дзялілася на Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы.

Паводле дадзеных першага ўсеагульнага перапісу насельніцтва Расійскай імперыі 1897 г. у Латгаліі пражывала 501623 чалавека. Самым населеным паветам быў Дзвінскі (сярэдняя шчыльнасць насельніцтва 61,4), найбольш рэдкім насельніцтва было ў Люцынскім павеце (27,86). Паводле

нацыянальнага складу першае месца займалі латышы (50,6%), затым ішлі рускія разам з беларусамі і ўкраінцамі (29%), яўрэі (12,7%), палякі (6,10%), немцы (0,9%) і іншыя. У Люцынскім і Рэжыцкім паветах пераважала латышкае насельніцтва (адпаведна 64,2% і 57,9%). Адносную большасць (39%) латышы мелі і ў Дзвінскім павеце. Беларусы ў Люцынскім павеце налічвалася 20,5%, у Дзвінскім – 13,8% і ў Рэжыцкім – 5,4% [1].

Латгалія мела цэлы шэраг асаблівасцяў, якія склаліся гістарычна. Галоўнай з іх была адміністрацыйная адасобленасць Латгаліі ад астатняй часткі губерні, што ў далейшым прывяло да жадання мясцовага насельніцтва вылучыцца са складу Віцебскай губерні.

Першыя спробы пачаліся ўжо пасля Лютаўскай рэвалюцыі ў Расіі, калі Латгальскім таварыствам дапамогі ахвярам вайны ў Петраградзе было узнята пытанне аб выдзяленні са складу Віцебскай губерні Дзвінскага, Люцынскага, Рэжыцкага паветаў і аб'яднанні іх з Курляндый і Ліфляндый. Дадзенае пытанне павінна было быць вырашана на аб'яднальным з'ездзе (кангрэсе), які планавалася правесці ў Рэжыцы.

З'езд латышоў Латгаліі (Першы Латгальскі кангрэс) адбыўся 26–27 красавіка (9–10 мая) 1917 г. у г. Рэжыца. На ім прысутнічала па два прадстаўнікі ад кожнай воласці і ад кожнага прыходу Дзвінскага, Люцынскага і Рэжыцкага паветаў, па адным прадстаўніку ад арганізаваных калоній і 12 прадстаўнікоў ад латышоў-латгальцаў латышскіх стралковых палкоў. Усяго 350 чалавек з іх 232 дэлегаты з правам голасу. Кангрэс прыняў рэзалюцыі аб аб'яднанні латышоў Дзвінскага, Люцынскага і Рэжыцкага паветаў з латышамі Курляндый і Ліфляндый “у адзін нацыянальны аўтаномны арганізм у Рускай Дзяржаве”. Было таксама прынята рашэнне ўтварыць Латгальскі Часовы Земскі Савет з 60 чалавек (36 прадстаўнікоў ад латышоў, 12 – рускіх, 8 – яўрэяў, 3 – палякаў, 1 – ад іншых народнасцяў) для кантролю за ўсімі культурна-нацыянальнымі справамі краю [6].

З прыходам да ўлады большавікоў у латышоў Латгаліі з'явілася магчымасць нарэшце ажыццявіць рашэнні Першага латгальскага кангрэсу, паколькі пры Часовым урадзе гэта не атрымалася зрабіць. 3–4 (16–17) снежня 1917 г. у г. Рэжыца адбыўся З'езд Саветаў латгальскіх паветаў Віцебскай губерні (Другі Латгальскі кангрэс). На ім прысутнічалі прадстаўнікі палітычных партый, грамадскіх арганізацый і прафесійных саюзаў усіх нацыянальнасцей Латгаліі. Усяго 335 чалавек. Удзельнікі з'езду падзяліліся на дзве групы – прадстаўнікоў латышкага каталіцкага духавенства (Франц Трасун, Язэп Ранцан, Нікадзім Ранцан, Казімір Скрында і інш.) і прыхільнікаў Франца Кемпа. Першая група выступала за аб'яднанне Латгаліі з Курляндый і Ліфляндый, а таксама атрыманне аўтаноміі; другая група лічыла, што Латгаліі неабходна спачатку самой атрымаць аўтаномію ад Расіі, а потым прымаць рашэнне аб аб'яднанні. У выніку Другі Латгальскі кангрэс прыняў рэзалюцыі аб аддзяленні Дзвінскага, Люцынскага і Рэжыцкага паветаў ад Віцебскай губерні. Для

кіраўніцтва ўсімі справамі краю быў абраны Часовы выканаўчы Савет сялянскіх, рабочых, батрацкіх і салдацкіх дэпутатаў Латгаліі з 36 чалавек. Савет са свайго асяроддзя абраў выканаўчы камітэт з 9 чалавек [8].

5(18) снежня 1917 г. Выканкам Савета сялянскіх, працоўных, батрацкіх і салдацкіх дэпутатаў Латгаліі звярнуўся з хадайніцтвам ў Савет Народных Камісараў Савецкай Расіі, у якім прасіў выдаць асобы дэкрэт аб аддзяленні Дзвінскага, Люцынскага і Рэжыцкага павеатаў ад Віцебскай губерні [8]. СНК 14 (27) снежня 1917 г. вылучыў Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы са складу Віцебскай губерні і перадаў іх Ліфляндскай губерні.

24 снежня 1917 г. (6 студзеня 1918 г.) у г. Валк выканаўчы камітэт Савета працоўных, салдацкіх і безземельных дэпутатаў Латвіі (Іскалат) прыняў дэкларацыю пра самавызначэнне Латвіі ў складзе Савецкай Расіі. Была ўтворана Савецкая Латвія (так званая Рэспубліка Іскалата), улада якой распаўсюджвалася на тэрыторыю Ліфляндскай губерні, не занятаю германскімі войскамі. Аднак савецкая ўлада ў Відзэмэ і Латгаліі пратрымалася толькі да наступу нямецкіх войскаў у лютым 1918 г. 18 лютага 1918 г. немцы занялі Дзвінск, а 22 лютага – Рэжыцу і Люцын.

Пасля вызвалення латышскіх зямель, Часовы працоўна-сялянскі ўрад Латвіі 17 снежня 1918 г. абвясціў маніфест аб устанаўленні савецкай формы ўлады ў краі. 22 снежня СНК РСФСР выдаў дэкрэт аб прызнанні незалежнасці Савецкай Рэспублікі Латвіі. У выніку 13 студзеня 1919 г. І з’езд Саветаў працоўных, безземельных і стралковых дэпутатаў аб’яднанай Латвіі абвясціў стварэнне Латвійскай Сацыялістычнай Савецкай Рэспублікі. Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы ўвайшлі ў склад ЛССР.

Пасля прыняцця рашэння аб перадачы дадзеных павеатаў у склад Ліфляндскай губерні, падчас нямецкай акупацыі і пасля вызвалення Латгаліі Віцебская губерня падтрымлівала сувязь з Дзвінскім, Люцынскім і Рэжыцкім павеатамі, а яны, у сваю чаргу, з Віцебскам. Пасля абвяшчэння ЛССР зноў паўстала пытанне аб адміністрацыйнай прыналежнасці латгаліскіх павеатаў.

29 студзеня 1919 г. Віцебскі губвыканкам атрымаў тэлеграму ад намесніка старшыні ўрада ЛССР Карла Данішэўскага, у якой паведамлялася, што, згодна з пастановай І з’езда Саветаў Латвіі, Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы ўключаны ў склад ЛССР, а таму адміністрацыйна, палітычна і эканамічна дадзеныя паветы падпарадкоўваюцца савецкаму ўраду Латвіі [4].

Аднак нягледзячы на дадзеную тэлеграму, кіраўніцтва Віцебскай губерні працягвала змагацца за паветы. Так, на пасяджэнні прэзідыума Віцебскага губкама РКП(б) 2 лютага 1919 г. абмяркоўвалася становішча спраў у Рэжыцкім павеце. Спачатку слова ўзяў старшыня губкама Сямён Крылоў. Ён праінфармаваў прысутных аб тым, што ў Рэжыцкім партыйным камітэце адбываецца барацьба паміж латгаліцамі і “нашымі таварышамі”, у якой у дадзены час латгаліцы ўзялі верх. Член прэзідыума

губкама Аляксандр Шыфрэс выступіў супраць расколу, ён прапанаваў звярнуцца ў ЦК РКП(б), для атрымання дазволу на правядзенне рэферэндуму, бо, дзякуючы яму, стане зразумела, куды імкнуцца Дзвінскі, Люцынскі, і Рэжыцкі паветы: да Віцебскай губерні РСФСР ці ЛССР. У выніку была прынята пастанова: накіраваць у ЦК РКП(б) тэлеграму, у якой хадайнічаць пра правядзенне рэферэндуму для канчатковага высвятлення становішча ў Дзвінскім, Люцынскім і Рэжыцкім паветах [5].

Невядома, ці атрымалі ў ЦК РКП(б) тэлеграму ад Віцебскага губкама, аднак 7 лютага 1919 г. старшыня УЦВК Якаў Свядлоў у сваёй тэлефанаграме праінфармаваў кіраўніцтва Віцебскай губерні, што Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы з'яўляюцца састаўной часткай Савецкай Латвіі. 8 лютага 1919 г. на падставе дадзенай тэлефанаграмы Віцебскі губвыканкам выдаў загад: Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы лічыць далучанымі да Латвіі [2].

25 лютага 1919 г. у газеце “Известия Витебского Губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов” быў апублікаваны артыкул “Краевое совещание в Двинске”, у якім распавядалася пра вынікі нарады, што там адбылася. Прадстаўнікі ад Саўнаркама, Саўнаргаса разам з прадстаўнікамі Дзвінскага, Дрысенскага, Рэжыцкага і Люцынскага паветаў абмяркоўвалі становішча Латгаліі. Выступоўцы ад латгалейскіх паветаў прасілі ўрад Савецкай Латвіі аб прадастаўленні хлеба для галадаючага насельніцтва, на што ўрад ЛССР адказаў, што хлеб можа быць адпушчаны ў абмен на жывёлу. Падчас нарады было ўзнята пытанне аб утварэнні самастойнай Дзвінскай губерні, але дадзенае пытанне застаўся адкрытым. Адначасова прадстаўнікі Дзвінскага, Рэжыцкага і Люцынскага паветаў выказаліся за далучэнне да Віцебскай губерні. На гэтым артыкул заканчваўся, знайсці больш падрабязную інфармацыю пра нараду у Дзвінску не ўдалося [7].

Канчаткова адміністрацыйна-тэрытарыяльная прыналежнасць Дзвінскага, Рэжыцкага і Люцынскага паветаў была вызначана падчас пасяджэння Прэзідыума УЦВК, якое адбылося 29 сакавіка 1919 г. Разгледзеўшы хадайніцтва Рэўваенсавета ЛССР аб далучэнні да Савецкай Латвіі латгалейскіх паветаў, Прэзідыум УЦВК паставіў: дадзенае хадайніцтва задаволіць, далучыўшы Дзвінскі, Люцынскі і Рэжыцкі паветы да ЛССР [3].

Такім чынам, дагэтуль у гістарыяграфіі датай выдзялення Дзвінскага Рэжыцкага і Люцынскага паветаў са складу Віцебскай губерні і перадачы ў склад Латвіі лічылася 11 жніўня 1920 г., калі была падпісана мірная дамова паміж РСФСР і Латвійскай Рэспублікай, але дзякуючы архіўным дакументам, што захаваліся ў Дзяржаўным архіве Віцебскай вобласці, нам удалося даказаць, што тры латгалейскія паветы яшчэ ў сакавіку 1919 г. былі канчаткова перададзены ў склад Латвіі.

1. Алексеенков, П. В. Белорусы и латыши Латгалии в конце XIX – начале XX вв. / П. В. Алексеенков // Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 1996. – № 2 (2). – С. 8–12.
2. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 56. Воп. 1 Спр. 69. Арк. 8.
3. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 1821. Воп. 1. Спр. 29. Арк. 211.
4. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 1821. Воп. 1. Спр. 30. Арк. 23.
5. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці. – Ф. 10050-п. Воп. 1. Спр. 26. Арк. 4.
6. Дмитриева, О. П. Национальные общности на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.) / О. П. Дмитриева. – Минск : Беларуская навука, 2017. – С. 186–187.
7. Известия Витебского Губернского Совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов – 1919. – 25 февр. – С. 4.
8. Октябрьская революция в Латвии: документы и материалы / [Отв. ред. канд. ист. наук А. А. Дризул]. – Рига : Изд-во Акад. наук Латв. ССР, 1957. – С. 302–303.

УЧАСТИЕ БССР В ОСНОВАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ООН. ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

А. В. Давидович, С. А. Киселева (Минск)

В один из самых решающих этапов Второй мировой войны, в марте 1944 года в г. Гомеле состоялось важное событие для всей послевоенной истории БССР. Был принят закон о создании Народного комиссариата иностранных дел. В дальнейшем это позволило белорусской республике самостоятельно принимать ряд международных политических решений и вступить в Организацию Объединенных Наций. В связи с этим интересно будет узнать, какой была роль БССР в решении вопросов, стоявших в повестке дня ООН в первые послевоенные годы.

Долгим, сложным и противоречивым был путь к «объединению наций». Основные этапы этого пути таковы. Впервые совместная декларация США и Англии, получившая название «Атлантическая хартия», была подписана 14 августа 1941 г. В этом документе сказано, что после уничтожения фашизма следует объединить усилия на пути к миру.

В Лондоне 24 сентября 1941 г. проходила конференция, на которой делегация СССР подтвердила свое участие в этом союзе. В последующем к Атлантической хартии присоединились те, кто попал под фашистскую оккупацию, всего 9 стран.

Следующий шаг на пути к ООН – это документ «Декларация Объединенных Наций». Он принимался в январе 1942 г. в Вашингтоне и подписан представителями четырех государств – СССР, США, Англии, Китая. Затем этот документ подписали 22 государства.

В октябре 1943 г. новое совещание проводилось уже в Москве. В совместном заявлении были прописаны цели, задачи и сроки создания международной организации. Подведением итогов этих процессов стали реше-

ния Тегеранской конференции, а в августе-октябре 1944 г. в г. Думбартоноксе представители четырех держав прошли последние согласования об уставе данной организации.

На конференции был создан руководящий комитет, в состав которого вошли главы всех государств. Проект Устава был разделен на четыре раздела и 12 технических комитетов. Определены были и правила голосования: по основным вопросам – большинство в две трети голосов, по вопросам организационного характера – простое большинство. В состав комитетов вошли представители всех государств.

Новым в мировой истории событием стало совещание представителей 50 государств, которые 25 апреля 1945 г. встретились в г. Сан-Франциско. На этой встрече главным вопросом был вопрос об основах ООН. Это и определило характер дискуссий о сотрудничестве и равенстве народов и их вкладе в новую систему безопасности после окончания Второй мировой войны. Вопрос о членстве Беларуси в ООН имел давнюю историю. Еще на Крымской конференции 1945 г. У. Черчилль поддержал предложение советского правительства о членстве БССР в ООН. Он сказал: «Мое сердце с Белой Русью («Уайт Раша») которая, истекая кровью, свергла тиранов».

Участники этого исторического форума единогласно приняли решение: пригласить БССР и УССР в качестве учредителей международной организации безопасности, о чем 1 мая 1945 г. официально было оповещено правительство БССР. В приглашении говорилось, что правительство США от своего имени и от имени правительства Великобритании, Советского Союза и Китая приглашает правительство БССР направить представителей для подготовки Устава всеобщей международной организации для поддержания международного мира и безопасности [5, с. 5].

В состав первой делегации БССР на заседание ООН были включены известные политики и ученые. Сложным оказался вопрос о руководстве и составе белорусской делегации. Председатель СНК БССР П. Пономаренко говорил о серьезных трудностях в подборе кандидатов: «Крупные общественные деятели Белоруссии не могли быть включены в число кандидатур ввиду незнания языков» [3, с. 13].

В результате делегация БССР на учредительной конференции в Сан-Франциско (1945 г.) была представлена в составе: К. Киселев – народный комиссар иностранных дел (руководитель делегации) [3, с. 85], А. Жебрак – президент АН БССР [1, с. 453], Г. Байдуков – народный комиссар строительных материалов, Ф. Шмыгов – руководитель политического отдела наркомата иностранных дел. В состав технического персонала вошли В. Формашев (консультант), М. Петрова (переводчик), Нестерова (переводчица-стенографистка).

Представители БССР прибыли на конференцию 2 мая 1945 г. Начало конференции ООН совпало с событием мирового значения – с капитуляци-

ей Германии 9 мая 1945 г. Это дало повод руководителям дипломатического корпуса СССР организовать приём в честь Победы. На нем присутствовало 700 человек, представлявших мир дипломатии. Из именитых гостей выделялись министры иностранных дел: Англии – А. Иден, Франции – Ж. Бидо, госсекретарь США – Э. Стеттиниус.

На этом приеме, как вспоминает глава советской делегации К. В. Киселёв, многие впервые услышали о Белоруссии, интересовались участием белорусского народа в войне, его наукой, культурой.

Советская делегация в эти дни провела пресс-конференцию. На ней присутствовало 700 журналистов. Им рассказывали о белорусской истории, науке и культуре, знакомили с событиями прошлого, войнами, в которых воевали предки белорусов. Подобное общение заложило основы международного сотрудничества в сферах науки и искусства.

Самым главным в Сан-Франциско стало обсуждение основных уставных документов ООН, что вызвало ожесточенные дискуссии и борьбу за каждое слово. Однако все эти параграфы и главы можно свести к одной важнейшей фразе: «Избавить грядущее поколение от бедствий войны». В уставе были названы не только первоначальные члены ООН, подписавшие документ, но и представлены возможности в будущем для других государств, присоединиться к этому сообществу.

Весьма сложным было принятие решения о праве «вето», т.е. принципе единогласия великих держав. Белорусская делегация по этому вопросу отстаивала обязательную практику единогласия пяти держав (СССР, США, Англия, Франция, Китай). Это было связано с выстраданным опытом войны и действиями в ней союзников, каждый из которых не должен иметь каких-то привилегий [4, с. 56].

Высшим органом ООН в процессе обсуждения была названа Генеральная Ассамблея. По поводу её назначения делегаты дискутировали о том, какой ей быть: дискуссионным клубом или практически работающей организацией.

Окончание Второй Мировой войны означало возможность справедливого возмездия фашизму. ООН приняла решение о создании Международного суда. В подготовке нового проекта участвовали юристы 42 стран. В итоге в состав суда были избраны 15 судей, выбор которых был в компетенции Ассамблеи ООН. Местом собрания суда становится г. Гаага (Нидерланды). Все документы на эту тему были подписаны 26 июня 1945 г., а 20 августа 1945 г. Верховный Совет БССР ратифицировал их.

Первое заседание сессии Генеральной Ассамблеи ООН было назначено на 10 января 1946 г. в Лондоне. Делегацию БССР возглавил Министр иностранных дел К. В. Киселев. Представители белорусской делегации вошли в состав Мандатного комитета.

На это заседание белорусская делегация вынесла самый трудный для неё вопрос: о проблемах её жителей в первом послевоенном 1946 г. Необ-

ходимо было найти обоснования, объективные свидетельства зверств фашистов в период оккупации. Это было очень ответственное выступление, не позволившее развернуть навязанную делегациями ряда латиноамериканских стран дискуссию по вопросу термина «военный преступник». Результат этой работы – принятая 13 февраля 1946 г. резолюция «О выдаче и наказании военных преступников».

Работа ООН продолжалась и 16 сентября 1947 г., когда состоялась вторая сессия Генеральной Ассамблеи ООН, в Нью-Йорке. Все выступающие единодушно говорили о необходимости мира. Однако противоречия США и СССР серьезно повлияли на характер дискуссий, несмотря на то, что прошло лишь два года после победы во Второй мировой войне. Это создало угрозу существования самой ООН. В то время многие политики высказывали мнение, что 1947 г. может стать началом дипломатической войны, прозвучавшей в выступлении главы американской делегации Д. Маршалла. Страсти накалились до того, что его оппонент, глава делегации СССР А. Я. Вышинский, предложил проголосовать за положение о введении уголовной ответственности за пропаганду новой войны.

Это была очень сложная дискуссия, в которой участвовали: Сирия, Египет, Индия, БССР. Они обсуждали вывод английских войск из Египта, палестинский кризис, вопрос об атомном оружии. Белорусская делегация участвовала в обсуждении вопросов о прекращении военных конфликтов в Палестине, Греции, Индонезии.

В 1947 г. в выступлениях руководства США и Англии начинают звучать требования: 1) удалить из ООН советские, коммунистические силы, что бы контролировать политику зависимых от капитала США стран; 2) вывести советские войска из Восточной Германии.

Все это стало объектом дискуссий на второй сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Руководитель белорусской делегации отметил характерную особенность в выступлениях своих оппонентов. Они утверждали, что пропаганда новой войны – это неотъемлемая часть свободы слова в западной печати, поэтому США, Англия и ряд других стран выступили против проекта резолюции о пресечении пропаганды войны. Однако, в итоге был принят вариант резолюции советской делегации «О мерах, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей войны».

Обсуждаемые вопросы, выносимые на рассмотрение ООН, требовали длительного анализа и поэтому изучались на отдельных сессиях ООН. По этой причине 28 апреля 1947 г. на специальной сессии решался вопрос о Палестине. В чем была его особенность? Многие делегаты предлагали разделить Палестину на две части: арабскую и еврейскую, а Иерусалим сделать городом мира. Второй вариант, предложенный на совещании – это создание федеративного государства. Против этих планов были представители Высшего арабского комитета. Эпицентром дискуссии стало голосование, в результате которого был принят первый вариант.

Объектом внимания Политического комитета был и Корейский вопрос. В течении двух лет он обсуждался правительствами США и СССР, но безуспешно, поэтому был вынесен на обсуждение ООН. Предложения СССР, УССР и БССР были следующими: вывод всех иностранных войск и проведение выборов. Поскольку это предложение не было поддержано, советские делегации отказались от голосования. Подобная ситуация привела к обострению конфликта и началу в июне 1950 г. войны в Корее. Сразу возник вопрос об инициаторе конфликта, которым стали США.

На заключительном совещании сессии Генеральной Ассамблеи ООН был утвержден флаг и эмблема ООН, а так же принято решение утвердить день 24 октября 1947 г. как день ООН.

Больше семидесяти лет прошло с тех памятных событий. Беларусь по-прежнему активно работает в ООН, принимая участие в решении наиболее важных проблем мирового развития.

1. Жебрак Антон Раманавіч // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя: у 12 т. – Мінск : БелЭн., 1977. – Т. 4. – С. 453.
2. Кісялеў Кузьма Венядзіктавіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. – Мн. : БелЭн., 1997. – Т. 4. – С. – 432.
3. Смирнов, В. 60 лет ООН / В. Смирнов // Беларуская думка. – 2005. – № 10. – С. 13–20.
4. Снапковский, В. Е. Внешнеполитическая деятельность Беларуси 1944–1953 гг. / В. Е. Снапковский. – Мн. : Беларуская навука, 1997. – 207 с.
5. Челядинский, А. Путь и перспективы ООН / А. Челядинский // Беларускі гістарычны часопіс. – 2014. – № 3. – С. 5–12.

РЕАЛИЗАЦИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПОЛИТИКИ СОСЕДСТВА В БЕЛАРУСИ: ПРОГРАММЫ ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В. В. Тугай, Т. А. Поповская (Минск)

Состоявшееся в 2004 г. одно из самых масштабных расширений Европейского союза привело к появлению непосредственной границы ЕС с Беларусью, Молдовой и Украиной, послужило импульсом к активизации политики ЕС в отношении восточных соседей. Расширение внешних границ Европейского союза не только открыло новые возможности государствам-участникам, но и потребовало выработки новых подходов к осуществлению взаимодействия между странами, вывело на первый план трансграничное сотрудничество с целью создания благоприятных политических условий для развития процессов регионализации. В коммюнике Европейской комиссии (ЕК) от 11 марта 2003 г., известном под названием «Большая Европа – соседство: новый подход к взаимоотношениям с нашими

восточными и южными соседями» впервые был заложен фундамент Европейской политики соседства (ЕПС) [8].

Введением понятия «страны-соседи» Европейский союз подчеркивал значимость граничащих с расширенным ЕС государств для обеспечения устойчивого европейского развития. Приоритетными областями сотрудничества ЕС и его ближайших соседей были названы сфера общей внешней политики и политики безопасности, а также вопросы торговли и экономического развития. Вместе с тем, к каждому из государств-участников концепции ЕПС Брюссель был намерен применять дифференцированный подход, который учитывал уже достигнутый уровень двусторонних отношений, а также степень стремления к углублению сотрудничества между Евросоюзом и каждой из стран.

Разработанный в 2003 г. в Беларуси документ МИД предлагал развитие отношений республики с ЕС в рамках концепции «ответственного соседства», которая предусматривала создание общегосударственной комплексной стратегии взаимодействия Республики Беларусь с Евросоюзом, стимулирование перехода Европейского союза от политики ограничений по отношению к Беларуси к политике вовлечения Беларуси в конструктивное взаимовыгодное сотрудничество и процессы, связанные с европейской интеграцией, развитие программы партнерства Республики Беларусь с Европейским союзом. Здесь речь идет о размораживании процесса ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейским союзом и Республикой Беларусь, подписанного 6 марта 1995 г. в Брюсселе. В течение 1995 г. и первой половины 1996 г. это Соглашение прошло процедуру ратификации в парламентах 6 европейских государств. Однако конституционный кризис 1996 г. и последовавший за ним ноябрьский референдум были оценены как существенный отход политических властей Беларуси от базовых принципов, изложенных в преамбуле Соглашения. В итоге, в сентябре 1997 г. Совет по общим делам ЕС принял специальное заявление по Беларуси, в котором отмечалось, что «отношения Евросоюза и Беларуси не будут прогрессировать до тех пор, пока в Беларуси не будут серьезно считаться с правами человека и фундаментальными принципами свободы слова» [7, с. 145]. Это привело к приостановлению процесса дальнейшей ратификации Соглашения и введению против Республики Беларусь ряда ограничительных мер. В результате такого решения с 1996 по 1999 гг. техническое содействие оказывалось Беларуси только в рамках многострановых программ, к которым относятся межгосударственная программа, программа по ядерной безопасности, а также программа по трансграничному сотрудничеству. В течение последующих лет велся активный диалог между Республикой Беларусь и Евросоюзом по поиску путей нормализации отношений. В результате ЕС частично приостановил введенные ограничения и в 2000 г. возобновил финансирование Национальной программы ТАСИС для Беларуси.

Эта программа трансграничного сотрудничества являлась главным инструментом сотрудничества между ЕС и Беларусью вплоть до 2007 г. Она ориентировалась на социально-экономическое развитие, повышение конкурентоспособности и привлекательности территорий, решение общих проблем. В 2003 г., накануне крупномасштабного расширения ЕС, в рамках реализации провозглашенной Европейской политики добрососедства программа ТАСИС по трансграничному сотрудничеству трансформировалась в программы добрососедства ТАСИС 2004–2006 гг. Эти программы разрабатывались совместными рабочими группами стран-участниц, в которые входили представители национальных и региональных органов управления по обе стороны границы. В то же время ЕС напрямую увязал распространение их положений на Беларусь с политическими требованиями (в коммюнике о ЕПС Беларуси был посвящен целый блок). Белорусская сторона изначально поддержала принятую Европейским союзом концепцию европейской политики соседства как возможный инструмент постепенного преодоления изоляции на европейском направлении. Руководство республики было заинтересовано в таком сотрудничестве, принимая во внимание соблюдение национальных интересов и уважение суверенитета соответствующих стран [2]. Оценочно суммарный объем международной технической помощи (МТП) ТАСИС, предоставленный Европейским союзом Беларуси с 1991 по 2006 гг., составил 216 млн € [3, с. 58].

Создание нового инструмента соседства разбили на два этапа. На первом переходном этапе (с 2004 по 2006 гг.) происходило так называемое знакомство с программами соседства. На втором этапе, начиная с 2006 г., предлагалась разработка и применение законодательного механизма «нового инструмента соседства», использование его направлялось на интенсификацию трансграничного и регионального сотрудничества, как для решения внешнеполитических задач, так и для усиления экономических и социальных взаимоотношений. В течение 2004–2006 гг. было выделено 23 млн.€ на реализацию проектов, направленных на укрепление трансграничного сотрудничества между расширенным ЕС и его «новым соседом» Беларусью в рамках трех программ: «Латвия – Литва – Беларусь»; «Польша – Беларусь – Украина» и «Регион Балтийского моря». В программе добрососедства «Польша – Беларусь – Украина» участвовали Брестская и Гродненская области, а так же Мядельский, Вилейский, Молодечненский, Воложинский, Столбцовский, Несвижский и Клецкий районы Минской области; в программе «Латвия – Литва – Беларусь» – Гродненская, Витебская и Минская области; в программе «Регион Балтийского моря» – Брестская, Витебская, Гродненская и Минская области Беларуси. Основными получателями в рамках проектов программ добрососедства с белорусской стороны являлись Министерство по чрезвычайным ситуациям, Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды, Национальная академия наук Беларуси, Белорусская торгово-промышленная палата, ор-

ганизации Брестской, Витебской, Гродненской и Минской областей [1, с. 56]. Среди успешно реализованных проектов можно выделить: «Укрепление регионального потенциала по предупреждению и реагированию на химические аварии с угрозой трансграничных последствий в регионе Латвия – Литва – Беларусь», «Оценка развития предпринимательства на балтийском пространстве», «Охрана и устойчивое управление биоразнообразием Дрисвяты – трансграничного водно-болотного комплекса международного значения». В 2006 г. Европейская Комиссия провела реформу системы предоставления внешней помощи ЕС и ее управления. В результате действовавшие до этого более чем 30 программ были объединены в 9 универсальных инструментов внешней помощи Евросоюза.

В конце 2006 г. ЕС представил для Республики Беларусь «Страновой стратегический документ на 2007–2013 гг.» и «Национальную индикативную программу на 2007–2010 гг.» [5], в которых подчеркивалось, что на данном этапе Евросоюз преследует в сотрудничестве с Беларусью три стратегических цели: поддержка демократического развития и прав человека; переход к рыночной экономике и содействие устойчивому развитию; поддержка политики в сферах взаимного интереса. С января 2007 г. на смену ТАСИС как регламенту программы сотрудничества Европейского союза и стран СНГ пришел Европейский инструмент добрососедства и партнерства (ЕИДП). Всего за период 2007–2013 гг. ЕК и странами-партнерами было запущено 15 программ трансграничного сотрудничества ЕИДП, три из которых: «Регион Балтийского моря», «Латвия – Литва – Беларусь» и «Польша – Беларусь – Украина» – с участием Беларуси.

В рамках реализации ЕИДП в 2007–2013 гг. Евросоюз оказал Беларуси МТП на сумму 187,87 млн €, в том числе в рамках Программы трансграничного сотрудничества было одобрено 120 проектов общим бюджетом 55,33 млн € [6]. Несмотря на аналогичные названия, программы в рамках ЕИДП ТГС имели существенные отличия от программ добрососедства ТАСИС и предлагали четыре основные цели в области трансграничного сотрудничества: содействие экономическому и социальному развитию в приграничных регионах; решение общих проблем (экологических, социальных и пр.); содействие развитию контактов между людьми. Для каждой из программ был определен порядок ее реализации, включая совместный отбор проектов для финансирования, единый бюджет и единые правила участия. Важнейшее отличие программ в рамках ЕИДП ТГС заключалось в том, что для регионов, расположенных по разные стороны границы ЕС, создавались совместные структуры управления, действовали общие правовые нормы и правила, что обеспечивало сбалансированное и равноправное партнерство, а право на участие в программах имели не только организации, расположенные в определенных регионах, но и по всей территории Беларуси. К примеру, если программа добрососедства «Регион Балтийского моря» распространялась ранее только на Витебскую, Гродненскую и

Минскую области, то одноименная программа ЕИДП ТГС охватывала регион всей Беларуси. Основная цель программы «Регион Балтийского моря» заключалась в усилении конкурентоспособности региона Балтийского моря, его территориального единства и устойчивого развития. Наибольшее число проектов с участием Беларуси в этой программе выполнялось в сфере повышения конкурентоспособности городов и поселений. Ключевая цель программы «Латвия–Литва–Беларусь» состояла в улучшении территориальной сплоченности латвийских, литовских и белорусских приграничных регионов, гарантировании высокого уровня охраны окружающей среды, обеспечении экономического и социального благополучия. В отличие от других, в данной программе белорусские организации участвовали в каждом из проектов. Главная цель программы «Польша – Беларусь – Украина» была направлена на поддержку процесса развития трансграничных территорий. Здесь преобладали проекты, связанные с повышением конкурентоспособности приграничных территорий, сотрудничеством в области региональной экономики, предпринимательства и науки.

С 2014 г. начался новый программный период предоставления МТП Европейского союза странам-партнерам, рассчитанный до 2020 г. ЕИДП был заменен на Европейский инструмент соседства (ЕИС), нацеленный на обеспечение большей дифференциации, гибкости, строгой обусловленности и стимулирования лучших исполнителей. Совокупный запланированный бюджет инструментов внешней помощи ЕС на 2014–2020 гг. превышал примерно на 50% общий бюджет предыдущего периода [4]. Однако, формат уже существующих программ трансграничного сотрудничества: «Регион Балтийского моря», «Латвия – Литва – Беларусь»; «Польша – Беларусь – Украина» не изменился.

Таким образом, опыт участия Беларуси в программах европейского инструмента добрососедства свидетельствует о большом потенциале трансграничного сотрудничества. Данное взаимодействие дает возможность получения определенных инвестиций и технологий, модернизации экономики, социальной и природоохранной сферы, государственного и территориального управления, более активного включения страны в процессы европейской интеграции.

1. Белицкий, В. Ф. Первые итоги реализации Европейской политики добрососедства в Беларуси / В. Ф. Белицкий, И. В. Былина, Е. В. Одинец, Л. П. Орлов // Беларусь и современная Европа: политика, экономика, культура: материалы научных семинаров 2008–2009 гг. – Минск : Тесей, 2010. – 219 с.
2. Белицкий, В. Ф. Европейский инструмент добрососедства и партнерства для Беларуси [Электронный ресурс] / В. Ф. Белицкий. – Режим доступа: www.900igr.net...dobrososedstva-i-partnerstva...belarusi. – Дата доступа: 16.09.2016.
3. Доноры международной технической помощи Республике Беларусь. Справочник / Сост. В. Ф. Белицкий. – Минск : Ковчег, 2009. – 105 с.
4. Европейский инструмент соседства. (ЕИС) – 2014–2020. Стратегический документ и многолетняя индикативная программа поддержки Беларуси [Электронный ре-

- сурс]. – Режим доступа: www.content.nlb.by/content/dav/nlb/portal/content/File/.../7.7.pdf. – Дата доступа: 21.10.2016.
5. Политика Беларуси в области международной технической помощи (МТП) [Электронный ресурс] // Центр МТП ЕС в Республике Беларусь. – Режим доступа: www.eu4eu.by/politics. – Дата доступа: 31.10.2016.
  6. Стратегия Европейского инструмента добрососедства и партнерства трансграничного сотрудничества на 2007–2013 гг., Индикативная программа на 2007–2010 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ec.europa.eu/europeaid/where/neighbourhood/regional-cooperation/enpi-cross-border/documents/enpi_cbc_sp_ip_2007-2013_final_en.pdf. – Дата доступа: 18.09.2016.
  7. Тихомиров, А. В. Внешняя политика Республики Беларусь в 1991–2011 гг. / А. В. Тихомиров. – Минск : Право и экономика, 2014. – 278 с.
  8. Wider Europe – Neighbourhood: A New Framework for Relations with our Eastern and Southern Neighbours. Commission of the European Communities, COM (2003) 104 final [Electronic resource] // Commission of the European Communities. – Mode of access: https://eeas.europa.eu/enp/pdf/pdf/com03_104_en.pdf. – Date of access: 18.09.2016.

ПРОБЛЕМА ЧЕРНОБЫЛЯ В БЕЛОРУССКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ¹

Д. В. Юрчак (Витебск)

Большое значение в политическом сотрудничестве двух государств имела проблема Чернобыля. Это диктовалось тем, что Беларусь и Украина больше всего пострадали от этой самой масштабной за всю историю человечества катастрофы. Вопрос о конкретных мерах по ликвидации последствий аварии и помощи потерпевшим регулярно обсуждался на высоком уровне во время многочисленных встреч.

Кроме того, стороны с первых лет сотрудничества сумели заложить правовую основу под взаимодействие в данной сфере. Уже 17 декабря 1992 г. было подписано Соглашение о совместных действиях по минимизации и преодолению результатов чернобыльской катастрофы, в котором были определены основные направления сотрудничества, включая разработку единых методических, методологических подходов и нормативов по оценке и долговременному прогнозированию радиационной обстановки, расчета дозовых нагрузок, разработке мер по безопасности проживания населения на загрязненных территориях, оценке риска для здоровья людей, организации медицинской помощи и принятия обоснованных решений по охране здоровья потерпевшего населения; определение и проведение важнейших научно-исследовательских работ, связанных с защитой населения

---

¹ Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович) по заданию 1.1.04. Тема НИР «Республика Беларусь в интеграционных процессах на постсоветском пространстве» (науч. рук. – кандидат исторических наук, доцент А. П. Косов).

и восстановлением окружающей среды; разработку и реализацию мер по социальной, экономической и правовой защите лиц, которые пострадали в результате катастрофы; взаимное содействие в организации производства и обеспечении населения медицинскими препаратами и оборудованием, специальными пищевыми добавками, детским питанием и экологически чистыми продуктами питания; разработку систем взаимного информационного обеспечения по проблемам, связанным с минимизацией результатов катастрофы. Кроме того, Беларусь и Украина условились координировать свои усилия по вопросам ликвидации аварии на ЧАЭС на международном уровне и согласились разработать соглашение, регулирующее сохранение прав, льгот и компенсаций для граждан двух стран в случае их переезда в другую из договаривающихся стран.

Вопрос о совместных действиях Беларуси и Украины в рамках международных организаций действительно нашел свое практическое воплощение, в частности, в рамках ООН. Но внимание к чернобыльской проблематике на международном уровне постепенно снижалось. В итоге, на встрече министров иностранных дел 2 сентября 2004 г. стороны достигли договоренности продолжать совместные усилия по сохранению чернобыльской проблематики в повестке дня Генеральной Ассамблеи ООН и продвижению новых инициатив на национальном и международном уровнях.

12 мая 1997 г. на встрече двух президентов было подписано еще два важных соглашения. Первое касалось порядка перемещения грузов в зону отчуждения и обратно (через территорию Беларуси). Второе, которое сменило ранее подписанный договор, – совместных действий по минимизации и преодолению результатов чернобыльской катастрофы. В частности, в новом соглашении стороны называли 12 основных направлений сотрудничества в данной области, среди которых – научно-исследовательская работа, вопросы охраны государственной границы на территории зоны отчуждения, поддержание в надлежащем виде транспортных коммуникаций, социальная защита лиц, потерпевших от аварии на ЧАЭС, реабилитация загрязненных территорий, мониторинг и охрана окружающей среды и др.

Отдельной проблемой в сотрудничестве двух стран долгое время оставался вопрос об упрощенном порядке пропуска работников Чернобыльской АЭС, проживающих в украинском городе Славутич и вынужденных по несколько раз в день пересекать границу, так как единственная дорога к станции проходит через территорию Беларуси. Только 16 декабря 1994 г. между странами было заключено соглашение об упрощенном порядке пересечения государственной границы работниками предприятий, организаций и учреждений зоны отчуждения ЧАЭС, вступившее в силу 5 сентября 1995 г. и предусматривавшее упрощенный проезд работников АЭС (только граждан Украины) через белорусские пункты пропуска при наличии специального пропуска.

Заключенные между двумя странами соглашения частично разрешали возникшую проблему, но никак не затрагивали иностранных специалистов, занятых в эксплуатации и обслуживании объекта «Укрытие». Они вынуждены были минимум четыре раза в день проходить пограничный и таможенный контроль на пунктах пропуска с выставлением соответствующих отметок в паспорт, что, безусловно, мешало работе. Для решения этого вопроса в 2004 г. была создана белорусско-украинская группа по вопросу упрощения режима пересечения границы в пункте пропуска «Комарин – Славутич».

Благодаря работе комиссии 20 января 2009 г. было подписано Соглашение об упрощенном порядке проезда участка автомобильной дороги Славутич – Чернобыльская АЭС, который проходит по территории Республики Беларусь, работниками, транспортными средствами и грузами Чернобыльской АЭС и предприятий, которые осуществляют деятельность в зоне отчуждения, а также иностранными специалистами, привлеченными к реализации международных проектов по закрытию Чернобыльской АЭС. В соответствии с соглашением в отношении участников транзитного проезда устанавливался упрощенный порядок пропуска, а также они освобождались от таможенного досмотра при наличии специального пропуска. При этом оговаривалось, что участники транзитного проезда не могут отклоняться от маршрута «Славутич – ЧАЭС», провозить не указанный в товаросопроводительных документах груз, а также лиц, не имеющих пропусков. При провозе грузов дополнительно применяется их пломбирование.

Также стороны условились, что украинская сторона принимает участие в обустройстве и обеспечении техническими средствами белорусской части пункта пропуска «Комарин – Славутич» в объемах, необходимых для обеспечения упрощенного порядка транзитного проезда и согласованных обеими сторонами (включая проведение отсыпки земли и вынос павильонов пограничной службы за полотно автодороги, асфальтирование обочины дороги в белорусской части международного пункта пропуска, перемещение стойки существующих стационарных систем радиационного контроля, установление информационных щитов и дорожных знаков перед пунктом пропуска).

Некоторые вопросы сотрудничества в рассматриваемой сфере регулировались многосторонними соглашениями. Примером тому может стать трехстороннее соглашение о порядке осуществления взаимных расчетов по обустройству граждан, которые переселились из загрязненных территорий Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины на территорию одного из этих государств.

Вопрос об использовании загрязненных территорий приводил и к некоторым противоречиям, которые, правда, разрешались путем консенсуса. Большим успехом белорусских дипломатов, отстаивающих интересы собственного государства, стало решение Украины в 1995 г. отказаться от сущест-

вовавшего и анонсированного проекта строительства объекта для захоронения отходов дезактивации у самой границы с Беларусью. То, что решение об отказе было принято официально из-за принципиальной позиции Республики Беларусь, признала украинская сторона в ноте, направленной в белорусское посольство и сообщавшей о переносе строительства [6, с. 16].

Вообще, посольства двух стран активно участвовали в решении многих экологических проблем, связанных с Чернобылем, налаживали связи ученых двух стран, принимали участие в международных научных проектах, содействовали обмену информацией по радиационноопасным объектам и прогнозированию радиационной обстановки. Началась работа по созданию системы межгосударственных белорусско-украинских природно-заповедных территорий.

Для налаживания пограничного сотрудничества на загрязненной территории и урегулирования существовавших проблем в сфере транспорта 4 февраля 1994 г. Белорусской железной дорогой и Юго-западной железной дорогой было подписано соглашение о передаче участка железнодорожного пути «Чернигов – Овруч» (20 км), проходящего по территории Республики Беларусь, украинской стороне. При этом были определены условия эксплуатации данной железнодорожной ветки Украиной с учетом того, что для Беларуси она не имела существенного значения, но использовалась для транзитной перевозки грузов с ЧАЭС. В свою очередь, в 1995 г. энергетики двух стран договорились об условиях обслуживания линии электропередачи «ЧАЭС – Славутич», также проходящей по Беларуси (21,8 км) [4, л. 32].

Одной из ключевых проблем для граждан двух государств в гуманитарной сфере стало совместное сотрудничество по вопросам минимизации последствий Чернобыльской катастрофы и помощи пострадавшим от аварии. Уже в соглашении о совместных действиях по минимизации и преодолению результатов Чернобыльской катастрофы стороны согласились с необходимостью разработки правовых документов о признании прав, льгот и компенсаций для чернобыльцев в случае их переезда из одной страны в другую. Данное положение впоследствии было детализировано в ст. 4 одноименного соглашения от 12 мая 1997 г., в котором говорилось о распространении внутреннего законодательства Беларуси и Украины на данную категорию лиц в случае их переезда.

Весьма позитивно на протяжении рассматриваемого периода развивалось взаимодействие по вопросам оздоровления граждан Беларуси, потерпевших в Чернобыльской катастрофе в украинских здравницах. Так, в марте 1994 г. в ходе встречи В. Курашика с Президентом Автономной Республики Крым Ю. Мешковым обсуждался вопрос оздоровления детей, пострадавших от аварии на ЧАЭС [1, л. 110]. Также 17–18 июля 1995 г. страны достигли договоренности о принятии санаториями г. Евпатория на оздоровление еще 100 белорусских детей [2, л. 263]. Всего только за 1994–1995 гг. на курортах Украины прошли лечение около 20 тысяч детей и

взрослых из пострадавших районов [5, л. 13]. И такого рода сотрудничества продолжилось в дальнейшем.

Особое значение в данном направлении сотрудничества имела инициатива со стороны людей, небезразличных к чернобыльской проблеме и желающих оказать помощь пострадавшим. В частности, некоторые украинские организации и учреждения самостоятельно выходили на белорусское посольство с предложениями об оздоровлении чернобыльцев. В 1995 г. по инициативе ассоциации «Культура миру» состоялось турне белорусских артистов по 9 районам Житомирщины, пострадавшим от аварии на ЧАЭС [3, л. 228].

В современных условиях вопрос о сотрудничестве не только в вопросах минимизации последствий аварии на ЧАЭС, но и в области развития безопасной ядерной энергетики является весьма актуальным. В пользу последнего говорят планы Республики Беларусь по строительству собственной АЭС. И в данном случае может быть полезен опыт Украины, которая, по словам посла Украины В. Тихонова, готова предложить свою помощь. В своем интервью газете «Известия» дипломат, в частности, заявил: «Беларуси не повредит совет украинцев в области хранения ядерных отходов на Запорожской АЭС и строительства и эксплуатации хранилища ядерных отходов на Чернобыльской АЭС. Кстати, со временем, наладив собственное производство топлива для АЭС, Украина может поставлять в Беларусь ядерное топливо» [7, с. 3].

Таким образом, проблема ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС была и остается одной из ключевых в белорусско-украинских отношениях. Такая ситуация объясняется огромным ущербом и невозполнимыми утратами, которые понесли оба государства от этой крупнейшей в истории человечества техногенной катастрофы. И в ближайшее время снять данную проблематику с повестки дня не получится по объективным причинам.

1. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 532.
2. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 630.
3. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 631.
4. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 976.
5. Архив М-ва иностр. дел Респ. Беларусь. – Ф. 907. Оп. 2. Д. 1184.
6. Курашик, В. Жить нам надо только в дружбе / В. Курашик // Рэспубліка. – 1995. – 6 кастр. – С. 16.
7. Новый посол в Белоруссии Виктор Тихонов рассказал о своем особом задании // Известия в Украине. – 2011. – 28 окт. – С. 3.

ДНІ КУЛЬТУРЫ Ё СФЕРЫ ДВУХБАКОВЫХ СУВЯЗЕЙ БЕЛАРУСІ Ё НАЙНОЎШЫ ЧАС

Д. А. Крывашэй (Мінск)

Адной з найбольш маштабных форм міжнароднага культурнага супрацоўніцтва з'яўляюцца Дні культуры. Адзначым, што ё залежнасці ад асноўнага арганізатара такіх акцый змяняецца афіцыйная назва мерапрыемства. Калі арганізатарам выступае орган выканаўчай улады, які адказвае за сферу культуры краіны, то ё назву Дзён выносіцца афіцыйная назва дзяржавы. Калі арганізатарам правядзення Дзён, тыдняў, гадоў культуры выступала пасольства ці грамадская арганізацыя, то замест назвы краіны (за рэдкім выключэннем) гучыць прыметнік.

Першыя афіцыйныя Дні культуры Рэспублікі Беларусь адбыліся ў Нідэрландах (правінцыя Оверысель) з 15 па 22 снежня 1991 г. Прайшоўшыя у пяці гарадах Нідэрландаў 12 прадстаўленняў беларускіх калектываў наведалі больш 10-ці тыс. чалавек. Да адкрыцця Дзён культуры быў прымеркаваны візіт афіцыйнай дэлегацыі Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь [1, арк. 7].

У Табліцы на падставе вывучэння архіўных дакументаў і звестак перыядычнага друку прадстаўлена інфармацыя аб правядзенні менавіта афіцыйных Дзён культуры. Як можна заўважыць, да 1997 г. такія акцыі былі адзінкавымі. За 1991–1997 гг. наша краіна змагла арганізаваць Дні культуры толькі ў шасці краінах. Пры гэтым у 1992, 1994 і 1996 г. такія акцыі не праводзіліся. У той жа час ў Беларусі прайшлі Дні культуры таксама шасці краін. З чатырма краінамі ўдалося правесці абменныя дні (Украіна, Расія, Польшча, Малдова).

У 1998 г. заўважна істотная актыўнасць Беларусі ў напрамку рэгіёнаў Расіі, што тлумачыцца палітычным фактарам. З 1999 па 2014 гг. у Беларусі ні адна краіна Еўропы (не лічачы былыя рэспублікі СССР) не правяла сваіх Дзён культуры. Пасля працяглага перапынку першай еўрапейскай краінай (не лічачы былыя рэспублікі СССР), у якой Рэспубліка Беларусь правяла свае Дні культуры пасля 1997 г., была Балгарыя (2002 г.) А вось Дні культуры Рэспублікі Беларусь у Польшчы былі праведзены ў 2013 г. пасля перапынку ў 15 гадоў.

Сярод краін-суседзеў плённымі былі культурныя кантакты з Украінай. Толькі ў 1990-х гадах Дні культуры Украіны ў Беларусі прайшлі чатыры разы (1994, 1995, 1996, 1997). У той час як Дні культуры Беларусі ва Ўкраіне толькі адзін раз (1993). Пасля 2000 г. статыстыка была на карысць Беларусі: Дні культуры Рэспублікі Беларусь ва Ўкраіне адбыліся тройчы (2002, 2003, 2010), а Дні культуры Украіны ў нашай краіне прайшлі двойчы (200, 2011).

Аналіз паказаў, што толькі з адной краінай (апроч Расіі) абменныя Дні культуры праводзіліся рэгулярна пачынаючы з 2000 года. Гэта Кітай.

Здаралася, што плануемыя Дні культуры так і не адбываліся. Так было з Днямі культуры Сербіі ў Беларусі. Дні культуры Беларусі ў Сербіі прайшлі ў 2005 г. Правядзенне сербскім бокам такіх жа мерапрыемстваў планавалася на 2007 г. Але яны не адбыліся. У 2012 г. была падпісана праграма супрацоўніцтва паміж міністэствамі культуры абедзвюх краін і прайшла інфармацыя аб тым, што дні культуры Сербіі будуць праведзены ў 2013 г. Але яны зноў не адбыліся. Былі праведзены толькі Дні сербскага кіно ў 2014 г. У лістападзе 2014 г. прайшлі Дні беларускага кіно ў Сербіі [2].

Табліца. Дынаміка правядзення афіцыйных Дзён культуры. 1991–2017 гг.

Год	Дні культуры ў Беларусі	Дні культуры Рэспублікі Беларусь за мяжою
1991		Нідэрланды
1992		
1993	Расія	Украіна
1994	Украіна, Польшча	
1995	Украіна, Польшча, Расія	Расія, Германія
1996	Украіна, Малдова	
1997	Украіна, Балгарыя, Іспанія	Польшча, Малдова, Краснадарскі край (Расія)
1998	Югаславія, Венгрыя, Краснадарскі край (Расія)	РАСІЯ: Кемераўская вобласць, г. Санкт-Пецярбург, Краснадарскі край, Яраслаўская вобласць, Смаленская вобласць, Калінінградская вобласць
1999	РАСІЯ: Краснадарскі край, Мурманская вобласць	Кітай, Мурманская вобл. (Расія), Крым (Украіна)
2000	Малдова, Кітай, Крым (Украіна), Карэлія (Расія)	Краснадарскі край (Расія)
2001	Расія	Расія, Карэлія (Расія), Кітай
2002	Кітай, Карэлія (Расія)	Украіна, г. С.-Пецярбург (Расія), Балгарыя
2003		Кітай, Украіна, Іран
2004	Кітай, Іран, Украіна	Год культуры ў Расіі
2005	Егіпет Калінінградская вобл. (Расія), Іран, Год культуры Расіі , Малдова	Арменія, Сербія, Кітай
2006	Кітай, Карэлія (Расія), Дзень культуры Дзяржавы Ізраіль	Ліван
2007	Азербайджан, Арменія	Егіпет, Таджыкістан
2008	Таджыкістан	Сірыя, Егіпет, ПАР, Кыргызстан, Азербайджан, Кітай
2009	Кітай, Казахстан, Год культуры Расіі	

2010	Туркменістан, Сірыя, Іран, В'етнам, Аман	Год культуры ў Расіі, ААЭ, Венгрыя, Казахстан, Літва, Украіна, Кітай
2011	Кітай, Украіна, Тызень культуры Ірана	Арменія, Літва
2012	Катар, Азербайджан, Ізраіль	Катар, Кітай, Туркменістан, Літва, г. С.-Пецябург (Расія)
2013	г. С.-Петярбург (Расія), Арменія, Казахстан	Польшча, Эстонія, Азербайджан, Фінляндыя. Ізраіль, Літва
2014	Туркменістан, Венгрыя, Калужскай вобл. (Расія), Шры-Ланка, Індыя	Арменія, Казахстан, Літва, В'етнам
2015	Кітай, Лаос, В'етнам	Кітай, Туркменістан, Таджыкістан, Малдова
2016	Арменія, Эстонія, Таджыкістан, Туркменістан	Расія, Турцыя, Лаос
2017	Малдова, ААЭ, Турцыя, Расія: Пермскі край і Інгушэцыя	Індыя, Венгрыя, Кітай, В'етнам, Камбоджа, Грузія
2018	Татарстан (Расія), В'етнам, Украіна, Грузія, Расія, Казахстан	Кітай, Туркменістан, Узбекістан, Таджыкістан, Кіргізія, Пермскім краі (Расія)

Дні ці Тызні культуры ў асноўным праводзіліся ў якасці своеасаблівай падтымкі палітычных стасункаў. Напрыклад, у 2006 г. Беларусь і Азербайджан адкрылі свае пасольствы. І ўжо ў 2007 г. адбыліся першыя дні культуры Азербайджана ў Рэспубліцы Беларусь.

Часам такія мерапрыемствы спалучаліся з візітамі за мяжу кіраўнікоў дзяржаў. Так у красавіку 2001 г. і снежні 2005 г. Дні культуры Беларусі ў Кітаі праходзілі ў межах візіту Прэзідэнта Беларусі А. Р. Лукашэнка. У кастрычніку 2008 г. у рамках афіцыйнага візіту А.Г. Лукашэнка ў Кіргізскую Рэспубліку ў гэтай краіне ўпершыню былі арганізаваны Дні культуры Рэспублікі Беларусь. У 2015 г. Дні культуры Беларусі ў Туркменістане прайшлі пад час афіцыйнага візіта Гавы дзяржавы ў гэту краіну.

Асаблівая адметнасць Дзён ці Тызняў культуры ў тым, што яны арганізуююцца адпаведнай структурай выканаўчай улады, якая адказвае за сферу культуры. У іх адкрыцці звычайна бяруць удзел кіраўнікі гэтых структур ці іх намеснікі. Аб тым, наколькі высокі ўзровень палітычных адносін з пэўнай краінай, сведчыць пасада асобы, якая адкрывае мерапрыемства. Напрыклад, у красавіку 2008 г. упершыню ў гісторыі двухбаковых адносінаў прайшлі Дні культуры Рэспублікі Беларусь ў Сірыі. На першым прадстаўленні Нацыянальнага акадэмічнага Вялікага тэатра балета Рэспублік Беларусь прысутнічалі старшыня парламента Сірыі Мыхмуд аль-Абраш і Прэм'ер-міністр Сірыі Махамед аль-Атры. У рамках дзён былі праведзены

перагаворы міністра культуры Беларусі У. Матвейчука з міністрам культуры Сірыяі Пыядам Наасанам Ага [3, с. 128].

Дні культуры Рэспублікі Малдавія ў Беларусі у 2017 г. адкрывалі прэм’ер-міністры абедзвух краін [4]. А Дні культуры Эстонскай Рэспублікі ў Рэспубліцы Беларусь у 2016 г. адкрывалі намеснікі кіраўнікоў адпаведных міністэрстваў [5]. Стала традыцыяй пад час такіх мерапрыемстваў падпісваць рознага віда дакументы кшталту міжведамасных дамоваў (праколаў) аб супрацоўніцтве, праграм супрацоўніцтва.

Па сваёй арганізацыі Дні ці Тыдні культуры пэўнай краіны ўключаюць толькі некалькі культурных мерапрыемстваў. У асноўным гэта канцэрты майстроў мастацтваў, асобныя выступленні фальклорных ці музычных калектываў, тэатраў, фотаэкспазіцыя, выстава твораў мастацтва. Мерапрыемствы ў асноўным праходзяць у сталіцы. Часам акрамя яе яшчэ ў некалькіх гарадах. “Культурны дэсант” налічвае ад некалькіх дзясяткаў да некалькіх сотняў удзельнікаў. Напрыклад, для ўдзелу ў правядзенні мерапрыемстваў ў рамках Дзён культуры Рэспублікі Беларусь ў Туркменістане ў 2015 г. прыбыло 60 чалавек [6]. А вось у геаграфічна больш бліжэйшую Эстонію на правядзенне Дзён культуры прыехала дэлегацыя з амаль 300 чалавек [7]. Зразумела, што ў апошнім выпадку і праграма мерапрыемстваў была больш цікавая. Наша нацыянальнае мастацтва было прадстаўлена лепшымі ўзорамі оперы, балета, музыкі, фальклору.

Зразумела, што ахоп аўдыторыі ў такіх мерапрыемстваў невялікі. Ды і публіку не заўсёды можна сабраць. Звычайна гэта прадстаўнікі дыяспары і дыпламатычнага корпуса, дзеячы і аматары мастацтва.

Спецыяльна для дэманстрацыі за мяжою пад час правядзення Дзён культуры была створана экспазіцыя графікі сучасных беларускіх мастакоў. Былі прадстаўлены творы лепшых айчынных графікаў розных пакаленняў, пачынаючы ад знаных мэтраў – Арлена Кашкурэвіча, Васіля Шаранговіча – і заканчваючы маладымі таленавітымі творцамі. У работах былі адлюстраваны самыя разнастайныя тэхнікі, прадстаўлена даволі шырокая тэматыка, а таксама сучасныя графічныя эксперыменты. У 2007 г. яна пабывала ў Таджыкістане, у 2008 г. – у Сірыі, Егіпце і Кітаі, у 2010 г. – у Венгрыі і Казахстане.

У 2002 г. у праграме Дзён культуры Рэспублікі Беларусь ў Санкт-Пецярбургу былі паказаны спектаклі Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Янкі Купалы “Чорная панна Нясвіжа” і “Ідылія”. У верасні 2010 г. у рамках Дзён культуры Рэспублікі Беларусь у Літве на сцэне Літоўскага нацыянальнага тэатра драмы быў прадстаўлены спектакль “Пінская шляхта” Нацыянальнага акадэмічнага тэатра імя Янкі Купалы. Спектакль Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Максіма Горкага “Пане Каханку” быў паказаны ў Дні культуры Беларусі ў Літве ў 2011 г.

Аднак не заўсёды можна гаварыць аб тым, што ў рамках Дзян культуры Рэспублікі Беларусь замежны глядач знаёміўся менавіта з беларускай культурай. Балет “Лебядзінае возера” Нацыянальнага акадэмічнага тэатра балета Рэспублікі Беларусь быў паказаны ў рамках Дзён культуры Рэспублікі Беларусь ў Балгарыі ў чэрвені 2002 г. У 2007 г. у рамках Дзён культуры Беларусі ў Егіпце Нацыянальны акадэмічны вялікі тэатр балета Рэспублікі Беларусь выступіў са спектаклем “Шкаўкунок” у Каіры і Александрыі. У ліпені 2008 г. на гала-канцэрце афіцыйнага адкрыцця Дзён культуры Рэспублікі Беларусь у Кітаі і на канцэрце ў г. Хуайджоу выступілі артысты Нацыянальнага акадэмічнага народнага хору Рэспублікі Беларусь імя Г. Цітовіча. Кітайскі глядач сярод іншага пачуў песні, якія нельга назваць беларускімі народнымі, – “Рабінушка”, “Кацюша”, “Калінка”, “Падмаскоўныя вечары”, а таксама ўбачыў танец “Мяцеліца” [8, с. 444]. У 2013 г. адной з цэнтральных падзей Дзён культуры Беларусі ў Эстоніі сталі выступленні Нацыянальнага акадэмічнага Вялікага тэатра оперы і балета Рэспублікі Беларусь у Эстонскай нацыянальнай оперы. Былі паказаны балеты “Спартак” і “Шахразада”, оперы “Князь Ігар” і “Мадам Батэрфляй” [7].

Добрай традыцыяй стала дэманстрацыя беларускіх фільмаў пад час афіцыйных Дзён культуры. Так беларускія фільмы ўвашлі ў праграму правядзення Дзён культуры Рэспублікі Беларусь ва Ўкраіне (1993, 2002), у Балгарыі (2002), Санкт-Пецярбургу (2002), Іране (2003), Сербіі (2005), Таджыкістане (2007), Кыргызстане (2008), Арменіі (2011), Казахстане (2012), Кітаі (2012), Туркменістане (2015) і інш.

Дні кіно Беларусі праводзіліся і як асобная афіцыйная акцыя. Так ў 1998 і 1999 г. яны адбыліся ва Ўкраіне. У 2003 і 2005 гг. – Дні беларускага кіно ў Літве і Малдове, а ў 2004 г. – у Польшчы і Славакіі, у 2005 г. – у Арменіі, Літве, Малдове, Германіі. У 2006 г. – у Малдове і Польшчы.

Здаралася, што арганізатарамі маштабных акцый, кшталту Дзён культуры выступалі грамадскія арганізацыі ці прыватныя асобы. Так у кастрычніку 1992 г. у Мінску, Магілёве і Полацку прайшлі Дні культуры Балгарыі. Арганізатарам была балгарскія Федэрацыя дружбы і Фонд “Славяне”. У праграме былі выступленні хору “Гармонія” і маладзёжнага танцавальнага калектыву, выставы [8].

Дасягненнем лічыцца правядзенне ў красавіку 2002 г. Тыдня культуры Беларусі ў Францыі. Гэта падзея адбылася па ініцыятыве Пасольства Беларусі ў Францыі і дзякуючы падтрымцы вядомага французскага куцюр’е П. Кардэна.

З заснаваннем у кастрычніку 2001 г. у г. Кальяры (Італія) Асацыяцыі дружбы, культуры і супрацоўніцтва «Сардзінія-Беларусь» у гэтай аўтаномнай вобласці сталі штогод праводзіцца Дні беларускай культуры. А ў 2017 г. прайшоў Год беларускай культуры на Сардыніі.

Такім чынам Дні культуры застаюцца адным з асноўных складнікаў двухбаковых культурных стасункаў. А геаграфія, праграма і рэгулярнасць іх правядзення сведчаць аб ўзроўні палітычных сувязей.

1. Нацыянальны архіў Беларусі. – Ф. 974. Воп. 1. Спр. 2071. – Арк. 7.
2. Сотрудничество в области культуры, межрегиональных связей и других областях [Электронный ресурс] / Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Республике Сербия. – Режим доступа: http://serbia.mfa.gov.by/ru/bilateral_relations/cultural/e5cb094310602c58.html. – Дата доступа: 26.02.2019.
3. Кажура, М. В. Міжнароднае культурнае супрацоўніцтва / М. В. Кажура // Беларуская культура сёння, 2008: гадавы агляд / М. А. Буданаў [і інш.] ; пад рэд. У. Ф. Матвейчука. – Мінск : БДУ культуры і мастацтваў, 2009. – С. 127–138.
4. Молакава, Вераніка. “Час змяніўся, але не адносіны” / Вераніка Молакава // Культура. – 2017. – № 23 (1306). – 10-16 черв. – С. 2.
5. Саўчанка, Аліна. Дні культуры Эстоніі / Аліна Саўчанка // Культура. – 2016. – 5–11 ліст. – С. 2.
6. Дни культуры Беларуси пройдут в Туркменистане [Электронный ресурс] // Официальный сайт Посольства Республики Беларусь в Туркменистане. – Режим доступа: <http://turkmenistan.mfa.gov.by/ru/embassy/news/cd79c885377cb2d7.html>. – Дата доступа: 13.03.2019.
7. “Купалінка” – у Таліне, “Эстонія” – у Мінску // Культура. – 2013. – № 6. – 9-16 лют. – С. 2.
8. Крывашэй, Д. А. Дзяржаўная культурная палітыка ў Беларусі / Д. А. Крывашэй. – Мінск : Беларуская навука, 2014. – 521 с.
9. Бліжэй стала Балгарыя // Культура. – 1992. – № 38. – 5 кастрычніка. – С. 2.

МОЛОДЕЖНЫЙ ВЕКТОР СТРОИТЕЛЬСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛАРУСИ И РОССИИ

М. А. Слемнёв (Витебск)

В декабре текущего года исполняется 20 лет со дня подписания стратегического Договора о создании белорусско-российского Союзного государства. За эти непростые годы сделано немало для сопряжения действий сотрудничающих сторон в аграрной, промышленной, социально-экономической, торговой, инновационно-технологической, оборонной и ряде других областей Союзного строительства. Достаточно эффективно функционирует система регионального, в том числе и приграничного взаимодействия. Вместе с тем здесь имеется множество нерешенных проблем и нереализованных возможностей. Об этом шел конструктивный разговор на состоявшемся 10–12 октября 2018 г. в Могилеве V Форуме регионов Беларуси и России. На нем принято решение следующий Форум (он пройдет осенью этого года в Санкт-Петербурге) посвятить молодежной тематике.

Предварительно очерчен и круг социальных реалий, которые должны стать центральным объектом внимания на пленарном и секционных за-

седаниях: образование, культура, творческое развитие, патриотическое воспитание и формирование здорового образа жизни подрастающего поколения. Столь пристальный интерес к культурно-образовательной, интеллектуальной, духовно-нравственной, ценностно-ориентирующей и иным сторонам социального облика белорусской и российской молодежи вполне объясним. Совершенно очевидно, что строительство Союзного государства потеряет всякий смысл, если у молодых людей не будет желания создавать спроектированный их «отцами» общий социально-политический дом, и, тем более, жить в нем.

Союзная социализация и культурализация молодежи возможна лишь при тщательно продуманной, согласованной работе всех учреждений образования и культуры, научно-исследовательских институтов, СМИ, различных структур гражданского общества, заинтересованных в сплочении братских народов.

Одним из главных приоритетов молодежной политики должна стать сфера образования, и прежде всего, исторического, с помощью которого у подрастающего поколения формируется образ прошлого как своего, так и других народов, а также создается диахронная картина взаимоотношений между ними. Разумеется, что при строительстве Союзного государства подобные историко-нарративные экскурсии должны помогать «сращиванию» разорванного после распада СССР общего идейно-политического, экономического и культурно-образовательного пространства как необходимого условия глубокой и всесторонней белорусско-российской интеграции и дальнейшего единения дружественных народов.

Решению этой сложной задачи посвящен ряд интересных мероприятий союзного масштаба, на которых активно обсуждались актуальные проблемы белорусско-российской истории и способы ее научно-популярной презентации на страницах школьных и вузовских учебников. В первую очередь здесь следует назвать проведенные на базе исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова круглые столы «Познавая прошлое: опыт преподавания истории в высшей школе России и Беларуси» (1 марта 2017 г.) и «Осмысление альтернативных концепций российско-белорусской истории» (16 марта 2018 г.); первый Межуниверситетский форум Союзного государства Беларуси и России «Образование и наука в МГУ имени М. В. Ломоносова и БГУ: традиции и перспективы», прошедший 10–12 октября 2018 г. в Москве; организацию в марте 2016 г. во Владимире российско-белорусской школы молодых историков, которая приступила к работе над созданием учебника по истории Союзного государства; Международную конференцию 26 марта 2018 г. в Москве «Молодежная политика в Союзном государстве Беларуси и России: приоритетные направления развития» и др.

В процессе анализа путей выработки единой позиции при интерпретации исторического прошлого Беларуси и России, президент Фонда «Народная дипломатия» А. В. Кочетков обратился к событиям в современной

Украине. Он подчеркнул, «что главная причина сложившейся там на сегодняшний день ситуации – это то, что различия в подходах к истории легли в основу противостоящих друг другу идеологических концепций, которые в свою очередь стали инструментами при создании конфликтов. Очень не хотелось бы повторения у нас тех же проблем, что и у наших соседей» [1].

При сравнении особенностей смысловой вербализации в научных и соответствующих им учебных изданиях общего и пересекающегося исторического прошлого Беларуси и России возник ряд спорных вопросов. Их подробный перечень дает известный критик нынешнего официального белорусского исторического дискурса А. Гронский [2]: что считать для Беларуси началом государственности – Древнюю Русь или Полоцкое княжество; является ли белорусским государством Великое княжество Литовское или его можно рассматривать как одно из русских княжеств и как его называть русско-литовское или белорусско-литовское; являются ли жившие в средние века Ефросинья Полоцкая и Кирилл Туровский белорусскими культурными деятелями, если они не знали даже понятия «белорусский»; можно ли Владимира Великого, Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого, Андрея Боголюбского и других персонажей древнерусской истории относить в том числе и к белорусской истории; на каком языке писал свои книги Франциск Скорина – на старобелорусском или на русском; каково было самосознание жителей Великого княжества Литовского; уместно ли говорить о русификации белорусов, если официальная наука того времени даже в лице создателя научного белорусоведения академика Е. Ф. Карского рассматривала белорусов как часть триединого русского народа, русифицировать которую выглядело бы странно и др.

Следует согласиться с тем, что откладывать на будущее поиск научного консенсуса при ответе на эти и множество других вопросов нельзя. Для того чтобы Союзное государство состоялось, оно должно опираться на прочный исторический фундамент, без недоговорок, ложных стереотипов и замалчивания «неудобных фактов» в угоду политической и идеологической конъюнктуре [4, с. 48]. Вместе с тем, недопустимо с удовольствием смаковать страницы исторического прошлого, которые при некорректном прочтении способны привести к охлаждению дружеских отношений двух стран, а, напротив, следует оттенять эпизоды совместной истории, способствующие объединению молодых белорусско-российских сил для достойного ответа вызовам и угрозам современности. Одна из таких тем – Великая Отечественная война, память о которой священна и в России, и в Беларуси. Она тщательно оберегается от любых деструктивных воздействий и потому обладает мощным объединительным потенциалом, который необходимо максимально использовать в преподавательской, информационно-пропагандистской и идеологической работе с белорусской и российской молодежью.

С этим единодушно согласились белорусские и российские ученые при обсуждении проекта совместного учебника по истории Беларуси и России [4]. Главной парадигмой интерпретации событий того сурового времени должна быть полная правда о великих победах и тяжелых поражениях. Нельзя обходить молчанием и факты коллаборационизма, которые имели место на оккупированных территориях. В частности, наша молодежь (хорошо бы и украинская) должна знать о том, что, как отметил директор РВИО М. Мягков, «именно украинские националисты из 118-го шуцманшафта (карательного) батальона были исполнителями акции по уничтожению белорусской деревни Хатынь со всеми ее жителями – от мала, до велика» [4]. Такая информация ни в коем случае не умаляет огромный вклад украинского народа в общую Победу. Она лишь подчеркивает сущностный облик новоиспеченных героев Украины, «внуки» которых сегодня пытаются править политический бал в этой стране. Говорить о Хатыньской трагедии в таком аспекте нужно не как о правиле, а как о горьком исключении во взаимоотношениях белорусов и украинцев в годы сражения с немецким фашизмом. Но, политическая ситуация на Украине не позволяет молчать об этом.

Важную роль для духовно-нравственного сплочения молодых людей Беларуси и России может сыграть организация по инициативе Союзного государства их непосредственных целевых встреч. Как ни грустно об этом говорить, но современная молодежь двух дружественных стран очень плохо знает друг друга. Популярная ныне коммуникационная связь в социальных сетях не в состоянии заменить известную «роскошь» живого человеческого общения. Эффективность последнего убедительно продемонстрировало проведенное в рамках V Форума регионов Беларуси и России масштабное мероприятие «Молодежь за Союзное государство». В нем приняло участие более 50 представителей самых разнообразных молодежных и детских объединений двух стран. Была организована плодотворная работа двух секций: «Молодежный парламентаризм – форма гражданского общества» и «Участие молодежи в развитии современной инфраструктуры и создание общественных пространств». Подписан ряд интересных соглашений, в том числе, о сотрудничестве Минской и Брянской, Гродненской и Псковской областных организаций БРСМ и РСМ. В эти же дни в Витебске проходил фестиваль молодежи белорусско-российского приграничья «С чего начинается родина?». Его участниками была заложена символическая аллея Дружбы, которая свидетельствует о зарождении оригинальной традиции молодежных встреч нового формата.

Настораживает также тот факт, что согласно результатам социологического исследования интеграционных установок населения Беларуси только 64% студентов знают о существовании Союзного государства. Это значительно ниже их осведомленности о наличии Европейского Союза (приблизительно 84%). Выяснилось также, что телеканал Союзного государства белорусская молодежь по сути не смотрит. Основную информацию о состоянии, проблемах и целях белорусско-российского сотрудниче-

ства она черпает из Интернета. А в его белорусском сегменте преобладают оппозиционные и националистические настроения. Статистика посещаемости белорусских электронных СМИ такова, что в первую пятерку входят порталы, не разделяющие интеграционную политику Беларуси. Как справедливо отмечает А. Ильяшевич, для изменения ситуации необходимо говорить с молодым поколением «на языке сетевых медиа, сформировать для него понятный и привлекательный образ объединения» [3].

На это должны обратить самое пристальное внимание институциональные структуры Союзного государства. Пока что все средства, которые выделяются на работу СМИ (а они немалые – 16% бюджета), тратятся на организацию телерадиовещания и издательской деятельности. Сетевой сектор оказался без финансовой поддержки. Да и вообще в рамках Союзного государства нет масштабных социальных, культурных, образовательных и научно-исследовательских проектов, которые были бы напрямую «завязаны» на молодежь. Если мы желаем, чтобы Союзное государство имело будущее, такое положение дела надо решительно исправлять.

1. В МГУ имени М. В. Ломоносова обсудили альтернативные концепции российско-белорусской истории России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://teleskop-by.org/2018/03/13/v-mgu-im-m-v-lomonosova-otsudili-alternativnye-kontseptsij-rossijsko-belorusskoj-istorii](http://teleskop.by.org/2018/03/13/v-mgu-im-m-v-lomonosova-otsudili-alternativnye-kontseptsij-rossijsko-belorusskoj-istorii). – Дата доступа: 06.03.2019.
2. Гронский, А. Союзное государство России и Белоруссии: проблемы и перспективы [Электронный ресурс] / А. Гронский. – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/30112018-soyuznoe-gosudarstvo-proigryvaet-borbu-za-belorusskuyu-molodezh>. – Дата доступа: 23.03.2019.
3. Ильяшевич, А. Союзное государство проигрывает борьбу за белорусскую молодежь? [Электронный ресурс] / А. Ильяшевич. – Режим доступа: <https://www.rubaltic.ru/article/politika-i-obshchestvo/30112018-soyuznoe-gosudarstvo-proigryvaet-borbu-za-belorusskuyu-molodezh>. – Дата доступа: 02.02.2019.
4. Образы России и Белоруссии в контексте приграничья: монография/ под ред. В. Ю. Пименова. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2013. – 236 с.
5. Союзу Беларуси и России нужна совместная молодежная политика, чтобы иметь будущее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://eurasia.expert/soyuzu-belarusi-i-rossii-molodezhnaya-politika>. – Дата доступа: 26.01.2019.

БЕЛОРУССКО-КАЗАХСТАНСКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В 1991–2018 гг.

Е. А. Александрович (Минск)

Традиция культурного и гуманитарного сотрудничества Беларуси и Казахстана, несмотря на их географическую отдаленность, а также на языковые и конфессиональные различия, имеет давнюю и продолжительную историю. В СССР осуществлялся литературный перевод классиков бело-

русской поэзии на казахский язык, обмен первыми документальными и художественными фильмами. В годы Великой Отечественной войны в Казахстан были вывезены коллективы некоторых белорусских театров и кинематографистов. Ученые Академии Наук БССР работали над новыми образцами сельскохозяйственной техники для освоения целинных и залежных земель Казахстана. Казахстанцам хорошо известны В. Мулявин, А. Ярмоленко, Я. Поплавская, А. Тихонович и др.

Однако вследствие событий начала 1990-х гг. культурное взаимодействие двух стран было минимизировано. Материальные проблемы оттесняли на задний план проблемы культурные и духовные. В то время, когда все основные ресурсы были направлены на осуществление экономических реформ, оба государства ставили задачи по возрождению, сохранению, развитию и распространению своей культуры, созданию условий для международного сотрудничества в этой сфере, а также интеграции своих, национальных культур в мировую культуру.

Контакты в этот период были эпизодическими. В 1994 г. в Национальном музее истории и культуры Беларуси прошла выставка казахских художников. В 1995 г. белорусская группа «Палац» принимала участие в проходившем в Казахстане Международном конкурсе молодых исполнителей «Голос Азии», в состав жюри которого спустя 6 лет вошел председатель Белорусского союза композиторов, народный артист СССР И. Лученок.

Восстановлению былых связей и контактов содействовало установление дипломатических отношений Беларуси и Казахстана, обмен посольствами, подписание соответствующих соглашений. Важнейшие принципы двусторонних белорусско-казахстанских отношений нашли свое отражение в Договоре о дружбе и сотрудничестве (1996 г.), межправительственном соглашении о сотрудничестве в области культуры, науки и образования (1996 г.), Соглашении между Министерством культуры, информации и общественного согласия Республики Казахстан и Министерством культуры Республики Беларусь о сотрудничестве в области культуры и искусства (1999 г.).

Подписанные соглашения позволили осуществлять сотрудничество на качественно другом уровне. Уже в ноябре 1997 г. состоялся первый визит представителей казахстанской культуры в Республику Беларусь. Делегация во главе с вице-министром культуры Д. Касеиновым посетила несколько белорусских городов с насыщенной культурной программой, во время которой казахские музыканты знакомили белорусов со своей национальной музыкальной культурой.

Важное место в налаживании и развитии культурного сотрудничества сыграла деятельность заграничных учреждений Республики Казахстан в Республике Беларусь. Они оказывали организационную и финансовую поддержку многим совместным мероприятиям. Например, при активном участии казахстанских дипломатов в Минске в 1998 г. была открыта мемориальная доска с барельефом казахского писателя и научного деятеля М. Ау-

эзова. В 1999 г. его именем была названа одна из улиц в Минске, а немного позднее и столичная школа № 143. Это учебное заведение сотрудники посольства регулярно пополняли книгами казахстанских писателей, там проходили конкурсы на знание казахской культуры и литературы. Учащиеся этой школы смогли посетить столицу Казахстана и познакомиться с ее достопримечательностями [8]. Популяризации истории и культуры Казахстана также уделялось большое внимание. Так в 1998 г. в газете «Культура» Посол Республики Казахстан в Республике Беларусь Н. Айдаров познакомил белорусского читателя с Казахстаном и историей его столицы [1, с. 10–11]. В 2000-м г. в рамках празднования 100-летия «казахского Бальзака» – С. Муканова в этой же газете была опубликована статья о жизни и творчестве великого классика казахской литературы 20 в. [2, с. 4].

С начала XXI столетия белорусско-казахстанские культурные связи стали развиваться более динамично. Появилась новая форма двустороннего сотрудничества – Дни культуры. Деятели культуры и искусства принимали активное участие в музыкальных и кино- фестивалях, в дружественной и теплой атмосфере развивалось литературное общение. При этом Дни культуры сначала были приурочены важным событиям в Беларуси и Казахстане, а с конца 2000-х и по настоящее время стали проводиться регулярно. Так в октябре 2001 г. в рамках празднования 10-летия независимости Казахстана прошли Дни культуры этого государства в Республике Беларусь. Большим успехом у белорусских ценителей искусства пользовалась выставка графических произведений казахстанских художников и фотовыставка современного Казахстана, прошедшие в Национальной библиотеке Беларуси. В декабре этого же года белорусские зрители заглянули в прошлое с помощью казахстанских художественных фильмов, созданных с 1973 по 1989 гг. Ежемесячный литературно-художественный журнал «Всемирная литература» на своих страницах сделал подборку произведений казахских писателей. Дни культуры Республики Казахстан в Республике Беларусь были также в 2009, 2013, 2017 гг. В свою очередь в Казахстане мероприятия, посвященные белорусской культуре, проходили в 2010, 2014, 2017 гг.

В рассматриваемый период представителей Беларуси и Казахстана можно было увидеть на различных музыкальных фестивалях. В частности казахские музыканты в 2002 и 2004 гг. принимали участие в Международном конкурсе молодых исполнителей эстрадной песни «Славянский базар» в Витебске. В 2015 г. Д. Кудайберген завоевал Гран-при этого конкурса [6]. Гости из Казахстана присутствовали и на XXVI Международном фестивале искусств «Славянский базар» в Витебске в июле 2017 г. Музыканты из Казахстана приняли участие в Международном фестивале «Минская весна», а детские песенные и танцевальные ансамбли – в международном музыкальном фестивале, проходившем в Мозыре в мае 2007 г. Известная казахская исполнительница Р. Рымбаева достаточно часто являлась гостем различных музыкальных фестивалей Беларуси. В свою очередь, молодая исполнительница В.

Саби из Витебска в апреле 2013 г. получила первую премию в международном конкурсе «Золотой микрофон», проходивший в Казахстане [3].

В 2004 г. казахские кинематографисты представили свои киноленты на ежегодном международном кинофестивале «Лістапад» в Минске. В октябре 2007 г. в Могилеве на X Международном фестивале анимационных фильмов «Анимаевка-2007» принимали участие режиссеры из Казахстана [4]. С целью взаимобмена документальными, экономическими, социальными, культурными, спортивными программами, информационными материалами в марте 2008 г. подписали соглашение Белтелерадиокомпания и Республиканская телерадиокорпорация Казахстана. В 2015 г. киностудией «Беларусьфильм» была подписана договоренность с «Казахсфильмом» о подготовке и выполнении совместного проекта по созданию художественного фильма режиссера Б. Шакерова под условным названием «Лето-41».

Между театрами двух стран действует меморандум о сотрудничестве, в рамках которого осуществляется культурный обмен. Солисты «Астана Оперы» принимали активное участие в постановках Национального академического Большого театра оперы и балета. На сцене данного театра на протяжении всего 2017 г. гастролитовал «Астана Балет».

В декабре 2017 г. в Национальном художественном музее Республики Беларусь в рамках проекта «Шествие Золотого человека по музеям мира» работала выставка «Искусство кочевников Великой степи», на которой было представлено сакское золото эпохи раннего железа VII–III вв. до н.э., найденное в 1969 г. в кургане Иссык в 50 км восточнее Алматы археологической экспедицией под руководством казахстанского археолога К. Акишева. Во вскрытой погребальной камере с захоронением сакского вождя ученые обнаружили около 4800 украшений из золота [5].

Плодотворной и дружественной в рассматриваемый период являлась деятельность литераторов двух стран. Ими были проведены всевозможные встречи писателей, поэтов, литературоведов и критиков. Издательский дом «Звязда» выпустил ряд книг, посвященных Казахстану, казахской литературе. В журналах «Полымя», «Нёман», газете «Літаратура і мастацтва» на белорусском и русском языках были опубликованы переводы поэзии и прозы писателей Казахстана, целый ряд литературоведческих статей, посвященных развитию казахской культуры и литературы. В гостях у «Звязды» побывали А. Ким, М. Ауэзов, Р. Маженкызы, Л. Шашкова, О. Жанайдаров, В. Михайлов, К. Бакбергенов и другие литераторы Казахстана. В 2017 г. в белорусском детском журнале «Вясёлка» опубликованы две сказки казахской писательницы Р. Маженкызы в переводе А. Карлюкевича.

За популяризацию казахской литературы в Беларуси и большой вклад в развитие белорусско-казахстанских литературных связей в 2017 г. Международную премию «Алаш» получил Н. Метлицкий – автор перевода книги поэзии Абая «Степной простор» на белорусский язык, вышедшей в 2010 г. в Минске издательством «Літаратура і мастацтва». В журнале «По-

лым» выходили его белорусские переводы стихов О. Сулейменова, Н. Оразалина.

Таким образом, белорусско-казахстанское культурное сотрудничество в 1991–2018 гг. являлось важной составной частью двусторонних отношений этих государств. За более чем 25-летнюю историю совместных связей в этой сфере достигнут заметный прогресс и накоплен большой опыт. Благодаря личным связям и инициативам сотрудничество не прекращалось даже в кризисные годы, а с укреплением экономических отношений становилось ярче и насыщеннее. Наиболее распространенными формами двустороннего взаимодействия были проведение музыкальных фестивалей, Дней культуры; демонстрация произведений художественного и киноискусства; литературные переводы. Активная деятельность заграничных учреждений Республики Казахстан сыграла положительную роль в популяризации достижений казахстанской национальной культуры в Республике Беларусь.

1. Айдараў, Н. Узвысіць стэп і не прынізіць горы / Н. Айдараў // Культура. – 1998. – 27 лютага – 6 сакавіка. – С. 10–11.
2. Алесін, У. Сабіт – наша вялізнае багацце / У. Алесін // Культура. – 2000. – 22–28 ліпеня. – С. 4.
3. Беларуска перамагла на песенным конкурсе в Казахстане [Электронный ресурс] // Белновости. – Режим доступа: <https://www.belnovosti.by/education/7375-beloruska-pobedila-na-pesennom-konkurse-v-kazahstane.html>. – Дата доступа: 26.03.2019.
4. Валодчанка, А. Анімаёўка: у другое дзесяцігоддзе [Электронны рэсурс] / А. Валодчанка // Культура. – 2007. – 6–12 кастрычніка. – Режим доступа: <http://www.kimpress.by/index.phtml?page=2&id=669>. – Дата доступа: 03.04.2019.
5. Выставка «Искусство кочевников Великой степи» в рамках проекта «Шествие Золотого человека по музеям мира» [Электронный ресурс] // Национальный художественный музей Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.artmuseum.by/ru/news/novosti-2019/novosti-2017/vystavka-iskusstvo-nomadov-velikoj-stepi-v-ramkah-proekta-shestvie-zolotogo-cheloveka-po-muzeyam-mira.html>. – Дата доступа: 15.03.2018.
6. Казахстанский триумф на «Славянском базаре» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Почетного консульства Республики Казахстан в Республике Беларусь. – Режим доступа: <http://kz-hconsul.by/news/73-kazakhstanskij-triumf-na-slavyanskombazare>. – Дата доступа: 03.04.2019.
7. Посол Казахстана в Беларуси посетил в Минске школу им. Мухтара Ауэзова [Электронный ресурс] // «МИР 24» информационно-аналитический интернет-портал. – Режим доступа: <https://mir24.tv/news/16280432/posil-kazahstana-v-belarusi-posetil-v-minske-shkolu-im-muhtara-aezova>. – Дата доступа: 26.03.2019.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КНР С РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ СМИ В 1992–2018 гг.

Сунь Инцзе (Минск)

Взаимодействие в области средства массовой информации (СМИ) занимает особое место в отношениях между КНР и Республикой Беларусь. В современном обществе СМИ сообщают большую часть социальной информации, которыми люди пользуются для оценки политической действительности. СМИ во многом определяют и психологическую ситуацию в обществе и восприятие внешнеполитических процессов [8]. Именно поэтому работники СМИ стали своего рода проводниками двусторонних отношений.

Взаимные визиты стали идеальной формой для установления контактов между журналистами, редакторами, сотрудниками телевидения и радио. Еще в 1992 г. состоялся первый визит в Минск делегации газеты «Цзинзижибао» («Экономическая газета»). В январе 1993 г. был подписан договор о сотрудничестве между Белорусским телевидением и телерадиокомпанией провинции Сычуань, и заявлено об участии в реализации совместного проекта телевикторины «Что ты знаешь о КНР?».

Принимая во внимание необходимость укрепления сотрудничества и расширения обменов между КНР и Беларусью в области информации, 5 апреля 1996 г. был подписан Протокол о сотрудничестве в области информации между министерствами иностранных дел двух стран [9]. Документ предусматривал «содействие осуществлению контактов и сотрудничества между учреждениями телевидения и радиовещания, агентствами новостей, редакциями периодических изданий, институтами журналистов и работников средств массовой информации обеих стран». Его реализация привела к росту взаимодействия между СМИ обеих стран. В июле 1998 г. по приглашению Центрального телевидения Китая Пекин и Шанхай посетил политический обозреватель белорусского телевидения А. Л. Зимовский. Это был первый визит такого рода. В разное время с 1998 г. по 2001 г. семь групп белорусских журналистов, общим количеством 42 человека, побывали в КНР. Результатом их визита в Китай стала книга «Китай глазами белорусских журналистов» [10, с. 6]. 9–16 мая 2000 г. редактор «Народной газеты» М. В. Шиманский посетил в Китай по приглашению Ассоциации по международному обмену Китая. Затем последовали частые визиты сотрудников СМИ – в ноябре 2000 г. журналиста Белорусской государственной радиовещательной компании Е. Мерешко, в декабре 2001 г. – делегации представителей СМИ Республики Беларусь во главе с заместителем директора Национального пресс-центра Б. Светловым. Так, визиты групп белорусских журналистов в Китай стали важной составляющей частью обмена и сотрудничества между китайскими и белорусскими СМИ, сыграли важ-

ную роль моста в содействии расширения информационных связей между китайским и белорусским народами.

С середины 2000-х гг. можно наблюдать интенсификацию контактов между СМИ двух стран. В 2005 г. было подписано Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-канцелярией Государственного совета КНР [11]. В апреле 2007 г. журналисты Центрального телевидения Китая создали двухсерийный документальный фильм «Поездка по Беларуси», который был показан в Китае [4]. В 2009 г. на веб-сайте Международного радио Китая была открыта страница на белорусском языке [2]. А в 2011 г. в Республике Беларусь появился корреспондентский пункт информационного агентства «Синьхуа». С 1 января 2013 г. Программы международного вещания белорусского радио начали пробно транслировать на китайском языке. Так стороны продолжали узнавать друг о друге. 30 декабря 2015 г. китайская языковая версия появилась у официального сайта Республики Беларусь – Belarus.by [13]. 22 декабря 2017 г. БелТА открыла китайскую языковую версию интернет-сайта [3].

К официальным документам в 2013–2014 гг. добавилось еще несколько – Соглашение о сотрудничестве между Центральным телевидением Китая и Национальной телерадиокомпанией Беларуси (2013 г.) и Меморандум о сотрудничестве между Государственным управлением по делам радиовещания, кинематографии и телевидения КНР и Министерством информации Республики Беларусь (30 октября 2014 г.).

Еще одним важным аспектом взаимных контактов стало книгоиздание. Одной из первых подобных работ – книга «Здравствуй, Китай!» М. Н. Шиманского (2002). Книга была приурочена к 10-летию установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. В 2003 г. появился сборник «Китай глазами белорусских журналистов» – коллекция впечатлений сотрудников СМИ после посещения ими Китая.

Появились в Беларуси и переводы китайской поэзии. В 2012 г. вышла книга «Пад крыламі дракона. Сто паэтаў Кітая». Книга была отмечена специальной премией Президента Республики Беларусь [12]. Чуть позднее, в феврале 2018 г., появился сборник «Пялёсткі лотаса і хрызантэмы», включавший произведения 100 китайских поэтов XX века. В 2013 г. в Пекине был представлен сборник «Беларусь глазами китайцев», ставший творческим продолжением аналогичного белорусского проекта 2012 г. «Китай глазами белорусов» [14].

Взаимодействие двух стран в сфере литературы и издательской деятельности были заложены Меморандумом о сотрудничестве между Министерством информации Беларуси и Главным государственным управлением по делам прессы, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения КНР, которые разработали «Проект перевода и публикаций клас-

сических литературных произведений Китая и Беларуси» на 2015–2020 годы (вступил в силу 29 октября 2014 г.) [6]. Так, 2 декабря 2016 г. в Национальной библиотеке Беларуси прошла презентация новой книги серии сборника стихотворений Ван Гочжэня в переводе на белорусский язык [1].

Интересен аспект взаимодействия специалистов в области гуманитарных наук. В 2016 г. благодаря сотрудничеству Национальной академии наук Беларуси с Академией общественных наук Китая книга «История Беларуси» была издана на китайском языке. А в издательстве «Звезда» была переведена с китайского на русский язык книга «Моя Родина», которая была опубликована в Китае в 1930-х гг.

Значимым событием можно считать появление сборника «Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов», вышедшего в издательском доме «Звезда». Его презентация прошла 23 января 2017 г. А в Посольстве Беларуси в Китае 4 июня 2018 г. состоялась презентация книги «Мы и вы: истории о Беларуси и Китае».

В последние годы расширились контакты белорусских и китайских книгоиздателей. Делегации из Беларуси участвовали в книжных выставках в Китае. Китайские книгоиздатели, писатели приняли участие в международной книжной выставке-ярмарке в Минске. Белорусское издательство «Мастацкая літаратура» совместно с издательством Пекинского государственного университета иностранных языков в 2018 г. начало реализацию масштабного печатного проекта. Это предусмотрено соглашением, которое было подписано 1 марта 2018 г. на XXV Минской международной книжной выставке-ярмарке [5]. В этот проект включена в частности серия книг «Терминология китайской идеологии и культуры». Китайские книги теперь можно купить и в Минске. 11 сентября 2018 г. полки китайских книг были открыты в магазине «Книги&книжечки» [7].

Таким образом, СМИ играет роль своеобразного моста в общении между китайским и белорусским народами. В рассматриваемый период реализован ряд крупных проектов: открытие корреспондентского пункта газеты «СБ – Беларусь сегодня» в Китае в 2001 г. и информационного агентства «Синьхуа» в Беларуси в 2011 г., что способствует своевременному получению информации друг о друге; появление белорусской страницы на веб-сайте Международного радио Китая в 2009 г., а также открытие китайской версии на интернет-сайте БелТА в 2017 г. Все это способствовало развитию контактов между двумя народами.

1. 2 декабря в Национальной библиотеке Беларуси прошла презентация новой книги серии Издательского дома “Звезда” “Светлыя знакі. Паэты Кітая” – сборника стихотворений Ван Гочжэня “Мелодыі адкрытага сэрца” в переводе на белорусский язык [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь. – Режим доступа: http://mininform.gov.by/special/ru/new_s-ru/view/2-dekabrja-v-natsionalnoj-biblioteke-belarusi-proshla-prezentatsija-novoj-knigi-serii-izdatelskogo-doma-571/. – Дата доступа: 05.03.2019.

2. Белорусскоязычная страница открыта на интернет-сайте Международного радио Китая [Электронный ресурс] // Белтелерадиокомпания. – Режим доступа: https://www.tvr.by/company/pressa-o-nas/belorususkoyazychnaya_stranitsa_otkryta_na_internet_sayte_mezhdunarodnogo_radio_kitaya/. – Дата доступа: 05.03.2019.
3. БЕЛТА открыла китайскую языковую версию интернет-сайта [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/belta-otkryla-kitajskuju-jazykovuju-versiju-internet-sajta-281713-2017/>. – Дата доступа: 05.03.2019.
4. Китайские журналисты сняли документальный фильм о Беларуси Белорусский портал [Электронный ресурс] // Tut.by. – Режим доступа: <https://news.tut.by/society/88683.html>. – Дата доступа: 05.03.2019.
5. «Мастацкая літаратура» и издательство Пекинского госуниверситета начинают реализацию масштабного проекта [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view/mastatskaja-litaratura-i-izdatelstvo-pekinskogo-gosuniversiteta-nachinajut-realizatsiju-masshtabnogo-292263-2018/>. – Дата доступа: 05.03.2019.
6. Меморандум о сотрудничестве между Министерством информации Республики Беларусь и Главным государственным управлением по делам прессы, издательств, радиовещания, кинематографии и телевидения Китайской Народной Республики по «Проекту перевода и публикаций классических литературных произведений Китая и Беларуси» на 2015–2020 годы [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://mininform.gov.by/activities/soglasheniya/>. – Дата доступа: 05.03.2019.
7. Полки китайских книг открыты в магазине «Книги&книжечки» в Минске [Электронный ресурс] // БелТа. – Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view/polki-kitajskih-knig-otkryty-v-magazine-knigiknizhechki-v-minske-317429-2018/>. – Дата доступа: 05.03.2019.
8. Полтавская, М. Д. Культурное пространство / М. Д. Полтавская // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. – 2004. – № 2. – С. 118–120.
9. Протокол Министерства иностранных дел Республики Беларусь от 5 апреля 1996 г. Протокол о сотрудничестве в области информации между Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Министерством иностранных дел Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Бусел: Информационный портал. – Режим доступа: <http://www.busel.org/texts/cat9ut/id5cwayer.htm>. – Дата доступа: 05.03.2019.
10. Соколовский, И. Китай глазами белорусских журналистов / И. Соколовский. – Мн. : Нац. пресс-центр Респ. Беларусь, 2003. – 272 с.
11. Соглашение о сотрудничестве в области информации и печати между Министерством информации Республики Беларусь и Пресс-Канцелярией Государственного Совета Китайской Народной Республики [Электронный ресурс] // Бусел: Информационный портал. – Режим доступа: <http://busel.org/texts/cat3ae/id5rwbeuz.htm>. – Дата доступа: 05.03.2019.
12. Сто произведений китайских поэтов XX века включает сборник «Пялёсткі лотаса і хрызантэмы» [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <http://www.belta.by/culture/view/sto-proizvedenij-kitajskih-poetov-hh-veka-vkljuchaet-sbornik-pjalestki-lotasa-i-hryzantemy-288606-2018/>. – Дата доступа: 05.03.2019.
13. У сайта belarus.by появилась китайская версия [Электронный ресурс] // Belaruschina. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/belaruschina-otkryla-kitajskuju-jazykovuju-versiju-internet-sajta-281713-2017/>. – Дата доступа: 05.03.2019.
14. Чжунгожэнь кань Байэлоцывэньцзишоуфашицзайбэйцзинцзюйсин = В Пекине состоялась презентация сборника «Беларусь глазами китайцев») [Электронный ресурс] // фэнхуанван = Фэнхуан сеть. – Режим доступа: http://news.ifeng.com/gundong/detail_2013_10/25/30671909_0.shtml. – Дата доступа: 05.03.2019.

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ МЕНЬШИНСТВО БЕЛАРУСИ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. Т. Кручковский, В. В. Герасимчик (Гродно)

Белорусско-польские отношения в новейший период истории независимой Беларуси, несмотря на их хронологическую непродолжительность, прошли довольно сложный и неоднозначный путь. Независимая Беларусь получила в наследство от СССР и некоторые старые проблемы в отношениях с западным соседом – Польшей: политического, юридического и историко-ментального характера. В том числе и проблему отношений с польским национальным меньшинством.

Польское национальное меньшинство на Беларуси официально является вторым по численности в стране, а так же составляет значительную часть населения северо-западного региона Беларуси [5]. Данное население признает себя этническими поляками и одновременно коренным населением Беларуси. Такое положение официально признается и в Беларуси [3, с. 3–5]. Проблема национальных меньшинств стала, как известно, первой проблемой в современных белорусско-польских отношениях, которая первоначально проявилась в непризнании западной границы Беларуси. Это выразилось в отказе Республики Беларусь во время визита польского министра иностранных дел К. Скубишевского признать польско-советскую границу 1945 г., требуя урегулирования пограничного вопроса по этническому принципу [11, с. 143]. Основания этого решения базировались на юридической (БССР не участвовала в подписании советско-польского договора о границе) и этнографической (поднят был вопрос о наличии белорусского национального меньшинства на Белосточчине) стороне вопроса.

Если пограничный вопрос был вскоре урегулирован, то вопрос отношений с польским национальным меньшинством оказался значительно более сложным. Требовал он не только юридического урегулирования в рамках межгосударственных отношений и внутреннего законодательства, но и готовности белорусского общества и государства принять и на практике внедрить международные стандарты прав национальных меньшинств.

Межгосударственное белорусско-польское соглашение о добрососедстве и дружественном сотрудничестве было подписано 23.06.1992 г. Особое место в нём принадлежало правам национальных меньшинств: этому вопросу было посвящено пять довольно обширных статей [15], подписаны также отдельные межведомственные соглашения [12–14]. Оба государства обязывались придерживаться международных стандартов, относящихся к правам национальных меньшинств, и обеспечивать равенство в правах, а также возможность сохранения и развития национальной культуры без какой-либо

дискриминации. Эти соглашения соответствовали международным юридическим стандартам в отношении национальных меньшинств.

Однако сохранились определенные проблемы и сложности функционирования польского национального меньшинства в Беларуси, которые определяются рядом политических, социально-экономических, культурных, исторических факторов.

К историческим факторам следует отнести наследие векового польско-российского соперничества, а затем российского и советского господства над Польшей. И в этом противоборстве в последние века и десятилетия сначала царская, а потом и советская пропаганда настойчиво разделяла поляков и белорусов, стремясь свести их совместное историческое прошлое в одном государственном образовании к проблемам полонизации и католизации: в царские времена врагом белорусов был представлен польский шляхтич, а в советские – так называемые «белополяки».

К политическим факторам следует отнести сложные отношения Республики Беларусь и Республики Польша с момента образования независимой Беларуси. Первоначально это была проблема признания границ, а затем различные векторы политического развития этих стран во второй половине 1990-х годов. В первой половине последнего десятилетия XX века отношения между белорусским обществом и польским национальным меньшинством на Беларуси в определенной степени осложнялись значительной политической ролью в Беларуси БНФ, провозглашающего часто тезис о поляках на Беларуси как ополяченных белорусах. Это объяснялось принятием деятелями БНФ тезиса ещё российской пропаганды и историографии об употребляемом языке как основном критерии национальной принадлежности [2]. Отсюда нетрудно увидеть, что поляки Беларуси, лишённые в БССР права изучения родного языка, рассматривались как «потенциальные белорусы».

Ради исторической справедливости следует вспомнить, что большинство российских историков и публицистов считали всё же основным рубежом раздела поляков и белорусов католичество и православие. Классическими здесь были взгляды основоположника западноруссизма М. О. Кояловича [4].

К осложнению межгосударственных отношений этот подход не привёл по причине взвешенной национальной политики, как Беларуси, так и Польши. Оба государства придерживаются официально принятых обязательств соблюдения правового равенства национальных меньшинств и господствующих наций.

Важной проблемой функционирования польского национального меньшинства в Беларуси является необходимость практически с нуля в независимой Республике Беларусь возрождения польской национальной культуры. В период независимой Республики Беларусь в 1990-е годы открыты польские дома, играющие роль домов культуры и общественных школ, появилась польскоязычная пресса, были построены две польскоязычные школы и т.д. Это сделали при доброй воле и вкладе (правда, часто

неравнозначном) обеих сторон: строительство домов польских, школ финансировалось польской стороной, функционирование общеобразовательных школ взяла на себя белорусская сторона. В любом случае это только начало процесса, что признаётся и белорусской стороной: только две общеобразовательные школы (Гродно и Волковыск) не в состоянии сделать возможным культурное развитие польского меньшинства в современном понятии [1, с. 128–134].

Остаётся и проблема возможности получения высшего образования на языке национального меньшинства и т.д. Следует вспомнить, что согласно официальным данным по уровню образованности поляки в Беларуси среди крупных национальных групп находятся на последнем месте. Отсюда вывод, что в обязанности господствующей нации входит также и обязанность поддержки и сохранения культуры национального меньшинства как культурного богатства всей страны.

Подтверждением важности национальных меньшинств в политике Республики Польша и Республики Беларусь является поддержка на государственном уровне своих национальных меньшинств. В Польше это делается через сеть общественных организаций финансируемых в основном из госбюджета (точнее бюджета сената Республики Польша, а в настоящее время и МИД РП). Это финансовая поддержка культурно-просветительской деятельности, структур польских национальных организаций. Белорусское государство подобную помощь оказывает белорусскому национальному меньшинству на Белосточчине. Важнейшим фактором здесь, на наш взгляд, должна быть помощь самих государств проживания национальных меньшинств, так как они являются гражданами этих стран, исправными налогоплательщиками.

В отношении ОО СПБ (как и других организаций польского национального меньшинства) политика финансовой поддержки белорусского государства особенно успешной была в 1990-е годы, постепенно она восстанавливается и в настоящее время. В отношении белорусских организаций в Польше эта помощь осуществляется как на уровне центрального госбюджета, так и местных бюджетов. Другое дело, что всегда этих средств не хватает на широкую культурно-просветительскую деятельность.

Проблемой, не решённой в отношениях польского национального меньшинства, как меньшинства в своё время не признанного, лишённого возможностей своего представительства в государственных и общественных институтах белорусского государства, является представительство польского национального меньшинства в системе парламентско-представительной власти. Примером может быть законодательное выделение квоты для национального меньшинства в парламенте страны (как пример, немецкое национальное меньшинство в Польше). В начале XXI в. было изменено белорусское законодательство, которое лишило национальные общественные организации права выдвижения кандидатов в Советы депу-

татов различных уровней, в том числе и организации национальных меньшинств.

Серьезным подтверждением важности национальных меньшинств в политике Республики Польша и Республики Беларусь является ситуация вокруг польского национального меньшинства, а вернее кризиса в ОО СПБ в 2005 году, наиболее крупной общественной организации поляков на Беларуси. Данные процессы до сих пор ещё не завершены. Этот кризис в польско-белорусских отношениях с вовлечением ОО СПБ с различных сторон освещается в современной исторической и политологической литературе [1; 6–10]. Вместе с тем в научной литературе до сих пор отсутствует достоверная и полная картина причин тех событий. Эта проблематика еще ждет своего исследователя.

Важно, чтобы деятельность организаций национальных меньшинств осуществлялась в рамках правового поля государства проживания и международных стандартов в отношении национальных меньшинств, чтобы финансовые рычаги не использовались для определения направления деятельности организаций национальных меньшинств.

Таким образом, польское национальное меньшинство на Беларуси может быть, как показывает историческое прошлое, как средством сближения Польши и Беларуси, так и существенным препятствием в налаживании добрососедских отношений. В данном аспекте польское национальное меньшинство на Беларуси может быть одновременно и объектом и предметом большой политики. В нашем случае польское национальное меньшинство на Беларуси должно служить мостом, соединяющим Беларусь и Польшу, средством сглаживания старых нерешённых проблем, сближения наших двух народов, столь близких духовно и имеющих богатую общую историю и культуру.

1. Беспмятных, Н. Большинство, меньшинство и национальное образование / Н. Беспмятных // *Problemy świadomości narodowej ludności polskiej na Białorusi*. – Grodno : Zw. Polaków na Białorusi, 2005. – S. 128–136.
2. Бобровский, П. Матеріалы для географіі і статистики Росіі, собранные офицерами Генеральнаго штаба. Гродненская губернія : в 3 ч. / П. Бобровский. – СПб. : Тип. департамента генерального штаба, 1863. – Ч. 1. – 300 с.
3. Буко, С. И. Республика Беларусь – страна межнационального мира и согласия / С. И. Буко // *Зборнік дакументаў аб абароне правоў асоб, якія належаць да нацыянальных супольнасцей Рэспублікі Беларусь* / Кам. па справах рэлігій і нацыянальнасцей пры Савеце Міністраў Беларусі. – Мінск : Энцыклапедыкс, 2002. – С. 3–11.
4. Коялович, М. О. Чтения по истории Западной России / М. О. Коялович. – СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1884. – 461 с.
5. Перепись населения 2009 : статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь ; редкол.: В. И. Зиновский (пред.) [и др.]. – Минск, 2011. – Т. 3. Национальный состав населения Республики Беларусь. – 433 с.
6. Gawin, T. *Polskie odrodzenie na Białorusi. 1988–2005* / T. Gawin. – Białystok, 2010. – 406 s.

7. Gawin, T. Związek Polaków na Białorusi. Historia niszczenia niezależności 1988–2005 / T. Gawin. – Białystok, 2006. – 344 s.
8. Giebien, H. Działalność Związku Polaków na Białorusi w latach 1987–2005 na tle sytuacji społeczno-politycznej w Białoruskiej Socjalistycznej Republice Radzieckiej / Republice Białoruś / H. Giebien. – Wrocław : Oficyna Wydaw. Arboretum, 2014. – 348 s.
9. Kruczkowski, T. Droga donikąd, czyli niektóre aspekty działalności nieoficjalnego Związku Polaków na Białorusi / T. Kruczkowski // Gramadskie ruhy i polityczna partyi u Belarusi. – Grodno, 2009. – S. 390–395.
10. Kruczkowski, T. Niektóre aspekty kryzysu wokół ZPB w 2005 roku / T. Kruczkowski // ЕС и восточнославянский мир : (конец XX — начало XXI вв.) : материалы Международной научной конференции (Гродно, 19 октября 2006 г.) / под общ. ред. А. Н. Нечухрина. – Гродно, 2008. – С. 99–117.
11. Kruczkowski, T. Polacy na Białorusi na tle historii i współczesności / T. Kruczkowski. – Słonim, 2003. – 272 s.
12. Porozumienie między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej a Rządem Republiki Białoruś o ochronie grobów i miejsc pamięci narodowej ofiar wojen i represji // Wybór dokumentów prawnych dotyczących mniejszości narodowych. – Warszawa : Stowarzyszenie “Wspólnota Polska”, 2001. – T. II. Polacy na Białorusi. – S. 124–128.
13. Porozumienie między Rządem Rzeczypospolitej Polskiej a Rządem Republiki Białoruś „O współpracy w dziedzinie kultury, nauki i oświaty” // Wybór dokumentów prawnych dotyczących mniejszości narodowych. – Warszawa : Stowarzyszenie “Wspólnota Polska”, 2001. – T. II. Polacy na Białorusi. – S. 103–111.
14. Porozumienie „O współpracy między Ministerstwem Edukacji Narodowej RP i Ministerstwem Edukacji RB” // Wybór dokumentów prawnych dotyczących mniejszości narodowych. – Warszawa : Stowarzyszenie “Wspólnota Polska”, 2001. – T. II. Polacy na Białorusi. – S. 112–121.
15. Traktat między Rzeczpospolitą Polską a Republiką Białoruś „O dobrym sąsiedztwie i przyjaznej współpracy” // Wybór dokumentów prawnych dotyczących mniejszości narodowych. – Warszawa : Stowarzyszenie “Wspólnota Polska”, 2001. – T. II. Polacy na Białorusi. – S. 220–225.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАКТИКИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА И ЕГО ДИАСПОРЫ

П. И. Мисуно (Минск)

В целях развития взаимовыгодных отношений с белорусской диаспорой официальной власти Республики Беларусь следует придерживаться принципов открытости для сотрудничества, плюрализма, уважения разнообразия взглядов, позиций, мнений, быть готовой продолжить работу по трансформации образа государства исхода в дружественное по отношению к белорусам зарубежье. За последние годы белорусским государством сделаны определенные позитивные шаги в правовом регулировании и практике взаимоотношений с его диаспорой. Об этом свидетельствуют: реализовывавшаяся в 2013–2015 годах Государственная программа «Беларусы ў

свеще» [2]; принятие в 2014 году Закона Республики Беларусь «Аб беларусах замежжа» [1]; периодические заседания созданного Консультативного совета при Министерстве иностранных дел Республики Беларусь по делам белорусов зарубежья; создание Министерством иностранных дел Республики Беларусь аккаунта «Беларусы ў свеце» в социальной сети «Facebook»; утверждение и реализация в рамках Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы» подпрограммы «Белорусы в мире» [4]; открытие в Минске памятного знака «Беларусам замежжа»; иные мероприятия, в том числе проводимые дипломатическим корпусом Республики Беларусь в различных странах мира.

Действия государства по улучшению отношений с белорусской диаспорой, в первую очередь в странах Запада, повышающие как эффективность использования белорусов зарубежья в качестве инструмента внешней политики Республики Беларусь, так и степень лояльности диаспоры, выступающей в качестве объекта такой политики, по отношению к действующей белорусской власти, в долгосрочной перспективе могли бы быть следующими: внесение изменений в земельное законодательство с учетом интересов белорусских граждан и белорусов зарубежья, лишившихся земельных участков в период СССР; признание создания Белорусской Народной Республики как предосновы будущей белорусской государственности, реализовавшейся в форме БССР; признание бело-красно-белого флага государственной историко-культурной ценностью; упразднение общереспубликанского праздничного дня «День Октябрьской революции – 7 ноября» и провозглашение «дня белорусского национального единства» с соответствующим внесением изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 26.03.1998 № 157 «О государственных праздниках, праздничных днях и памятных датах в Республике Беларусь»; объявление года «белорусов зарубежья» («белорусов без границ», «консолидации белорусов мира», «белорусского единения»); увеличение объема финансовых средств, предусматриваемых республиканским и местными бюджетами на цели содействия укреплению организаций белорусов зарубежья, в рамках ежегодно принимаемых законов Республики Беларусь о республиканском бюджете; проработка вопроса о внесении в белорусское инвестиционное и налоговое законодательство изменений, повышающих степень привлекательности осуществления представителями белорусской диаспоры инвестиций на территории Республики Беларусь; организация и проведение встречи Президента Республики Беларусь с представителями крупнейших белорусских диаспор мира с инициативой поиска белорусского государственно-диаспорального консенсуса; разработка самостоятельной долгосрочной стратегии партнерских взаимоотношений Республики Беларусь с ее диаспорой не только в культурной, но и экономической и политической сферах; внесение изменений в Указ Президента Республики Беларусь от 07.02.2006 № 80 «О правилах приема лиц для получения высшего образо-

вания I ступени и среднего специального образования», устанавливающих преимущественное право представителей белорусов зарубежья среди иных иностранных граждан на зачисление в учреждения высшего образования I ступени при равной общей сумме баллов и равных дополнительных показателей, указанных в нынешней редакции правил приема.

Вместе с тем, оценивая потенциальные выгоды и угрозы от указанных мер, и ввиду второстепенности функции белорусской диаспоры в качестве инструмента внешней политики Республики Беларусь, осуществление большинства из указанных направлений действий белорусского государства представляется маловероятным на нынешнем этапе развития политической системы в Беларуси.

Поэтому в кратко- и среднесрочной перспективе более реалистичным представляется задействование Республикой Беларусь несколько иных практических механизмов использования белорусской диаспоры в качестве объекта и инструмента внешней политики, которые могут быть сведены к следующим направлениям действий белорусского государства, отдельные из которых в той или иной степени уже обозначены в государственной подпрограмме «Белорусы в мире» на 2016–2020 годы: продолжение проведения заседаний Консультативного совета при Министерстве иностранных дел Беларуси по делам белорусов зарубежья; уточнение подходов к приватизации, чтобы при выборе иностранных инвесторов, участвующих в разгосударствлении белорусской собственности, при прочих равных условиях, приоритет отдавался белорусам зарубежья; популяризация выходцев из Беларуси в Беларуси и за ее пределами; поиск известных личностей-выходцев из Беларуси (деятелей науки, культуры и искусств, политики), их наследников и организация совместных мероприятий, придающих новый импульс интереса к Беларуси и ее историко-культурному наследию за рубежом (издание мемуаров, иных произведений, открытие памятных знаков, реконструкция изобретений, вручение наград); поиск выходцев из Беларуси, представляющих влиятельные политические партии, общественные организации, деловые круги и сообщества, органы государственного управления, исполнительной, законодательной и судебной власти, и конструктивное сотрудничество с ними по продвижению национальных интересов белорусского государства за рубежом; смягчение визового режима для белорусов зарубежья; содействие представителям белорусской диаспоры в поиске документов генеалогического, биографического и иного тематического характера в государственных архивах Республики Беларусь; участие представителей государства в очередном съезде белорусов мира Объединения «Бацькаўшчына» в целях подтверждения заинтересованности конструктивного сотрудничества с белорусами зарубежья; участие представителей государства в Международных Конгрессах исследователей Беларуси; привлечение объединений белорусов в зарубежных странах, прежде всего в западных, к организации экспонирования ориги-

нальных изданий Франциска Скарыны, Казимира Семяновича, Луки Войно-Ясинецкого, других известных выходцев из Беларуси в целях содействия популяризации белорусского культурного исторического наследия, повышения степени узнаваемости и популяризации имиджа Беларуси в Западном мире; организация и открытие специального нового музея (выставки, экспозиции в рамках действующих музеев, интернет-портала), посвященного известным белорусам зарубежья; организация акции (интернет-портала) с условным наименованием «Сколько белорусов» или «Счетчик белорусов» в целях составления интерактивной карты расселения белорусов в мире; организация дополнительных внутриреспубликанских мероприятий, популяризирующих белорусскую национальную самобытность; налаживание во время зарубежных поездок главы государства, министра иностранных дел, парламентариев практики встреч с представителями местных белорусских общин; продолжение формирования у самих граждан Республики Беларусь уважения, гордости и любви к национальной белорусской истории и культуре; финансовая поддержка государством инициатив белорусской общественности по увековечиванию внутри страны и за рубежом памяти о выдающихся белорусских исторических личностях и событиях; включение МИД Беларуси в социальные сети, объединяющие представителей белорусской диаспоры; привлечение организаций белорусской диаспоры к участию в наполнении содержанием Международного спутникового телеканала Республики Беларусь «Беларусь 24».

Интерес для белорусского государства должна представлять так называемая диаспора профессионалов (яппи-диаспора) – людей в активном производительном возрасте (30–50 лет), которые находятся на пике своих профессиональных возможностей. Следует искать способы задействовать их потенциал, опыт, связи, экспертное мнение, возможно, финансовый капитал, которые в настоящее время недостаточно используется нашей страной.

Необходимость расширения связей с белорусской научной диаспорой осознается научным сообществом страны. По данным опроса ведущих ученых Беларуси по проблеме научной диаспоры, проведенного по заказу ГКНТ, большинство опрошенных экспертов – непосредственных участников международного сотрудничества – считает, что взаимодействие с зарубежными учеными-соотечественниками уже сегодня приносит и будет в дальнейшем приносить их научным коллективам и белорусской науке в целом значительную практическую пользу. Эксперты (67%) полагают, что ученые-соотечественники обладают достаточным научным потенциалом, 60% высоко оценивают опыт организации и результаты совместных научных проектов с учеными-соотечественниками, при этом 59% опрошенных согласны с тем, что потенциал ученых-соотечественников пока слабо используется для развития науки и высшего образования в Беларуси [3, с. 21].

В связи с этим представляется целесообразным: поддержание и дальнейшее развитие международных научно-исследовательских проектов,

в которых с зарубежной стороны участвуют представители белорусской диаспоры; содействие международной мобильности национальных исследователей в рамках совместных проектов; развитие системы грантов для научных организаций Беларуси в целях приглашения представителей белорусской диаспоры для чтения в Республике Беларусь лекций, участия в семинарах, конференциях, проведения исследований; организация в белорусских высших учебных учреждениях конкурсов научных исследований, проводимых под руководством ученых-представителей белорусской диаспоры; создание в Беларуси структур (научных, производственных, образовательных) с понятными для Запада принципами их построения и функционирования для привлечения в них ученых-выходцев из Беларуси с признанием образования, полученного на Западе, с возможным приравнением ученых степеней западного образца (PhD) к отечественным; экономическое стимулирование возвращения в Беларусь представителей белорусской науки, промышленности, медицины, IT-сферы путем предоставления равноценной оплаты труда, создания необходимых жилищно-бытовых условий.

В целом можно отметить, что, если Республика Беларусь стремится видеть в белорусской диаспоре созидающую роль в продвижении внешнеполитических интересов нашей страны, то важным направлением взаимоотношений белорусского государства с белорусами зарубежья должно стать наращивание конструктивного сотрудничества сторон в целях замедления темпов ассимиляции белорусов зарубежья, сохранения их национально-культурной идентичности, роста в сознании белорусов зарубежья убежденности в том, что историческая родина о них знает и видит в них неотъемлемую составляющую политики выражения и продвижения своих национальных интересов за рубежом.

1. Аб беларусах замежжа : Закон Респ. Беларусь, 16 июня 2014 г., № 162-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2014. – № 2/2160.
2. Аб зацвярджэнні Дзяржаўнай праграмы супрацоўніцтва з беларусамі замежжа «Беларусы ў свеце» на 2013–2015 гады : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 дек. 2013 г., № 1035 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2013. – № 5/38108.
3. Белорусская научная диаспора: шаг навстречу / Государственный комитет по науке и технологиям Республики Беларусь. – Минск : БелИСА, 2013. – 47 с.
4. Об утверждении Государственной программы «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 4 марта 2016 г., № 180 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2016. – № 5/41814.

РАЗВІЦЦЁ МІЖНАРОДНАГА СУПРАЦОЎНІЦТВА МОЛАДЗІ НА ЭТАПЕ СТАНАЎЛЕННЯ ДЗЯРЖАЎнай МАЛАДЗЁЖнай ПАЛІТЫКІ РЭСПУБЛІКІ БЕЛАРУСЬ

Т. У. Філазаповіч (Мінск)

Дзяржаўная маладзёжная палітыка Рэспублікі Беларусь паклала свой пачатак у 1991 годзе, як прынцыпіяльна новы накірунак дзейнасці органаў дзяржаўнай улады. Гэта сістэма сацыяльна-эканамічных, палітычных, арганізацыйных і прававых мераў, накіраваных на падтрымку маладых грамадзян Рэспублікі Беларусь ва ўзросце да 31 году, якія ажыццяўляюцца дзяржавай для сацыяльнага станаўлення, развіцця моладзі і найбольш поўнай рэалізацыі яе патэнцыялу ў інтарэсах усяго грамадства. Асноўным нарматыўным дакументам з'яўляецца Закон Рэспублікі Беларусь “Аб агульных пачатках дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі” ад 24.04.1992 году, са зменамі ў 1997 годзе.

Развіццё міжнароднага супрацоўніцтва моладзі з'яўляецца адным з прыярытэтных накірункаў дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі Рэспублікі Беларусь. Гэта таксама адзін з накірункаў знешнепалітычнай дзейнасці дзяржавы, так як развіццё і ўмацаванне кантактаў моладзі Рэспублікі Беларусь з равеснікамі з замежных краін, стварэнне ўвесь час дзеючага шматфункцыянальнага механізму міжнародных сувязей моладзі, далучэнне да існуючых міжнародных праграм, спрыяе наладжванню цесных двухбаковых сувязей нашай дзяржавы з замежнымі краінамі, і ў цэлым, умацаванню аўтарытэту Рэспублікі Беларусь на міжнароднай арэне.

Сумесныя пратаколы паміж Дэпартаментам па справах моладзі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і Цэнтрам маладзёжных абменаў Брытанскага Савету аб выкананні сумесных праграм у галіне маладзёжнай палітыкі падпісываліся кожныя два гады, пачынаючы з 1994 г. Асноўнымі прыярытэтамі супрацоўніцтва з'яўлялася арганізацыя моўных курсаў для спецыялістаў па справах моладзі, азнаямленне з працай дзяржаўных структур і маладзёжных грамадскіх арганізацый у абедзвух краінах, правядзенне адукацыйных семінараў па абмену вопытам у галіне працы з моладдзю і арганізацыі міжнароднага маладзёжнага супрацоўніцтва, садзейнічанне шэрагу абменаў паміж дзяржструктурамі па працы з моладдзю мясцовых выканаўчых органаў, маладзёжнымі арганізацыямі дзвюх краін. Дасягнута дамоўленасць з Пасольствам Велікабрытаніі аб вызваленні ад спагнання консульскага збору з удзельнікаў маладзёжных абменаў на ўмовах узаемнасці [4, л. 104].

У чэрвені 1994 г. было падпісана Пагадненне паміж Камітэтам па справах моладзі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь і Федэральным міністэрствам па справах жанчын і моладзі ФРГ аб супрацоўніцтве ў пра-

цы з моладдзю [4, л. 104]. На працягу 1995–1998 гг. быў падпісаны шэраг Пратаколаў і з Урадам Французскай рэспублікі.

Адным з накірункаў у межах супрацоўніцтва моладзі з’яўлялася збліжэнне моладзі Рэспублікі Беларусь і краін СНД: у першую чаргу бліжэйшых да нас суседзей – Расіі і Украіны. 30 чэрвеня 1995 г. паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Расійскай Федэрацыі, а 14 снежня 1995 г. паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Украінай былі заключаны Пагадненні аб супрацоўніцтве ў галіне маладзёжнай палітыкі. З мэтай рэалізацыі вышэйназваных Пагадненняў, дзяржаўнымі структурамі па справах моладзі, маладзёжнымі і дзіцячымі грамадскімі аб’яднаннямі быў здзейснены шэраг сумесных праектаў, накіраваных на пашырэнне і ўмацаванне сувязей з маладзёжнымі, студэнцкімі і дзіцячымі арганізацыямі дзвюх краін [4, л. 102].

У 1995 г. былі падпісаны дамоўленнасці аб супрацоўніцтве ў галіне маладзёжнай палітыкі паміж Урадам Рэспублікі Беларусь і Урадам Рэспублікі Малдова, а ў 1997 г. – Урадам Рэспублікі Казахстан [4, л. 103].

Дзяржаўным камітэтам па справах моладзі, Міністэрствам замежных спраў для выканання пастановы Савета Міністраў Рэспублікі Беларусь № 56 ад 5 лютага 1997 г. “Аб дадатковых мерах па рэалізацыі дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі ў Рэспубліцы Беларусь” была створана сумесная камісія па супрацоўніцтву ў галіне міжнародная маладзёжнай палітыкі (узначаліла Шабаліна А.А.). Асноўнымі мэтамі і задачамі камісіі з’яўлялася:

- садзеянне наладжванню далейшых сувязей Дзяржаўнага камітэта па справах моладзі Рэспублікі Беларусь з адпаведнымі дзяржаўнымі органамі іншых краін;
- распрацоўка і падрыхтоўка да падпісання міжурадавых і
- міжведамасных пагадненняў аб супрацоўніцтве ў галіне маладзёжнай палітыкі паміж Рэспублікай Беларусь і іншымі краінамі;
- садзеянне развіццю міжнародных кантактаў маладзёжных грамадскіх аб’яднанняў;
- інфармаванне структур па працы з моладдзю іншых краін пра маладзёжную палітыку, якая праводзілася ў рэспубліцы;
- выпрацоўка далейшых шляхоў і форм супрацоўніцтва з разнастайнымі міжнароднымі арганізацыямі ў галіне маладзёжнай палітыкі [1, л. 24].

Надалей міжнароднае супрацоўніцтва моладзі пачало ажыццяўляцца ў адпаведнасці з Праграмай міжнароднага маладзёжнага супрацоўніцтва і рабочым планам яе рэалізацыі, а таксама Указам Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь ад 2 сакавіка 1998 г. № 92 [2, л. 30].

Рэспубліка Беларусь надае важнае значэнне развіццю адносін з Кітайскай Народнай Рэспублікай. Кітай займае ключавую пазіцыю ва ўсходнем вектары знешняй палітыкі Беларусі. Традыцыйна ўсталяванае

творчае, сталае, доўгатэрміновае партнёрскае супрацоўніцтва з КНР назіраецца ў розных сферах і накірунках дзейнасці дзвюх краін на розных узроўнях. Важнае значэнне мела наладжванне супрацоўніцтва паміж маладзёжнымі арганізацыямі і структурамі. У 1999 г. у ходзе візіту Старшыні Дзяржаўнага камітэту па справах моладзі Рэспублікі Беларусь Пазняка А.Р. было падпісана Пагадненне аб двухбаковым супрацоўніцтве паміж Дзяржаўным камітэтам па справах моладзі Рэспублікі Беларусь і Усекітайскай арганізацыяй моладзі [4, л. 105].

У кастрычніку 1999 г. быў падпісаны Пратакол сустрэчы па двухбаковаму супрацоўніцтву паміж Дзяржаўным камітэтам па справах моладзі Рэспублікі Беларусь і Камітэтам па справах моладзі пры Урадзе Рэспублікі Таджыкістан, асноўнымі прыярытэтамі якога з’яўляліся абмен звесткамі пра рэалізацыю дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі ў Беларусі і Таджыкістане, садзеянне ў арганізацыі сумесных сустрэч, канферэнцый, семінараў і іншых мерапрыемстваў, якія б спрыялі інтэграцыі моладзі [4, л. 104].

Напрамак краін Прыбалтыкі пакідаў яшчэ шмат перспектывы для пашырэння сувязей. Пакуль традыцыйным заставалася толькі адно мерапрыемства: удзел у Міжнародным маладзёжным лагеры “Бе-Ла-Русь”, у якім прымала ўдзел моладзь Беларусі, Латвіі, Расіі.

У 1998–2003 гг. намецілася тэндэнцыя актывізацыі ўдзелу прадстаўнікоў дзяржаўных структур па працы з моладдзю і маладзёжных грамадскіх аб’яднанняў у шматбаковых маладзёжных праектах і праграмах. Так, Рэспубліка Беларусь была прадстаўлена на Канферэнцыях міністраў па справах моладзі еўрапейскіх краін, Еўрапейскім кіруючым камітэце па справах моладзі Савета Еўропы, Клубе міністраў па справах моладзі дзяржаў-удзельніц Садружнасці Незалежных дзяржаў [3, л. 55].

Штогод, з моманту падпісання вышэйадзначаных пагадненняў, прадстаўнікамі дзяржаўных структур, маладзёжных і дзіцячых грамадскіх арганізацый Беларусі, Расіі, Украіны, Малдовы, Казахстана і іншых краін праводзіўся цэлы шэраг праектаў у галіне рэалізацыі міжнароднага маладзёжнага супрацоўніцтва. Разам з тым, улічваючы структурныя змены ва Урадах краін-партнераў, ліквідацыю Дзяржаўнага камітэту па справах моладзі Рэспублікі Беларусь і ўскладаннем функцый правядзення дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі на Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь з утварэннем у яго структуры Дэпартамента па справах моладзі (2001 г.), а таксама абмежаванасць сродкаў на развіццё міжнароднай дзейнасці, падпісанне сумесных пратаколаў аб супрацоўніцтве ў галіне рэалізацыі маладзёжных праектаў і праграм паміж Дэпартаментам па справах моладзі Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь і дзяржаўнымі структурамі па справах моладзі ўказаных краін пэўны час (2000–2003 гг.) не ажыццяўлялася [4, л. 103].

Такім чынам, добра разумеючы адзінства вырашаемых задач па стварэнні умоў для рэалізацыі маладзёжнай палітыкі, ахове правоў і інтарэсаў моладзі, усведамляючы значэнне ўкладу моладзі ў развіццё ўзаемаразумення і супрацоўніцтва, а таксама прымыючы да ўвагі тое, што на сучасным этапе развіцця грамадства, роля моладзі ў вырашэнні грамадскіх праблем няўхільна ўзрастае, было прынята шэраг пагадненняў паміж Рэспублікай Беларусь і іншымі краінамі ў галіне маладзёжнай палітыкі. Гэта пагадненні з Дзяржаўным камітэтам па справах моладзі Расійскай Федэрацыі, Міністэрствам Украіны па справах моладзі і сям’і, Міністэрствам культуры і адукацыі Рэспублікі Польшча, Урадам Рэспублікі Казахстан, Урадам Кыргызскай Рэспублікі, Урадам Венгерскай Рэспублікі, Дзяржаўным дэпартаментам па справах моладзі Грузіі, Урадам Сірыйскай Арабскай Рэспублікі, КНР, з Італіяй. Міжнароднае маладзёжнае супрацоўніцтва з’яўлялася адным з важных накірункаў працы ў галіне рэалізацыі дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі Беларусі, якое ажыццяўлялася ў адпаведнасці з Рэспубліканскай праграмай “Моладзь Беларусі” і Законам Рэспублікі Беларусь “Аб агульных пачатках дзяржаўнай маладзёжнай палітыкі”, а таксама Праграмай міжнароднага маладзёжнага супрацоўніцтва.

1. Ведамасны архіў Міністэрства адукацыі РБ. – Ф. Дэпартамента па справах моладзі Міністэрства адукацыі РБ. Воп. 1. – Спр. 47.
2. Ведамасны архіў Міністэрства адукацыі РБ. – Ф. Дэпартамента па справах моладзі Міністэрства адукацыі РБ. Воп. 1. – Спр. 118.
3. Ведамасны архіў Міністэрства адукацыі РБ. – Ф. Дэпартамента па справах моладзі Міністэрства адукацыі РБ. Воп. 1. – Спр. 139.
4. Ведамасны архіў Міністэрства адукацыі РБ. – Ф. Дэпартамента па справах моладзі Міністэрства адукацыі РБ. Воп. 1. – Спр. 155.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Агеев Александр Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры Беларуси и восточных славян Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, г. Могилев, Беларусь.

Александрович Елена Александровна – научный сотрудник Центра всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Барановский Александр Викторович – аспирант отдела новейшей истории Беларуси Центра новой и новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Белашенко Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Бобина Олег Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, директор Гуманитарного института Национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова, г. Николаев, Украина.

Боголейша Светлана Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Величко Нина Веняминовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Востриков Сергей Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории государства и права Смоленского государственного университета, г. Смоленск, Россия.

Гавриловец Людмила Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина, г. Мозырь, Беларусь.

Гарелик Михаил Владимирович – учитель истории гимназии г. Дзержинска, г. Дзержинск, Минская область, Беларусь.

Герасимчик Виоллета Викторовна – магистрант Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь.

Горуна Татьяна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь.

Давидович Алевтина Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Довгялло Михаил Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Егорушина Наталья Сергеевна – студентка Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Ермакович Леонид Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики Барановичского государственного университета, г. Барановичи, Беларусь.

Жилинская Ирина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом историографии и методов исторического исследования Центра специальных исторических наук и антропологии Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Жиров Антон Анатольевич – аспирант Балтийского федерального университета имени И. Канта, г. Калининград, Россия.

Ивонина Ольга Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, Россия.

Казак Олег Геннадьевич – кандидат исторических наук, преподаватель Минского городского педагогического колледжа, г. Минск, Беларусь.

Киселева Светлана Алексеевна – старший преподаватель кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Ковяко Ирина Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь.

Корунова Евгения Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Космач Венямин Аркадьевич – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Косов Александр Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий аспирантурой; доцент кафедры всеобщей истории и мировой культуры Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Кравчук Ольга Юрьевна – преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин Национального университета кораблестроения имени адмирала Макарова, г. Николаев, Украина.

Красильщикова Татьяна Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Россия.

Кривичанина Екатерина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Кривошей Дмитрий Антонович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Кручковский Тадеуш Тадеушевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всеобщей и славянской истории Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь.

Кудрявцева Регина-Елизавета Антоновна – ассистент Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Курс Игорь Леонидович – аспирант исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Ларионов Денис Геннадьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории нового и новейшего времени Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Лосева Евгения Алексеевна – аспирант Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Мисуно Павел Иванович – заместитель директора ОАО «НИИ Стройэкономика», г. Минск, Беларусь.

Можейкин Андрей Дмитриевич – магистрант Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье.

Мясникова Наталья Владимировна – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и государственного управления Института государственного управления, права и социально-гуманитарных наук Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко, г. Тирасполь, Приднестровье.

Никитенкова Людмила Павловна – кандидат философских наук, доцент кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина, г. Брест, Беларусь.

Петухов Юрий Сергеевич – сотрудник Института национальной безопасности Республики Беларусь, г. Минск, Беларусь.

Пик Светлана Мирославовна – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и дипломатической службы Львовского национального университета имени Ивана Франко, г. Львов, Украина.

Пищулина Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волжского филиала Международного юридического института, г. Волжский, Россия.

Погорская Ирина Ивановна – доктор политических наук, старший научный сотрудник Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

Поповская Татьяна Александровна – научный сотрудник Центра всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Пушкин Игорь Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Могилевского государственного университета продовольствия, г. Могилев, Беларусь.

Родин Денис Валерьевич – младший научный сотрудник исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

Руссу Оксана Дмитриевна – кандидат философских наук, доцент кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Волжского филиала Международного юридического института, г. Волжский, Россия.

Сальников Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и мировой политики Воронежского государственного университета, г. Воронеж, Россия.

Самохин Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора АНО «Центр изучения международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе», г. Хабаровск, Россия.

Свентецкая Татьяна Валерьевна – студентка исторического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Семёнова Людмила Николаевна – доктор исторических наук, профессор кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Синдеев Алексей Александрович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник Института Европы Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Слемнёв Михаил Александрович – доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, г. Витебск, Беларусь.

Сунь Инцзе – аспирант факультета международных отношений Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь.

Суржик Дмитрий Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению войн и геополитики Института всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Россия.

Сурма Алексей Александрович – аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь.

Сюзева Юлия Сергеевна – студентка Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

Тищенко Алексей Владимирович – аспирант кафедры всеобщей истории и методики преподавания истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, г. Минск, Беларусь.

Трубчик Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела военной истории Беларуси Центра новой и новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Тугай Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром всеобщей истории и международных отношений Института истории Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Филазапович Татьяна Владимировна – научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Центра новой и новейшей истории Беларуси Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь.

Хришкевич Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Псковского государственного университета, г. Псков, Россия.

Циватый Вячеслав Григорьевич – кандидат исторических наук, доцент, заслуженный работник образования Украины, доцент кафедры новой и новейшей истории зарубежных стран Киевского национального университета имени Тараса Шевченко, г. Киев, Украина.

Шенин Сергей Юрьевич – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия.

Щавлинский Николай Борисович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «История белорусской государственности» Белорусского национального технического университета, г. Минск, Беларусь.

Юрчак Денис Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, главный специалист управления культуры Витебского областного исполнительного комитета, г. Витебск, Беларусь.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
И ДИПЛОМАТИИ (1918 г. – НАЧАЛО XXI в.)**

Материалы IV Международной научно-практической конференции

Витебск, 23–24 мая 2019 г.

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Л.Р. Жигунова

Подписано в печать 04.05.2019. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,39. Уч.-изд. л. 19,23. Тираж 50 экз. Заказ .

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П. М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.